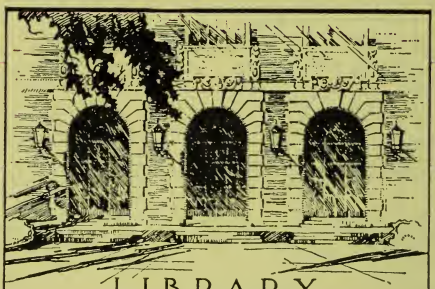
ОДИССЕЯ

ГОМЕРА.



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

881
H8o.Rzh
v.1-2

The person charging this material is responsible for its return on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

APR 24 1992

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/osiddeiagomera12home

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ИЗДАНІЕ

Д. Ѳ. САМАРИНА.

I.

ЦѢНА КАЖДОЙ ЧАСТИ ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ ОДИНЪ РУБЛЬ.

ОДИССЕЯ ГОМЕРА

ПЕРЕВОДЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СЪ 27 РИСУНКАМИ ФЛАКСМАНА ГРАВИРОВАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ
Ю. Э. КОНДЕНОМЪ.

15 Rbl

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
1871.

Картинки дозволены цензурою. Москва 31 октября 1870 года.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САДОВОЙ, РЯДОМЪ СЪ ЯУЗСКОЙ Ч., І. МЕДЫНЦЕВОЙ

881
H80.Rzh
v.1-2

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Первый день.

Собраніе боговъ. Они опредѣляютъ, что Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ наконецъ возвратиться въ свое отечество Итаку. Аѳина подъ видомъ Ментеса является Телемаку и даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліо́нъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города́ посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ; тщетны
Были однако заботы, не спасъ онъ сопутниковъ: сами
Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Съѣвши быковъ Гелiо́са, надъ нами ходящаго бога—
День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
Что́ нибудь намъ, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Всѣ ужъ другiе, погибели вѣрной избѣгшiе, были
Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь, разлукой

Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
Но когда наконецъ обращеньемъ временъ приведенъ былъ
Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги
Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей онъ
Всё не избѣгъ отъ тревогъ), преисполнились жалостью боги
Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.
Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ Еѳіоповъ,
(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдѣ нисходитъ
Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ всходитъ), чтобъ тамъ отъ народа
Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу.
Тамъ онъ, сидя́ на пиру, веселился; другіе же боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.
Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаетъ бесѣду;

Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безпорочный (его же Атридовъ
Сынъ, знаменитый Орестъ, умертвилъ); и о немъ помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:
Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ утверждаютъ они; но не сами ли часто
Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навлекаютъ безумствомъ?
Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки онъ супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?
Гибель онъ вѣрную вѣдалъ: отъ насъ былъ къ нему остроокій
Эрмій, губитель Аргуса, ниспосланъ, чтобъ онъ на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.
„Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Въ домъ свой вступить, возмужавъ, какъ наслѣдникъ, захочетъ“ такъ было
Сказано Эрміемъ—тщетно! не тронулъ Эгистова сердца
Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада

Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка,
Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ
Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно онъ
Страждетъ, въ разлукѣ съ своими, на островѣ во́лнообъятомъ,
Пупѣ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
Дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
Всѣ глубины и который одинъ подпираетъ громаду
Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, ліющаго слезы,
Держитъ, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ Итакѣ
Память надѣяся въ немъ истребить. Но, напрасно желая
Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
Смерти единой онъ молитъ. Уже ль не войдетъ состраданье
Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно дарами
Чтилъ онъ въ Троянской землѣ, посреди кораблей тамъ Ахейскихъ

Жертвы тебѣ совершая? За что жъ ты разгнѣванъ, Кроніонъ?
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,
Столь отличеннаго въ сонмѣ людей и умомъ и усерднымъ
Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ?
Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упорно враждуетъ,
Всё негодуя за то, что Циклопъ, Полифемъ богоравный,
Сынъ его, былъ ослѣпленъ имъ. Хотя Посидонъ Одиссея
Смерти предать и не властенъ, но, по́ морю всюду гоняя,
Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ же вмѣстѣ,
Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ отказаться
Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всѣми безсмертными въ спорѣ,
Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха онъ злобствовать будетъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада
Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!

Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть отчизну
Могъ Одиссей хитроумный, то Эрмій Аргу́соубійца,
Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на островъ Огигскій
Къ нимфѣ прекраснокудрявой ниспосланъ отъ насъ возвѣстить ей
Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться
Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоянному. Я же
Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ сынѣ
Гнѣвъ и отважностью сердце его преисполнить, чтобъ со́звалъ
Онъ на совѣтъ густовласыхъ Ахеянъ и въ домъ Одиссеевъ
Входъ запретилъ женихамъ, у него безпощадно губящимъ
Мелкій скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ.
Спарту и Пилосъ песчаный потомъ посѣтитъ онъ, чтобъ свѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава.
Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя подошвы,
Амврозіальныя, всюду ее надъ водой и надъ твердымъ

Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня.

Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ;
Послѣ взяла боевое копье, заощренное мѣдью,
Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвѣ сражаетъ
Силы героевъ она, громоноснаго бога рожденье.
Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня.
Тамъ на дворѣ, у порога дверей Одиссеева дома
Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, облеченная въ образъ
Гостя, Тафійцевъ властителя, Ментеса; собранныхъ вмѣстѣ
Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узрѣла;
Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ на кожахъ
Ими убитыхъ быковъ; а глашатаи, столъ учреждая,
Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
Воду съ виномъ въ пировыя кратеры; а тѣ, ноздреватой
Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго мяса
Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аѳину
Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидѣлъ. Прискорбенъ

Сердцемъ, въ кругу жениховъ онъ сидѣлъ, объ одномъ помышляя:
Гдѣ благородный отецъ и какъ, возвратяся въ отчизну,
Хищниковъ онъ по всему своему разгоняетъ жилищу,
Власть воспріиметъ и будетъ опять у себя господиномъ.
Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидя, онъ увидѣлъ Аѳину;
Тотчасъ онъ всталъ и ко входу поспѣшно пошелъ, негодуя
Въ сердцѣ, что странникъ былъ ждать принужденъ за порогомъ; приближась,
Взялъ онъ за правую руку пришельца, копье его принялъ,
Голосъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
Радуйся, странникъ; войди къ намъ; радушно тебя угостимъ мы;
Нужду жъ свою намъ объявишь, насытившись нашею пищей.
Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за нимъ Аѳинея Паллада.
Съ нею вступя въ пировую палату, къ колоннѣ высокой
Прямо съ копьемъ подошелъ онъ, и спряталъ его тамъ въ поставѣ
Гладкообтесанномъ, гдѣ запираемы въ прежнее время
Копья Царя Одиссея, въ бѣдахъ постояннаго, были.

Къ кресламъ богатымъ, искусной работы, подведши Аѳину,
Сѣсть въ нихъ ее пригласилъ онъ, покрывъ напередъ ихъ узорной
Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; потомъ онъ поставилъ
Стулъ рѣзной для себя въ отдаленьи отъ прочихъ, чтобъ гостю
Шумъ веселящейся буйно толпы не испортилъ обѣда,
Также, чтобъ втайнѣ его распросить объ отцѣ отдаленномъ.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высóко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,
Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ;
Началъ глашатай смотрѣть, чтобъ виномъ наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сѣли
Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатаи подали воду

Руки умыть имъ; невольницы хлѣбъ принесли имъ въ корзинахъ;
Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомой пищей, вошло имъ
Въ сердце иное — желаніе сладкаго пѣнья и пляски:
Пиру онѣ украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемію подалъ, пѣвцу, передъ ними во всякое время
Пѣть принужденному; въ струны ударивъ, прекрасно запѣлъ онъ.
Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свѣтлоокой Аѳинѣ,
Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не слыхали другіе:
Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здѣсь веселятся; у нихъ на умѣ лишь музыка да пѣнье;
Это легко: пожираютъ чужое безъ платы, богатство
Мужа, котораго бѣлыя кости, быть можетъ, иль дождикъ
Гдѣ нибудь мочитъ на брегѣ, иль волны по взморью катаютъ.
Если бъ онъ вдругъ передъ ними явился въ Итакѣ, то всѣ бы,

Вмѣсто того, чтобъ копить и одежды и золото, стали
Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ ноги быстрѣе.
Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной судьбой, и отрады
Нѣтъ намъ, хотя и приходятъ порой отъ людей земнородныхъ
Вѣсти, что онъ возвратится — ему ужъ возврата не будетъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
Прибылъ въ Итаку и кто у тебя корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку, иль здѣсь ужъ бывалый
Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни иноземцевъ сбиралося много
Въ нашемъ домѣ: съ людьми обхожденье любилъ мой родитель.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Все откровенно тебѣ разскажу; я царя Анхіала

Мудраго сынъ, именуюся Ментесомъ, правлю народомъ
Веселолюбивыхъ Тафійцевъ; и нынѣ корабль мой въ Итаку
Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ, путешествуя темнымъ
Моремъ къ народамъ инаго языка; хочу я въ Темезѣ
Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ
На полѣ, въ пристани Ретрѣ, далеко отъ города. Наши
Предки издавна гостями другъ другу считаются: это,
Можетъ быть, слышишь нерѣдко и самъ ты, когда посѣщаешь
Дѣда героя Лаэрта..... а онъ, говорятъ, ужъ не ходитъ
Болѣе въ городъ, но въ полѣ далеко живетъ, удрученный
Горемъ, съ старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрѣпляетъ, когда устаетъ онъ, влачася
По полю взадъ и впередъ посреди своего винограда.
Я же у васъ отъ того, что сказали мнѣ, будто отецъ твой
Дома..... но видно, что боги его на пути задержали:

Ибо не умеръ еще на землѣ Одиссей благородный;
Гдѣ нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятомъ
Островѣ запертъ живой онъ, ль, можетъ быть, страждетъ въ неволѣ
Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ овладѣвшихъ. Но слушай
То, что тебѣ предскажу я, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться, какъ самъ я
Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать неискусенъ.
Будетъ недолго онъ съ милой отчизной въ разлукѣ, хотя бы
Связанъ желѣзными узами былъ; но домой возвратиться
Вѣрное средство отыщетъ: на вымыслы онъ хитроуменъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева сына? Ты чудно
Съ нимъ головой и глазами прекрасными сходенъ; еще я
Помню его; въ старину мы другъ съ другомъ видалися часто;
Было то прежде отплытія въ Трою, куда изъ Ахеянъ
Лучшіе съ нимъ въ крутобокихъ своихъ корабляхъ устремились.

Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ нимъ нигдѣ не встрѣчались.
Добрый мой гость отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я не знаю:
Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно.
Лучше бъ однако желалъ я, чтобъ мнѣ не такой злополучный
Мужъ былъ отцемъ: во владѣньяхъ своихъ онъ до старости бъ поздней
Дожилъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь, то онъ, изъ живущихъ
Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ, какъ думаютъ люди.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не безъ славы въ грядущемъ
Домъ твой, когда Пенелопѣ такого, какъ ты, даровали
Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое собранье? Даешь ли
Праздникъ, иль свадьбу пируешь? Не складочный пиръ здѣсь конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно въ вашемъ

Домѣ безчинствуютъ: всякой порядочный въ обществѣ съ ними
Быть устыдится, позорное ихъ поведеніе видя.
Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Если ты вѣдать желаешь, то все разскажу откровенно.
Нѣкогда полонъ богатства былъ домъ нашъ; онъ былъ уважаемъ
Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно тотъ мужъ находился.
Нынѣ жъ иначе рѣшили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для цѣлаго свѣта;
Менѣе сталъ бы о немъ я крушиться, когда бы онъ умеръ:
Если бъ въ Троянской землѣ межъ товарищей бранныхъ погибъ онъ,
Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ Ахейскимъ народомъ,
Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ.....
Нынѣ же Гарпіи взяли его, и безвѣстно пропалъ онъ,
Свѣтомъ забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну въ наслѣдство оставивъ. Но я не объ немъ лишь единомъ

Плачу; другое великое горе мнѣ боги послали:
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчала богиня Аѳина:
Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой отецъ отдаленный
Нуженъ, чтобъ сильной рукой съ женихами безстыдными сладить.
О когда бъ онъ въ тѣ двери вступилъ, возвратяся внезапно,
Въ шлемѣ, щитомъ покровенный, въ рукѣ два копья мѣдноострыхъ!...
Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время, когда онъ
Въ домѣ у насъ веселился виномъ, посѣтивши въ Эфирѣ
Ила Мерме́рова сына (и той стороны отдаленной

Царь Одиссей достигалъ на своемъ кораблѣ быстроходномъ;
Яда, смертельнаго людямъ, искалъ онъ, дабы напоить имъ
Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью; но Илъ отказался
Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить опасаясь;
Мой же отецъ имъ его надѣлилъ по великой съ нимъ дружбѣ).
Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
Но — того мы, конечно, не вѣдаемъ — въ лонѣ безсмертныхъ
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить ихъ
Въ этомъ жилищѣ иль нѣтъ. Мы размыслимъ теперь совокупно,
Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра, созвавъ на совѣтъ благородныхъ Ахеянъ, предъ ними
Все объяви ты, въ свидѣтели правды призвавши безсмертныхъ;
Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ разошлися;
Матери жъ, если супружество сердцу ея не противно,

Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ возвратилась,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану, ея надѣлитъ онъ.
Также усердно совѣтую, если совѣтъ мой ты примешь:
Прочный корабль съ двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Самъ за своимъ отдаленнымъ отцемъ, чтобъ провѣдать, какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
Пилосъ сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Нéсторъ
Скажетъ; потомъ Менелáя найди златовласаго въ Спартѣ:
Прибылъ домой онъ послѣднiй изъ всѣхъ мѣднолатныхъ Ахеянъ.
Если услышишь, что живъ твой родитель, что онъ возвратится,
Жди его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцевъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыпь и обычную пышно

Тризну по немъ соверши; Пенелопу ѣ склони на замужство.
Послѣ, когда надлежащимъ порядком все дѣло устроишь,
Твердо рѣшившись, умомъ осмотрительнымъ выдумай средство,
Какъ бы тебѣ жениховъ, захвативших насильственно домъ вашъ,
Въ немъ погубить иль обманомъ иль явною силой; тебѣ же
Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орстъ передъ цѣлымъ
Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель?
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
Время однако ужъ мнѣ возвратиться на быстрый корабль мой
Къ спутникамъ, ждущимъ конечно меня с нетерпѣньемъ и скукой.
Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что сказалъ я.
Милый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, какъ съ сыномъ

Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься въ путь; здѣсь прохладной
Баней и лены и душу свою освѣживъ, возвратишься
Ты на корабль, къ удовольствію сердца богатый подарокъ
Взявъ отъ меня, чтобъ его мнѣ на память беречь, какъ обычай
Есть между людьми, чтобъ, прощаяся, гости другъ друга дарили.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Нѣтъ! не держи ты меня, торопливъ я безмѣрно въ дорогу;
Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ радушно тобою,
Къ вамъ возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
Въ дарь получивъ дорогое и самъ дорогимъ отдаривши.
Съ тѣми словами Зевесова дочь свѣтлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдругъ улетѣвъ. Поселила
Твердость и смѣлость она въ Телемаковомъ сердцѣ, живѣе
Вспомнить заставивъ его объ отцѣ; но проникъ онъ душею
Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ, что бесѣдовалъ съ богомъ.

Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, подошелъ; передъ ними
Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вниманьемъ сидѣли
Молча они; о печальномъ Ахеянъ изъ Трои возвратѣ,
Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѳиною, пѣлъ онъ.
Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье услышавъ,
Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла Пенелопа,
Старца Ика̀рія дочь многоумная: вмѣстѣ сошли съ ней
Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки; Царица
Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохновенному слово:
Фемій, ты знаешь такъ много другихъ, восхищающихъ душу
Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ и героевъ;
Спой же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ молчаньи

Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви начатую
Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ, когда я
Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшемъ,
Столь преисполнившемъ славой своей и Элладу и Аргосъ.
Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.
Нѣтъ, не препятствуй пѣвцу о печальномъ возвратѣ Данаевъ
Пѣть — съ похвалою великою люди той пѣсни внимаютъ,
Всякой разъ ею, какъ новою, душу свою восхищая;
Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Былъ не одинъ отъ боговъ осужденъ потерять день возврата
Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло немало.

Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были своей: говорить же не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.
Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли,
Споря о томъ, кто изъ ихъ предпочтенъ Пенелопою будетъ.
Къ нимъ обратяся, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумный
Споръ; намъ приличнѣй вниманье склонить къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.

Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю собраться на площадь.
Тамъ всенародно въ лице вамъ скажу, чтобъ очистили всѣ вы
Домъ мой; иные пиры учреждайте; свое, а не наше
Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.
Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы— сожрите
Все; но на васъ я боговъ призову; и Зевесъ не замедлитъ
Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
Такъ же безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.
Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Но Антиноѝй, сынъ Эвпе́йтовъ, ему отвѣчалъ, возражая:
Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, научили
Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бѣда намъ, когда ты
Въ во́лнообъятой Итакѣ, по волѣ Кроніона, будешь
Нашимъ царемъ, ужъ имѣя на то по рожденью и право!

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Другъ Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если бъ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я охотно бы принялъ.
Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ хуже на свѣтѣ?
Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; богатство въ царевомъ
Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа.
Но межъ Ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и юныхъ; межъ ними
Вы изберите, когда ужъ не стало Царя Одиссея.
Въ домѣ жъ своемъ я одинъ повелитель; здѣсь мнѣ подобаетъ
Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ.
Тутъ Эврималъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Телемаку:
О Телемакъ, мы не знаемъ — то въ лонѣ безсмертныхъ сокрыто —
Кто надъ Ахейцами во́лнообъятой Итаки назначенъ
Царствовать; въ домѣ жъ своемъ ты конечно одинъ повелитель;
Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ Итака,

Здѣсь никого, кто бъ дерзнулъ на твое посягнуть достоянье.
Но я желалъ бы узнать, мой любезный, о нынѣшнемъ гостѣ.
Какъ его имя? Какую своимъ онъ отечествомъ славитъ
Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ онъ родился?
Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ возвратѣ отца приходилъ онъ?
Иль посѣтилъ насъ, по собственной нуждѣ заѣхавъ въ Итаку?
Вдругъ онъ отсюда пропалъ, не дождавшись, чтобъ съ нимъ хоть немного
Мы ознакомились; былъ человѣкъ не простой онъ конечно.
Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
День свиданья съ отцемъ навсегда мной утраченъ; не буду
Болѣе вѣрить ни слухамъ о скоромъ его возвращеньи,
Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ, къ которымъ, сзывая
Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ. А нынѣшній гость нашъ
Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ Та́фоса, Ме́нтесъ,
Сынъ Анхіала, царя многоумнаго, правитъ народомъ
Веслолюбивыхъ Тафійцевъ. Но такъ говоря, убѣжденъ былъ

Въ сердцѣ своемъ Телемакъ, что богиню безсмертную видѣлъ.
Тѣ же, опять обратившися къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
Всѣ разошлись по домамъ, чтобъ предаться безпечно покою.
Скоро и самъ Телемакъ въ свой высокій чертогъ (на прекрасный
Дворъ обращенъ былъ лицемъ онъ съ обширнымъ предъ окнами видомъ),
Всѣхъ проводивши, пошелъ, про себя размышляя о многомъ.
Факелъ зажженный неся, передъ нимъ съ осторожнымъ усердьемъ
Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса,
Вѣрная ключница, чтимая всѣми въ обители царской.
Факелъ неся, Эвриклея вела Телемака — за нимъ же
Съ дѣтства ходила она и ему угождала усерднѣй
Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она отворила
Двери; онъ сѣлъ на постелю и, тонкую снявши сорочку,
Въ руки старушки заботливой бросилъ ее; осторожно

Въ складки сложивъ и угладивъ, на гвоздь Эвриклея сорочку
Подлѣ кровати, искусно точеной, повѣсила; тихо
Вышла изъ спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крѣпко задвижку ремнёмъ затянула; потомъ удалилась.
Онъ же всю ночь на постелѣ, покрытый овчиною мягкой,
Въ сердцѣ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Аѳиной.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Второй день — до разсвѣта третьяго дня.

Рано по утру Телемакъ повелѣваетъ глашатаямъ созвать гражданъ Итаки на площадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули домъ его. Антиной дерзко ему отвѣтствуетъ. Предвѣщательное явленіе орловъ; его толкуетъ Галифердъ, которому грубо возражаетъ Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилосъ. Менторъ упрекаетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одиссееву; противъ него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ народное собраніе. Аѳина подъ видомъ Ментора ободряетъ молящагося ей Телемака обѣщаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ. Ключница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу. Аѳина, получивъ отъ Ноэмона корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, усыпивъ жениховъ, пировавшихъ въ домѣ Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на̀ берегъ моря, куда приносятъ и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣстѣ съ мнимымъ Менторомъ, не простясь съ Пенелопою, пускается въ море.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицемъ лучезарному богу подобный.
Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ созвавъ, повелѣлъ онъ
Кликнуть имъ кличъ, чтобъ на площадь собрать густовласыхъ Ахеянъ;
Кликнули тѣ; собралися на площадь другіе; когда же
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ сонмомъ народнымъ явился —
Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ прибѣжали собаки.
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина.

Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя.
Старцы предъ нимъ раздалися и сѣлъ онъ на мѣстѣ отцевомъ.
Первое слово тогда произнесъ благородный Эгипцій,
Старецъ, согбенный годами, и въ жизни извѣдавшій много;
Сынъ же его Антифонтъ копьевержецъ съ Царемъ Одиссеемъ
Въ конеобильную Трою давно въ кораблѣ крутобокомъ
Поплылъ; онъ былъ умерщвленъ Полифемомъ свирѣпымъ въ глубокомъ
Гротѣ, послѣдній, похищенный имъ для вечернія пищи.
Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ, съ женихами
Буйствовалъ; два помогали отцу обработывать поле;
Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; объ немъ онъ все плакалъ,
Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ тѣхъ поръ, какъ отсюда
Царь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ корабляхъ удалился.
Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ незапная нужда?

Юноша ль онъ разцвѣтающій? Мужъ ли годами созрѣлый?
Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?
Хочетъ ли насъ остерéчь, напередъ все подробно развѣдавъ?
Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣренъ?
Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! да поможетъ
Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться успѣшно.
Кончилъ. Словами его былъ обрадованъ сынъ Одиссеевъ;
Встать и къ собранію рѣчь обратить онъ немедля рѣшился;
Выступилъ онъ предъ людей, и ему, къ нимъ идущему, въ руку
Скипетръ вложилъ Певсенéоръ, глашатай, разумный совѣтникъ.
Къ старцу сперва обратяся, ему онъ сказалъ: благородный
Старецъ, онъ близко (и скоро его ты узнаешь), кѣмъ здѣсь вы
Собраны — это я самъ, и печаль мнѣ великая нынѣ.
Я не слыхалъ о идущей на насъ непріятельской силѣ;
Васъ остеречь не хочу, напередъ все подробно развѣдавъ,
Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать не намѣренъ.

Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей бѣдѣ говорю я.
Двѣ мнѣ напасти; одна: мной утраченъ отецъ благородный,
Бывшій надъ вами царемъ и всегда, какъ дѣтей, васъ любившій;
Болѣе жъ злая другая напасть, отъ которой весь домъ нашъ
Скоро погибнетъ и все, что въ немъ есть, до конца истребится,
Та, что преслѣдуютъ мать женихи неотступные, нашихъ
Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся здѣсь, сыновья; имъ противно
Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ ихъ предложенье
Выслушалъ старецъ, и дочь, надѣленную щедро приданымъ,
Отдалъ по собственной волѣ тому, кто пріятнѣе сердцу.
Нѣтъ; имъ удобнѣй, вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою,
Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.
Сами же мы безпомощны теперь, равномѣрно и послѣ

Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой защиты.
Если бы сила была, то и самъ я нашелъ бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одиссеевъ
Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожитъ васъ совѣсть? По крайней
Мѣрѣ чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружныхъ,
Намъ сопредѣльныхъ, боговъ устрашитеся мщенья, чтобъ гнѣвомъ
Васъ не постигли самихъ, негодуя на вашу неправду.
Я жъ къ Олимпійскому Зевсу взываю, взываю къ Ѳемидѣ,
Строгой богинѣ, совѣты мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горемъ оставьте. Иль, можетъ быть, мой благородный родитель
Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умышленно мѣднообутыхъ Ахеянъ;
Можетъ быть то оскорбленье на мнѣ вы умышленно мстите,
Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ? Но желали бы лучше
Мы, чтобъ и скотъ нашъ живой и лежачій запасъ нашъ вы сами
Силою взяли; тогда бы для насъ сохранилась надежда:

Мы бы дотолѣ по улицамъ стали скитаться, моля васъ
Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано было;
Нынѣ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете горемъ.
Такъ онъ во гнѣвѣ сказалъ и повергнулъ на землю свой скипетръ;
Слезы изъ глазъ устремились: народъ состраданье проникло;
Всѣ неподвижно-безмолвны сидѣли; никто не рѣшился
Дерзностнымъ словомъ отвѣтствовать сыну Царя Одиссея.
Но Антиной поднялся́ и воскликнулъ, ему возражая:
Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Насъ оскорбивъ, ты на насъ и вину возложить замышляешь?
Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ Ахейскимъ народомъ
Долженъ теперь, а свою хитроумную мать Пенелопу.
Три совершилося года, уже́ наступилъ и четвертый
Съ тѣхъ поръ, какъ, нами играя, она подаетъ намъ надежду
Всѣмъ, и каждому по́рознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердцѣ для насъ замышляя.

Знайте, какую она вѣроломно придумала хитрость:
Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
Тонко-широкую ткань и, собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи — поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея — отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли Ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ намъ сказала и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,
Факелъ зажегши, сама все натканное днемъ распускала.
Три́ года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла;
Но когда обращеньемъ временъ приведенъ былъ четвертый —
Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;

Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
Такъ и была приневолена нéхотя трудъ свой окончить.
Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ могъ ты все вѣдать
Самъ, и чтобъ вѣдали все равномѣрно съ тобой и Ахейцы:
Мать отошли, повелѣвъ ей немедля, на бракъ согласившись,
Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей угоденъ.
Если же долѣе будетъ играть сыновьями Ахеянъ.....
Разумомъ щедро ее одарила Аѳина; не только
Въ разныхъ она рукодѣльяхъ искусна, но также и много
Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древніе дни и Ахейскимъ
Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ; что ни Алкменѣ
Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной царевнѣ Микенѣ
Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пенелопы
Намъ ко вреду изобрѣлъ; но ея изобрѣтенья тщетны;
Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до тѣхъ поръ, покуда
Будетъ упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей богами

Пенелопа.

Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью.

Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
Мѣсто, пока Пенелопа межъ нами не выберетъ мужа.
О Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ велѣть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой далеко;
Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно съ Икаріемъ будетъ
Мнѣ расплатиться, когда Понелопу отсюда насильно
Вышлю — тогда я подвергнусь и гнѣву отца и гоненью
Демона: страшныхъ Эринній, свой домъ покидая, накличетъ
Мать на меня и стыдомъ предъ людьми я покроюся вѣчнымъ.
Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго слова.
Вы же, когда хоть немного тревожитъ васъ совѣсть, покиньте
Домъ мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.

Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы— сожрите
Все; но на васъ я боговъ призову, и Зевесъ не замедлитъ
Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
Также безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.
Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ громовержецъ
Свыше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ отъ горы каменистой;
Оба сначала, какъ будто несомые вѣтромъ, летѣли
Рядомъ они, широко̀ распустивши огромныя крылья;
Но, налетѣвъ на средину собранія, полнаго шумомъ,
Начали быстро кружить съ непрестанными взмахами крыльевъ;
Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бѣдою;
Сами потомъ разцарапавъ другъ другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ собраньемъ и градомъ.
Всѣ, изумленные, птицъ провожали глазами, и каждый
Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвѣщало въ грядущемъ.

Выступилъ тутъ предъ народъ Галиѳе́рдъ, многоопытный старецъ,
Сынъ Масто́ровъ; изъ сверстниковъ всѣхъ онъ одинъ по полету
Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчилъ грядущее; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ согра̀жданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ люди Итаки.
Прежде однако, дабы жениховъ образумить, скажу я
Имъ, что бѣда неизбѣжная мчится на нихъ, что недолго
Будетъ въ разлукѣ съ семействомъ своимъ Одиссей, что уже онъ
Гдѣ нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя
Всѣмъ имъ, что также и многимъ другимъ изъ живущихъ въ Итакѣ
Горновозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ же, какъ бы
Во́ время намъ обуздать ихъ; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то нынѣ всего бы полезнѣй
Было для нихъ: не безопытно такъ говорю, но навѣрно
Зная, что будетъ; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ пошли кораблями Ахейцы

Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. По многихъ
Бѣдствіяхъ (такъ говорилъ я) и спутниковъ всѣхъ потерявши,
Всѣмъ незнакомый, въ исходѣ двадцатаго года въ отчизну
Онъ возвратится. Мое предсказанье свершается нынѣ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ: лучше,
Старый разсказчикъ, домой возвратись, и своимъ малолѣтнымъ
Дѣтямъ пророчествуй тамъ, чтобъ бѣды имъ какой не случилось.
Въ нашемъ же дѣлѣ вѣрнѣе тебя я пророкъ; мы довольно
Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣтлыхъ лучахъ Геліоса
Птицъ, но не всѣ роковыя. А Царь Одиссей въ отдаленномъ
Краѣ погибъ. И тебѣ бы погибнуть съ нимъ вмѣстѣ! Тогда бы
Здѣсь ты не сталъ предсказаній такихъ вымышлять, возбуждая
Гнѣвъ въ Телемакѣ, уже раздраженномъ, и вѣрно надѣясь
Что нибудь въ даръ отъ него получить для себя и домашнихъ.
Слушай однако — и то, что услышишь, исполнится вѣрно —
Если ты этого юношу съ старымъ своимъ многознаньемъ

Будешь пустыми словами на гнѣвъ возбуждать, то конечно
Это въ сугубое горе ему самому обратится;
Противъ насъ всѣхъ онъ одинъ ничего совершить не успѣетъ.
Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу: мы горько заставимъ тебя сокрушаться.
Нынѣ я болѣ полезный совѣтъ предложу Телемаку:
Матери пусть повелитъ онъ къ Икарію въ домъ возвратиться,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлитъ онъ.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ Ахеянъ,
Мучить ее не престанемъ своимъ сватовствомъ. Никого здѣсь
Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣчей Телемака,
Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ посѣдѣлый,
Всѣмъ докучаешь — ты намъ отъ того ненавистнѣй; а домъ ихъ
Весь разоримъ мы на наши пиры, и отъ насъ воздаянья
Имъ не имѣть ни какого, пока на желаемый нами

Бракъ не рѣшится она; ожидая вседневно, кто будетъ
Ею изъ насъ наконецъ предпочтенъ, мы къ другимъ обратиться
Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ слѣдуетъ, женъ между ними.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
О Эвримахъ, и вы всѣ, женихи знаменитые, болѣ
Васъ убѣждать не хочу и впередъ не скажу вамъ ни слова;
Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ Ахейцамъ извѣстно.
Вы же мнѣ прочный корабль съ двадцатью пріобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пи́лосъ песчаный сперва посѣтить, чтобъ провѣдать,
Есть ли тамъ слухи какіе о миломъ отцѣ и какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
Если узнаю, что живъ онъ, что онъ возвратится, то буду
Ждать его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,

То, незамедленно въ милую землю отцевъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыплю и должную пышно
Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ склоню на замужство.
Кончивъ, онъ сѣлъ и умолкнулъ. Тогда поднялся неизмѣнный
Спутникъ и другъ Одиссея, Царя безпорочнаго, Менторъ.
Ввѣрилъ ему Одиссей при отплытіи домъ, быть покорнымъ
Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши. И полный
Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ впередъ ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло,
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ нашимъ
Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный.
Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ необузданно-дерзкихъ
Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь, замышляютъ худое.

Сами своею играютъ они головой, разоряя
Домъ Одиссея, котораго, мыслятъ, ужъ мы не увидимъ.
Васъ же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здѣсь собравшись,
Вы равнодушно сидите и сло́ва не скажете противъ
Малой толпы жениховъ, хоть самихъ васъ число и большое.
Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, воскликнулъ:
Что ты сказалъ, безразсудный, зломышленный Менторъ? Смирить насъ
Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ съ нами, которыхъ
Также не мало, на пиршествѣ трудно. Хотя бы внезапно
Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Насъ жениховъ благородныхъ, въ его веселящихся домѣ,
Выгнать оттуда замыслилъ, его возвращенье въ отчизну
Было бъ женѣ, тосковавшей такъ долго по немъ, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы насъ многихъ
Вздумалъ одинъ одолѣть онъ; неумное слово сказалъ ты.
Вы жъ разойдитеся, люди, и каждый займися домашнимъ

Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Галиѳердъ, Одиссею
Вѣрность свою сохранившіе, въ путь снарядятъ Телемака;
Долго однако, я думаю, здѣсь просидитъ онъ, сбирая
Вѣсти; пути же ему своего совершить не удастся.
Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно собранье народа.
Всѣ, удалясь, по своимъ разошлися домамъ; женихи же
Въ домъ Одиссея, Царя благороднаго, вновь возвратились.
Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ къ Аѳинѣ:
Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ туманное море
Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдалъ я, странствуя, нѣтъ ли
Слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи, богиня,
Мнѣ помоги благосклонно; Ахейцы мой путь затрудняютъ;
Паче жъ другихъ женихи многосильные, полные злобы.
Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во мгновеніе ока,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, предстала Аѳина.

Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
Смѣлъ, Телемакъ, и разуменъ ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, съ какою и словомъ и дѣломъ
Все твой отецъ что хотѣлъ, совершалъ; и достигнешь желанной
Цѣли, свой путь безпрепятственно кончивъ; когда жъ не прямой ты
Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелопинъ прямой, то надежды
Нѣтъ, чтобъ успѣшно ты могъ совершить предпріятое дѣло.
Рѣдко бываютъ подобны отцамъ сыновья; всѣ большею
Частію хуже отцевъ и немногіе лучше. Но будешь
Ты, Телемакъ, и разуменъ и смѣлъ, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишенъ; и надежда
Есть для тебя, что успѣшно свершишь предпріятое дѣло.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляютъ— оставь ихъ;
Горе безумнымъ! они въ слѣпотѣ, незнакомые съ правдой,
Смерти своей не предвидятъ, ни черной судьбы, ежедневно
Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ вдругъ погубить ихъ.

Ты же свое предпринять путешествіе можешь немедля;
Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя, и послѣдую самъ за тобою.
Но возвратися теперь къ женихамъ; а тебѣ на дорогу
Пусть приготовятъ съѣстное, пускай имъ наполнятъ сосуды;
Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и муки, мореходца
Снѣди питательной, въ кожаныхъ, плотныхъ мѣхахъ приготовятъ.
Тою порой я гребцевъ наберу; кораблей же въ Итакѣ,
Моремъ объятой, немало и новыхъ и старыхъ; межъ ними
Лучшій я выберу самъ; и немедленно будетъ онъ нами
Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на священное море.
Такъ говорила Аѳина, Зевесова дочь, Телемаку.
Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля покинулъ.
Въ домъ возвратяся съ печалію милаго сердца, нашелъ онъ
Тамъ жениховъ многосильныхъ: одни обдирали въ покояхъ
Козъ, а другіе, зарѣзавъ свиней, на дворѣ ихъ палили.

Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвилъ:
Юноша вспыльчивый, злой говорунъ, Телемакъ, не заботься
Болѣ о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ иль дѣломъ, а лучше
Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись, какъ бывало.
Волю жъ твою не замедлятъ Ахейцы исполнить; получишь
Ты и корабль и отборныхъ гребцевъ, чтобъ скорѣе достигнуть
Въ Пилосъ, любезный богамъ, и узнать объ отцѣ отдаленномъ.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Нѣтъ Антиной, неприлично мнѣ съ вами надменными вмѣстѣ
Противъ желанья сидѣть за столомъ, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тѣмъ, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я былъ малолѣтенъ.
Нынѣ жъ, когда, возмужавъ и совѣтниковъ слушая умныхъ,
Все я узналъ и когда ужъ во мнѣ пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ неизбѣжныхъ накликать,

Такъ ли, иначе ли, съѣздивъ ли въ Пилосъ, иль здѣсь отыскавши
Средство. Я ѣду — и путь мой напрасенъ не будетъ, хотя я
Ѣду попутчикомъ, ибо (такъ было устроено вами)
Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и гребцевъ невозможно.
Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой руку
Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, изобильный обѣдъ учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли рѣчами.
Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:
Насъ Телемакъ погубить не на шутку замыслилъ; быть можетъ,
Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ изъ песчанаго Пилоса, многихъ
Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы видимъ, заботится сильно.
Можетъ случиться и то, что богатую землю Эфиру
Онъ посѣтитъ, чтобъ, добывши тамъ яду, смертельнаго людямъ,
Здѣсь отравить имъ кратеры и разомъ насъ всѣхъ уничтожить.
Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ — кто знаетъ!
Можетъ случиться легко, что и самъ, какъ отецъ онъ погибнетъ,

Долго бродивъ по морямъ далекó отъ друзей и домашнихъ.
Тѣмъ онъ конечно и насъ озаботитъ: тогда намъ придется
Всё раздѣлить межъ собой ихъ имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.
Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладовую отцеву,
Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;
Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось;
Куфы изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли
Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ
Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится
Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много.
Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую
Входомъ служили; почтенная ключница, денно и нощно
Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкѣ держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенóрида Опса.
Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказалъ Телемакъ ей:

Няня, амфоры наполни виномъ благовоннымъ, вкуснѣйшимъ
Послѣ того дорогаго, которое здѣсь бережешь ты,
Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповая, что въ домъ свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ избѣжавши.
Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и амфоры закупорь;
Такъ же и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ приготовь, оржаною
Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ заключалося двадцать
Мѣръ; но объ этомъ ты вѣдай одна; собери всѣ припасы
Въ кучу; за ними прійду ввечеру я, въ то время, когда ужъ
Въ верхній покой свой уйдетъ Пенелопа, о снѣ помышляя.
Спарту и Пилосъ песчаный хочу посѣтить, чтобъ провѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи.
Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакавъ,
Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила слово: зачѣмъ ты,
Милое наше дитя, отворяешь такимъ помышленьямъ
Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную, чуждую землю стремишься

Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ родитель
Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враждебныхъ отъ дома далёко;
Здѣсь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроятъ
Ковъ, чтобъ известь и тебя, и твое все богатство раздѣлятъ.
Лучше останься у насъ при своемъ; ни малѣйшей нѣтъ нужды
Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пускаться.
Ей отвѣчая, сказалъ рязсудительный сынъ Одиссеевъ:
Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ я рѣшился
Въ путь, но клянись мнѣ, что мать отъ тебя ни о чемъ не узнаетъ
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать,
Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ, иль другой кто
Тайны не скажетъ — боюсь, чтобъ отъ плача у ней не поблекла
Свѣжесть лица. Эвриклея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Тотчасъ она, благовоннымъ виномъ всѣ амфоры наливши,
Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, полныхъ мукою.

Онъ же, домой возвратившися, тамъ съ женихами остался.
Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины:
Видъ Телемака принявши, она обѣжала весь городъ;
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращая, собраться
Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
Послѣ, пришедъ къ Ноэмóну разумнаго Фронія сыну,
Дать ей просила корабль — Ноэмонъ согласился охотно.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Легкій корабль на соленую влагу спустивъ и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самомъ
Выходѣ въ море изъ бухты его помѣстила богиня.
Люди сошлися, и въ каждомъ она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины:
Въ домъ Одиссея, Царя благороднаго, вшедши, богиня
Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ жениховъ навела, помутила
Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ рукъ ихъ; влеченью

Сна уступивши, они по домамъ разошлись и недолго
Ждали его, не замедлилъ онъ пасть на усталыя вѣжды.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
Вызвавъ его изъ устроенной пышно палаты столовой,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью: пора, Телемакъ, намъ;
Всѣ собралися ужъ свѣтлообутые спутники наши;
Сидя у веселъ, они ожидаютъ тебя съ нетерпѣньемъ;
Время итти; не годится намъ долѣ откладывать путь свой.
Кончивъ, Паллада Аѳина пошла впереди Телемака
Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Телемакъ за богиней.
Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подошедши, они тамъ
Спутниковъ густокудрявыхъ нашли у песчанаго брега.
Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
Братья, принесть поспѣшимъ путевые запасы; они ужъ
Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни о чемъ не слыхала;
Также ничто и рабынямъ не сказано; тайну одна лишь

Знаетъ. И быстро пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ другіе.
Взявши запасы, они ихъ на прочно устроенномъ суднѣ
Склали, какъ то повелѣлъ имъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за богиней Аѳиной;
Подлѣ кормы корабельной она помѣстилась; съ ней рядомъ
Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши поспѣшно канаты,
Также взошли на корабль и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь даровала имъ вѣтеръ попутный,
Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное море.
Бодрыхъ гребцевъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ скорѣе
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся и пурпурныя волны
Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумѣли;

Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
Тутъ корабельщики, черное быстрое судно устроивъ,
Чаши наполнили сладкимъ виномъ и молясь сотворили
Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возліянье,
Паче жъ другихъ свѣтлоокой богинѣ великой Палладѣ.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Третій и Четвертый день, до вечера пятаго.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ находитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ, по просьбѣ Телемака, разсказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими Ахейскими вождями послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедемонѣ. Телемакъ остается ночевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, обѣщанной Несторомъ Аѳинѣ, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора Пизистратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Діоклеса; и на слѣдующій вечеръ пріѣзжаютъ въ Лакедемонъ.

Гéліосъ, съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града
Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегѣ
Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому богу;
Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по пяти сотъ на каждой,
Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою было.
Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ
Бéдра въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти, и якоремъ шаткій корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемакъ, за Аѳиною слѣдуя, также

Вышелъ. Къ нему обратяся, богиня Аѳина сказала:
Сынъ Одиссеевъ, теперь ужъ застѣнчивымъ быть ты не долженъ;
Ибо затѣмъ мы и въ море пустились, чтобъ свѣдать, въ какую
Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.
Смѣло приближься къ коней обуздателю Нестору; знать намъ
Должно, какія въ душѣ у него заключаются мысли.
Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявилъ онъ всю правду;
Лжи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.
Но — отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ —
Какъ подойти мнѣ? Какое скажу я привѣтствіе, Менторъ?
Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ;
Также не знаю, прилично ли младшимъ распрашивать старшихъ?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ;
Многое демонъ откроетъ тебѣ благосклонный; не противъ
Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты рожденъ и воспитанъ.

Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака.

Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака
Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Телемакъ; и поспѣшно
Къ мѣсту подходятъ они, гдѣ Пилійцы собравшись сидѣли;
Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ; ихъ друзья, учреждая
Пиръ, суетились, вздѣвали на вертелы, жарили мясо.
Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ на встрѣчу и, руки
Имъ подавая, просили ихъ сѣсть дружелюбно съ народомъ.
Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ сынъ, Пизистратъ благородный,
Ласково за руки взявши обоихъ, на брегѣ песчаномъ
Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ занять пригласилъ ихъ
Между отцемъ престарѣлымъ и братомъ младымъ Ѳразимедомъ.
Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ виномъ благовоннымъ
Кубокъ наполнилъ, вина отхлебнулъ и сказалъ свѣтлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца, Палладѣ Аѳинѣ:
Странникъ, ты долженъ призвать Посидона владыку: вы нынѣ
Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; совершивши

Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ возліянье съ молитвой,
Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ
Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику
Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду.
Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною;
Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предлагаю.
Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ благовоннымъ Аѳинѣ.
Былъ ей пріятенъ поступокъ разумнаго юноши, первой
Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благовоннымъ; и стала
Голосомъ громкимъ она призывать Посидона владыку:
Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебѣ, не отвергни
Насъ, уповающихъ здѣсь, что желанія наши исполнишь.
Нестору славу съ его сыновьями во первыхъ даруй ты;
Послѣ богатую милость яви и другимъ, благосклонно
Здѣсь отъ Пилійцевъ великую нынѣ принявъ экатомбу;
Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратиться, окончивъ

Все, для чего мы приплыли сюда въ кораблѣ крутобокомъ.
Такъ помолясь, совершила сама возліянье богиня;
Послѣ двуярусный кубокъ она подала Телемаку;
Въ свой помолился чередъ и возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Ро́здали части и начали пиръ многославный; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Рѣчь обратилъ къ посѣтителямъ Несторъ герой Геренейскій:
Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично не будетъ спросить васъ,
Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились довольно.
Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?
Съ духомъ собравшись, на то разсудительный сынъ Одиссеевъ
Такъ, отвѣчая, сказалъ (и Аѳина ему ободрила

Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить объ отцѣ отдаленномъ,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава):
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава Ахеянъ,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы изъ Итаки подъ склономъ лѣсистымъ Нейона лежащей;
Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ народнымъ, за собственнымъ дѣломъ;
Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ вопрошая, провѣдать,
Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ постоянный, съ которымъ
Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, говорятъ, сокрушили.
Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ Троянъ воевавшихъ,
Бѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдаленной погибли
Всѣ; а его и погибель отъ насъ неприступно Кроніонъ
Скрылъ; гдѣ нашелъ онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на землѣ ли
Твердой онъ палъ, пересиленный злыми врагами, въ зыбяхъ ли
Моря погибъ, поглащенный холодной волной Амфитриты.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно

Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
Видѣлъ глазами, иль что отъ какого услышалъ случайно
Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая,
Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, Ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все разскажи мнѣ.
Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ герой Геренейскій:
Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о напастяхъ, въ землѣ той
Встрѣченныхъ нами Ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ,
Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пелидомъ,
Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
Частью, когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ врагами
Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе пали:

Легъ тамъ Аяксъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и совѣтовъ
Мудростью равный безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ мой милый
Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столько же дивный
Легкостью бѣга, сколь былъ онъ безстрашный боецъ. И немало
Разныхъ другихъ испытали мы бѣдствій великихъ, о нихъ же
Можетъ ли все разсказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ?
Если бъ и цѣлыя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты могъ безпрестанно
Вѣсти сбирать о бѣдахъ, приключившихся бодрымъ Ахейцамъ,
Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился.
Девять трудилися лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя
Многія хитрости—кончить насилу рѣшился Кроніонъ.
Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ наряду быть поставленъ
Съ нимъ: далеко опереживалъ всѣхъ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей Царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя я;
Съ нимъ и рѣчами ты сходенъ; но кто бы подумалъ, чтобъ было

Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною рѣчью?
Я жъ постоянно, покуда войну мы вели, на совѣтѣ ль,
Въ сонмѣ ль народномъ, всегда заодно говорилъ съ Одиссеемъ;
Въ мнѣньяхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было Ахейцамъ полезнѣй.
Но когда, ниспровергнувши городъ Пріама великій,
Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ
Бѣдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ Ахейцамъ.
Былъ не у каждаго свѣтелъ разсудокъ, не всѣ справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтлоокую страшнаго бога.
Сильную распрю богиня Аѳина зажгла межъ Атридовъ:
Оба, созвать вознамѣрясь людей на совѣтъ, безразсудно
Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужъ садилось
Солнце; Ахейцы сошлися, виномъ охмѣленные; тѣ же
Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья:

Требовалъ царь Менелай, чтобъ Аргивскіе мужи въ обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнонъ отвергнулъ: Ахейцевъ еще удержать онъ
Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ экатомбу святую,
Гнѣвъ примирили ужасной богини.... младенецъ! еще онъ
Видно не зналъ, что ужъ быть не могло примиренія съ нею:
Вѣчные боги нескоро въ своихъ измѣняются мысляхъ.
Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи, тамъ оба
Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ Ахеянъ
Воплемъ наполнилось яростнымъ, на два разрознившись мнѣнья.
Всю ту мы ночь провели въ непріязненныхъ другъ противъ друга
Мысляхъ; ужъ намъ беззаконнымъ готовилъ Зевесъ наказанье.
Утромъ одни на прекрасное море опять кораблями
(Взявъ и добычу и дѣвъ, глубоко́ опоясанныхъ) вышли.
Но половина другая Ахеянъ осталась на брегѣ
Вмѣстѣ съ царемъ Агаме́нономъ, пастыремъ многихъ народовъ.

Дали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ побѣжали
Быстро: подъ нами углаживалъ богъ многоводное море.
Скоро пришедъ въ Тенедосъ, принесли мы тамъ жертву безсмертнымъ,
Дать намъ отчизну моля ихъ, но Дій непреклонный еще намъ
Медлилъ дозволить возвратъ: онъ вторичной враждой возмутилъ насъ.
Часть за Царемъ Одиссеемъ, подателемъ мудрыхъ совѣтовъ,
Въ многовесельныхъ пустясь корабляхъ, устремилась въ обратный
Путь, чтобъ Атриду царю Агамéмнону вновь покориться.
Я же поспѣшно со всѣми подвластными мнѣ кораблями
Пòплылъ впередъ, угадавъ, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ;
Пòплылъ со всѣми своими и сынъ бѣдоносный Тидея;
Позже отправился въ путь Менелай златовласый: въ Лезбóсѣ
Насъ онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую избрать намъ дорогу:
Выше ль скалами обильнаго Хіоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по лѣвую руку, иль ниже
Хіоса мимо открытаго воющимъ вѣтрамъ Мимонта?

Дія молили мы знаменье дать намъ; и, знаменье давши,
Онъ повелѣлъ, чтобъ, разрѣзавши море по самой срединѣ,
Шли мы къ Эвбеѣ для скораго близкой бѣды избѣжанья;
Вѣтеръ попутный, свистя, зашумѣлъ, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили мы тучныя бедра
Тамъ на алтарь Посидоновъ, измѣривъ великое море.
День совершился четвертый, когда, добѣжавъ до Аргоса,
Всѣ корабли Діомеда, коней обуздателя, стали
Въ пристани. Прямо тѣмъ временемъ въ Пи́лосъ я плылъ, и ни разу
Вѣтеръ попутный, въ началѣ намъ посланный Діемъ, не стихнулъ.
Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ вѣстей; и донынѣ
Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ Ахеянъ, кто спасся.
Что жъ отъ другихъ мы узнали, живя подъ домашнею кровлей,
То вамъ, какъ слѣдуетъ, я разскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что съ младымъ Ахиллеса великаго сыномъ

Всѣ Мирмидоны его, копьеносцы домой возвратились;
Живъ, говорятъ, Филоктетъ, сынъ Пеановъ возлюбленный; здраво
Идоменей (никого изъ сопутниковъ, съ нимъ избѣжавшихъ
Вмѣстѣ войны, не утративши на морѣ) Крита достигнулъ;
Къ вамъ же конечно и въ дальнюю землю дошелъ объ Атридѣ
Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умерщвленъ былъ Эгистомъ,
Какъ и Эгистъ наконецъ по заслугѣ пріялъ воздаянье.
Счастье, когда у погибшаго мужа останется бодрый
Сынъ, чтобъ отмстить, какъ Орестъ, поразившій Эгиста, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель!
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Телемакъ благородный:
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава Ахеянъ,
Правда, отмстилъ онъ, и страшно отмстилъ, и ему отъ народовъ
Честь повсемѣстная будетъ и будетъ хвала отъ потомства.

О! когда бъ и меня одарили такою же силой.
Боги, чтобъ такъ же и я могъ отмстить женихамъ, наносящимъ
Столько обидъ мнѣ, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотѣли
Боги ни мнѣ ни отцу—и удѣлъ мой отнынѣ терпѣнье.
Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своими словами напомнилъ;
Слышали мы, что твою благородную мать притѣсняя,
Въ домѣ твоемъ женихи беззаконнаго дѣлаютъ много.
Знать бы желалъ я: ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
Мы же не вѣдаемъ; можетъ случиться легко, что и самъ онъ
Ихъ, возвратяся, погубитъ, одинъ ли, созвавъ ли Ахеянъ...
О! когда бъ возлюбить свѣтлоокая дѣва Паллада
Также могла и тебя, какъ она Одиссея любила
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли Ахейцы!

Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ любви откровенны,
Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Паллада Аѳина!
Если бы ею съ такою жъ любовью и ты былъ присвоенъ,
Самая память о бракѣ во многихъ изъ нихъ бы пропала.
Нестору такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о великомъ
Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ безсмертныхъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Странное слово изъ устъ у тебя, Телемакъ, излетѣло;
Богу легко защитить насъ и издали, если захочетъ;
Я жъ согласился бъ скорѣе и бѣдствія встрѣтить, чтобъ только
Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ, бѣдствій избѣгнувъ,
Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть предъ своимъ очагомъ, какъ великій
Палъ Агамемнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста.
Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа

Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
Въ руки навѣкъ-усыпляющей смерти судьбиною будетъ.
Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ:
Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушитъ намъ
Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не увидимъ:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о иномъ вопрошая, хочу обратиться
Къ Нестору—правдой и мудростью всѣхъ онъ людей превосходитъ;
Былъ, говорятъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ поколѣній,
Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ безсмертному богу подобенъ—
Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамемнонъ пространнодержавный?
Гдѣ Менелай находился? Какое губящее средство
Хитрый Эгистъ изобрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить съ сильнѣйшимъ?
Иль, не достигнувъ Арго́са, еще межъ чужими людьми онъ
Былъ и врага своего тѣмъ отважилъ на злое убійство?

Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь самъ ты; но если бъ
Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живаго засталъ, возвращаясь
Въ домъ свой изъ брани Троянской, Атридъ Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищныя птицы и псы бы его растерзали, безъ чести
Въ полѣ далеко за градомъ Арго́сомъ лежащаго, жены
Наши его бъ не оплакали — страшное дѣло свершилъ онъ.
Тою порою, какъ билися мы на поляхъ Иліонскихъ,
Онъ въ безопасномъ углу многоконнаго града Арго́са,
Сердце жены Агамемнона лестью опутывалъ хитрой.
Хитрая лесть удалася ему. И не мало богатыхъ
Жертвъ онъ принесъ; и немало онъ храмовъ дарами украсилъ,
Дерзкое дѣло такое съ нежданнымъ окончивъ успѣхомъ.
Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вмѣстѣ,

Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою тѣсной.
Были ужъ мы предъ священнымъ Суніономъ, мысомъ Аттійскимъ;
Вдругъ Менелаева кормщика Фебъ Аполлонъ невидимо
Тихой своею стрѣлой умертвилъ: управляя бѣгущимъ
Судномъ, кормило держалъ многоопытной, твердой рукою
Фронтисъ, Онѐторовъ сынъ, наиболѣ изъ всѣхъ земнородныхъ
Тайну проникшій владѣть кораблемъ въ наступившую бурю.
Путь свой замедлилъ, хотя и спѣшилъ, Менелай, чтобъ на брегѣ
Честь погребенія другу воздать съ торжествомъ надлежащимъ;
Но когда на своихъ корабляхъ крутобокихъ — опять онъ
Въ темное море пошелъ и высокаго мыса Маллеи
Быстро достигъ — повсемѣстно гремящій Кроніонъ, замысливъ
Гибель, нагналъ на него многошумное вѣтра дыханье,
Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя волны.
Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ бросилъ онъ къ Криту,
Гдѣ обитаютъ Кидоны у свѣтлыхъ потоковъ Ярдана.

Видѣнъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ влагой соленой,
Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предѣлахъ Гортины;
Тамъ, гдѣ великія волны на западный берегъ у Феста
Нотъ нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробитъ, отшибая,
Тѣ корабли очутились; проворствомъ спаслися отъ смерти
Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ острые камни.
Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похищенныхъ бурей,
Вѣтеръ могучій и волны ко брегу Египта примчали.
Тамъ Менелай, собирая сокровищъ и золота много,
Странствовалъ между народовъ инаго языка, и въ то же
Время Эгистъ совершилъ беззаконное дѣло въ Аргосѣ,
Смерти предавши Атрида — народъ покорился безмолвно.
Цѣлые семь лѣтъ онъ властвовалъ въ златообильной Микенѣ;
Но на осьмой изъ Аѳинъ возвратился ему на погибель
Богоподобный Орестъ; и убійцу сразилъ онъ, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель.

Пиръ учредивъ для Аргивянъ великій, свершилъ погребенье
Онъ и преступницѣ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ презрѣннымъ.
Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье,
Прибылъ, богатства собравъ, сколь могло въ корабляхъ умѣститься.
Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленьи отъ родины странствуй,
Домъ и наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ
Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (совѣтую, требую) долженъ
Ты посѣтить; онъ недавно въ отечество прибылъ изъ чуждыхъ
Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, занесенный однажды
Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ вѣтромъ, не могъ бы
Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетѣть къ намъ не можетъ
Быстрая птица — толь страшно великой пучины пространство.
Ты же поѣдешь отсюда иль моремъ со всѣми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней съ колесницей

Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ тебѣ указалъ онъ
Путь въ Лакедѐмонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый
Царствуетъ; можешь ты самъ обо всемъ распросить Менелая;
Лжи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.
Кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тма наступила.
Къ Нестору слово свое обративши, сказала Аѳина:
Старецъ, твои разсудительны рѣчи, но медлить не станемъ;
Должно отрѣзать теперь языки и царю Посидону
Купно съ другими богами виномъ сотворить возліянье;
Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ миротворномъ;
День на закатѣ угасъ и ужъ болѣ не будетъ прилично
Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ: удалиться пора намъ.
Такъ говорила богиня; почтительно всѣ ей внимали.
Тутъ для умытія рукъ имъ служители подали воду;
Отроки свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю съ права начавши;

Бросивъ въ огонь языки, сотворили они возліянье,
Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ насладились,
Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ Аѳиной
Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да отнюдь не позволятъ
Вѣчный Зевесъ и другіе безсмертные боги, чтобъ нынѣ
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Развѣ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я нищій?
Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ, ни мягкихъ постелей
Нѣтъ, чтобъ и самъ я и гости мои насладились покойнымъ
Сномъ? — Но покрововъ и мягкихъ постелей найдется довольно.
Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ сынъ Одиссеевъ
Выбралъ себѣ корабельную палубу спальней, пока я
Живъ и мои сыновья обитаютъ со мной подъ одною
Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ къ намъ, угощать дружелюбно?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Умное слово сказалъ ты, возлюбленный старецъ, и долженъ
Волю исполнить твою Телемакъ: то конечно приличнѣй.
Здѣсь я оставлю его, чтобъ покойно подъ кровлей твоею
Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на черный корабль возвратиться
Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о многомъ сказать имъ:
Я изъ сопутниковъ нашихъ старѣйшій годами; они же
(Всѣ молодые, ровесники всѣ Телемаку) по доброй
Волѣ, изъ дружбы его въ кораблѣ проводить согласились;
Вотъ для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ народу отважныхъ Кавконовъ
Нужно, чтобъ тамъ заплатили мнѣ люди старинный, немалый
Долгъ. Телемака же, послѣ того, какъ у васъ погоститъ онъ,
Съ сыномъ своимъ въ колесницѣ отправь ты, коней повелѣвши
Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгѣ и силою самыхъ отличныхъ.
Такъ имъ сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрымъ орломъ улетѣвъ; изумился народъ; изумился,

Чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ.
За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно сказалъ онъ:
Другъ, ты конечно и сердцемъ неробокъ и силою крѣпокъ,
Если тебѣ молодому такъ явно сопутствуютъ боги.
Здѣсь изъ безсмертныхъ, живущихъ въ обителяхъ свѣтлыхъ Олимпа,
Былъ не иной кто, какъ Діева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая въ сонмѣ Аргивянъ.
Будь благосклонна, богиня, и намъ и великую славу
Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ и супругѣ моей благонравной;
Я же телицу тебѣ однолѣтнюю, лбистую, въ полѣ
Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ жертву
Здѣсь принесу, ей рога изукрасивши золотомъ чистымъ.
Такъ говорилъ онъ, молясь; и Палладою былъ онъ услышанъ.
Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ благородныхъ
Въ домъ свой богаго украшенный Несторъ, герой Геренейскій;
Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный домъ и другіе

Также вступили и сѣли порядкомъ на креслахъ и стульяхъ.
Старецъ тогда для собравшихся кубокъ наполнилъ до края
Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одиннадцать лѣтъ изъ амфоры налитымъ
Ключницей, снявшей впервые съ завѣтной амфоры той кровлю.
Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и другіе
Всѣ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились довольно,
Каждый къ себѣ возвратился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой Геренейскій,
Самъ Телемаку, разумному сыну Царя Одиссея,
Въ звонкопространномъ покоѣ кровать указалъ прорѣзную;
Легъ близъ него Пизистратъ, копьевержецъ, мужей предводитель,
Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый въ жилищѣ отцевомъ.
Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся,
Легъ на постелѣ, перестланной мягко царицею, Несторъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;

Съ мягкой поднялся постели и Несторъ, герой Геренейскій,
Вышедъ: изъ спальни, онъ сѣлъ на обтесанныхъ, гладкихъ, широкихъ
Камняхъ, у двери высокой служившихъ сѣдалищемъ, бѣлыхъ,
Ярко сіявшихъ, какъ будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же
Прежде Нелей возсѣдалъ, многоуміемъ богу подобный;
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбою въ обитель Аида.
Нынѣ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсѣлъ, скиптроносный
Пѣстунъ Ахеянъ. Къ нему сыновья собралися, изъ спалень
Вышедъ: Эхéфронъ, Персéй, Стратіóнъ и Арéтосъ и юный
Богу подобный красой Ѳразимéдъ; наконецъ и шестой къ нимъ,
Младшій изъ братьевъ, пришелъ Пизистрáтъ благородный. И рядомъ
Съ Несторомъ сѣсть приглашенъ былъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Несторъ, герой Геренейскій:
Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить спѣшите:
Паче другихъ преклонить я желаю на милость Афину,
Видимо бывшую съ нами на праздникѣ бога великомъ.

Въ поле одинъ за телицей бѣги, чтобъ немедленно съ поля
Выгналъ ее къ намъ пастухъ, за стадами смотрящій; другой же
Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти и позвать къ намъ
Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь двухъ; напослѣдокъ
Третьимъ пусть будетъ немедленно златоискусникъ Лаэркосъ
Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицѣ.
Прочіе жъ всѣ оставайтесь при мнѣ, повелѣвши рабынямъ
Въ домѣ устроить обѣдъ изобильный, разставить порядкомъ
Стулья, дрова приготовить и свѣтлой воды принести намъ.
Такъ онъ сказалъ; всѣ заботиться начали: съ поля телицу
Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы люди,
Съ нимъ переплывшіе море; явился и златоискусникъ,
Нужный для ковки металловъ принесши снарядъ: наковальню,
Молотъ, клещи драгоцѣнной отдѣлки и все, чѣмъ обычно
Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и богиня Аѳина
Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель,

Золота чистаго далъ; оковалъ имъ рога онъ телицы,
Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.
Взяли телицу тогда за рога Стратіо́нъ и Эхе́фронъ;
Воду имъ руки умыть въ обложенной цвѣтами лахани
Вынесъ изъ дома Аре́тосъ, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ
Коробъ держалъ; подошелъ Ѳразимедъ, ратоборецъ могучій,
Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ и, бросивъ
Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аѳинѣ;
Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ячменемъ
Такъ же осыпали. Несторовъ сынъ Ѳразиме́дъ многосильный,
Мышцы напрягши, ударилъ, и, въ шею глубоко вонзенный,
Жилы топоръ пересѣкъ; повалилась телица; вскричали
Дочери всѣ и невѣстки царевы и съ ними царица,
Кроткая сердцемъ, Климе́нова старшая дочь Эвридика.

Несторъ. Телемакъ.

Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель
Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ и, бросивъ
Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аѳинѣ.

Тѣ же телицу, приникшую къ лону земли путеносной,
Подняли—разомъ зарѣзалъ ее Пизистратъ благородный.
Послѣ, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни въ костяхъ, разложивши на части ее, отдѣлили
Бедра, и сверху ихъ (дважды обвивши, какъ слѣдуетъ, кости
Жиромъ) кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остріями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все разрубили на части и стали на вертелахъ жарить,
Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращая.
Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшей
Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ изъ бани онъ, богу лицемъ лучезарнымъ подобный;

Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря многихъ народовъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Сѣли за вкусный обѣдъ и заботливо начали слуги
Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Несторъ, герой Геренейскій сказалъ сыновьямъ благороднымъ:
Дѣти, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу немедля
Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желанію въ путь устремиться.
То повелѣніе царское было исполнено скоро;
Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу; въ нее же
Ключница хлѣбъ и вино на запасъ положила, съ различной
Пищей, какая царямъ лишь, питомцамъ Зевеса, прилична.
Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Телемакъ благородный;
Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ, предводитель народовъ,
Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ ударилъ
Сильнымъ бичемъ по конямъ, и помчалися быстрые кони

Полемъ, и Пилосъ блистательный скоро исчезъ позади ихъ.
Цѣлый день мчалися ко́ни, тряся колесничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ
Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ по́ртикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и ко́ни скакали охотно.
Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ пшеницей, достигнувъ, они тамъ
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ пятаго дня и весь шестой день.

Телемакъ и Пизистратъ, прибывъ въ Лакедемонъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И онъ и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленою для развеселенія гостей; она и Менелай разсказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ, Телемака сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей Ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островѣ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домѣ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслѣ ихъ и объ отплытіи сына. Аѳина, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидѣніе. Антиной съ своею дружиною пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака

Въ царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый, прибывши,
Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищѣ.
Къ сыну губителя ратей Пелида свою посылалъ онъ
Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ договоръ заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали ихъ боги;
Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невѣсту
Въ градъ Мирмидонскій, гдѣ царствовалъ свѣтлый женихъ, снарядилъ онъ.
Въ Спартѣ же дочь онъ Алектора выбралъ невѣстой для сына,
Крѣпкаго силой, плѣнявшаго юной красой, Мегапенда.
Шумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ палатахъ,

Сродники всѣ и друзья Менелая, великаго славой,
Полны веселія были; на лирѣ пѣвецъ вдохновенный
Громко звучалъ передъ ними, и два прыгуна, соглашая
Съ звонкою лирой прыжки, посреди ихъ проворно скакали.
Тою порой Телемакъ благородный съ младымъ Пизистратомъ,
Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеóнъ многочтимый,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.
Съ вѣстью о нихъ по дворцу побѣжалъ онъ къ владыкѣ Атриду;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца конечно изъ племени Дія.
Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней? Отказать ли
Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали?
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчалъ Менелай златовласый:
Ты, Этеóнъ сынъ Воэтовъ, еще никогда малоуменъ

Не былъ, теперь же безсмысленно сталъ говорить, какъ младенецъ;
Сами не разъ испытавъ гостелюбіе въ странствіи нашемъ,
Мы напослѣдокъ покоимся дома, и Дій да положитъ
Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ; самихъ же
Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ обоихъ.
Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою
Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ повелѣвши.
Иго съ ретивыхъ коней, опѣненное потомъ, сложили;
Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней привязали;
Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ;
Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ колесницу.
Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,
Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба:
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой.
Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,

Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же
Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба
Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.
Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,
Кубки златые на бранномъ столѣ передъ ними поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хозяинъ:
Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди?
Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей вашихъ;
Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ,

Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся.
Тутъ онъ имъ подалъ бычатины жареной кусъ, изъ почетной
Собственной части его отдѣливши своею рукою.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ и голодъ
Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ изобильнымъ.
Голову къ спутнику тутъ приклонивъ, чтобъ подслушать другіе
Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ осторожно:
Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ, Пизистратъ благородный,
Видишь, какъ много здѣсь мѣди сіяющей въ звонкихъ покояхъ;
Блещетъ все златомъ, сребромъ, янтарями, слоновою костью;
Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣетъ такую обитель;
Что за богатство! какъ много всего! съ изумленьемъ смотрю я.
Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ златовласый;
Голосъ возвысивъ, обоимъ онъ бросилъ крылатое слово:
Дѣти, намъ смертнымъ не можно равняться съ владыкою Зевсомъ,
Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ самъ онъ, нетлѣнны;

Люди жъ иные поспорятъ богатствомъ со мной, а иные
Нѣтъ; претерпѣвши немало, немало скитавшись, добра я
Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на осьмой годъ въ отчизну.
Видѣлъ я Кипръ, посѣтилъ Финикіянъ, достигнувъ Египта,
Къ чернымъ проникъ Эѳіопамъ, гостилъ у Сидонянъ, Эрембовъ;
Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогатыми агнцы родятся;
Въ той сторонѣ и полей господинъ и пастухъ недостатка
Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молокѣ не имѣютъ.
Круглый тамъ годъ изобильно бываютъ доимы коровы.
Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ я, сбирая богатства,
Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ мой погибъ отъ убійцы
Тайно, никѣмъ непредвидѣнно, хитрымъ предательствомъ женскимъ.
Съ тѣхъ поръ и всѣ ужъ мои мнѣ сокровища стали постылы.
Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ конечно отцы вамъ
Все разсказали.... О! горестно было мнѣ зрѣть истребленье
Дома, толь свѣтлаго прежде, толь славнаго многимъ богатствомъ!

Радъ бы остаться я съ третью того, чѣмъ владѣю, лишь только бъ
Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ Троѣ пространной
Кончили жизнь, далекó отъ Аргоса, питателя кóней.
Часто, ихъ всѣхъ поминая, объ нихъ сокрушаясь и плача,
Здѣсь я сижу одиноко подъ кровлей домашней; порою
Горемъ о нихъ услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже насъ скоро холодная скорбь утомляетъ.
Но сколь ни сѣтую въ сердцѣ своемъ я, ихъ всѣхъ поминая,
Мысль объ одномъ наиболѣе губитъ мой сонъ и лишаетъ
Пищи меня, поелику никто изъ Ахеянъ столь много
Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ Царь Одиссей; на труды и печали
Былъ онъ рожденъ; на мою же досталося часть: сокрушаться,
Видя, какъ долго отсутствіе длится его; мы не знаемъ,
Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безутѣшный родитель
Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ Телемакомъ,
Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленьи изъ дома.

Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемакѣ.
Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при отцевомъ
Имени; въ обѣ схвативши пурпурную мантію руки,
Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ догадался;
Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ онъ, что дѣлать:
Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родителѣ юноша началъ,
Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, молчалъ онъ,
Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ, высокихъ покоевъ Елена
Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ золотымъ Артемидѣ.
Кресла богатой работы подвинула сѣсть ей Адреста;
Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алкиппа;
Фило пришла съ драгоцѣнной корзиной серебряной, даромъ
Умной Алкандры, супруги Полиба, въ Египетскихъ Ѳивахъ
Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители пышной.
Двѣ сребролитныя далъ онъ Атриду купальни и съ ними

Два троеножныхъ сосуда и золотомъ десять талантовъ;
Также царицѣ Еленѣ супруга его подарила
Прялку златую съ корзиной овальной; была та корзина
Вся изъ сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
Съ шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта. На креслахъ Елена
Сѣла, прекрасныя ноги свои на скамью протянувши
Сѣвъ, съ любопытствомъ она у царя Менелая спросила:
Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомевъ Зевеса,
Кто иноземные гости, нашъ домъ посѣтившіе нынѣ?
Я же скажу — справедливо ли, нѣтъ ли, не знаю — но сердце
Нудитъ сказать, что еще никогда (съ изумленьемъ смотрю я)
Мнѣ ни въ женѣ не случалось, ни въ мужѣ подобнаго встрѣтить
Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ, Царя Одиссея
Сыномъ, имѣетъ; младенцемъ его Одиссей благородный

Дома оставилъ, когда за меня недостойную всѣ вы,
Мужи Ахейскіе, въ Трою пошли истребительной ратью.
Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливымъ.
Дивное сходство! такія же ноги, такія же руки,
То же въ глазахъ выраженіе, та жъ голова и такіе жъ
Кудри густые на ней; а когда, помянувъ Одиссея,
Сталъ говорить я о бѣдствіхъ, имъ за меня претерпѣнныхъ,
Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза и схвативши
Въ обѣ пурпурную мантію руки, онъ ею закрылся.
Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелаю Атриду:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ думаешь самъ ты;
Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ, что ему неприлично,
Васъ посѣтивши впервые, себя выставлять въ разговорѣ
Смѣломъ съ тобою, плѣняющимъ всѣхъ насъ божественной рѣчью.

Старецъ родитель мой Несторъ его повелѣлъ въ Лакедемонъ
Мнѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ, чтобъ ему благосклонно
Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣлать? Немало
Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для сына, когда онъ
Розно съ отцемъ, не имѣя друзей, сиротствуетъ, какъ нынѣ
Сынъ Одиссеевъ; отецъ благородный далеко; въ народѣ жъ
Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помогъ защититься.
Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизистрату младому:
Боги! такъ подлинно сынъ несказанно мнѣ милаго друга,
Столько тревогъ за меня претерпѣвшаго, домъ посѣтилъ мой.
Я жъ самого Одиссея отличнѣе прочихъ Ахеянъ
Встрѣтить надеждой ласкался, когда бъ въ корабляхъ быстроходныхъ
Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громовержецъ Кроніонъ;
Градъ бы въ Аргосѣ ему я построилъ съ дворцемъ для жилища;
Взялъ бы его самого изъ Итаки съ богатствами, съ сыномъ,
Съ цѣлымъ народомъ; и область для нихъ бы очистилъ, моими

Близко людьми населенную, мой признающую скипетръ;
Часто видались тогда бы, сосѣдствуя, мы, и ничто бы
Насъ разлучить не могло, веселящихся, дружныхъ, до злаго
Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако смерти.
Но столь великаго блага намъ дать не хотѣлъ непреклонный
Богъ, запретившій ему несчастливцу возвратъ вождѣленный.
Такъ говоря, неумышленно всѣхъ Менелай опечалилъ;
Громко Елена Аргивская, Діева дочь, зарыдала;
Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними Атридъ прослезился;
Плача не могъ удержать и младой Пизистратъ: онъ о братѣ
Вспомнилъ, о братѣ своемъ Антилохѣ прекрасномъ, который
Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлюбленнымъ сыномъ.
Вспомнивъ о братѣ, Атриду онъ бросилъ крылатое слово:
Подлинно, царь Менелай, ты разумнѣе всѣхъ земнородныхъ.
Такъ говоритъ и отецъ престарѣлый нашъ Несторъ, когда мы
Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о тебѣ вспоминаемъ.

Нынѣ жъ послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я,
Слезъ за вечерней трапезою—скоро подымется Эосъ,
Въ раннемъ туманѣ рожденная. Мнѣ же отнюдь непротивенъ
Плачъ о возлюбленныхъ мертвыхъ, постигнутыхъ общей судьбиной;
Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здѣсь надежная почесть:
Слезы съ ланитъ и отрѣзанный локонъ волосъ на могилѣ.
Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ бранныхъ Аргивянъ
Былъ онъ; его ты конечно видалъ; а со мной никогда здѣсь
Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; но отъ всѣхъ былъ отличенъ,
Слышали мы, онъ и легкостью ногъ и отважностью въ битвахъ.
Царь Менелай златовласый отвѣтствовалъ такъ Пизистрату:
Другъ основательно то, что сказалъ ты; одинъ лишь разумный
Мужъ и годами старѣйшій тебя говорить такъ способенъ.
Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты достойный
Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для которыхъ
Счастье и въ бракѣ и въ племени ихъ уготовалъ Кроніонъ;

Такъ постоянно и Нестору онъ золотые свивается
Годы, чтобъ весело въ домѣ своемъ онъ старѣлъ, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и съ копьями первыхъ.
Мы же, печаль отложивъ и отерши пролитыя слезы,
Снова начнемъ пировать; для умытія рукъ подадутъ намъ
Свѣтлой воды, а на утро опять разговоръ съ Телемакомъ
Я заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынѣ
Такъ онъ сказалъ и умыться имъ подалъ воды Асфалеонъ,
Спальникъ проворный царя Менелая великаго славой.
Подняли руки они къ предложенной имъ лакомой пищѣ.
Умная мысль пробудилась тогда въ благородной Еленѣ:
Въ чаши она круговыя подлить вознамѣрилась соку,
Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенье
Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ, съ благотворнымъ
Слитаго сокомъ, былъ веселъ весь день и не могъ бы заплакать,
Если бъ и мать и отца неожиданной смертью утратилъ,

Если бъ нечаянно брата лишился иль милаго сына,
Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдью.
Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ сокомъ чудеснымъ;
Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга Ѳона,
Имъ надѣлила; земля тамъ богатообильная много
Злаковъ рождаетъ и добрыхъ цѣлебныхъ и злыхъ ядовитыхъ;
Каждый въ народѣ тамъ врачъ, превышающій знаньемъ глубокимъ
Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова рода.
Соку въ вино подмѣшавъ и вино разнести повелѣвши,
Стала царица Елена бесѣдовать снова съ гостями:
Царь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, и всѣ вы,
Дѣти отцевъ знаменитыхъ, различное людямъ различнымъ,
Злое и доброе, Дій посылаетъ, все Дію возможно.
Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечерней и сладкимъ
Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бываломъ
Вамъ разскажу — хоть всего разсказать и припомнить нельзя мнѣ —

Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ, подвизался и что онъ,
Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ предпріялъ и исполнилъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ претерпѣли, Ахейцы.
Тѣло свое безпощадно изсѣкши бичемъ недостойнымъ,
Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ невольникъ, вошелъ онъ
Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ;
Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ платьѣ казался
Нищимъ, какимъ никогда межъ Ахеянъ его не видали.
Такъ посреди онъ Троянъ укрывался; безъ смысла, какъ дѣти,
Были они; я одна догадалася, кто онъ; вопросы
Стала ему предлагать я — онъ хитро отъ нихъ уклонился;
Но когда, и омывши его и натерши елеемъ,
Платье на плечи ему возложила я съ клятвой великой:
Тайны его никому не открыть въ Иліонѣ враждебномъ
Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ крутобокимъ,
Все мнѣ о замыслѣ хитромъ Ахеянъ тогда разсказалъ онъ.

Многихъ Троянъ длинноострою мѣдью меча умертвивши,
Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ невредимъ возвратился.
Многія вдовы Троянскія громко рыдали, въ моемъ же
Сердцѣ веселіе было: давно ужъ стремилось въ родную
Землю оно, и давно я скорбѣла, виной Афродиты
Вольно ушедшая въ Трою изъ милаго края отчизны,
Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь и супруга,
Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица красотою.
Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
Истинно то, что, жена, разсказала ты намъ о бываломъ;
Случай имѣлъ я узнать помышленья, поступки и нравы
Многихъ людей благородныхъ и много земель посѣтилъ я,
Но никогда и нигдѣ мнѣ досель человѣкъ, Одиссею,
Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, подобный, еще не встрѣчался.
Вотъ что, могучій, онъ тамъ наконецъ предпріялъ и исполнилъ,
Въ чревѣ глубокомъ коня (гдѣ Ахейцы избранные были

Скрыты) погибельный ковъ и убійство врагамъ приготовивъ;
Къ намъ ты тогда подошла — по внушенію злому конечно
Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ Троянамъ —
Вслѣдъ за тобою туда же пришелъ Деифобъ благородный;
Трижды громаду ты съ нимъ обошла и, отвсюду ощупавъ
Ребра ея, начала вызывать поименно Аргивянъ,
Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая искусно.
Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ Царемъ Одиссеемъ, сокрытымъ
Въ темной утробѣ громады, знакомые слышались звуки.
Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ Тидеевомъ сынѣ
Выйти наружу иль громко тебѣ извнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; остальные жъ,
Въ чревѣ коня притаяся, глубоко молчали Ахейцы.
Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой подать порывался
Голосъ; но Царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ погибели всѣхъ насъ избавилъ;

Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волѣ Аѳины.
Тутъ Менелаю сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Царь благородный Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Вдвое прискорбнѣй, что онъ не избѣгъ отъ губящаго рока;
Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ желѣзное сердце?.....
Время однако ужъ намъ о постеляхъ подумать, чтобъ, сладко
Въ сонъ погрузившись, на нихъ успокоить усталые члены.
Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла немедля рабынямъ
Въ сѣняхъ кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягкимъ покровомъ для тѣла косматыя мантіи бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай;
Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно заснули
Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизистратъ благородный.
Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и Атридъ златовласый,

Подлѣ царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ и царь Менелай, вызыватель въ сраженье;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицемъ лучезарному богу подобный.
Сѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ; послѣ спросилъ онъ:
Что побудило тебя по хребту безпредѣльнаго моря
Въ царственный градъ Лакедемонъ прибыть, Телемакъ благородный?
Нужда какая? своя иль народная? Правду скажи мнѣ.
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судьбѣ Одиссея.
Гибнетъ мое достоянье, мои разоряются земли,
Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, безжалостно бьющихъ
Мелкій нашъ скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ;

Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ терзаютъ.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
Видѣлъ глазами иль что отъ какого случайно услышалъ
Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя, и изъ жалости словъ не смягчая,
Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ Одиссей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, Ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все разскажи мнѣ.
Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ Менелай златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго домъ многославный,
Сами безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцевъ положила, сама же

Стала бъ по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище —
Разомъ бы страшная участь птенцевъ безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лезбосѣ, обильно людьми населенномъ —
Гдѣ, съ силачемъ Филомилидомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость Ахейцамъ —
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно и мною обманутъ не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской проницательный старецъ,
То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Все еще боги въ отечество милое мнѣ изъ Египта
Путь заграждали: обѣщанной я не свершилъ экатомбы;

Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы вѣрны обѣтамъ.
На́ морѣ шумно-широкомъ находится островъ, лежащій
Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фа́росъ;
Онъ отъ бреговъ на такомъ разстояньи, какое удобно
Въ день съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ корабль пробѣгаетъ.
Пристань находится вѣрная тамъ, изъ которой большія
Въ море выходятъ суда, запасенныя темной водою.
Двадцать тамъ дней я промедлилъ по волѣ боговъ и ни разу
Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный отплытію вѣтеръ,
Спутникъ желанный пловцамъ по хребту многоводнаго моря.
Мы ужъ истратили всѣ путевые запасы и люди
Бодрость теряли, какъ, сжалясь надъ нами, спасла насъ богиня,
Хитраго старца морскаго цвѣтущая дочь Идоѳея.
Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, повстрѣчавшись со мною,
Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей бросивъ:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу

Остросогбенными крючьями удили — голодъ терзалъ ихъ.
Съ ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши, сказала богиня:
Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное? Сердцемъ ли робокъ?
Лѣнь ли тобой овладѣла? Иль самъ ты своимъ веселишься
Горемъ, что долго такъ медлишь на островѣ нашемъ, не зная,
Что предпринять и сопутниковъ всѣхъ повергая въ унылость?
Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебѣ я открою:
Нехотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю; быть можетъ нанесъ я
Чѣмъ оскорбленье богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Ты же скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могучіе боги),
Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?
Такъ вопросилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Здѣсь пребываетъ издавна морской проницательный старецъ,

Равный безсмертнымъ Протей, Египтя́нинъ, извѣдавшій моря
Всѣ глубины и царя Посидона державѣ подвластный;
Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго я родилася.
Если бъ какое ты средство нашелъ овладѣть имъ внезапно,
Все бъ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?
Если жъ захочешь, божественный, скажетъ тебѣ и о томъ онъ,
Что у тебя и худаго и добраго дома случилось
Съ тѣхъ поръ, какъ странствуешь ты по морямъ безпріютно-пустыннымъ.
Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
Насъ ты сама научи овладѣть хитромысленнымъ старцемъ
Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ намѣренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолѣть человѣку могучаго бога.
Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Здѣсь ежедневно, лишь Ге́ліосъ неба пройдетъ половину,

Въ вѣяньи вѣтра, съ великимъ волненіемъ темныя влаги,
Водъ глубину покидаетъ морской проницательный старецъ;
Вышедъ изъ волнъ, отдыхать онъ ложится въ пещерѣ глубокой;
Вкругъ тюленй хвостоногіе дѣти младой Алозидны,
Стаей ложатся, и спятъ, и, покрытые тиной соленой,
Смрадъ отвратительный моря на всю разливаютъ окрестность.
Только что явится Эосъ, я мѣсто найду, гдѣ удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищамъ сильнымъ
Тремъ повели за собою прійти съ кораблей крутобокихъ.
Я же тебѣ разскажу о волшебствахъ коварнаго старца:
Прежде всего тюленей онъ считать и осматривать станетъ;
Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напослѣдокъ и самъ онъ
Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ стада, и въ сонъ погрузится.
Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погрузился онъ, силы
Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко начнетъ онъ
Биться и рваться—изъ рукъ вы его не пускайте; тогда онъ

Разные виды начнетъ принимать и являться вамъ станетъ
Всѣмъ, что ползетъ по землѣ, и водою, и пламенемъ жгучимъ;
Вы жъ, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ сильнѣе держите.
Но, какъ скоро тебѣ человѣческій голосъ подастъ онъ,
Снова принявши тотъ образъ, въ какомъ онъ заснулъ—вы немедля
Бросьте его; и тогда благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раздраженъ и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?
Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое лоно.
Я же пошелъ къ кораблямъ, на пескѣ неподвижно стоявшимъ,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу
Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами багряными Эосъ;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, съ молитвой

Прежде колѣна склонивъ предъ богами, пошелъ я; со мною
Были три спутника сильныхъ, на всякое дѣло отважныхъ.
Тою порой, погрузившись въ глубокое море, четыре
Кожи тюлѐньи изъ водъ принесла намъ богиня; недавно
Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть, на песчаномъ
Берегѣ ямы она приготовила намъ и сидѣла,
Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ ней подошли мы.
Въ ямы уклавши и кожами сверху покрывъ насъ, богиня
Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь; нестерпимо насъ мучилъ
Смрадъ тюленѐй, напитавшихся горечью влаги соленой—
Сносно ль межъ чудами моря живому лежать человѣку?
Но Идоѳея бѣдѣ помогла и страданіе наше
Кончила, ноздри амврозіей намъ благовонной помазавъ:
Былъ во мгновеніе запахъ чудовищъ морскихъ уничтоженъ.
Цѣлое утро съ мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли изъ водъ наконецъ тюлени и рядами

Другъ подлѣ друга вдоль шумнаго берега всѣ улеглися.
Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Своихъ тюленей онъ
Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ и началъ считать ихъ и первыхъ
Счелъ межъ своими подводными чудами насъ, не проникнувъ
Тайнаго кова; и самъ напослѣдокъ межъ ними улегся.
Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной рукою всѣ вмѣстѣ
Мы обхватили его; но старикъ не забылъ чародѣйства;
Вдругъ онъ въ свирѣпаго съ гривой огромною льва обратился;
Послѣ предсталъ намъ дракономъ, пантерою, вепремъ великимъ,
Быстротекучей водою и деревомъ густовершиннымъ;
Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ упорнѣй держали.
Онъ напослѣдокъ, увидя, что всѣ чародѣйства напрасны,
Сдѣлался тихъ и ко мнѣ наконецъ обратился съ вопросомъ:
Кто изъ безсмертныхъ тебѣ указалъ, Менелай благородный,
Средство обманомъ меня пересилить? Чего ты желаешь?
Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:

Старецъ, тебѣ ужъ извѣстно (зачѣмъ притворяться?), что медлю
Здѣсь я давно по неволѣ, не зная, на что мнѣ рѣшиться,
Сердцемъ тревожась и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость.
Лучше скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могучіе боги),
Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?
Такъ у него я спросилъ, и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Долженъ бы Зевсу владыкѣ и прочимъ богамъ экатомбу
Ты, съ кораблями пускаяся въ путь, совершить, чтобъ скорѣе,
Темное море измѣривъ, въ отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебѣ суждено не видать, ни возлюбленныхъ ближнихъ
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желаннаго края отчизны
Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба потоку Египту
Вновь не придешь и обѣщанной тамъ не свершишь экатомбы
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Иначе боги увидѣть отчизну тебѣ не дозволятъ.

Такъ онъ сказалъ и во мнѣ разтерзалося милое сердце:
Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ туманнаго моря,
Вновь продолжительнотруднымъ путемъ возвращаться въ Египетъ.
Такъ напослѣдокъ, отвѣтствуя, хитрому старцу сказалъ я:
Что повелѣлъ ты, божественный старецъ, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скрывая:
Всѣ ль въ корабляхъ невредимо Ахейцы, съ которыми въ Троѣ
Мы разлучилися, Несторъ и я, возвратились въ отчизну?
Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ погибъ съ кораблями?
Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги, скончался?
Такъ я спросилъ у него, и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Царь Менелай! не къ добру ты меня вопрошаешь, и лучше бъ
Было тебѣ и не знать и меня не распрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всемъ разскажу я подробно.
Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы осталися многіе; двумъ лишь
Только вождямъ мѣднолатныхъ Аргивянъ домой возвратиться

Смерть запретила (кто палъ на сраженьи, то вѣдаешь самъ ты);
Третій живой средь пустыннаго моря въ неволѣ крушится.
Съ длинновесе́льными въ бурю морскую погибъ кораблями
Сынъ Оилѐевъ Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской
Бросилъ скалѣ; самого же Аякса изъ водъ онъ исторгнулъ;
Спасся бъ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аѳинѣ,
Если бъ въ безумствѣ изрѣчь не дерзнулъ святотатнаго слова:
Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжитъ потопленья.
Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано было;
Сильной рукой онъ во гнѣвѣ схватилъ свой ужасный трезубецъ,
Имъ по Гирейской ударилъ скалѣ и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками разсыпавшись, въ море другая
Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ;
Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее море;
Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соленою влагой.
Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ: невредимо ко брегу

Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный владычицей Ирой.
Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ Маллеи
Былъ онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильнымъ
Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ крайнимъ предѣламъ
Области бросило той, гдѣ Ѳіестъ обиталъ, и гдѣ послѣ
Царское было жилище Ѳіестова сына Эгиста.
Скоро однако опять успокоилось море, и боги
Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ проводилъ онъ.
Радостно вождь Агаме́мнонъ ступилъ на родительскій берегъ.
Сталъ цѣловать онъ отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролилъ обильно онъ теплыя слезы.
Но издале́ка съ подзорной стоянки увидѣлъ Атрида
Сторожъ, Эгистомъ поставленный (злое замысля, ему онъ
Дать обѣщалъ два таланта); и тамъ наблюдалъ онъ ужъ цѣлый
Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ въ расплохъ, возвратяся незапно.
Съ вѣстью о немъ роковой побѣжалъ онъ въ жилище Эгиста.

Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ приготовилъ:
Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ выбравъ,
Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ изобильный;
Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду на встрѣчу
Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя недоброе въ сердцѣ;
Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на веселомъ
Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
Люди съ Атридомъ пришедшіе, всѣ до единаго пали,
Но и Эгистовы съ ними сообщники также погибли.
Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалося милое сердце:
Горько заплакавъ, упалъ я на землю; мнѣ стала противна
Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
Плакалъ, и долго лежалъ на землѣ, безутѣшно рыдая.
Но напослѣдокъ сказалъ мнѣ морской проницательный старецъ:
Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не долженъ;
Слезы твои ничему не помогутъ: а лучше подумай,

Какъ бы тебѣ самому возвратиться скорѣе въ отчизну.
Или застанешь его ты живаго, иль будетъ Орестомъ
Онъ ужъ убитъ; ты тогда подоспѣешь къ его погребенью.
Такъ онъ сказалъ, ободрился мой духъ и могучее снова
Сердце мое, не смотря на великую скорбь, оживилось.
Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею крылатое слово:
Знаю теперь о двоихъ; объяви же, кто третій, который,
Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ неволѣ крушится?
Или ужъ нѣтъ и его? Сколь ни горько, но слушать готовъ я.
Такъ я Протея спросилъ и отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Это Лаэртовъ божественный сынъ, обладатель Итаки.
Видѣлъ его я на островѣ, льющаго слезы обильно
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
Посланъ богами — туда гдѣ живетъ Радамантъ златовласый,
(Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло́ безпечальные дни человѣка,
Гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ;
Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ),
Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса.
Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
Я же съ друзьями отважными вновь къ кораблямъ возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу
Собралъ людей я, божественно-темная ночь наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ,
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:

Сдвинули съ берега мы корабли на священное море;
Мачты поднявъ и развивъ паруса, на судахъ собралися
Всѣ мореходные люди и, сѣвши у веселъ на лавкахъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Снова направилъ къ бѣгущему съ неба потоку Египту
Я корабли, и успѣшно на брегѣ его совершилъ экатомбу;
Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ, совершивъ экатомбу,
Холмъ гробовой Агамéмнону брату на вѣчную память
Тамъ я насыпалъ; и поплыли мы, и послали попутный
Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое насъ проводилъ онъ.
Ты жъ, Телемакъ, у меня погостишь и отсель не поѣдешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать;
Послѣ тебя отпущу съ дорогими подарками; дамъ я
Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей блестящей, и съ ними
Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь вседневно
Ты, поминая меня, предъ богами творить возліянье.

Царь Менелай, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмѣрно;
Здѣсь у тебя я съ великою радостью могъ бы и цѣлый
Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ роднымъ возвратиться,
Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣняютъ
Душу мою; но сопутники въ Пилосѣ ждутъ съ нетерпѣньемъ
Нынѣ меня: ты жъ напротивъ желаешь, чтобъ здѣсь я промедлилъ.
Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ бы удобно хранить я
Дома; коней же въ Итаку мнѣ взять не возможно: оставь ихъ
Здѣсь утѣшеньемъ себѣ самому; ты владѣешь землею
Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотосъ и галгантъ
Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ.
Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ въ Итакѣ;
Горныя пажити наши для козъ не для коней привольны;
Рѣдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ
Островъ, объятый волнами; Итака же менѣе прочихъ.

Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель въ сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказалъ онъ:
Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна порода,
Сынъ мой; но вмѣсто коней я могу подарить и другое,
Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ, которыми домъ мой
Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу нынѣ;
Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь Сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Въ домѣ царя собралися тѣмъ временемъ званые гости,
Козъ и овецъ приведя и вина дорогаго принесши
(Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія въ свѣтлыхъ повязкахъ).
Такъ все готовилось къ пиру въ высокихъ палатахъ Атрида.—

Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ буйныя игры.
Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ сидѣли особо,
Прочихъ вожди, передъ всѣми отличные мужеской силой.
Фро́ніевъ сынъ Ноэмо̀нъ, подошедъ къ нимъ, сидѣвшимъ особо,
Слово такое сказалъ, обратясь къ Антиною съ вопросомъ:
Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антиной объявить, иль не можетъ,
Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пилоса будетъ?
Взятъ у меня имъ корабль — самому мнѣ онъ надобенъ нынѣ:
Плыть мнѣ въ Элиду широкополяную нужно; двѣнадцать
Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ работящихъ;
Дикіе всѣ; я хотѣлъ бы поймать одного, чтобъ объѣздить.
Такъ онъ сказалъ; женихи изумились; войти не могло имъ
Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Нелеевомъ Пилосѣ; мнили напротивъ
Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ стадамъ иль къ своимъ свинопасамъ.

Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ спросилъ Ноэмона:
Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ уѣхалъ? Какіе
Были съ нимъ люди? Свободные ль, взятые имъ изъ народа?
Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ онъ то сдѣлать?
Также скажи откровенно, чтобъ истину вѣдать могли мы:
Силою ль взялъ у тебя онъ корабль быстроходный, иль самъ ты
Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ попросилъ онъ?
Фро́ніевъ сынъ Ноэмо́нъ, отвѣчая, сказалъ Антиною:
Отдалъ я самъ произвольно, и всякой другой поступилъ бы
Такъ же, когда бы къ нему обратился такой огорченный
Съ просьбою мужъ — ни одинъ бы ему отказать не помыслилъ.
Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ самыхъ отличныхъ
Выбраны гражданъ; и ихъ предводителемъ былъ, я замѣтилъ,
Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся въ Менторовъ образъ:
Ибо я былъ изумленъ несказанно — божественный Менторъ
Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хоть и сѣлъ на корабль онъ съ другими.

Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю въ домъ возвратиться.
Но Антиной съ Эвримахомъ исполнены были тревоги;
Бросивъ игру, женихи собралися и сѣли кругомъ ихъ.
Къ нимъ обратяся, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ, кипящій
Гнѣвомъ — и грудь у него подымалась, тѣснимая черной
Злобой, и очи его, какъ огонь пламенѣющій, рдѣли:
Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло пустившись
Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали:
Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнѣйшихъ взявъ изъ народа.
Будетъ впередъ намъ и зло и бѣда отъ него. Но погибни
Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!
Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью снарядите гребцами, чтобъ могъ я,
Въ море за нимъ устремившись, его на возвратной дорогѣ
Между Итакой и Замомъ крутымъ подстеречь, чтобъ въ погибель
Плаванье вслѣдъ за отцемъ для него самого обратилось.

Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе.
Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссеевъ.
Но Пенелопа недолго въ незнаньи осталась о хитромъ
Буйныхъ ея жениховъ заговорѣ на жизнь Телемака;
Все ей Медонтъ, благородный глашатай, открылъ: недалеко
Былъ онъ, когда совѣщались они, и подслушалъ ихъ рѣчи.
Съ вѣстью немедленно онъ по дворцу побѣжалъ къ Пенелопѣ.
Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда благородными присланъ?
Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что рабынямъ Царя Одиссея
Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ скорѣй приготовить?
О! когда бы они отъ меня отступились! Когда бы
Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно
Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу
Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ разумныхъ отцевъ не случалось

Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ обхожденіи съ ними,
Какъ никому не нанесъ онъ, ни словомъ, ни дѣломъ, обиды
Въ цѣломъ народѣ; хотя многосильнымъ царямъ и обычно
Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить, а другихъ ненавидѣть,
Но отъ него не видалъ оскорбленья никто изъ живущихъ.
Здѣсь же лишь ваше безстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вамъ неумѣстно.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
О царица, когда бы лишь въ этомъ все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснѣйшей намъ угрожаютъ
Нынѣ бѣдой — да успѣха не дастъ имъ Зевесъ громовержецъ!
Острымъ мечемъ замышляютъ они умертвить Телемака,
Выждавъ его на возвратномъ пути: о родителѣ свѣдать
Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедемонъ.
Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и сердце у бѣдной
Матери; долго была безсловесна она, и слезами

Очи ея затмѣвались и ей не покорствовалъ голосъ.
Съ духомъ собравшись, она наконецъ, отвѣчая, сказала:
Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя мое? Нужно ль
Было ввѣряться ему кораблямъ, водяными конями
Быстро носящимъ людей мореходныхъ по влагѣ пространной?
Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и имя его истребилось?
Выслушавъ слово ея, благородный Медонтъ отвѣчалъ ей:
Мнѣ неизвѣстно, внушенью ль онъ бога послѣдовалъ, самъ ли
Въ сердцѣ отплытіе въ Пилосъ замыслилъ, чтобъ свѣдать, въ какую
Землю родитель судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ?
Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ царскаго дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Долѣ на стулѣ она не могла; хоть и много ихъ было
Въ свѣтлыхъ покояхъ ея, но она на порогѣ сидѣла,
Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися рабыни,
Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилищѣ и юныхъ и старыхъ.

Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ такъ Пенелопа:
Слушайте, милыя; далъ мнѣ печали Зевесъ Олимпіецъ
Болѣе всѣхъ, на землѣ современно со мною рожденныхъ;
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
Всякой высокою доблестью въ сонмѣ Данаевъ отличный,
Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ.
Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною; безславно умчали
Бури отсюда его, и о томъ я не свѣдала прежде;
О вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не пришло вамъ
Вóвремя въ мысли меня разбудить? А конечно ужъ знали
Всѣ вы, что онъ собрался въ кораблѣ удалиться отсюда.
О! для чего не сказалъ мнѣ никто, что отплыть онъ замыслилъ!
Или тогда бъ, отложивши отъѣздъ, онъ остался со мною,
Или сама бъ я осталася мертвою въ этомъ жилищѣ.
Но позовите скорѣе ко мнѣ старика Доліона;
Вѣрный слуга онъ; въ приданое данъ мнѣ отцемъ и усердно

Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ. Къ Лаэрту немедля
Долженъ пойти онъ и, сѣвъ близъ него, о случившемся нынѣ
Старцу сказать; и Лаэртъ, все разумно обдумавъ, быть можетъ,
Съ плачемъ предстанетъ народу, который губить допускаетъ
Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына.
Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала царицѣ:
Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня безпощадною мѣдью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было извѣстно мнѣ все; по его повелѣнью дала я
Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же великую клятву
Взялъ онъ: молчать до двѣнадцати дней, иль пока ты не спросишь
Гдѣ онъ сама, иль другой кто отъѣзда его не откроетъ.
Свѣжесть лица твоего, онъ боялся, отъ плача поблекнетъ.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пойди, и молитву
Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эгидодержавца:

Ею конечно онъ будетъ спасенъ отъ грозящія смерти.
Но не печаль старика, ужъ печальнаго; вѣчные боги,
Думаю я, не совсѣмъ отвратились еще отъ потомковъ
Аркезіада; и родъ ихъ всегда обладателемъ будетъ
Царскаго дома и нивъ и полей плодоносныхъ въ Итакѣ.
Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ Аѳинѣ:
Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аѳина,
Если когда Одиссей благородный въ семъ домѣ обильно
Тучные бедра быковъ и овецъ сожигалъ предъ тобою,
Вспомни объ этомъ теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моихъ жениховъ злонамѣренныхъ нынѣ разрушивъ.
Такъ помолилась она и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли.

Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно надменныхъ:
Вѣрно теперь многославная наша царица готовитъ
Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ приготовлено сыну.
Такъ говорили они, не предвидя того, что и всѣмъ имъ
Было готово. Созвавъ ихъ, сказалъ Антиной, негодуя:
Буйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ неразумныхъ
Словъ воздержаться, чтобъ кто нибудь здѣсь разгласить ихъ не вздумалъ.
Лучше, отсель удаляся въ молчаньи, исполнимъ на дѣлѣ
То, что теперь на совѣтѣ согласномъ своемъ положили.
Выбравъ отважнѣйшихъ двадцать мужей изъ народа, поспѣшно
Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ на брегѣ песчаномъ.
Сдвинувъ съ песчанаго брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на немъ, всѣ уладили снасти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натянули. Когда же
Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собралися, всѣ вмѣстѣ,

Сѣвъ на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они въ ожиданьи пришествія ночи.
Той порою въ высокомъ покоѣ своемъ Пенелопа
Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли сынъ безпорочный,
Или погибнетъ, сраженный рукою убійцъ вѣроломныхъ?
Словно какъ левъ, окружаемый мало по малу стрѣлками,
Съ трепетомъ видитъ, что скоро ихъ цѣпью онъ будетъ обхваченъ,
Такъ отъ своихъ размышленій она трепетала. Но мирный
Сонъ прилетѣлъ, и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
Призракъ она сотворила, имѣвшій наружность прекрасной
Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы, съ которой
Царь Ѳессалійскія Феры, могучій Эвмелъ сочетался.
Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ Аѳина, дабы онъ
Тамъ, подошедъ къ погруженной въ печаль Пенелопѣ, ей слезы

Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье.
Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не тронувъ, безплотный
Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея головою, промолвилъ:
Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскуетъ ли милое сердце?
Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ запрещаютъ
Плакать и сѣтовать: твой Телемакъ невредимъ возвратится
Скоро къ тебѣ; онъ боговъ ни какой не прогнѣвалъ виною.
Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала,
Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вратахъ сновидѣній:
Другъ мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты донынѣ такъ рѣдко
Насъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю обитая.
Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала скорбѣть и крушиться.
Горе, объявшее духъ мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
Всякой высокою доблестью въ сонмѣ Данаевъ отличный,
Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ;

Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мной: онъ отважился въ море,
Отрокъ, нужды не видавшій, съ людьми говорить не обыкшій.
Болѣ о немъ я крушуся теперь, чѣмъ о бѣдномъ супругѣ;
Сердце дрожитъ за него, чтобъ бѣды съ нимъ какой не случилось
На морѣ зломъ иль въ чужой сторонѣ у чужаго народа?
Здѣсь же враждебные люди его стерегутъ, приготовивъ
Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогѣ въ отчизну.
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
Будь же спокойна и сердца не мучь, безразсудно тревожась.
Спутница есть у него и такая, которой бы всякой
Смертный съ надеждою ввѣрилъ себя — для нея все возможно —
Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ сожалѣя,
Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ велѣла богиня.
Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала:
Если ты вправду богиня и слышала голосъ богини,
То, умоляю, открой и его мнѣ печальную участь.

Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ велѣла богиня.

Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
Я ничего не могу объявить о судьбѣ Одиссея;
Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя; пустоpѣчіе вредно.
Призракъ тогда, сквозь замочную скважину двери провѣявъ
Воздухомъ легкимъ, пропалъ. Пробудяся отъ сна, Пенелопа
Ложе покинула; сердцемъ она ожила, поелику
Явно въ глубокую полночь предсталъ ей пророческій образъ.
Тою порой женихи въ кораблѣ водяною дорогой
Шли, неизбѣжную мысленно смерть Телемаку готовя.
Есть на равнинѣ соленаго моря утесистый островъ
Между Итакой и Замомъ гористымъ; его именуютъ
Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ пріютная пристань
Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ стали на стражѣ Ахейцы.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

Седьмой день до конца тридцать перваго.

Совѣтъ боговъ. Они посылаютъ Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ Эѳіоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкотеи покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня носятъ его бурныя волны; наконецъ ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Боги тогда собрались на великій совѣтъ; предсѣдалъ имъ
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею властію первый.
Стала Аѳина разсказывать имъ о бѣдахъ Одиссея,
Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его у Калипсы:
Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ теперь ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло—
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный;
Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ

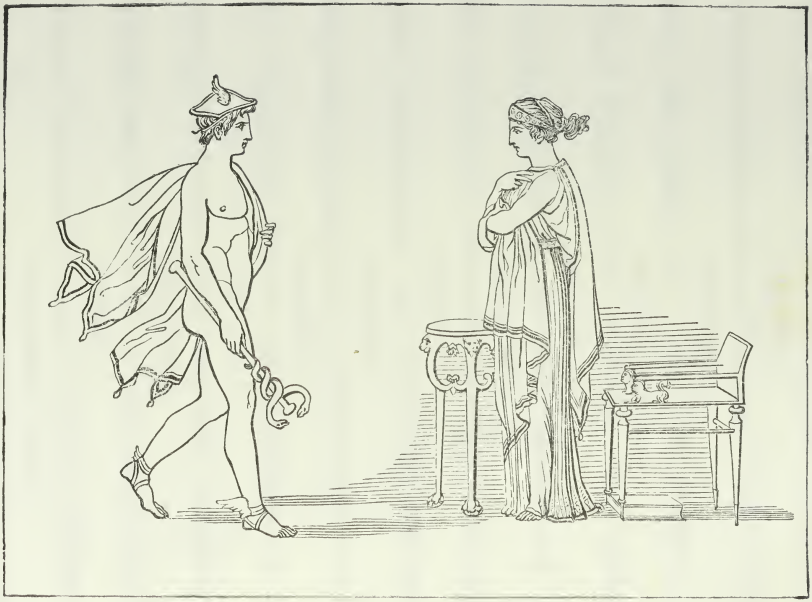
Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы, насильно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Нынѣ жъ враги и младаго хотятъ умертвить Телемака,
Въ морѣ внезапно напавъ на него: о родителѣ свѣдать
Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедемонъ.
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубитъ
Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей? Телемака жъ
Ты проводи осторожно сама — то конечно ты можешь;
Пусть невредимо онъ въ милую землю отцевъ возвратится;
Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, прибудутъ въ Итаку.
Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію, милому сыну:
Эрмій, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ прекраснокудрявой

Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣть
Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному; путь свой
Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ;
Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опаснаго много,
Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схеріи тучной,
Гдѣ обитаютъ родные богамъ Феакійцы; и будетъ
Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почесть:
Въ милую землю отцевъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ
Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоцѣнныхъ получитъ
Много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи
Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно могъ возвратиться.
Такъ напослѣдокъ по волѣ судьбы онъ возлюбленныхъ ближнихъ,
Землю отцевъ и богато украшенный домъ свой увидитъ.
Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ, Аргусоубійца.
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,
Амврозіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ

Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ,
Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у спящихъ.
Въ путь устремился съ жезломъ многосильный убійца Аргуса.
Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ эѳира слетѣлъ онъ;
Быстро помчался потомъ по волнамъ рыболовомъ крылатымъ,
Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверзстаго бурею нѣдра
Бездны безплодносоленой, купая въ ней сильныя крылья.
Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною, Эрмій
Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ.
Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самоё тамъ увидѣлъ.
Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ и весь островъ
Былъ накуренъ благовоніемъ кедра и дерева жизни,
Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня

Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ея окружали
Тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ кипарисы;
Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздилися тамъ длиннокрылыя птицы,
Копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая;
Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;
Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ и злаковъ
Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто зашелъ и безсмертный
Богъ — изумился бъ и радость въ его бы проникнула сердце.
Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сразитель Аргуса;
Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца,
Въ гротъ онъ глубокій вступилъ напослѣдокъ; и съ перваго взгляда

Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы другъ другу не могутъ безсмертные боги,
Даже, когда бъ и великое ихъ разлучало пространство).
Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмій не встрѣтилъ;
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море.
Эрмія сѣсть приглася на богато украшенныхъ креслахъ,
Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ спросила:
Эрмій, носитель жезла золотаго, почтенный и милый
Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня никогда не бывалъ ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде однако ты долженъ принять отъ меня угощенье.
Съ сими словами богиня, поставивши столъ передъ гостемъ,
Съ сладкой амврозіей нектаръ ему подала пурпуровый.



Эрмій. Калипсо.

Охотно исполню
Если исполнить возможно и если властна я исполнить

Пищи охотно вкусилъ благовѣстникъ, убійца Аргуса.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ нимфѣ прекраснокудрявой:
Знать отъ меня ты — отъ бога богиня — желаешь, зачѣмъ я
Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою исполняя.
Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда прилетѣлъ я —
Кто произвольно захочетъ измѣрить безплоднаго моря
Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ человѣка,
Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы?
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ
Между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить, ни нарушить.
Вѣдомо Дію, что скрытъ у тебя злополучнѣйшій самый
Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять
Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнувъ, отплывшихъ въ отчизну;
Но при отплытіи дерзко они раздражили Аѳину:
Бури послала на нихъ и великія волны богиня.

Онъ же, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.
Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою отосланъ;
Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;
Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ, родную
Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ увидѣлъ.
Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
Боги ревнивые, сколь вы безжалостно къ намъ непреклонны!
Васъ раздражила я, давъ злополучному, смертному мужу
Помощь, когда, обхвативъ корабельную доску, въ волнахъ онъ
Гибнулъ — корабль же его быстроходный былъ пламеннымъ громомъ
Зевса разбитъ посреди безпредѣльнопустыннаго моря:
Такъ онъ, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.
Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ, я хотѣла

Милому дать и безсмертье и вѣчноцвѣтущую младость.
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ
Между боговъ ни одинъ отклонить отъ себя, ни нарушить;
Пусть онъ — когда ужъ того такъ упорно желаетъ Кроніонъ —
Морю невѣрному снова предастся; помочь я не въ силахъ;
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Дать лишь совѣтъ осторожный властна я, дабы онъ отсюда
Могъ безпрепятственно въ милую землю отцевъ возвратиться.
Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ, убійца Аргуса:
Волю Зевеса уваживъ, немедля его отошли ты,
Или, боговъ раздраживъ, на себя навлечешь наказанье.
Такъ отвѣчавъ, удалился безсмертныхъ крылатый посланникъ.
Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею могучему мужу,
Волю Зевеса принявши изъ устъ благовѣстнаго бога.
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ, и очи

Были въ слезахъ; утекала медлительно, капля за каплей,
Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по далекой отчизнѣ.
Мрачный, всѣ дни проводилъ онъ, сидя на прибрежномъ утесѣ,
Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и очи,
Полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря.
Близко къ нему подошедши, сказала могучая нимфа:
Слезы отри, злополучный, и болѣ не трать въ сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревенъ большихъ нарубивъ топоромъ мѣдноострымъ и въ крѣпкій
Плотъ ихъ связавъ, по краямъ утверди ты перилы на толстыхъ
Брусьяхъ, чтобъ по морю темному плыть безопаснѣе было.
Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпуро́вымъ снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтобъ и голодъ и жажду легко ты
Могъ утолять; и одежды я дамъ; и пошлю за тобою
Вѣтеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей ты достигнулъ,
Если угодно богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ—

Мнѣ же ни разумомъ съ ними, ни властью равняться не можно.
Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, содрогнулся;
Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ крылатое слово:
Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня;
Какъ же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль быстроходный
Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ вѣтромъ попутнымъ?
Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плотъ ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что мнѣ ни какого вреда не замыслила нынѣ.
Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвѣчала:
Правду сказать, ты хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ;
Странное слово однако, отвѣтствуя мнѣ, произнесъ ты.
Но я клянусь и землей плодоносной и небомъ великимъ,
Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной

Клятвой, которой и боги не могутъ изречь безъ боязни,
Въ томъ, что тебѣ ни какого вреда не замыслила нынѣ.
Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала бы,
Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненьи великомъ;
Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь мнѣ,
Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное сердце.
Кончивъ, богиня богинь впереди Одиссея поспѣшнымъ
Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
Съ нею (съ безсмертною смертный) достигнувъ глубокаго грота,
Сѣлъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эрміемъ, креслахъ.
Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Мѣсто напротивъ его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амврозіи подали съ нектаромъ сладкимъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищѣ:
Послѣ жъ, когда утоленъ былъ ихъ голодъ питьемъ и ѣдою,

Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ милую землю отцевъ наконецъ предріявъ возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! но когда бы
Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія судьба назначаетъ
Злыя тревоги тебѣ испытать до прибытія въ домъ свой,
Ты бы остался со мною въ моемъ безмятежномъ жилищѣ.
Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но сердцемъ ты жаждешь свиданья
Съ вѣрной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройнымъ
Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя жены
Съ нами богинями спорить своею земной красотою?
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва меня; я довольно
Знаю и самъ, что не можно съ тобой Пенелопѣ разумной,
Смертной женѣ съ вѣчноюной безсмертной богиней, ни стройнымъ

Станомъ своимъ, ни лица своего красотою равняться;
Все я однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Домъ свой увидѣть и сладостный день возвращенія встрѣтить,
Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопленіе въ темной
Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою въ бѣдствіяхъ грудью:
Много встрѣчалъ я напастей, не мало трудовъ перенесъ я
Въ морѣ и битвахъ, пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
Дію. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ темная ночь наступила,
Въ сонъ Одиссей погрузился; богиня Калипсо заснула.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Всталъ Одиссей и поспѣшно облекся въ хитонъ и хламиду.
Свѣтлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя ткани
Плечи одѣла богиня свои, золотымъ драгоцѣннымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.
Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу;
Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій,

Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насаженный плотно,
Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
Вмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ,
Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья легкихъ.
Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
Въ гротъ свой глубокій Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Началъ рубить онъ деревья и скоро окончилъ работу;
Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою мѣдью
Выскоблилъ гладко, потомъ уравнялъ, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
Началъ буравить онъ брусья и, всѣ пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строитъ на прочномъ

Суднѣ, носящемъ товары купцевъ по морямъ безпредѣльнымъ.
Плотными брусьями крѣпкія ребра связавъ, напослѣдокъ
Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плотъ окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ ракитныхъ
Сучьевъ, на дно же различнаго грузу для тяжести бросилъ.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ (къ нему же
Всѣ, чтобъ его развивать и свивать, прикрѣпивши веревки),
Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу.
Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо.
Баней его освѣживъ и душистой облекши одеждой,
Нимфа три мѣха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцѣннымъ
Полонъ напиткомъ, другой ключевою водою, а третій

Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лакомой пищей.
Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ попутный.
Радостно парусъ напрягъ Одиссей и, попутному вѣтру
Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и могучей рукою
Руль обращая, онъ бодрствовалъ; сонъ на его не спускался
Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно
Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще Колесницы
Имя носящей и близъ Оріона свершающей вѣчно
Кругъ свой, себя никогда не купая въ водахъ океана.
Съ нею богиня богинь повелѣла ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по лѣвую руку.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился онъ въ море;
Вдругъ на осьмнадцатый видимы стали вдали надъ водами
Горы тѣнистой земли Феакіянъ, уже не далекой:
Чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ она простиралась.
Въ это мгновенье земли колебатель могучій, покинувъ

Край Эѳіопянъ, съ далекихъ Солимскихъ высотъ Одиссея
Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ немъ разгнѣвалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнувъ головой, онъ воскликнулъ:
Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ Эѳіопянъ
Праздновалъ, мнѣ вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достигъ онъ земли Феакіянъ, гдѣ встрѣтить напастей,
Свыше ему предназначенныхъ, долженъ конецъ; но еще я
Вдоволь успѣю его, ненавистнаго, горемъ насытить.
Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ
Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ
Вѣтры противные; облако темное вдругъ обложило
Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.
Разомъ и Эвръ и полуденный Нотъ и Зефиръ и могучій,
Свѣтлымъ рожденный Эѳиромъ, Борей взволновали пучину.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:

Горе мнѣ! что претерпѣть наконецъ мнѣ назначило небо!
Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну отчизны, я въ морѣ
Встрѣчу напасти великія: все исполняется нынѣ.
Страшными тучами вкругъ обложилъ безпредѣльное небо
Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю воздвигъ, отовсюду
Вѣтры противные скликавъ. Погибель моя наступила.
О! троекратно, стократно счастливы Данаи, въ пространной
Троѣ нашедшіе смерть, угождая Атридамъ! И лучше бъ
Было, когда бъ я погибъ и судьбу неизбѣжную встрѣтилъ
Въ день тотъ, какъ множество мѣдноокованныхъ копій Трояне
Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ тѣломъ Пелида;
Съ честью бъ я былъ погребенъ и была бъ отъ Ахеянъ мнѣ слава;
Нынѣ жъ судьба мнѣ безславно-печальную смерть посылаетъ...
Въ это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся надъ его головою; стремительно плотъ закружился;

Схваченный съ палубы въ море упалъ онъ стре - главъ, упустивши
Руль изъ руки; повалилася мачта, сломясь подъ тяжелымъ
Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ противъ друга, ударомъ;
Въ море далеко снесло и развившійся парусъ и райну.
Долго его глубина поглощала, и силъ не имѣлъ онъ
Выбиться къ верху, давимый напоромъ волны и стѣсненный
Платьемъ, богиней Калипсою даннымъ ему на прощаньи.
Вынырнулъ онъ напослѣдокъ, изъ устъ извергая морскую
Горькую воду, съ его бороды и кудрей изобильнымъ
Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако онъ вспомнилъ
Плотъ свой, за нимъ по волнамъ погнался, за него ухватился,
Взлѣзъ на него и на палубѣ сѣлъ, избѣжавъ потопленья;
Плотъ же бросали туда и сюда взгроможденныя волны:
Словно какъ шумный осенній Борей по широкой равнинѣ
Носитъ повсюду изсохшій, скатавшійся густо репейникъ,
По морю такъ беззащитное судно повсюду носили

Вѣтры; то быстро Борею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій
Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира.
Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотея,
Нѣкогда смертная дѣва, привѣтнорѣчивая Ино,
Послѣ богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ.
Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гонимаго бурей.
Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетѣла
Легкимъ полетомъ на твердосколоченный плотъ и сказала:
Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ?
Вовсе однако тебя не погубитъ онъ, сколь бы ни тщился.
Самъ на себя положися теперь (ты, я вижу, разуменъ);
Скинувши эту одежду, свой плотъ уступи произволу
Вѣтровъ и, бросившись въ волны, руками работая смѣло,
Вплавь до земли Феакіянъ достигни: тамъ встрѣтишь спасенье.
Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты одѣнешь

Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
Снявъ покрывало, немедля его въ многоводное море
Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ, удалися.
Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало.
Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она улетѣла
Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила.
Началъ тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе! не новую ль хитрость замысливъ, желаетъ богиня
Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плотъ мой оставить.
Нѣтъ, я того не исполню; неблизокъ еще, я примѣтилъ,
Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе будетъ.
Ждать я намѣренъ по тѣхъ поръ, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него не сойду я.

Но, какъ скоро волненье могучее плотъ мой разрушитъ,
Брошуся вплавь; я инаго теперь не придумаю средства.
Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
Поднялъ изъ бездны волну́ Посидонъ, потрясающій землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно онъ грянулъ
Ею въ него: какъ отъ быстраго вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ разорвавшись,
Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одинъ, Одиссеемъ
Пойманный, былъ имъ, какъ конь, убѣжавшій на волю, осѣдланъ.
Снявъ на прощаньи богиней Калипсою данное платье,
Грудь онъ немедля свою покрываломъ одѣлъ чудотворнымъ.
Руки простерши и плыть изготовясь, потомъ онъ отважно
Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель при этомъ
Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и воскликнулъ:
По морю бурному плавай теперь на свободѣ, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примутъ;

Будетъ съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ.
Такъ онъ сказавши, погналъ длинногривыхъ коней и умчался
Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ, высокихъ чертогахъ.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она повелѣла
Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирѣпствовать: волны жъ сама укрощала, чтобъ въ землю
Веслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ Феакіянъ достигнуть
Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ избѣжавши.
Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ былъ повсюду шумящимъ
Моремъ и гибель не разъ неизбѣжной казалась; когда же
Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно кудрявая Эосъ,
Вдругъ успокоилась буря и на́ морѣ все просвѣтлѣло
Въ тихомъ безвѣтріи. Поднятый къ верху волной и взглянувши
Быстро впередъ, невдали предъ собою увидѣлъ онъ землю.
Сколь несказанною радостью дѣтямъ бываетъ спасенье

Жизни отца, пораженнаго тяжкимъ недугомъ, всѣ силы
Въ немъ истребившимъ (понеже злой демонъ къ нему прикоснулся),
Послѣ жъ на радость имъ всѣмъ изцѣленнаго волей безсмертныхъ—
Столь Одиссей былъ обрадованъ брега и лѣса явленьемъ.
Поплылъ быстрѣй онъ, ступить торопяся на твердую землю.
Но, отъ нея на такомъ разстояньи, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ;
Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ высокій
Съ моря бросаясь, и весь онъ былъ облитъ соленою пѣной;
Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго мѣста;
Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе! на что мнѣ дозволилъ увидѣть нежданную землю
Зевсъ? И зачѣмъ до нея, пересиливши море, достигъ я?
Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ невозможенъ мнѣ доступъ;

Острые рифы повсюду; кругомъ расшибаяся плещутъ
Волны и гладкой стѣной воздвигается берегъ высокій;
Море жъ вблизи глубоко́ и нѣтъ мѣста, гдѣ было бъ возможно
Твердой ногой опереться, чтобъ гибели вѣрной избѣгнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучею волной
Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые, тщетно истративъ
Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ узнать, не найдется ль
Гдѣ нибудь берегъ отлогій иль пристань, страшуся, чтобъ снова
Бурей морскою я не былъ похищенъ, чтобъ рыбообильнымъ
Моремъ меня, вопіющаго жалобно, вдаль не умчало,
Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чудъ, Амфитритой
Въ морѣ питаемыхъ, мнѣ на погибель не выслалъ изъ бездны:
Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ земледержецъ.
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ;
Тѣло бъ его изорвалось и кости бъ его сокрушились,

Если бъ онъ вовремя свѣтлой богиней Аѳиной наставленъ
Не былъ руками за ближній схватиться утесъ; и къ нему прицѣпившись,
Ждалъ онъ, со стономъ на камнѣ вися, чтобъ волна пробѣжала
Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразясь, на возвратѣ
Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море.
Если полипа изъ ложа вѣтвистаго силою вырвешь,
Множество крупинокъ камня къ его прилѣпляется ножкамъ:
Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу лоскутьями кожа
Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой,
Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбѣжно бъ погибъ онъ,
Если бъ отважности въ душу его не вложила Аѳина.
Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплылъ онъ въ сторону, взоромъ преслѣдуя землю и тщася
Гдѣ нибудь берегъ отлогій иль мелкое мѣсто примѣтить.
Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки свѣтловодной.
Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ

Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита.
Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ молитвой:
Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ, столь желаннному, нынѣ
Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря.
Вѣчные боги всегда благосклонно внимаютъ молитвамъ
Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ
Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много великихъ
Бѣдъ претерпѣвшему; сжалься, могучій, подай мнѣ защиту.
Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ
Волны и, на̀ море тишь наведя, отворилъ Одиссею
Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились колѣна; повисли
Руки могучія: въ морѣ его изнурилося сердце;
Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ и ноздрями
Воду морскую, онъ палъ наконецъ, бездыханный, безгласный,
Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло.
Но напослѣдокъ, когда возвратились и память и чувство,

Съ груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ сліянную рѣку.
Быстро помчалася ткань по теченью назадъ, и богиня
Въ руки ее приняла. Одиссей, отъ рѣки отошедши,
Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе мнѣ! что претерпѣть я еще предназначенъ отъ неба!
Если на брегѣ потока безсонную ночь проведу я,
Утренній иней и хладный туманъ, отъ воды восходящій,
Вовсе меня, ужъ послѣднихъ лишеннаго силъ, уничтожатъ:
Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вѣетъ съ рѣки передъ утромъ.
Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ сѣнистаго лѣса
Въ чащѣ кустовъ я засну, то конечно не буду проникнутъ
Хладомъ ночнымъ, отдохну, и меня изцѣлитъ миротворный
Сонъ; но страшусь, не достаться бъ въ добычу звѣрямъ плотояднымъ.
Такъ размышлялъ онъ; ему наконецъ показалось удобнѣй

Выбрать послѣднее; въ лѣсъ онъ пошелъ, отъ рѣки недалёко
Росшій на холмѣ открытомъ. Онъ тамъ двѣ сплетенныя крѣпко
Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; въ сѣнь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
Сыростью дышащій вѣтеръ, ни Гéліосъ, знойно блестящій;
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода, такъ густо
Были онѣ сплетены. Одиссей, угнѣздившись подъ ними,
Легъ, напередъ для себя приготовивъ своими руками
Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
Въ зимнюю бурю, какъ сильно бъ она ни шумѣла, тамъ скрыться.
Груду увидя, обрадованъ былъ Одиссей несказанно.
Бросясь въ нее, онъ совсѣмъ закопался въ слежавшихся листьяхъ.
Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ
Въ полѣ далеко отъ мѣста жилаго, чтобъ пламени сѣмя
Въ ней сохраниться могло безопасно отъ злаго пожара:

Такъ Одиссей, подъ листами зарывшися, грѣлся, и очи
Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ скорѣе
Въ немъ оживить изнуренныя силы. И крѣпко заснулъ онъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать второй день.

Аѳина въ сновидѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь Феакійскаго царя Алкиноя, итти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платья въ потокѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся не далеко отъ города.

Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный
Въ сонъ и усталость. Аѳина же тою порой низлетѣла
Въ пышно-устроенный городъ любезныхъ богамъ Феакіянъ,
Жившихъ издавна въ широкополяной землѣ Иперейской,
Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ,
Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая:
Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
Въ Схеріи, тучной землѣ, далеко́ отъ людей промышлёныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой онъ въ обитель Аида.
Властвовалъ царь Алкиной, многоумiемъ богу подобный.

Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина Палла-
да;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой
Одиссея,
Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ
покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобясь младой, почи-
вала
Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Нав-
зикая.
Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ слу-
жанки, Харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и на̀крѣпко заперты
были
Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою
приближась,
Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня
Аѳина,
Образъ пріявшая дѣвы младой, мореходца Ди-
манта
Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней
однолѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня
сказала:
Видно тебя беззаботною мать родила, Навзи-
кая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ: а скоро
наступитъ
Брачный твой день: ты должна и себѣ пригото-
вить заранѣ
Платья и тѣмъ, кто тебя поведутъ къ жениху мо-
лодому.

Доброе имя одежды опрятностью мы наживаемъ;
Мать и отецъ веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навзикая, и на̀ рѣку мыть соберитеся всѣ вы
Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася.
Встань, и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
Взять всѣ повязки, покровы, и разныя платья, чтобъ также
Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ неприлично—
Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ.
Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подъемлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ

Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ;
Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.
Эосъ тогда златотронная, вставъ, разбудила младую
Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,
Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣньи
Чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица
Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
Нити пурпурныя тонко суча; а въ дверяхъ отворенныхъ
Встрѣтился ей и отецъ на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ
Шелъ, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей Феакійскихъ.
Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней уклавъ всѣ богатыя платья, которыхъ
Много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ.
Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почетныхъ

Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ;
Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы
Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.
Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей:
Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и коробъ.
Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна
Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,

Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ
Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна
Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ
Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ.
Бичъ и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно
Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной
Рысью, везя нелѣниво и грузъ и царевну. За нею
Слѣдомъ пошли молодыя подруги ея и служанки.
Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напослѣдокъ.
Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно
Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы
Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами
Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.

Начали платья онѣ полоскать и потомъ, дочиста̀ ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ.
На̀ берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
Пѣсню же стала сама бѣлорукая пѣть Навзикая.
Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эвримантъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, разпознать въ ней богиню Олимпа.

Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмѣвала царевна.
Стали онѣ наконецъ собираться домой; въ колесницу
Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.
Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,
Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна
Въ городъ людей Феакійскихъ ему указала дорогу:
Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но, въ нихъ не попавши,
Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прянулъ;
Громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.
Онъ поднялся и, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, воскликнулъ:
Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть можетъ, здѣсь область
Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, можетъ быть, встрѣчу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ?
Кажется, дѣвичій громкій вблизи мнѣ послышался голосъ.
Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ,
Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣчныхъ потаенныхъ, играютъ;

Или достигъ наконецъ я жилища людей говорящихъ.
Встанемъ же; должно мнѣ все самому испытать и развѣдать.
Съ сими словами изъ чащи кустовъ Одиссей осторожно
Выползъ; потомъ жиловатой рукою, покрытыхъ листами,
Свѣжихъ вѣтвей наломалъ, чтобъ одѣть обнаженное тѣло.
Вышелъ онъ — такъ, на горахъ обитающій, силою гордый,
Въ вѣтеръ и дождь на добычу выходитъ, сверкая глазами,
Левъ; на быковъ и овецъ онъ бросается въ полѣ, хватаетъ
Дикихъ оленей въ лѣсу, и нерѣдко, тревожимый гладомъ,
Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ къ пастушьимъ заградамъ.
Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣвамъ прекраснокудрявымъ
Нагъ подойти, приневоленъ къ тому непреклонной нуждою.
Былъ онъ ужасенъ, покрытый морскою засохшею тиной;
Въ трепетѣ всѣ разбѣжалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣста Аѳина.
Бодрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость.

Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ, что приличнѣй:
Оба ль колѣна обнять у прекраснокудрявыя дѣвы?
Или, въ почтительномъ ставъ отдаленьи, молить умиленнымъ
Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ указала?
Такъ размышляя, нашелъ наконецъ онъ, что было приличнѣй
Словомъ молить умиленнымъ, въ почтительномъ ставъ отдаленьи
(Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую дѣву).
Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обратился къ царевнѣ:
Руки, богиня иль смертная дѣва, къ тебѣ простираю.
Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ;
Если жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,
То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны
Братья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты передъ ними
Въ домѣ семейномъ столь мирно цвѣтешь, иль свои восхищая

Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь.
Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ смертный, который
Въ домъ свой тебя уведетъ, одаренную вѣномъ богатымъ.
Нѣтъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ
Взоры мои не встрѣчали донынѣ; смотрю съ изумленьемъ.
Въ Дѐлосѣ только я — тамъ гдѣ алтарь Аполлоновъ воздвигнутъ —
Юную стройновысокую пальму однажды замѣтилъ
(Въ храмъ же зашелъ, окруженный толпою сопутниковъ вѣрныхъ,
Я по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣтилось бѣдствій).
Юную пальму замѣтивъ, я въ сердцѣ своемъ изумленъ былъ
Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ не видалъ я.
Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, дивяся тебѣ, не дерзаю
Тронуть колѣней твоихъ: несказанной бѣдой я постигнутъ.
Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалося избѣгнуть
Моря: столь долго игралищемъ былъ я губительной бури,
Гнавшей меня отъ Огигіи острова. Нынѣ жъ сюда я

Демономъ брошенъ для новыхъ напастей — еще не конецъ имъ;
Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здѣсь я съ молитвою встрѣтилъ; никто изъ живущихъ
Въ этой землѣ не знакомъ мнѣ; скажи, гдѣ дорога
Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло хоть лоскутъ
Грубой обвертки, въ которой сюда привезла ты одежды.
О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ.
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.
Дочь Алкиноя, отвѣтствуя, такъ Одиссею сказала:
Странникъ, конечно твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ.
Дій же и низкимъ и рода высокаго людямъ съ Олимпа

Счастье даетъ безъ разбора по волѣ своей прихотливой;
Что ниспослалъ онъ тебѣ, то прими съ терпѣливымъ смиреньемъ.
Если жъ достигнуть ты могъ и земли и обителей нашихъ,
То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ претерпѣвшаго странника нужномъ, не встрѣтишь отказа.
Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и людей, въ немъ живущихъ.
Въ градѣ живетъ и землей здѣсь владѣетъ народъ Феакіянъ;
Я Алкиноя, царя благодушнаго, дочь; Алкиноя жъ
Нынѣ державнымъ владыкой своимъ признаютъ Феакійцы.
Тутъ обратилась царевна къ подругамъ своимъ и служанкамъ:
Стойте! куда разбѣжалися вы, устрашась иноземца?
Онъ человѣкъ незломышленный; нѣтъ вамъ причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нѣтъ и теперь и не можетъ
Быть и впередъ на землѣ никого, кто бъ на насъ Феакіянъ
Злое замыслилъ: насъ боги безсмертные любятъ; живемъ мы
Здѣсь, отъ народовъ другихъ въ сторонѣ, на послѣднихъ предѣлахъ

Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто изъ людей посѣщаетъ.
Нынѣ же встрѣтился намъ злополучный, бездомный скиталецъ:
Помощь ему оказать мы должны—къ намъ Зевесъ посылаетъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Страннику пищи съ питьемъ принести поспѣшите, подруги;
Прежде жъ его искупайте, отъ вѣтровъ защитное мѣсто
Выбравъ въ потокѣ. — Сказала; сошлись ободренныя дѣвы.
Въ мѣстѣ, отъ вѣтровъ защитномъ, его посадивъ, какъ велѣла
Имъ Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантію съ тонкимъ хитономъ онѣ близъ него положили.
Послѣ, принесши фіалъ золотой съ благовоннымъ елеемъ,
Стали его приглашать къ омовенію въ свѣтломъ потокѣ.
Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвѣчалъ имъ:
Дѣвы прекрасныя, станьте поóдаль; безъ помощи вашей
Смою съ себя я соленую тину, и самъ наелею
Тѣло; давно ужъ елей благовонный къ нему не касался.

Но передъ вами купаться не стану я въ свѣтломъ потокѣ;
Стыдно себя обнажить мнѣ при васъ, густовласыя дѣвы.
Такъ онъ сказалъ; и онѣ, удаляся, о томъ извѣстили
Царскую дочь. Одиссей же, въ потокъ погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину ему и густые
Кудри его облѣпившую, смылъ освѣжительной влагой;
Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло умаслилъ елеемъ;
Послѣ украсился даннымъ младою царевною платьемъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина тогда Одиссея
Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегомъ моря пошелъ онъ, и сѣлъ на пескѣ, озаренный

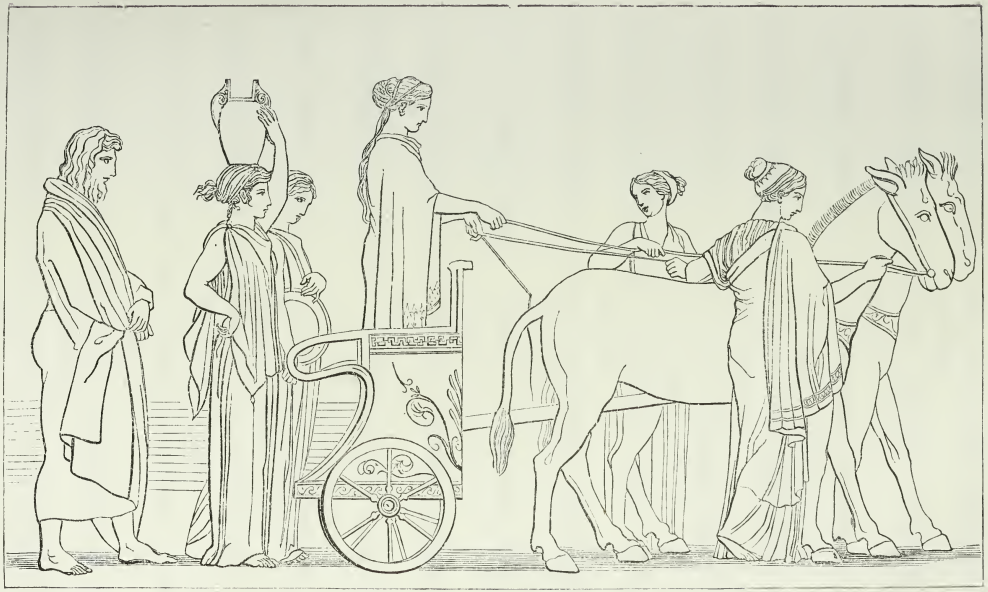
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потомъ обратила она къ густовласымъ подругамъ:
Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бѣлорукія дѣвы;
Думаю я, что не всѣми богами Олимпа гонимый
Этотъ скиталецъ въ страну Феакіянъ божественныхъ прибылъ;
Прежде и мнѣ человѣкомъ простымъ онъ казался; теперь же
Вижу, что свой онъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся, который,
Здѣсь поселившись, у насъ навсегда, захотѣлъ бы остаться!
Вы жъ чужеземцу ѣды и питья принесите, подруги.
Такъ говорила царевна. Ея повинуяся волѣ,
Дѣвы не медля ѣды и питья принесли Одиссею.
Съ жадностью голодъ и жажду свою утолилъ богоравный,
Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ давно не касался онъ пищи.
Добрая мысль пробудилась тутъ въ сердцѣ разумной царевны:
Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ уклала,

Муловъ потомъ запрягла крѣпконогихъ и, ставъ въ колесницу,
Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала:
Время намъ въ городъ; вставай, чужеземецъ, и слѣдуй за нами;
Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я тебѣ укажу; тамъ конечно
Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ людей Феакійскихъ; но прежде
Мой ты исполни совѣтъ (ты, я вижу разуменъ): покуда
Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ человѣка удобренныхъ, слѣдуй
Съ дѣвами вмѣстѣ за быстрой моей колесницею ровнымъ
Съ мулами шагомъ—у васъ впереди я поѣду; потомъ мы
Въ городъ прибудемъ..... съ бойницами стѣны его окружаютъ;
Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубокая; входъ же
Въ пристань стѣсненъ кораблями, которыми справа и слѣва
Берегъ уставленъ и каждый изъ нихъ подъ защитною кровлей;
Тамъ же и площадь торговая вкругъ Посидонова храма,
Твердо на тесаныхъ камняхъ огромныхъ стоящаго; снасти
Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ и канаты въ пространныхъ

Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія также готовятся весла.
Намъ Феакійцамъ не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ; вся забота
Наша о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ судахъ мореходныхъ;
Весело намъ въ корабляхъ обтекать многошумное море.
Я жъ отъ людей порицанья избѣгнуть хочу и обидныхъ
Толковъ; народъ нашъ весьма злоязыченъ; намъ встрѣтиться можетъ
Гдѣ нибудь дерзкій насмѣшникъ; увидя насъ вмѣстѣ, онъ скажетъ:
Съ кѣмъ такъ сдружилась царевна? Кто этотъ могучій, прекрасный
Странникъ? Откуда пришелъ? Не женихъ ли какой иноземный?
Что онъ? Морскою ли бурею къ намъ занесенный изъ дальнихъ
Странъ человѣкъ (ни какихъ мы въ сосѣдствѣ не знаемъ народовъ)?
Или какой по ея неотступной молитвѣ съ Олимпа на землю
Богъ низлетѣвшій — и будетъ она обладать имъ отнынѣ?
Лучше бъ самой ей покинуть нашъ край и въ странѣ отдаленной
Мужа искать; межъ людей Феакійскихъ никто не нашелся
Ей по душѣ, хоть и много у насъ жениховъ благородныхъ.

Вотъ что разсказывать могутъ въ народѣ; мнѣ будетъ обидно.
Я жъ и сама бы конечно во всякой другой осудила,
Если бъ, имѣя и мать и отца, безъ согласья ихъ стала,
Въ бракъ не вступивши, она обращаться съ мужчинами вольно.
Ты же совѣтъ мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую дастъ и отечество ты не замедлишь увидѣть):
Есть близъ дороги священная роща Аѳины изъ черныхъ
Тополей; свѣтлый источникъ оттуда бѣжитъ на зеленый
Лугъ; тамъ помѣстье царя Алкиноя съ его плодоноснымъ
Садомъ, въ такомъ разстояньи отъ града, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ. Тамъ сѣвъ, подожди ты до тѣхъ поръ, покуда
Мы не прибудемъ на мѣсто и царскихъ палатъ не достигнемъ; когда же
Ты убѣдишься, что царскихъ палатъ ужъ могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и распрашивай встрѣчныхъ,
Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алкиной многославный.
Домъ же его ты узнаешь легко: безсловесный младенецъ

Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ Феакіецъ
Здѣсь не имѣетъ такого жилища, въ какомъ обитаетъ
Царь Алкиной. Окруженный строеньями дворъ перешедши,
Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь залу къ покоямъ царицы;
Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты увидишь,
Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити
Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ.
Тамъ же и кресла царевы стоятъ у огня и, на нихъ онъ
Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колѣна
Матери милой моей, умоляй, чтобъ она поспѣшила
День возвращенья въ отчизну тебѣ даровать чужеземцу.
Если моленье твое съ благосклонностью приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.
Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичемъ Навзикая



Одиссей Навзикая

Но царевна
Муловъ держала на крѣпкихъ возжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали

Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣжали проворной
Рысью; другіе же пѣшіе слѣдомъ пошли; но царевна
Муловъ держала на крѣпкихъ возжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали
Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичемъ осторожно.
Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рощѣ
Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшися, началъ
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:
Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Нынѣ воньми ты молитвѣ, тобою невнятой, когда я
Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнѣвомъ;
Дай мнѣ найти и покровъ и пріязнь у людей Феакійскихъ.
Такъ говорилъ онъ, моляся; и былъ онъ Палладой услышанъ;
Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь
Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать втораго дня.

Одиссей входитъ въ городъ; у воротъ встрѣчается съ нимъ Аѳина подъ видомъ Феакійскія дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, никѣмъ не примѣченный, приближается къ Алкиноеву дому. Описаніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату, гдѣ царь въ то время пировалъ съ гостями, Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ и мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молитъ царицу о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его сѣсть за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, разсказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикаи. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на кораблѣ Феакійскомъ въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крѣпконогіе мулы
Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ палатъ, Навзикая
Взъѣхала прямо на дворъ и сошла съ колесницы; на встрѣчу
Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобные, братья;
Муловъ отпрягши, въ покои они отнесли всѣ одежды.
Царская дочь на свою половину пошла: развела тамъ
Яркій огонь ей рабыня Эпирская Эвримедуза
(Нѣкогда въ быстромъ ее кораблѣ увезли изъ Эпира.
Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже, надъ всѣми
Онъ Феакійцами властвуя, чтимъ былъ какъ богъ отъ народа.
Ею была Навзикая воспитана въ царскомъ жилищѣ).

Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ старушка.
Въ городъ направилъ тѣмъ временемъ путь Одиссей; но Аѳина
Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ замѣченъ
Онъ ни какимъ изъ надменныхъ гражданъ Феакійскихъ, который
Могъ бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать кто онъ.
Но, подошедъ ко вратамъ крѣпкозданнымъ прекраснаго града,
Встрѣтилъ онъ дочь свѣтлоокую Зевса богиню Аѳину
Въ видѣ несущей скудель молодой Феакійскія дѣвы.
Встрѣтившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей богоравный:
Дочь моя, можешь ли мнѣ указать тѣ палаты, въ которыхъ
Вашъ обладатель божественный царь Алкиной обитаетъ?
Многоиспытанный странникъ, судьбою сюда издалека
Я заведенъ; мнѣ никто незнакомъ здѣсь, никто изъ живущихъ
Въ городѣ вашемъ, никто изъ людей, обитающихъ въ полѣ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Странникъ, съ великой охотой палаты, которыхъ ты ищешь,

Я укажу; тамъ въ сосѣдствѣ живетъ мой отецъ безпорочный;
Слѣдуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду впереди я;
Ты же на встрѣчныхъ людей не гляди и не дѣлай вопросовъ
Имъ: иноземцевъ не любитъ народъ нашъ; онъ съ ними не ласковъ;
Люди радушнаго здѣсь гостелюбія вóвсе не знаютъ;
Быстрымъ ввѣряя себя кораблямъ, пробѣгаютъ безстрашно
Бездну морскую они, отворенную имъ Посидономъ;
Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья иль мысли.
Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Одиссея
Быстрымъ шагомъ, поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
Улицы съ ней проходя, ни однимъ изъ людей Феакійскихъ,
Нá морѣ славныхъ, онъ не былъ замѣченъ; того не хотѣла
Свѣтлокудрявая дѣва Паллада: храня Одиссея,
Тмой несказанной его отовсюду она окружила.
Онъ изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ безконечный
Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія стѣны

Чудной красы, неприступнымъ извнѣ огражденныя тыномъ.
Но, подошедъ къ многославному дому царя Алкиноя,
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ, которыхъ искалъ ты;
Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Алкиноя
Въ сонмѣ гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
Мужу безстрашному, кто бы онъ ни былъ, хотя бъ чужеземецъ,
Все по желанью вѣрнѣе другихъ исполнять удается.
Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши, къ царицѣ;
Имя царицы Арета; она отъ однихъ происходитъ
Предковъ съ супругомъ. Ихъ дѣдомъ былъ сынъ Посидоновъ, великій
Царь Навзитой; отъ него родились Рексеноръ съ Алкиноемъ.
Но Рексеноръ, сыновей не имѣвъ, сребролукимъ застрѣленъ
Былъ Аполлономъ на пирѣ вторичнаго брака, оставивъ
Дочь сиротою, Арету; и, съ ней Алкиной сочетавшись,
Такъ почитаетъ ее, какъ еще никогда не бывала

Въ свѣтѣ жена, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ;
Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ въ семействѣ
Дѣти и царь Алкиной; въ ней свое божество Феакійцы
Видятъ, и въ городѣ съ радостно-шумнымъ всегда къ ней тѣснятся
Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.
Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
Такъ, что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ.
Если моленья твои съ благосклонностью приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.
Такъ говоря, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась;
Моремъ безплоднымъ отъ Схеріи тучной помчавшись, достигла
Скоро она Мараѳона; потомъ въ многолюдныхъ Аѳинахъ
Въ домъ крѣпкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
Сердцемъ тревожился, стóя въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ.

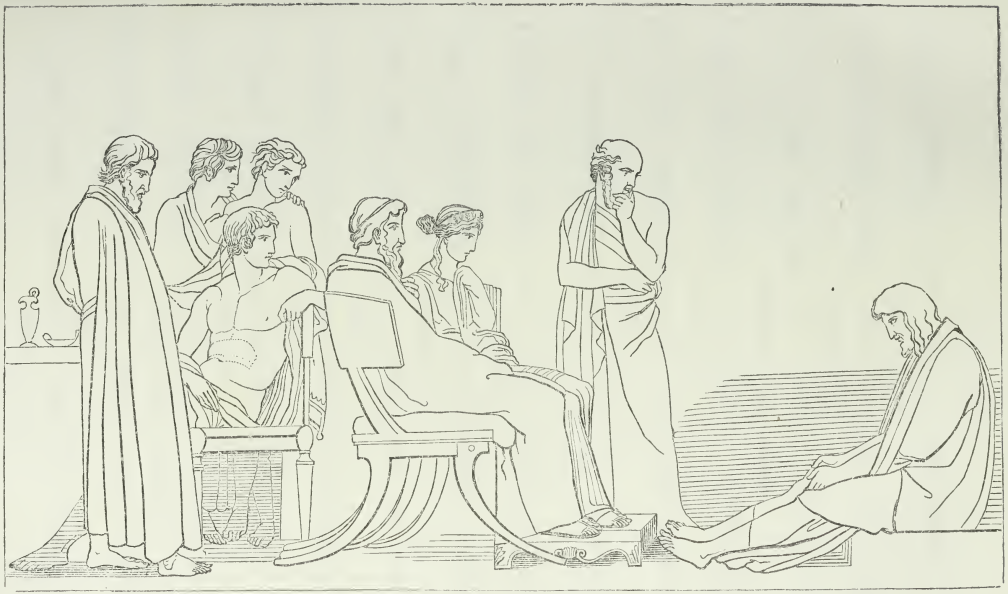
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольце золотое.
Двѣ — золотая съ серебряной — справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
Мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ
Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.

Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь Феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый
Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ
Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широкозершинныхъ,
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,

Такъ же и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощь и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь
Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.

Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.
Тамъ онъ узрѣлъ Феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, творящихъ
Зоркому богу, убійцѣ Аргуса, виномъ возліянье
(Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послѣдній).
Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей богоравный;
Скрытый туманомъ, которымъ его окружила Аѳина,
Прямо къ Аретѣ приблизился онъ и къ царю Алкиною,
Обнялъ руками колѣна царицы, и въ это мгновенье
Вдругъ разступилась его облекавшая тма неземная.
Всѣ замолчали, могучаго мужа незапно увидя;
Всѣ въ изумленьи смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ:
Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,
Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами

Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ
Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши
Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый.
Мнѣ жъ помогите, чтобъ я беспрепятственно могъ возвратиться
Въ землю отцевъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими.
Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.
Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе длилось.
Но наконецъ Эхеней благороднаго племени старецъ,
Ранѣе всѣхъ современныхъ ему Феакіянъ рожденный,
Сладкорѣчивый, и старыя были и многое знавшій,
Добрыхъ исполненный мыслей, сказалъ, обратясь къ Алкиною:
Царь Алкиной, неприлично тебѣ допускать, чтобъ молящій
Странникъ на пеплѣ сидѣлъ очага твоего передъ нами.
Почесть ему оказать ожидаемъ твоихъ повелѣній;
Съ пепла поднявши, на стулъ среброкованный съ нами его ты
Сѣсть пригласи и глашатаю въ чаши вина золотаго



Алкиной. Арета. Одиссей.

Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе длилось.

Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.
Гостю жъ пускай изъ запаса дастъ ключница пищи вечерней.
Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую.
За руку взявъ Одиссея, объятаго думой глубокой,
Съ пепла онъ поднялъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою
Рядомъ за столъ посадилъ, повелѣвъ уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подлѣ сидѣвшему, мѣсто пришельцу.
Тутъ для умытія рукъ поднесла на богатой лахани
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно. Ѣдой и питьемъ изобильнымъ
Сердце свое насладилъ Одиссей, многославный страдалецъ.
Тутъ Понтоною глашатаю бросилъ крылатое слово
Царь Феакіянъ: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ

Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.
Такъ онъ сказалъ, и, наполнивъ медвянымъ виномъ всѣ кратеры,
Въ чашахъ пирующимъ подалъ его Понтоной; возліянье
Стóя они совершили и вдоволь питьемъ насладились.
Царь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произнесъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, мужей Феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Кончился пиръ нашъ; теперь по домамъ на покой разойдитесь;
Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вельможъ пригласивши,
Снова придите, чтобъ странника здѣсь угостить и безсмертнымъ
Вмѣстѣ свершить экатомбу. Потомъ учредимъ отправленье
Гостя почтеннаго такъ, чтобъ подъ нашей надежной защитой
Онъ безъ тревогъ и препятствій поспѣшно и весело прибылъ
Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ нѝ былъ далéко;
Такъ же, чтобъ онъ ни печали ни зла на дорогѣ не встрѣтилъ

Прежде, пока не достигнетъ отчизны; когда же достигнетъ,
Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Парки
Въ нить бытія роковую вплели для него при рожденьи.
Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его посѣтилъ насъ,
То на умѣ ихъ конечно есть замыселъ, намъ неизвѣстный;
Ибо всегда намъ открыто являются боги, когда мы,
Ихъ призывая, богатыя имъ экатомбы приносимъ;
Съ нами они пировать безъ чиновъ за трапезу садятся;
Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ Феакійскимъ
Странникомъ встрѣтится — онъ не скрывается; боги считаютъ
Всѣхъ насъ родными, какъ дикихъ Циклоповъ, какъ племя Гигантовъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ помышленьемъ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, ни видомъ
Я не подобенъ, ни станомъ; простой человѣкъ я, изъ всѣхъ, вамъ
Въ мірѣ извѣстныхъ людей земнородныхъ, судьбою гонимыхъ,

Самымъ злосчастнѣйшимъ бѣдственной жизнью моей я подобенъ.
Болѣ другихъ бы я могъ разсказать о великихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ непомѣрнымъ по волѣ безсмертныхъ;
Но несказаннымъ, хотя и прискорбенъ, я голодомъ мучусь;
Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода: нами
Властвуя, онъ о себѣ вспоминать ежечасно неволитъ
Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душей. Сколь ни сильно
Скорби душею я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно
Требуетъ пищи себѣ и меня забывать принуждаетъ
Все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно заботясь.
Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свѣтлая Эосъ,
Мнѣ злополучному путь учредите въ отчизну возвратный;
Много я бѣдъ претерпѣлъ, но готовъ и погибнуть, лишь только бъ
Свѣтлый свой домъ и семью и рабовъ и богатства увидѣть.
Кончилъ; они, изъявивъ одобренье, рѣшили въ отчизну
Гостя отправить, плѣнившаго всѣхъ ихъ столь умною рѣчью.

Послѣ, свершивъ возліянье и вкуснымъ виномъ насладившись,
Каждый въ свой домъ удалился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Но Одиссей богоравный остался въ палатѣ столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ вмѣстѣ; рабыни
Тою порой со столовъ всю посуду поспѣшно убрали.
Тутъ бѣлорукая съ гостемъ бесѣдовать стала Арета.
Мантію съ тонкимъ хитономъ, сотканныя ею самою
Дома съ рабынями, въ платьѣ пришельца узнавши, царица
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу; отвѣчай мнѣ:
Кто ты? Откуда? И платье свое отъ кого получилъ ты?
Намъ ты сказалъ, что сюда былъ морской непогодою брошенъ.
Свѣтлой царицѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Трудно, царица, мнѣ будетъ тебѣ разсказать всю подробно
Повѣсть о бѣдствіяхъ, встрѣченныхъ мною по волѣ рожденныхъ
Древнимъ Ураномъ боговъ — объ одномъ разскажу откровенно:

Въ морѣ находится островъ Огигія; тамъ обитаетъ
Хитроковарная дочь кознодѣя Атланта Калипсо,
Свѣтлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водятъ
Общества съ нею ни вѣчные боги, ни смертные люди.
Я же одинъ злополучный на островъ ея былъ враждебнымъ
Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ
Зевсъ поразилъ посреди безпредѣльно-пустыннаго моря.
Спутниковъ всѣхъ (поглотила ихъ бездна) тогда я утратилъ.
Самъ же, на килѣ разбитаго судна, обхваченномъ мною,
Девять носившися дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
Свѣтлокудрявая нимфа живетъ. И, пріютъ благосклонно
Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла
Мнѣ наконецъ даровать и безсмертье и вѣчную младость;
Сердца однако она моего обольстить не успѣла.
Цѣлые семь лѣтъ утратилъ я тамъ и текли непрестанно

Слезы мои на одежды, мнѣ данныя нимфой безсмертной
Годъ напослѣдокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ;
Вдругъ мнѣ она повелѣла покинуть свой островъ — не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль измѣнилася въ мысляхъ?
Сѣлъ я на крѣпкосколоченный плотъ и она, надѣливши
Хлѣбомъ меня и душистымъ виномъ и нетлѣнной одеждой,
Слѣдомъ послала за мной благовѣющій вѣтеръ попутный.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился я въ море;
Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдали надъ водами
Ваша земля и во мнѣ оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много однако еще мнѣ
Бѣдъ колебатель земли, Посидонъ непреклонный, готовилъ:
Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ дорогу, и море
Все безпредѣльное вдругъ затревожилось; былъ я не въ силахъ,
Жалобно стонущій, судномъ владѣть на взволнованной безднѣ:
Буря его изломала въ куски и, въ кипящую влагу

Бросясь, пустился я вплавь: напослѣдокъ примчали
Къ вашему брегу меня многошумные вѣтры и море;
Гибели бъ мнѣ не избѣгнуть, когда бъ на утесистый берегъ
Былъ я волною, скалами его отшибаемой, кинутъ:
Силы напрягши, я въ сторону поплылъ и скоро достигнулъ
Устья рѣки — показалось то мѣсто пріютнымъ, тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита;
На̀ берегъ вышедъ, въ безсиліе впалъ я; божественной ночи
Тма наступила; тогда, удалясь отъ потока, небеснымъ
Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ и въ опадшихъ
Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный послали мнѣ боги.
Тамъ подъ защитою листьевъ, съ печалію милаго сердца,
Проспалъ всю ночь я, все утро и за̀ полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой былъ прерванъ:
Дѣвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидѣлъ на брегѣ;
Съ нею, подобныя нимфамъ, онѣ, тамъ рѣзвяся, играли.

Къ ней обратилъ я молитву и такъ поступила разумно
Юная царская дочь, какъ не многія съ ней одинакихъ
Лѣтъ поступить бы могли—молодежь разсудительна рѣдко.
Сладкой ѣдой и виномъ искрометнымъ меня подкрѣпивши,
Мнѣ искупаться въ потокѣ велѣла она и одежду
Эту дала мнѣ. Я кончилъ, поистинѣ все разсказавъ вамъ.
Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвѣчалъ благосклонно:
Странникъ, гораздо бъ приличнѣе было для дочери нашей,
Если бъ она пригласила тебя за собою немедля
Слѣдовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ просьбой своей обратился.
Такъ онъ сказалъ и ему возразилъ Одиссей хитроумный:
Царь благородный, не дѣлай упрековъ разумной царевнѣ;
Слѣдовать мнѣ за собою она предложила немедля;
Я жъ отказался—мнѣ было бы стыдно; при томъ же подумалъ
Я, что, меня съ ней увидя, на насъ ты разгнѣваться могъ бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди.

Царь Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Странникъ, въ груди у меня къ безразсудному гнѣву такому
Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ наблюдать намъ.
Если бъ—о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!—
Если бъ нашелся, подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною
Сходный, супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и если бъ
Здѣсь поселился онъ.... Домъ и богатства бы далъ я, когда бы
Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неугодно.
Твой же отъѣздъ я устрою, чтобъ было тебѣ то извѣстно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный въ спокойномъ безвѣтріи плыть и достигнешь
Въ землю отцевъ иль въ иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы въ Эвбею,
Далѣ которой ужъ нѣтъ ничего по сказанью отважныхъ
Нашихъ пловцевъ, съ златовласымъ туда Радамантомъ ходившихъ—

Титія, сына земли, посѣтилъ онъ и, сколь ни далекъ былъ
Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили
Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись.
Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли, какъ отважно
Веслами море браздятъ мореходцы мои молодые.
Такъ онъ сказалъ; пролилося веселіе въ грудь Одиссея;
Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую молитву:
Дій, нашъ отецъ; да исполнится все, что теперь обѣщалъ мнѣ
Царь Алкиной, и да будетъ всегда на землѣ плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно въ отчизну.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой повелѣла царица Арета рабынямъ
Въ сѣняхъ поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкій тюфякъ, и богатый коверъ разостлать; на коверъ же
Теплымъ покровомъ для тѣла косматую мантію бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же

Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,
Близко онѣ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:
Странникъ, иди почивать; для тебя приготовлено ложе.
Радостно было усталому гостю призванье къ покою;
Сладкоцѣлительный сонъ наконецъ онъ вкусилъ безмятежно,
Въ звонкопространныхъ сѣняхъ на кровать прорѣзную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простяся, во внутренней спальнѣ
Легъ на постель и заснулъ близъ супруги своей благонравной.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМОЙ ПѢСНИ.

Тридцать третій день.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отправленіе Одиссея въ его отечество. приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвріаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Ареѣ и Афродитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ. Одиссей одаренъ изобильно. За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и подвигахъ вождей Ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби и проситъ, чтобы онъ разсказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ —
Мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая;
Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
На площадь, гдѣ невдали кораблей Феакійцы сбирались.
Сѣли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ
Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по улицамъ града,
Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня:
Вы, Феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе
На площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который

Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть:
Бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ подобенъ.
Такъ говоря, возбудила она любопытное рвенье
Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли
Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали
Взоръ на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одѣла Паллада, главу и лице озарила,
Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ
Могъ пріобрѣсть отъ людей Феакійскихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ
Трепетъ почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ
Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ.
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ.
Тутъ, обратяся къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, людей Феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Гость иноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,

Онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ западныхъ прибылъ —
Молитъ о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ;
Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій,
Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву.
Должно спустить на священныя воды корабль чернобокій,
Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два
Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами;
Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся
Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу
Вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю.
Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ,
Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный
Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца;
Всѣхъ васъ прошу, отказаться невластенъ никто; позовите
Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ

Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ.
Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побѣжалъ Демодока.
Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
Брегѣ безплодносоленаго моря собравшися, вмѣстѣ
Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священныя сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они собралися
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы и залы народомъ
Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ кривороги хъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;

Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцемъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти онъ —
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ Царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ими однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ

Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агамéмнонъ враждой знаменитыхъ Ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ
Бога спросить перешелъ — а случилось то въ самомъ началѣ
Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на Троянъ и Данаевъ.
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣсновѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему Феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся.

Были другими его незамѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ Феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ.
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить Феакійцы.

На площадь всѣ собралися; толпой многочисленношумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его: Акроне́й, Окіа́лъ съ Элатре́емъ,
Навтій, Примне́й, Анхіа́лъ, Эретме́й съ Анаба́зіоме́номъ;
Съ ними явились Понте́й, Прорео́нъ и Θоо́нъ съ Амфіа́ломъ,
Сыномъ Поли́тія, внукомъ Текто́на; присталъ напослѣдокъ
Къ нимъ и младой Эвріа̀лъ, Навболидъ, равносильный Арею:
Всѣхъ Феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.
Къ нимъ подошли наконецъ Лаода̀мъ, Галіо́нтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный — какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ

Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый
къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испыты-
вать силу:
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ
и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяж-
каго диска
Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличил-
ся. Въ кулачномъ
Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя
прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось
играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ,
Алкиноевъ
Сынъ: неприлично ли будетъ спросить намъ у го-
стя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго
роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены си-
лы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ; го-
дами
Также не старъ; но превратности жизни его из-
нурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй
моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокру-
шаетъ.
Умнымъ — сказалъ, отвѣчая на то, Эвріалъ Лао-
даму —

Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ — но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный
Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я;
Нынѣ жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,

Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:
Странникъ, я вижу, что ты неподобишься людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно
Ты изъ числа промышлёныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—
Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ
Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенье собраній;

Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по
улицамъ града.
Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица
красотою,
Прелести жъ бѣдное слово его ни какой не
имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ
бы
Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго
смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты
своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты
вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ
то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили на-
дежно.
Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены
силы;
Видѣлъ немало я браней и долго среди бѣдоно-
сныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и
лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругатель-
нымъ словомъ.
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и, мантіи съ плечъ
не сложивши,
Камень схватилъ — онъ огромнѣй, плотнѣй и тя-
желѣ всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми Феакійскими. былъ—
и съ размаха

Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ, далеко́ черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ
Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душей онъ сказалъ предстоявшимъ:
Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть можетъ и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,

Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный. на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я — съ однимъ не могу Лаодамомъ:
Гость я его — подыму ли на друга любящаго руку?
Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,
Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому повредитъ онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ
Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ нимъ.
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;
Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.
Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ
Въ Троѣ, когда мы Ахейцы тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.

Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ
Лѣтъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ Эхалійскимъ;
Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
Вызовомъ въ бой стятотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
Можетъ случиться однако, что кто изъ людей Феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты только

Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
Дерзкой насмѣшкой — за то ни одинъ, говорить здѣсь привыкшій
Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить.
Выслушай слово однако мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ
Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія
Намъ отъ отцевъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.
Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны;
Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошные, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясуновъ Феакійскихъ; зову я
Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратяся
Въ домъ свой, тамъ всѣмъ разсказать, какъ другихъ мы людей превосходимъ

Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ и въ пѣньи.
Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную лиру;
Гдѣ нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ.
Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.
Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на средину
Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли,
Мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире.
Тою порой изъ дворца возвратился глашатай, и лиру
Подалъ пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва
Стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусные пляскѣ.
Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ
Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.
Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ
Пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить ихъ.
Мячъ разноцвѣтный, для нихъ рукодѣльнымъ Полибіемъ сшитый,

Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ
Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прянувъ высоко,
Мячъ на лету подхватилъ, до земли не коснувшись ногами.
Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами,
Стóя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла.
Долго смотрѣвъ, напослѣдокъ сказалъ Одиссей Алкиною:
Царь Алкиной: благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся.
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу святую.
Царь Феакіянамъ веселолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ;
Разумъ великій имѣетъ, я вижу, нашъ гость иноземный;

Должно ему, какъ обычай велитъ, предложить
намъ подарки;
Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ
знаменитыхъ,
Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ
талантомъ
Золота нашему гостю въ подарокъ назначитъ
обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтобъ веселъ онъ былъ за
трапезою нашей.
Ты жъ, Эвріалъ, удовольствуй его, передъ нимъ
повинившись,
Давъ и подарокъ: его оскорбилъ неприличнымъ
ты словомъ.
Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье
другіе;
Каждый глашатая въ домъ свой послалъ, чтобъ
подарки принесъ онъ.
Но Эвріалъ, повинуясь, отвѣтствовалъ такъ Алкиною:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей
Феакійскихъ,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Мѣдный свой мечъ съ рукоятью серебряной въ
новыхъ
Чудной работы ножнахъ изъ слоновыя кости,
охотно

Дамъ я ему, и конечно онъ даръ мой высоко оцѣнитъ.
Такъ говоря, среброкованный мечъ свой онъ снялъ и возвысилъ
Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртову сыну:
Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И если сказалъ я
Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
Въ домъ возвратяся по долгопечальной разлукѣ съ семьею.
Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Радуйся также и ты, и, хранимый богами, будь счастливъ.
Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнѣ драгоцѣнный
Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовавъ словомъ.
Такъ отвѣчавъ, среброкованный мечъ на плечо онъ повѣсилъ.
Солнце зашло; всѣ богатые собраны были подарки;
Ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ отнести Алкиноевъ;
Тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери ихъ многоумной царицѣ Аретѣ.

Царь же повелъ знаменитаго гостя со всѣми другими
Въ домъ свой и сѣли, пришедши, они на возвышенныхъ креслахъ.
Тутъ, обратяся къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благородный
Царь: принеси намъ, жена, драгоцѣннѣйшій самый изъ многихъ
Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье
Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ на огонь, вскипятите
Воду, чтобъ гость нашъ омылся и, всѣ осмотрѣвши подарки,
Имъ полученные здѣсь отъ людей Феакійскихъ, былъ веселъ,
Съ нами сидя за вечерней трапезой и пѣнью внимая.
Я же еще драгоцѣнный кувшинъ золотой на прощаньи
Дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно
Дома творить возліянье Зевсу и прочимъ безсмертнымъ.
Такъ онъ сказалъ и царица Арета велѣла рабынямъ
Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ троеножнымъ,
Тотчасъ котелъ троеножный на яркомъ огнѣ былъ поставленъ.
Налили воду въ котелъ и усилили хворостомъ пламя;

Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.
Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ покоевъ
Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему Феакійскіе мужи
Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ.
Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:
Кровлей накрывъ и тесьмою опутавъ ковчегъ, завяжи ты
Узелъ, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда
Будешь покоиться сномъ ты, плывя въ кораблѣ чернобокомъ.
То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ,
Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный
Узелъ (какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею) сдѣлалъ.
Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню
Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ
Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ которомъ

Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Когда же
Тѣло омыла ему и елеемъ натерла рабыня,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую
Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою,
Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.
Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
Радуйся, странникъ, но, въ милую землю отцевъ возвратяся,
Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ.
Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
О Навзикая, прекрасноцвѣтущая дочь Алкиноя,
Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ, дозволитъ
Въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,
Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу,
Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ.

Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ царя Алкиноя.
Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцемъ Демодокомъ,
Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря
Взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ болѣ),
Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоною:
Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама научила
Пѣнію Муза; ей мило пѣвцевъ благородное племя.
Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку
Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даяніе принялъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же

Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный:
Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Дія, иль Фебомъ самимъ наученный,
Все ты поешь по порядку, что было съ Ахейцами въ Троѣ,
Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ,
Чудномъ Эпеоса съ помощью дѣвы Паллады созданьи,
Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одиссеемъ,
Полный вождей, напослѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ.
Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсемѣстно
Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили.
Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога:
Началъ съ того онъ, какъ всѣ на своихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ

Въ море отплыли Данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ нихъ съ Одиссеемъ
Были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской утробѣ,
Какъ напослѣдокъ коню Иліонъ отворили Трояне.
Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ мысляхъ, сидѣли
Люди Троянскіе; было межъ ними троякое мнѣнье:
Или губительной мѣдью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, съ утеса низвергнуть,
Или оставить среди Иліона мирительной жертвой
Вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ согласились, понеже
Было судьбой рѣшено, что падетъ Иліонъ, отворивши
Стѣны коню, гдѣ Ахейцы избранные будутъ скрываться,
Черную участь и смерть приготовивъ Троянамъ враждебнымъ.
Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи Ахейскіе въ градъ ворвалися,
Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ склепа;
Какъ разъяренные каждый по-своему градъ разоряли,

Какъ Одиссей къ Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ.
Тамъ истребительный бой (продолжалъ пѣснопѣвецъ) возжегши,
Онъ наконецъ побѣдилъ, подкрѣпленный великой Палладой.
Такъ объ Ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство.
Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ и, прижавшись
Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.
Всѣми другими они незамѣчены были; но мудрый

Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ.
Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть;
Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ
Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ
Странникъ; конечно прискорбіе сердцемъ его овладѣло.
Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться
Гость нашъ и всѣ мы; конечно для насъ то пріятнѣе будетъ.
Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово
Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей.
Странникъ молящій не менѣе брата роднаго любезенъ
Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ.
Ты же теперь, ничего не скрывая, отвѣтствуй на то мнѣ,

Демодокъ. Алкиной. Одиссей.

Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.

Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать и другіе
Въ градѣ твоемъ и отечествѣ миломъ тебя величаютъ.
Между живущихъ людей безъименнымъ никто не бываетъ
Вóвсе; въ минуту рожденія каждый и низкій и знатный
Имя свое отъ родителей въ сладостный даръ получаетъ;
Землю и градъ и народъ свой потомъ назови, чтобъ согласно
Съ волей твоей и корабль нашъ свое направленіе выбралъ;
Кормщикъ не правитъ въ моряхъ кораблемъ Феакійскимъ; руля мы,
Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имѣемъ;
Сами онѣ понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли:
Сами находятъ онѣ и жилища людей и поля ихъ
Тучнообильныя; быстро онѣ всѣ моря обтекаютъ,
Мглой и туманомъ одѣтыя; нѣтъ никогда имъ боязни
Вредъ на волнахъ претерпѣть иль отъ бури въ пучинѣ погибнуть.
Вотъ что однако въ ребячествѣ я отъ отца Назвитоя

Слышалъ: не разъ говорилъ онъ, что богъ Посидонъ недоволенъ
Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.
Нѣкогда, онъ утверждалъ, Феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Исполнитъ ли то Посидонъ земледержецъ,
Иль не исполнитъ — пусть будетъ по волѣ великаго бога!
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
Гдѣ по морямъ ты скитался? Какихъ человѣковъ ты земли
Видѣлъ? Свѣтлонаселенные ихъ города опиши намъ:
Были ль межъ ними свирѣпые, дикіе, чуждые правды?
Были ль благіе для странника, чтущіе волю безсмертныхъ?
Также скажи, отъ чего ты такъ плачешь? зачѣмъ такъ печально
Слушаешь повѣсть о битвахъ Данаевъ, о Троѣ погибшей?
Имъ для того ниспослали и смерть и погибельный жребій
Боги, чтобъ славною пѣснію были они для потомковъ.

Ты же конечно утратилъ роднаго у стѣнъ Иліонскихъ,
Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкіе послѣ возлюбленныхъ сродниковъ кровныхъ?
Или товарища нѣжнопривѣтнаго, кроткаго сердцемъ,
Тамъ потерялъ ты? Не менѣе брата роднаго любезенъ
Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ и разумный совѣтникъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей начинаетъ разсказывать свои приключенія. Отплытіе отъ береговъ Троянскихъ. Разрушеніе Измара, города Киконовъ, и гибель многихъ сопутниковъ Одиссея. Буря. Посѣщеніе Лотофаговъ. Прибытіе въ область Циклоповъ. Одиссей, оставя у козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаетъ къ недалекому берегу Циклоповъ. Выбравъ двѣнадцать изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру Полифема. Гибель шести изъ сопутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ Циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей пронзаетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они похищаютъ Циклопово стадо и возвращаются на козій островъ. Полифемъ призываетъ отца Посидона и молитъ, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей богоравный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.
Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ моихъ ты желаешь

Слышать, чтобъ сердце мое преисполнилось плачемъ сильнѣйшимъ:
Что же я прежде, что послѣ, и что наконецъ разскажу вамъ?
Много Ураниды боги мнѣ бѣдствій различныхъ послали.
Прежде однако вамъ имя свое назову, чтобъ могли вы
Знать обо мнѣ, чтобъ, покуда еще мной не встрѣченъ послѣдній
День, и въ далекой странѣ я считался вамъ гостемъ любезнымъ.
Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный.
Въ солнечносвѣтлой Итакѣ живу я; тамъ Нéріонъ, всюду
Видимый съ моря, подъемлетъ вершину лѣсистую; много
Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другаго:
Замъ, и Дулихій, и лѣсомъ богатый Закинѳъ; и на самомъ
Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
(Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходятъ);
Лоно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;
Я же не вѣдаю края прекраснѣе милой Итаки.

Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи долгомъ
Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ;
Тщетно меня чародѣйка, владычица Эи, Цирцея
Въ домѣ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ—
Хитрая лесть ихъ въ груди у меня не опутала сердца;
Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ,
Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили
Мы на чужой сторонѣ, далекó отъ родителей милыхъ.
Если однако велишь, то о странствіи трудномъ, какое
Зевсъ учредилъ мнѣ, отъ Трои плывущему, все разскажу я.
Вѣтеръ отъ стѣнъ Иліона привелъ насъ ко граду Киконовъ,
Измару: градъ мы разрушили, жителей всѣхъ истребили.
Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много,
Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ взять свой участокъ.
Я жъ настоялъ, чтобъ немедля стопою поспѣшною въ бѣгство
Всѣ обратились: но добрый совѣтъ мой отвергли безумцы;

Полные хмѣля, они пировали на брегѣ песчаномъ,
Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ зарѣзавъ.
Тою порою Киконы, изъ града бѣжавшіе, многихъ
Собрали жившихъ сосѣдственно съ ними въ странѣ той Киконовъ,
Сильныхъ числомъ, пріобыкшихъ сражаться съ коней, и не менѣ
Смѣлыхъ, когда имъ и пѣшимъ въ сраженье вступать надлежало.
Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ древесныхъ иль раннихъ
Вешнихъ цвѣтовъ; и тогда же намъ сдѣлалось явно, что злую
Участь и бѣдствія многія намъ приготовилъ Кроніонъ.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходныхъ,
Острыя копья, обитыя мѣдью, бросая другъ въ друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный
День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
Въ бѣгъ обратили Киконы осиленныхъ ими Ахеянъ.
Съ каждаго я корабля по шести броненосцевъ отважныхъ

Тутъ потерялъ; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
Я жъ не отвелъ кораблей легкоходныхъ отъ брега, покуда
Три раза не былъ по имени названъ изъ нашихъ несчастныхъ
Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полѣ.
Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ; облака обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаяся въ волны носами; вѣтрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избѣгая бѣды, въ корабли ихъ, свернувъ, уложили;
Сами же начали веслами къ ближнему берегу править;
Тамъ провели мы въ бездѣйствіи скучномъ два дня и двѣ ночи,
Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.
Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эосъ;

Мачты устроивъ и снова поднявъ паруса, на суда мы
Сѣли; они понеслись, повинуясь кормилу и вѣтру.
Мы невредимо бы въ милую землю отцевъ возвратились,
Если бъ волненіе моря и сила Борея не сбили
Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, отдаливъ отъ Китеры.
Девять носила насъ дней раздраженная буря по темнымъ
Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ землѣ Лотофаговъ,
Пищей цвѣточной себя насыщающихъ, вѣтеръ примчалъ насъ.
Вышедъ на твердую землю и свѣжей водою запасшись,
На́скоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ учредили.
Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и ѣдою, избралъ я
Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ (былъ третій
Съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы достигли
Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ, изобильной дарами.
Мирныхъ они Лотофаговъ нашли тамъ; и посланнымъ нашимъ
Зла Лотофаги не сдѣлали; ихъ съ дружелюбною лаской

Встрѣтивъ, имъ лотоса дали отвѣдать они; но лишь только
Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно
Все позабылъ и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ Лотофаговъ остаться, чтобъ вкусный
Лотосъ сбирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.
Силой ихъ плачущихъ къ нашимъ судамъ притащивъ, повелѣлъ я
Крѣпко ихъ тамъ привязать къ корабельнымъ скамьямъ; остальнымъ же
Вѣрнымъ товарищамъ далъ приказанье, ни мало не медля,
Всѣмъ на проворные сѣсть корабли, чтобъ изъ нихъ ни который,
Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата домой не отрекся.
Всѣ на суда собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды Циклоповъ.
Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пашутъ; земля тамъ

Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ
Рожь и пшено и ячмень и роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежитъ онъ на темномъ
Лонѣ морскомъ, ни далеко ни близко отъ брега Циклоповъ,
Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года ни сѣютъ, ни пашутъ; людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,

Ибо Циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
Разныхъ народовъ страны посѣщалъ, какъ бываетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій Циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно раждалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе; много бъ вездѣ разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно;
Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не подымется вѣтеръ попутный.
Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море

Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
Съ неба высокаго; тучи его покрывали густыя;
Острова было нельзя различить намъ глазами во мракѣ;
Видѣть и длинныхъ, широ́ко на берегъ отлогій бѣгущихъ
Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Козъ съ обвѣваемыхъ вѣтрами горъ, для богатой намъ пищи;
Гибкіе луки, охотничьи легкія копья немедля

Взяли съ своихъ кораблей мы и, на три толпы раздѣляся,
Начали битву; и богъ благосклонный великой добычей
Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать моихъ кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по жеребью козъ; для себя же
Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались,
Ибо еще на моихъ корабляхъ золотаго довольно
Было вина: мы наполнили много скудельныхъ сосудовъ
Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный Киконовъ.
Съ острова жъ въ области близкой Циклоповъ намъ ясно былъ видѣнъ
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы
Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тма наступила.
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:
Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;

Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,
Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ,
Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій правды,
Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?
Такъ я сказалъ и вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за мною
Люди мои на него всѣ взошли и канатъ отвязали;
Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли
Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ утесѣ пещеру,
Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
Мелкій во множествѣ скотъ; тамъ высокой стѣной изъ огромныхъ,
Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли
Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны.
Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился;

Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, ни какого не вѣдалъ закона;
Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ
Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.
Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
Близъ корабля и его сторожить неусыпно; съ собой же
Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ я
Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ
Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ
Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлилъ насъ
Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ—
Санъ уважая жреца — пощадили во градѣ, гдѣ жилъ онъ
Въ рощѣ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо:
Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную дивной работы кратеру, и налилъ
Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ драгоцѣннымъ,

Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ; о немъ же не вѣдалъ
Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ,
Кромѣ хозяина, умной хозяйки и ключницы вѣрной.
Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться
Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,
Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши
Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья воздержаться.
Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ наполненный мѣхъ и съѣстнаго
Полный кошель; говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ приблизились мы, но его въ ней
Не было; козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ: въ отдѣльныхъ закутахъ
Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ

Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе; ведра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убѣждать, чтобъ, запасшись сырами,
Болѣ я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей
Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить;
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что, насъ угостивши,
Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ не на радость намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши
Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ, остались въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечернія пищи, явился
Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
Бросилъ; объятые страхомъ мы спрятались въ уголъ; пригнавши

Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещерѣ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцевъ, и козловъ и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ передъ входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза четырехколесныхъ
Съ мѣста бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной
Былъ онъ; его подхвативши и входъ имъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока - тенницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустѣло для сыра;
Все жъ молоко остальное разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши.
Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ онъ
Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо сказалъ намъ:
Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?

Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?
Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:
Голосъ гремящій и образъ чудовища въ трепетъ привелъ насъ.
Но, ободрясь, напослѣдокъ отвѣтствовалъ такъ я Циклопу:
Всѣ мы Ахейцы; плывемъ отъ далекія Трои; сюда же
Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
Въ милую землю отцевъ возвращаясь, съ прямаго пути мы
Сбились; такъ было конечно угодно могучему Зевсу.
Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя Агаме́мнона; онъ же
Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,
Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ
Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей надѣляютъ.

Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроніонъ,
Богъ гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ.
Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью Циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
Видно, что ты издалéка, иль вóвсе безуменъ, пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
Намъ Циклопамъ нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать меня не принудитъ
Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
Къ намъ? Далеко ли иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
Долженъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,
Хитрыми самъ я словами отвѣтствовалъ злому Циклопу:
Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго брега на камни

Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало.
Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалось.
Такъ я сказалъ и, отвѣта не давъ ни какого, онъ быстро
Прянулъ, какъ бѣшеный звѣрь, и огромныя вытянувъ руки,
Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ, подхватилъ и ударилъ
Оземь; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.
Онъ же, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый гладомъ,
Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.
Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.
Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ и свѣжимъ
Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца,
Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстящею мѣдью

Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ:
Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигнула вѣрная гибель:
Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ:
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна; окончавши съ заботливымъ спѣхомъ работу,
Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запираютъ.
Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо.
Я жъ, въ заключеньи оставленный, началъ выдумывать средство,

Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ наконецъ я удобнымъ и вѣрнымъ:
Въ козьей закутѣ стояла дубина Циклопова, свѣжій
Стволъ имъ обрубленной маслины дикой; его онъ, очистивъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гулять съ нимъ; подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;
Былъ онъ конечно какъ мачта длиной, толщиною и вѣсомъ.
Взявши тотъ стволъ и мечемъ отъ него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я товарищамъ; скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заострилъ я;
Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспѣшно
Колъ, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ Циклопа.
Кончивъ, своихъ пригласилъ я сопутниковъ жеребій кинуть,
Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ

Глазъ людоѣду, какъ скоро глубокому сну онъ предастся.
Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью пятый.
Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоѣдъ возвратился;
Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо
Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ ни козла ни барана
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Демонъ его надоумилъ).
Снова пещеру задвинувъ скалой необъятнотяжелой,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безпощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съѣлъ ихъ.
Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людоѣду,
Полную чашу вина золотаго ему предлагая:
Выпей, Циклопъ, золотаго вина, человѣчьимъ насытясь
Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ

Одиссей. Полифемъ

Взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ

Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
Кто же впередъ, безпощадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услышавъ?
Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое назови мнѣ
Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
Есть и у насъ, у Циклоповъ, роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ;
Твой же напитокъ — амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ.
Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ
Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подалъ.
Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людоѣда.
Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:
Славное имя мое ты, Циклопъ, любопытствуешь свѣдать,

Съ тѣмъ, чтобъ, меня угостивъ, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?
Я называюсь *Никто*; мнѣ такое названіе дали
Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ.
Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоѣдъ звѣроправный:
Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.
Тутъ повалился онъ навзничь, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ
Свисла могучая шея и всепобѣждающей силой
Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.
Колъ свой доставъ, мы его остріемъ на огонь положили;
Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ
Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обоихъ

Стали боковъ — божество въ нихъ конечно вложило отважность;
Колъ обхватили они и его остріемъ раскаленнымъ
Втиснули спящему въ глазъ; и, съ конца приподнявши, его я
Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другіе жъ ему помогаютъ, ремнями
Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.
Такъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно
Колъ свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей
Кровью; истлѣли рѣсницы, шершавыя вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши.
Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
Въ воду металлъ (на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
Крѣпость имѣлъ) погружаетъ и звонко шипитъ онъ въ холодной
Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остріемъ раскаленнымъ пронзенный.
Дико завылъ людоѣдъ — застонала отъ воя пещера.
Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ

Колъ изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленьи
Началъ онъ крикомъ Циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ, вершинахъ.
Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались Циклопы;
Входъ обступили пещеры они и спросили: зачѣмъ ты
Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? На что ты
Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: *Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не могъ повредить мнѣ. Въ сердца́хъ закричали Циклопы:
Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
Въ помощь отца своего призови Посидона владыку.

Такъ говорили они удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалося.
Охая тяжко, съ кряхтеньемъ и стономъ ощаривъ руками
Стѣны, Циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею
Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь, что въ стадѣ,
Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловитъ; конечно
Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.
Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавит отъ вѣрной
Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно
Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ волновалось.
Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злому Циклопу,

По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждымъ
Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный; на каждыхъ
Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ; а самъ я?... Дебелый,
Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ; обхвативши
Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ)
Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Къ выходу всѣ побѣжали самцы и козлы и бараны;
Матки жъ, еще недоеныя, жалко блеяли въ закутахъ,
Брызжа изъ длинныхъ сосцевъ молокомъ; господинъ ихъ, отъ боли
Охая, щупалъ руками у всѣхъ, пробѣгающихъ мимо,
Пышныя спины; но, глупый, онъ былъ угадать неспособенъ,
Что у иныхъ подъ волнистой скрывалося грудью; послѣдній
Шелъ мой баранъ; и медлительнымъ шагомъ онъ шелъ, отягченный

Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ то время о многомъ.
Спину ощупавъ его, съ нимъ Циклопъ разговаривать началъ:
Ты ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же пещеру послѣдній
Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлителенъ не былъ.
Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
Сладкоцвѣтущей травою питаться; ты въ полдень къ потоку
Первый бѣжалъ; и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь самъ ты,
Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ; лишенъ я
Свѣтлаго зрѣнья гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
Умъ отуманилъ; его называютъ Никто; но еще онъ
Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы, мой другъ, говорить ты
Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный; я черепъ
Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ,
Оземь ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,

Здѣсь мнѣ нанесъ. Такъ сказавъ, онъ барана пустилъ на свободу.
Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
Первый ставъ на ноги, путниковъ всѣхъ отвязалъ, и немедля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ
Плакать они; но, мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачъ удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ немедля
Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.
Люди мои собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я Циклопу:
Слушай, Циклопъ безпощадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты
Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь; святотатнымъ

Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель;
Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтившихъ,
Звѣрски сожрать — наказали тебя и Зевесъ и другіе
Боги блаженные. Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбѣшенный,
Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
На́ голосъ кинулъ; утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черно-остраго носа
Чуть не расшибъ; всколыхалося море отъ падшей громады;
Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ брегу;
Схваченный ею обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался;
Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно
Прочь отвалилъ; а товарищамъ, молча, кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды; всѣ, нагнувшися, разомъ ударили въ весла.
Бывъ на двойномъ разстояньи отъ страшнаго брега, опять я
Началъ кричать, вызывая Циклопа. Товарищи въ страхѣ

Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.
Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище дразнишь?
Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не бросилъ
На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.
Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,
Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ,
Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно доброситъ.
Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,
Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью Циклопа:
Если, Циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:
Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.
Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:
Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;
Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый

Тéлемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
Жилъ и состарѣлся онъ, прорицая, въ землѣ у Циклоповъ.
Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожитъ.
Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный.....
Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.
Если жъ ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно
Пó морю; сынъ я ему; онъ отцемъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ
Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое возвратить мнѣ
Можетъ — одинъ онъ, никто изъ людей, и никто изъ безсмертныхъ.
Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:
О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать
Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть, какъ вѣрно

То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!
Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:
Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудрявый,
Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ
Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ домъ свой
Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцевъ возвратился,
Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно
Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ горе.
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.
Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху
Въ море его съ непомѣрною силой швырнулъ; загудѣвши,
Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ
Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюснулъ

Нашей кормы; всколыхалося море отъ падшей громады;
Судно жъ волною помчало впередъ къ недалекому брегу
Острова Козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши
Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально
Спутники въ скукѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.
Къ брегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы встащили;
Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
Тучныхъ Циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу
Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ;
Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ сопутниковъ въ даръ былъ особо
Главный назначенъ баранъ и его принесли мы на брегѣ
Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ жертву,
Сталъ замышлять, чтобъ, бѣды претерпѣвъ, напослѣдокъ и всѣхъ я
Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ лишился.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака

Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Тою порою померкнуло солнце и тма наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобъ они на проворныхъ
Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали канаты.
Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что са́ми спаслися отъ смерти.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Прибытіе на островъ Эолію. Эолъ, повелитель вѣтровъ, даетъ Одиссею проводникомъ Зефира и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вѣтрами. Находяся уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его сопутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но раздраженный Эолъ повелѣваетъ Одиссею удалиться. Лестригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ пристаетъ онъ къ острову Цирцеи. Волшебница превращаетъ въ свиней его сопутниковъ; но Эрмій даетъ ему средство разрушить ея чародѣйство. Одиссей, одолѣвъ Цирцею, убѣждаетъ ее возвратить человѣческій образъ его сопутникамъ. Проведя годъ на ея островѣ, онъ требуетъ наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея повелѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ и у входа въ область Аида вопроситъ прорицателя Тирезія о судьбѣ своей. Смерть Эльпенора.

Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ
Ипотовъ сынъ тамъ, Эолъ благородный, богами любимый.
Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесенъ; берега жъ подымаются гладкимъ утесомъ.
Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,
Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.
Всѣ ежедневно они собираются въ царскомъ жилищѣ;
Тамъ съ благороднымъ отцемъ и съ заботливой матерью вмѣстѣ
Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ
Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пищи и пѣньемъ
Флейтъ оглашаемой. Въ домъ ихъ богатый вошли мы; и цѣлый
Мѣсяцъ Эолъ угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ

Повѣсть о Троѣ, о битвахъ Аргивянъ, о ихъ возвращеньи;
Все любопытный заставилъ меня разсказать по порядку.
Но напослѣдокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь,
Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благосклонно,
Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девятигодоваго
Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами; былъ онъ
Ихъ господиномъ, по волѣ Кроніона Дія, и всѣхъ ихъ
Могъ возбуждать, иль обуздывать, какъ приходило желанье.
Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью
Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло дуновенья
Вѣтровъ; Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ попутнымъ
Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать; но домой возвратиться
Дій не судилъ намъ: своей безразсудностью всѣ мы погибли.
Девять мы сутокъ и денно и нощно свой путь совершали;
Вдругъ на десятыя сутки явился намъ берегъ отчизны.
Былъ онъ ужъ близко; на немъ всѣ огни ужъ могли различить мы.

Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился, понеже
Правилъ до тѣхъ поръ кормиломъ одинъ, никому не желая
Ввѣрить его, чтобъ успѣшнѣй достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговоръ; полагали
Всѣ, что съ собою имѣлъ серебра я и золота много,
Мнѣ на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ Эоломъ.
Глядя другъ на́ друга такъ разсуждали они межъ собою:
Боги! какъ всюду его одного уважаютъ и любятъ
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумалъ
Онъ посѣтить. Ужъ и въ Троѣ онъ много сокровищъ отъ разныхъ
Собралъ добычъ; мы одно претерпѣли, одинъ совершили
Путь съ нимъ—а въ домъ свой должны возвратиться съ пустыми руками.
Такъ и Эолъ; лишь ему одному онъ богатый подарокъ
Сдѣлалъ; посмотримъ же, что имъ такъ плотно завязано въ этомъ
Мѣхѣ: ужъ вѣрно найдемъ серебра тамъ и золота много.
Такъ говорили одни; ихъ одобрили всѣ остальные.

Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вѣтры на волю;
Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко рыдавшихъ,
Снова отъ брега отчизны умчали въ открытое море.
Я пробудился и долго умомъ колебался, не зная
Что мнѣ избрать, самого ли себя уничтожить, въ пучину
Бросясь, иль, молча судьбѣ покорясь, межъ живыми остаться.
Я покорился судьбѣ, и на днѣ корабля, завернувшись
Въ мантію, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Всѣ товарищи съ плачемъ
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Нàскоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ совершили.
Свой удовольствовавъ голодъ ѣдой и питьемъ, я съ собою
Взялъ одного изъ товарищей нашихъ съ глашатаемъ; прямо
Къ дому Эола царя мы пошли и его тамъ застали
Вмѣстѣ съ женой и со всѣми дѣтьми за семейнымъ обѣдомъ.
Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми на порогѣ

Сѣлъ; изумилась царева семья; всѣ воскликнули вмѣстѣ:
Ты ль Одиссей? Не зловредный ли Демонъ къ тебѣ прикоснулся?
Здѣсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпрепятственно прибылъ
Въ землю отцевъ иль въ иную какую желанную землю?
Такъ говорили они; съ сокрушеньемъ души отвѣчалъ я:
Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мнѣ приключили
Бѣдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это возможно.
Такъ я сказалъ, умоляющимъ словомъ смягчить ихъ надѣясь.
Всѣ замолчали они; но отецъ мнѣ отвѣтствовалъ съ гнѣвомъ:
Прочь, недостойный! немедля мой островъ покинь; неприлично
Намъ подъ защиту свою принимать человѣка, который
Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ.
Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для насъ ненавистенъ.
Кончивъ, меня онъ, рыдавшаго жалобно, изъ дому выслалъ.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи сердца великомъ.
Люди мои, утомяся отъ гребли, утратили бодрость,

Помощи всякой лишенные собственнымъ жалкимъ безумствомъ.
Денно и нощно шесть сутокъ носясь по водамъ, на седьмыя
Прибыли мы къ многовратному граду въ странѣ Лестригоновъ
Ла́мосу. Тамъ, возвращаяся съ поля, пастухъ вызываетъ
На́ поле выйти другаго; легко бъ несонливый работникъ
Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя пастися
Днемъ бѣлорунныхъ барановъ, а ночью быковъ криворогихъ:
Ибо тамъ паства дневная съ ночною сближается паствой.
Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.
Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ,
Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега тѣснымъ
Рядомъ поставивъ: тамъ волнъ никогда ни великихъ ни малыхъ
Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.

Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отдаленьи отъ прочихъ,
Около устья, канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.
Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ озираясь:
Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ въ полѣ;
Изрѣдка только, взвиваяся, дымъ отъ земли подымался.
Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я выбралъ
(Третій былъ съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы
Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись.
Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ; за водою съ кувшиномъ
За́ городъ вышла она; Лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей;
Встрѣтились съ нею они при ключѣ Артакійскомъ, въ которомъ
Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городѣ близкомъ.
Къ ней подошедши они ей сказали: желаемъ узнать мы,
Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшней страною?

Домъ Антифата отца своего имъ она указала.
Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки
Встрѣтили, ростомъ съ великую гору — они ужаснулись.
Та же велѣла скорѣй изъ собранья царя Антифата
Вызвать; и онъ, прибѣжавъ на погибель товарищей нашихъ,
Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя, другіе
Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ возвратилися; онъ же
Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь городъ; на громкій
Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа Лестригоновъ могучихъ;
Много сбѣжалося ихъ, великанамъ, не людямъ подобныхъ.
Съ крути утесовъ они черезъ силу подъемные камни
Стали бросать; на судахъ поднялася тревога — ужасный
Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья снастей; тутъ злосчастныхъ
Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на колья и въ городъ
Всѣхъ унесли на съѣденье. Въ то время, какъ бѣдственно гибли
Въ пристани спутники, острый я мечъ обнажилъ и, отсѣкши

Крѣпкій канатъ, на которомъ стоялъ мой корабль темноносый,
Людямъ, собравшимся въ ужасѣ, молча кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды: устрашенные дружно ударили въ весла.
Мимо стремнистыхъ утесовъ въ открытое море успѣшно
Выплылъ корабль мой; другіе же всѣ невозвратно погибли.
Далѣе поплыли мы, въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
Мы напослѣдокъ достигли до острова Эи. Издавна
Сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая тамъ обитаетъ
Дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аэта.
Былъ ихъ родителемъ Геліосъ, богъ, озаряющій смертныхъ;
Мать же была ихъ прекрасная дочь Океанова, Перса.
Къ брегу крутому приставъ съ кораблемъ, потаенно вошли мы
Въ тихую пристань: дорогу намъ богъ указалъ благосклонный.
На берегъ вышедъ, на немъ мы остались два дня и двѣ ночи,

Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.
Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эосъ.
Взявши копье и двуострый свой мечъ опоясавъ, пошелъ я
Съ мѣста, гдѣ былъ нашъ корабль, на утесистый берегъ, чтобъ свѣдать
Гдѣ мы? Не встрѣчу ль людей? Не послышится ль чей нибудь голосъ?
Ставъ на вершинѣ утеса, я взоромъ окинулъ окрестность.
Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій, увидѣлъ
Я за широкоразросшимся лѣсомъ въ жилищѣ Цирцеи.
Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ я, итти ли
Къ мѣсту тому мнѣ, гдѣ дымъ отъ земли подымался багровый?
Дѣло обдумавъ, увѣрился я наконецъ, что удобнѣй
Было сначала на брегъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль, возвратиться,
Тамъ отобѣдать съ людьми и, надежнѣйшихъ выбравъ, отправить
Ихъ за вѣстями. Когда жъ къ кораблю своему подходилъ я,
Сжалился благостный богъ надо мной одинокимъ: на встрѣчу
Мнѣ онъ оленя богаторогатаго, тучнаго выслалъ;

Пажить лѣсную покинувъ, къ студеной рѣкѣ съ несказанной
Жаждой бѣжалъ онъ, измученный зноемъ полдневнаго солнца.
Меткое бросивъ копье, поразилъ я бѣгущаго звѣря
Въ спину: ее проколовши насквозь, остріемъ на другой бокъ
Вышло копье; застонавъ, онъ упалъ и душа отлетѣла.
Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копье я изъ раны,
Подлѣ него на землѣ положилъ и немедля болотныхъ
Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутивъ ихъ.
Свивши веревку, связалъ я оленю тяжелому ноги;
Между ногами просунувши голову, взялъ я на плечи
Ношу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на копье опираясь;
Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною рукою
Снесть: былъ чрезмѣрно огроменъ олень. Передъ судномъ на землю
Бросилъ его я, людей разбудилъ и, привѣтствовавъ всѣхъ ихъ,
Такъ имъ сказалъ: ободритесь, товарищи, въ область Аида

Прежде, пока не наступитъ нашъ день роковой, не сойдемъ мы;
Станемъ же нынѣ (ѣдой нашъ корабль запасенъ изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голодъ.
Было немедля мое повелѣнье исполнено; снявши
Верхнія платья, они собрались у безплоднаго моря;
Всѣхъ ихъ олень изумилъ, несказанно-великій и тучный;
Очи свои удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ, умыли
Руки они и поспѣшно обѣдъ приготовили вкусный
Цѣлый мы день до вечерняго сумрака, сидя на брегѣ,
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тма наступила ночная;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Спутниковъ вѣрныхъ своихъ на совѣтъ пригласивъ, я сказалъ имъ:
Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный:
Намъ неизвѣстно, гдѣ западъ лежитъ, гдѣ является Эосъ;

Гдѣ свѣтоносный подъ землю спускается Геліосъ, гдѣ онъ
На небо всходитъ; должны мы теперь совокупно размыслить
Можно ли чѣмъ отъ бѣды намъ спастися; я думаю, нечѣмъ.
Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ глазами:
Островъ, безбрежною бездной морской, какъ вѣнцемъ, окруженный,
Плоско на влагѣ лежащій, увидѣлъ я; дымъ подымался
Густо вдали изъ широкорастущаго, темнаго лѣса.
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце:
Въ память пришли имъ и злой Лестригонъ Антифатъ и надменный
Силой своею Циклопъ, Полифемъ, людоѣдъ святотатный;
Громко они застонали, обильнымъ потокомъ проливши
Слезы — напрасно; отъ слезъ и отъ стоновъ ихъ не было пользы.
Тутъ раздѣлить я рѣшился товарищей мѣднообутыхъ
На двѣ дружины; одною дружиной начальствовалъ самъ я;
Избранъ вождемъ былъ дружины другой Эврилохъ благородный.
Жеребьи въ мѣдноокованномъ шлемѣ потомъ потрясли мы —

Вынулся жеребій твердому сердцемъ вождю Эврилоху.
Въ путь собрался онъ и съ нимъ двадцать два изъ товарищей нашихъ.
Съ плачемъ они удалились, оставя насъ, горемъ объятыхъ.
Скоро они за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
Около дома толпилися горные львы и лѣсные
Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила Цирцея.
Вмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подбѣжали
Къ нимъ миролюбно и, ихъ окруживши, махали хвостами.
Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся — имъ же всегда онъ приноситъ остатки обѣда —
Такъ остролапые львы и шершавые волки къ пришельцамъ
Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные въ ужасъ,
Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспѣшно
Всѣ устремились. Тамъ голосомъ звонкопріятнымъ богиня
Пѣла, сидя́ за широкой, прекрасной, божественнотонкой

Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходитъ.
Къ спутникамъ тутъ обратяся, Политосъ, мужей предводитель,
Мнѣ межъ другими вѣрнѣйшій, любезнѣйшій другъ мой, сказалъ имъ:
Слышите-ль голосъ пріятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поетъ тамъ, гармоніей всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скорѣй подадимъ ей.
Такъ онъ сказалъ имъ; они закричали, чтобъ вызвать пѣвицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
Въ домъ пригласила вступить ихъ; забывъ осторожность, вступили
Всѣ; Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись, остался.
Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смѣси изъ сыра и меду съ ячменной мукой и съ Прамнейскимъ
Свѣтлымъ виномъ подала имъ, подсыпавъ волшебнаго зелья
Въ чашу, чтобъ память у нихъ объ отчизнѣ пропала; когда же
Ею былъ поданъ а ими отвѣданъ напитокъ, ударомъ
Быстрымъ жезла загнала чародѣйка въ свиную закуту

Всѣхъ; очутился тамъ каждый съ щетинистой кожей, съ свиною
Мордой и съ хрюкомъ свинымъ, не утративъ однако разсудка.
Плачущихъ всѣхъ заперла ихъ въ закутѣ волшебница, бросивъ
Имъ желудей и свидины и буковыхъ дикихъ орѣховъ
Въ пищу, къ которой такъ лакомы свиньи, любящія рыломъ
Землю копать. Къ кораблю Эврилохъ прибѣжалъ тою порою
Съ вѣстью плачевной о бѣдствіи, спутниковъ нашихъ постигшемъ.
Долго не могъ, сколь ни силился, слова сказать онъ, могучимъ
Горемъ проникнутый въ сердце; слезами наполнены были
Очи его и душа въ немъ терзалась отъ скорби; когда же
Всѣ мы его въ изумленьи великомъ распрашивать стали,
Такъ разсказалъ онъ мнѣ повѣсть о бѣдствіи посланныхъ нашихъ:
Лѣсъ перешедши, какъ ты повелѣлъ, Одиссей многославный,
Скоро мы тамъ за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
Въ немъ, мы услышали, пѣла прекрасно пѣвица, за тканью

Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчасъ мы голосъ
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
Въ домъ насъ вступить пригласила; забывъ осторожность, вступили
Всѣ; я остался одинъ назади, предузнавши погибель;
Всѣ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ не вышелъ.
Долго я ждалъ; напослѣдокъ ушелъ, ничего не узнавши.
Такъ онъ сказалъ; и немедля, надѣвъ на плечо среброгвоздный,
Мѣдный, двуострый мой мечъ и схвативши свой туго согбенный
Лукъ, я велѣлъ Эврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но онъ, на колѣна въ великомъ
Страхѣ упавъ, мнѣ съ рыданіемъ бросилъ крылатое слово:
Нѣтъ, повелитель, позволь за тобой не ходить мнѣ; увѣренъ
Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни другихъ не воротишь
Спутниковъ нашихъ; совѣтую лучше, какъ можно скорѣе
Бѣгствомъ спасаться, иль всѣ мы ужаснаго дня не минуемъ.
Такъ говорилъ Эврилохъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:

Другъ Эврилохъ, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здѣсь, при моемъ кораблѣ утѣшаться питьемъ и ѣдою;
Я же пойду; непреклонной нуждѣ покориться мнѣ должно.
Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль тамъ оставивъ.
Той же порой какъ, въ святую долину спустяся, ужъ былъ я
Близко высокаго дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами моими, нежданый,
Сталъ, заступивъ мнѣ дорогу; плѣнительный образъ имѣлъ онъ
Юноши съ дѣвственнымъ пухомъ на свѣжихъ ланитахъ, въ прекрасномъ
Младости цвѣтѣ. Мнѣ ласково руку подавши, сказалъ онъ:
Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко,
Здѣшняго края не вѣдая? Люди твои у Цирцеи;
Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и въ хлѣвъ заперла свой.
Ихъ ты избавить спѣшишь; но и самъ, опасаюсь, оттуда
Цѣлъ не уйдешь; и съ тобою случится, что съ ними случилось.
Слушай однако: тебя отъ бѣды я великой избавить

Средство имѣю; дамъ зелья тебѣ; ты въ жилище Цирцеи
Смѣло поди съ нимъ; оно охранитъ отъ ужаснаго часа.
Я же тебѣ разскажу о волшебствахъ коварной богини:
Пойло она приготовитъ и зелья въ то пойло подсыплетъ.
Но надъ тобой не подѣйствуютъ чары; чудесное средство,
Данное мною, ихъ силу разрушитъ. Послушай; какъ скоро
Мощнымъ жезломъ чародѣйнымъ Цирцея къ тебѣ прикоснется,
Острый свой мечъ обнаживъ, на нее устремись ты немедля,
Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; въ испугѣ
Станетъ, упавъ на колѣна, пощады просить чародѣйка.
Строго потребуй тогда, чтобъ она поклялася великой
Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не имѣетъ:
Иначе ты не избѣгнешь могущества гибельной чары.
Съ сими словами растенье мнѣ подалъ божественный Эрмій,
Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ мнѣ:
Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизною;

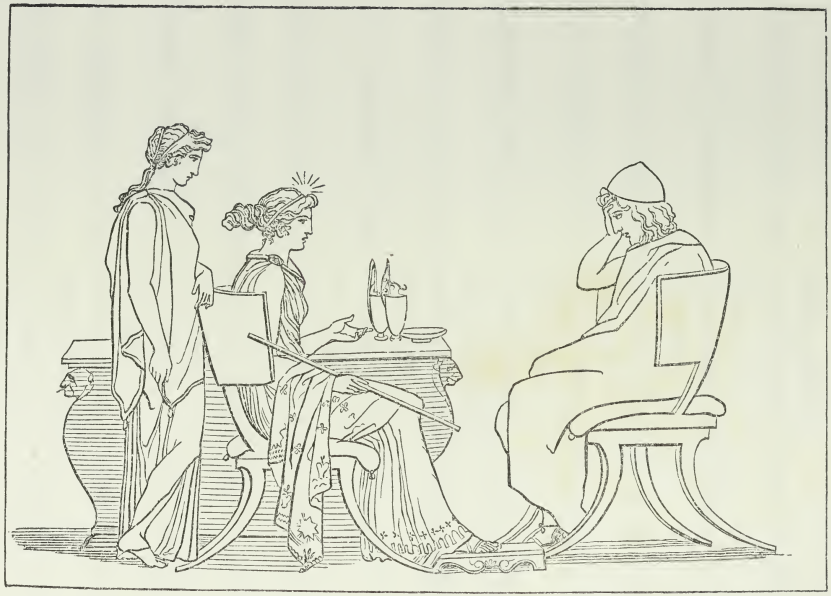
Мóли его называютъ безсмертные; людямъ опасно
Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно.
Эрмій, подавъ мнѣ растенье на свѣтлый Олимпъ удалился.
Я же пошелъ вдоль лѣсистаго острова къ дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Ставъ передъ дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Началъ ее вызывать; и, услышавъ мой голосъ, немедля
Вышла она, отворила блестящія двери и въ домъ дружелюбно
Мнѣ предложила вступить; съ сокрушеніемъ сердца вступилъ я.
Введши въ покои меня и на стулъ посадивъ среброгвоздный
Рѣдкой работы (для ногъ же была тамъ скамейка), богиня
Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ; но прежде,
Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и когда онъ
Ею былъ поданъ, а мною безвредно отвѣданъ, свершила
Чару она, давъ ударъ мнѣ жезломъ и сказавъ мнѣ такое
Слово: иди, и свиньею валяйся въ закутѣ съ другими.

Я же свой мечъ изощренный извлекъ и его, подбѣжавъ къ ней,
Поднялъ, какъ будто ее умертвить вознамѣрившись; громко
Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась и, съ плачемъ великимъ
Сжавши колѣна мои, мнѣ крылатое бросила слово:
Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?
Я въ изумленіи; питья моего ты отвѣдалъ и не былъ
Имъ превращенъ; а доселѣ никто не избѣгъ чародѣйства,
Даже и тотъ, кто не пивъ, лишь губами къ питью прикасался.
Сердце желѣзное бьется въ груди у тебя; и конечно
Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о которомъ давно мнѣ
Эрмій, носитель жезла золотаго, сказалъ, что сюда онъ
Будетъ, на черномъ плывя кораблѣ отъ разрушенной Трои.
Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ, и безъ страха
Ввѣрь мнѣ себя: ты отнынѣ мнѣ будешь возлюбленнымъ другомъ.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
Какъ же могу, о Цирцея, на дружбу твою положиться,

Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ вѣрныхъ!
Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ я твоему обѣщанью повѣрилъ
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что вреднаго замысла противъ меня не имѣешь.
Такъ я сказалъ, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Мечъ свой я вдвинулъ въ ножны и довѣрчиво руку ей подалъ.
Тою порою заботились въ свѣтлыхъ покояхъ четыре
Дѣвы, служанки проворныя, все учреждавшія въ домѣ;
Всѣ онѣ дочери были прекрасныя рощъ и ключей и священныхъ
Рѣкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бѣгущихъ.
Дѣва одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры жъ полотняныя ткани.
Къ каждымъ кресламъ другая серебряный чудной работы
Столъ пододвинула съ хлѣбомъ въ златыхъ драгоцѣнныхъ корзинахъ.
Третья смѣшала въ кратерѣ серебряной воду съ медвянымъ,

Сладкимъ виномъ; на столы же поставила кубки златые.
Свѣтлой воды принесла напослѣдокъ четвертая дѣва:
Яркій огонь разложивъ подъ треножнымъ котломъ, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду въ котлѣ, осторожно
Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной
Въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову теплой
Влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ разслабленье
Тѣла. Когда жъ и омытъ я и чистымъ натертъ былъ елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и косматую мантію, съ дѣвой
Въ свѣтлый покой я вступилъ и она къ среброгвозднымъ, богатымъ
Кресламъ меня проводила — была тамъ для ногъ и скамейка.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть мнѣ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домо́витая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, и стала меня дружелюбно

Потчивать вкусною пищей; но пища была мнѣ противна.
Думой объятый, сидѣлъ я съ недобрымъ предчувствіемъ въ сердцѣ.
Видя, что, думой объятый, сижу и что къ лакомой пищѣ
Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мнѣ подошедши, крылатое бросила слово:
Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отъ чего такъ уныло
Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? напрасенъ
Страхъ твой; ты слышалъ, тебѣ поклялась я великою клятвой.
Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящій,
Мужъ согласится себя утѣшать и питьемъ и ѣдою,
Прежде, пока не увидитъ своими глазами спасенья
Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ пищи твоей я коснулся,
Спутниковъ дай мнѣ спасенье своими глазами увидѣть.
Такъ я сказалъ, и немедля съ жезломъ изъ покоевъ Цирцея



Цирцея. Одиссей.

Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отъ чего такъ уныло
Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды ни питья не вкушая?

Вышла, къ закутѣ свиной подошла и, ее отворивши,
Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодовалыхъ, оттуда
Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ ихъ
Всѣхъ, почередно помазала каждаго мазью, и разомъ
Спала съ ихъ тѣла щетина, его покрывавшая густо
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Цирцея дала имъ волшебнаго зелья;
Прежній свой видъ возвративъ, во мгновенье всѣ стали моложе,
Силами крѣпче, красивѣй лицемъ и возвышеннѣй станомъ;
Всѣ во мгновенье узнали меня и ко мнѣ протянули
Радостно руки; потомъ зарыдали отъ скорби; ихъ воплемъ
Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу Цирцеи.
Близко ко мнѣ подошедши, богиня богинь мнѣ сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и вѣрнымъ
Спутникамъ всѣмъ совокупно встащить повели на зыбучій
Берегъ корабль твой; потомъ, всѣ богатства и спасти въ пещерѣ

Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда возвратися.
Такъ мнѣ сказала, и я покорился ей мужескимъ сердцемъ.
Шагомъ поспѣшнымъ пришедъ къ кораблю на песчаное взморье,
Близъ корабля я на брегѣ нашелъ всѣхъ товарищей вѣрныхъ,
Стонущихъ громко, изъ глазъ изобильныя слезы ліющихъ.
Какъ запертыя въ закутахъ телята, увидя идущихъ
Съ паствы коровъ, напитавшихся сочной травой луговою,
Всѣ имъ на встрѣчу бѣгутъ, изъ заградъ вырываяся тѣсныхъ,
Всѣ окружаютъ, мыча, возвратившихся съ пажити матокъ:
Такъ побѣжали толпою, увидя меня издалека,
Спутники всѣ мнѣ на встрѣчу; и сильно проникла ихъ сердце
Радость, какъ будто бъ въ родную они возвратились Итаку,
Въ наше отечество милое, гдѣ родились и цвѣли мы.
Горько заплакавъ, они мнѣ крылатое бросили слово:
Радостно намъ возвращенье твое, повелитель, какъ будто бъ
Въ наше отечество, въ нашу Итаку, мы вдругъ возвратились.

Но не скрывайся, скажи, гдѣ товарищи? Что ихъ постигло?
Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣчалъ я:
Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучій
Берегъ встащите; въ пещерѣ потомъ всѣ богатства и снасти
Скройте; потомъ соберитесь и слѣдуйте смѣло за мною.
Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую обитель Цирцеи.
Всѣхъ ихъ, питьемъ и ѣдой веселящихся, тамъ вы найдете.
Было немедля мое повелѣнье исполнено ими.
Но Эврилохъ, вопреки мнѣ, хотѣлъ удержать ихъ; онъ смѣло
Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросилъ крылатое слово:
Стойте; куда вы, безумцы? За нимъ по слѣдамъ вы хотите
Въ домъ чародѣйки опасной итти? Но она превратитъ васъ
Всѣхъ иль въ свиней иль въ шершавыхъ волковъ иль въ лѣсныхъ густогривыхъ
Львовъ, чтобъ ея стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится
То жъ, что случилось въ пещерѣ Циклопа, куда безразсудно
Наши товарищи слѣдомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ.

Онъ, необузданный, былъ ихъ погибели жалкой виною.
Такъ говорилъ Эврилохъ и меня побуждало ужъ сердце
Мечъ длиннoострый схватить и, его обнаженною мѣдью
Голову съ плечъ непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ
Былъ мнѣ и родственникъ близкій; но спутники всѣ, удержавши
Руку мою, обратили ко мнѣ миротворное слово:
Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается
У моря здѣсь съ кораблемъ и его сторожитъ неусыпно;
Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель Цирцеи.
Всѣхъ ихъ отъ моря повелъ я, корабль нашъ покинувъ на брегѣ;
Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и за нами
Слѣдомъ пошелъ, приведенный моими угрозами въ трепетъ.
Тою порой остальные товарищи въ домѣ Цирцеи
Баней себя освѣжили; душистымъ натершись елеемъ,
Въ легкій хитонъ и косматую мантію каждый облекся.
Я возвратясь ихъ нашелъ, за роскошной трапезой сидящихъ.

Свидясь съ друзьями и все разсказавъ о случившемся съ ними,
Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ огласился.
Близко ко мнѣ подошедши, богиня Цирцея сказала:
Царь Одиссей, многохитростный мужъ, Лаэртидъ благородный,
Всѣ вы свою укротите печаль и отъ слезъ воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водахъ многорыбнаго моря,
Что на землѣ отъ свирѣпыхъ людей претерпѣли вы — горе.
Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и ѣдою, покуда
Въ вашей груди не родится то мужество снова, съ которымъ
Нѣкогда въ путь вы пустились, разставшись съ отчизною милой,
Съ вашей суровой Итакою. Нынѣ въ безсиліи робкомъ,
Все помышляя о странствіи бѣдственномъ, сердце веселью
Вы затворяете — были велики страданія ваши.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Съ тѣхъ поръ вседневно, въ теченье мы цѣлаго года
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.

Но когда наконецъ обращеньемъ временъ совершенъ былъ
Кругъ годовой, миновалися мѣсяцы, дни пролетѣли,
Спутники всѣ приступили ко мнѣ съ убѣдительной рѣчью:
Время, несчастный, тебѣ о возвратѣ въ Итаку подумать,
Если угодно богамъ, чтобъ спаслись мы, чтобъ могъ ты увидѣть
Свѣтлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ домашнихъ.
Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ сердцемъ.
Весело весь мы тотъ день до вечерняго поздняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тма наступала ночная.
Спутники всѣ предались въ потемнѣвшихъ палатахъ покою.
Я же, пришедши къ богинѣ, ей бросилъ крылатое слово:
О Цирцея, исполни свое обѣщанье въ отчизну
Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней; въ сокрушеньи
Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раздираютъ
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобнымъ плачемъ.

Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ домѣ своемъ я тебя по неволѣ держать не желаю.
Прежде однако ты долженъ, съ пути уклоняся, проникнуть
Въ область Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона.
Душу пророка, слѣпца, обладавшаго разумомъ зоркимъ,
Душу Тирезія Ѳивскаго должно тебѣ вопросить тамъ.
Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адѣ
Онъ лишь съ умомъ; всѣ другіе безумными тѣнями вѣютъ.
Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалося сердце;
Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала противна
Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ безутѣшно.
Но напослѣдокъ, богинѣ отвѣтствуя, такъ я сказалъ ей:
Кто жъ, о Цирцея, на этомъ пути провожатымъ мнѣ будетъ?
Въ адѣ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ земнородный.

Такъ вопросилъ я богиню, и такъ мнѣ она отвѣчала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Вѣрь, кораблю твоему провожатый найдется; объ этомъ
Ты не заботься; но, мачту поставивъ и парусъ поднявши,
Смѣло плыви; твой корабль передамъ я Борею; когда же
Ты, Океанъ въ кораблѣ поперегъ переплывши, достигнешь
Низкаго брега, гдѣ дико ростетъ Персефонинъ широкій
Лѣсъ изъ ракитъ, свой теряющихъ плодъ, и изъ тополей черныхъ,
Вздвинувъ на брегъ, подъ которымъ шумитъ Океанъ водовратный,
Черный корабль свой, вступи въ Аидову мглистую область.
Быстро бѣжитъ тамъ Пирифлегетонъ въ Ахероново лоно
Вмѣстѣ съ Коцитомъ, великою вѣтвію Стикса; утесъ тамъ
Видѣнъ и обѣ подъ нимъ многошумно сливаются рѣки.
Слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь: подъ утесомъ
Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три соверши возліянія мертвымъ, всѣхъ вмѣстѣ призвавъ ихъ:

Первое смѣсью медвяной, другое виномъ благовоннымъ.
Третье водою и, все пересыпавъ мукою ячменной,
Дай обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
Въ домъ возвратяся, корову, тельцевъ не имѣвшую, въ жертву
Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
Бросить, Терезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
Послѣ (когда обѣщаніе дашь многославнымъ умершимъ)
Черную овцу и чернаго съ нею барана — къ Эреву
Ихъ обративъ головою, а самъ обратясь къ Океану —
Въ жертву тѣнямъ принеси; и къ тебѣ тутъ немедля великой
Придутъ толпою отшедшія души умершихъ; тогда ты
Спутникамъ дай повелѣнье, содравши съ овцы и съ барана,
Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежащихъ въ крови передъ вами,
Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и призвать громогласно
Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону;

Самъ же ты, острый свой мечъ обнаживши и съ нимъ передъ ямой
Сѣвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, покуда отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, повелитель народовъ,
Скажетъ тебѣ, гдѣ дорога, и долгъ ли путь, и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься.
Такъ говорила она; той порой златотронная Эосъ
Встала. Съ богиней поспѣшно простясь, я товарищей вѣрныхъ
Всѣхъ разбудилъ и, привѣтствіе каждому сдѣлавъ, сказалъ имъ:
Время, друзья, вамъ отъ сладкаго сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаетъ къ отъѣзду.
Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Но и оттуда не могъ я отплыть безъ утраты печальной:
Младшій изъ всѣхъ на моемъ кораблѣ, Эльпеноръ, неотличный
Смѣлостью въ битвахъ, не щедро умомъ отъ боговъ одаренный,
Спать для прохлады ушелъ на площадку возвышенной кровли

Дома Цирцеи священнаго, крѣпкимъ виномъ охмѣленный.
Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ, услышавъ,
Вдругъ онъ вскочилъ и, отъ хмѣля забывъ, что назадъ обратиться
Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой сойти по ступенямъ,
Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался и, ударясь затылкомъ
Оземь, сломилъ позвонковую кость, и душа отлетѣла
Въ область Аида. Тѣмъ временемъ спутникамъ такъ говорилъ я:
Мыслите вѣрно, друзья, вы, что въ милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала Цирцея:
Въ царствѣ Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона,
Душу Тирезія Ѳивскаго долженъ сперва вопросить я.
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, въ изступленіи волосы рвали,
Все понапрасну — отъ слезъ и отъ воплей намъ не было пользы.
Всѣ къ своему кораблю, на песчаномъ стоявшему брегѣ,
Вмѣстѣ пошли мы, печальные, льющіе слезы обильно.

Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу
Съ чернымъ бараномъ Цирцея и, тамъ ихъ оставя, межъ нами
Тихо прошла, невиди́мая..... смертнымъ увидѣть не можно
Бога, когда, приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться невидимъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Сѣверный вѣтеръ приноситъ корабль его къ берегамъ Киммеріянъ, гдѣ потокъ Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссей призываетъ ихъ. Явленіе Эльпенора; онъ требуетъ погребенія. Тѣнь Одиссеевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Бесѣда Одиссея съ тѣнію матери. Тѣни древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссею. Онъ хочетъ прервать свою повѣсть, но Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссей продолжаетъ. Явленіе Агамемнона, Ахиллеса съ Патрокломъ, Антилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, звѣроловствующаго Оріона, казней Титія, Тантала и Сизифа, грознаго Ираклова образа. Незапный страхъ побуждаетъ Одиссея возвратиться на корабль; и онъ плыветъ обратно по теченію водъ Океана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на пескѣ кораблю собралися
Всѣ мы и, сдвинувши черный корабль на священныя воды,
Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу съ собой, на корабль совокупно
Всѣ мы взошли, сокрушенные горемъ, ліющіе слезы.
Былъ намъ по темнымъ волнамъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней;
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;
Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.
Судно, прибывъ, на песокъ мы втащили; барана и овцу
Взяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана
Берегомъ къ мѣсту, которое мнѣ указала Цирцея.
Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звѣрей, обреченныхъ
Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый и, имъ ископавши
Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три совершилъ возліянія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ:
Первое смѣсью медвяной, второе виномъ благовоннымъ,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпавъ,

Одиссей.

Черная кровь полилася въ нее и слетѣлись толпою
Души усопшихъ, изъ темныя бездны Эрева поднявшись.

Далъ обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
Въ домъ возвратяся, корову, тельцевъ не имѣвшую, въ жертву
Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
Бросить; Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
Давъ обѣщанье такое и сдѣлавъ воззваніе къ мертвымъ,
Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой зарѣзалъ;
Черная кровь полилася въ нее и слетѣлись толпою
Души усопшихъ; изъ темныя бездны Эрева поднявшись:
Души невѣстъ, малоопытныхъ юношей, опытныхъ старцевъ,
Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скорбящихъ,
Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ копьемъ пораженныхъ смертельно
Въ битвѣ, и бро́ни, обрызганной кровью, еще не сложившихъ.
Всѣ онѣ, вылетѣвъ вмѣстѣ безчисленнымъ роемъ изъ ямы,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ.
Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,

Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону.
Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ нимъ передъ ямой
Сѣлъ, чтобъ мѣшать приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора;
Бѣдный, еще не зарытый, лежалъ на землѣ путеносной.
Не былъ онъ нами оплаканъ; ему не свершивъ погребенья,
Въ домѣ Цирцеи его мы оставили: въ путь мы спѣшили.
Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье мнѣ душу проникло.
Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
Скоро же, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ царствѣ Аида!
Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ кораблѣ быстроходномъ.
Такъ я сказалъ; простонавши печально, мнѣ такъ отвѣчалъ онъ:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей многославный,

Демономъ злымъ погубленъ я и силой вина несказанной;
Крѣпко на кровлѣ заснувъ, я забылъ, что назадъ надлежало
Прежде пойти, чтобъ по лѣстницѣ съ кровли высокой спуститься:
Бросясь впередъ, я упалъ и, затылкомъ ударившись оземь,
Кость изломалъ позвоночную: въ область Аида мгновенно
Духъ отлетѣлъ мой. Тебя же любовью къ отсутственнымъ милымъ,
Вѣрной женою, отцемъ, воспитавшимъ тебя, и цвѣтущимъ
Сыномъ, тобой во младенческихъ лѣтахъ оставленнымъ дома,
Нынѣ молю — (мнѣ извѣстно, что, область Аида покинувъ,
Ты въ кораблѣ возвратишься на островъ Цирцеи) — о! вспомни,
Вспомни тогда обо мнѣ, Одиссей благородный, чтобъ не былъ
Тамъ не оплаканный я и безгробный оставленъ, чтобъ гнѣва
Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты моею бѣдою.
Бросивши трупъ мой со всѣми моими доспѣхами въ пламень,
Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря сѣдаго;
Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позднихъ потомковъ

Въ землю на холмѣ моемъ то весло водрузите, которымъ
Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я волны тревожилъ.
Такъ говорилъ Эльпеноръ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
Все, злополучный, какъ требуешь, мною исполнено будетъ.
Такъ мы, печально бесѣдуя, другъ подлѣ друга сидѣли,
Я, отгоняющій тѣни отъ крови мечемъ обнаженнымъ,
Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго призракъ.
Вдругъ подошло, я увидѣлъ, ко мнѣ привидѣнье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великимъ
Автоликономъ — ее межъ живыми оставилъ я дома,
Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мнѣ проникнула душу;
Но и ея, сколь ни тяжко то было душѣ, не пустилъ я
Къ крови: мнѣ не далъ отвѣта еще прорицатель Тирезій.
Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Ѳивскаго образъ;
Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ, и сказалъ мнѣ:
Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,

Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предѣлы
Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ?
Но отслонися отъ ямы и къ крови мечемъ не препятствуй
Мнѣ подойти, чтобъ, напившися, могъ я по правдѣ пророчить.
Такъ онъ сказалъ; отслоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный
Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившися черныя крови,
Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророча:
Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ свой ты жаждешь.
Богъ раздраженный его затруднитъ несказанно, понеже
Гонитъ тебя колебатель земли Посидонъ; ты жестоко
Душу разгнѣвалъ его ослѣпленіемъ милаго сына.
Но, и ему вопреки, и бѣды повстрѣчавъ, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйныхъ
Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной Тринакріи, бездну
Темнолазурнаго моря измѣривъ, корабль приведешь свой;
Тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ пасетъ тамъ издавна

Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.
Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
Смерти, но бѣдственно въ домъ возвратишься, товарищей въ морѣ
Всѣхъ потерявъ, на чужомъ кораблѣ и нерадость тамъ встрѣтишь:
Буйныхъ людей тамъ найдешь ты, твое достоянье губящихъ,
Мучащихъ дерзкимъ своимъ сватовствомъ Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты имъ отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ твой,
Въ немъ умертвишь иль обманомъ иль явною силой — покинувъ
Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстроходныхъ,

Пурпурно-грудыхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья,
Ихъ по морямъ — отъ меня же узнай несомнительный признакъ:
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
Что за *лопату* несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
Въ землю весло водрузи — ты окончилъ свое роковое,
Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и большаго прекраснаго вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
Счастьемъ богатый. И сбудется все, предреченное мною.
Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая, сказалъ я:
Старецъ, пускай совершится, что мнѣ предназначили боги.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:

Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ крови
Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ будто не смѣетъ
Сыну въ лице поглядѣть и завесть разговоръ съ нимъ. Скажи мнѣ,
Старецъ, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына живаго узнала?
Такъ я его вопросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Легкое средство на это, въ немногихъ словахъ я открою:
Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови
Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно
Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не пустишь.
Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказавшая жребій.
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ; но ждалъ я недолго;
Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое бросила слово:
Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туманную область
Ада? Здѣсь все ужасаетъ живущаго; шумно бѣгутъ здѣсь

Страшныя рѣки, потоки великіе; здѣсь Океана
Воды глубокія льются; никто переплыть ихъ не можетъ
Самъ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно. Скажи же,
Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ своими людьми ты,
По́ морю долго скитавшися, прибылъ сюда? Неужели
Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцевъ, ни супруги?
Такъ говорила она и, отвѣтствуя, такъ ей сказалъ я:
Милая мать, приведенъ я къ Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тирезія Ѳивскаго мнѣ вопросить надлежало.
Въ землю Ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
Нашей еще не видалъ, безпріютно скитаюсь повсюду
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ Ага́мемнономъ поплылъ
Въ градъ Иліонъ, изобильный конями, на гибель Троянамъ.
Ты жъ мнѣ скажи откровенно, какою изъ Паркъ непреклонныхъ
Въ руки на вѣкъ усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругъ Артемида богиня

Тихой стрѣлою своею тебя безъ болѣзни убила?
Также скажи объ отцѣ и о сынѣ, покинутыхъ мною:
Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль другой ужъ на мѣсто
Избранъ мое и меня ужъ въ народѣ считаютъ погибшимъ?
Также скажи мнѣ, что дѣлаетъ дома жена Пенелопа?
Съ сыномъ ли вмѣстѣ живетъ, неизмѣнная въ вѣрности мужу?
Иль ужъ съ какимъ изъ Ахейскихъ владыкъ сочеталася бракомъ?
Такъ я ее вопросилъ; Антиклея мнѣ такъ отвѣчала:
Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали;
Царскій твой санъ никому отъ народа не отданъ; безспорно
Дома своимъ Телемакъ достояньемъ владѣетъ, пирами
Всѣхъ угощая, какъ то облеченному саномъ высокимъ прилично;
Всѣ и его угощаютъ роскошно. Лаэртъ же не ходитъ
Болѣе въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя

Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ;
Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами
Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
Въ лѣтнюю жъ знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находитъ себѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ
Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой.
Тамъ онъ лежитъ и вздыхаетъ, и сердцемъ крушится, и плачетъ,
Все о тебѣ помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось такъ и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ, Артемида,
Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,
Такъ же не медленный, мной овладѣвшій недугъ, растерзавши
Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ:
Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ
Нравѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила
Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увлеченный

Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.
Ей наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться къ родному
Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?
Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслитъ.
Но такова уже судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью.
Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погребальный

Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ:
Вóвсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.
Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтобъ все повторить при свиданьи супругѣ.
Такъ, собесѣдуя, мы говорили. Тогда мнѣ явились
Призраки женъ—ихъ прислала сама Персефона; то были
Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ героевъ;
Черную кровь обступили онѣ, подбѣжавъ къ ней толпою;
Я же обдумывалъ, какъ бы мнѣ ихъ вопросить почередно
Каждую; вотъ что удобнѣйшимъ мнѣ наконецъ показалось:
Мечъ длинноострый немедля схватилъ и, его обнаживши,
Къ крови приблизиться имъ не дозволилъ я всею толпою;
Другъ за другомъ онѣ по одной подходили и имя
Мнѣ называли свое; и распрашивать каждую могъ я.
Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная въ мірѣ супруга Крефея,

Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она разсказала.
Двухъ сыновей возрастила она: Пеліаса съ Нелеемъ;
Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами барановъ, въ Іолхо́сѣ
Тучнополянистомъ жилъ Пеліасъ; а Нелей жилъ въ песчаномъ
Пилосѣ. Послѣ предстала Азопова дочь Антіопа;
Были ея сыновья Амфіо́нъ и Цето́съ; положили
Первое Ѳивъ седьмивратныхъ они основанье и много
Башень воздвигли кругомъ, поелику въ широкоравнинныхъ
Ѳивахъ они, и могучіе, жить не могли бъ безъ ограды.
Амфитріонову послѣ узрѣлъ я супругу Алкмену;
Сыномъ ея былъ Ираклъ, одаренный могуществомъ львинымъ.
Послѣ явилась Мегара; Креонъ, необузданно-смѣлый
Былъ ей отцемъ; а супругомъ Ираклъ, въ испытаніяхъ твердый.
Вслѣдъ за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дѣло въ незнаньи она совершила,

Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшися бракомъ.
Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ.
Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Ѳивахъ
Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный страдалецъ;
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣпивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался
Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эринній.
Послѣ явилась Хлорида; ея красотою плѣняся,
Нѣкогда съ ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Дѣву прельстившій; былъ царь Амфіонъ Іазидъ, Орхомена
Града Минійскаго славный властитель, отецъ ей; царица
Пилоса, бодрыхъ она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромія, жаднаго почестей Пе́риклиме́на;
Послѣ Хлорида и дочь родила многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь

Дочь непреклонный Нелей назначалъ, кто быковъ круторогихъ
Съ поля Филакіи сгонитъ, отнявъ у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Безпорочный взялся прорицатель
Смѣлое дѣло свершить; но ему положили преграду
Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада
Но когда миновалися мѣсяцы, дни пробѣжали и го́да
Кругъ совершился и Оры весну привели,— Ификлесу
Тайны боговъ онъ открылъ; Ификлесова сила святая
Узы его прервала и исполнилась воля Зевеса.
Славная Леда, супруга Тиндара, потомъ мнѣ явилась;
Ей родилися отъ брака съ Тиндаромъ могучимъ два сына:
Ко́ней смиритель Касторъ и боецъ Полидейкъ многосильный.
Оба землею они жизнодарною взяты живые;
Оба и въ мракѣ подземномъ честимы Зевесомъ; вседневно
Братомъ смѣняется братъ; и вседневно, когда умираетъ
Тотъ, воскресаетъ другой; и къ безсмертнымъ причислены оба.

Ифимедéю жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ;
Были плодомъ ихъ союза два сына (но кратокъ былъ вѣкъ ихъ):
Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфіальтомъ.
Щедрая, станомъ всѣхъ выше людей, ихъ земля возрастила;
Всѣхъ красотой затмѣвали они, одному Оріону
Въ ней уступая; и оба, едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Въ девять локтей толщиной, вышиною же въ тридевять были.
Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ многолѣсный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
Взять, и угрозу бъ они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латóной рожденный,
Прежде, чѣмъ младости пухъ отѣнилъ ихъ ланиты и первый
Волосъ пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ.
Федру я видѣлъ, Прокриду; явилась потомъ Аріадна,

Дочь кознодѣя Миноса: ее убѣжать съ нимъ въ Аѳины
Бодрый Тезей убѣдилъ; но убила его Артемида
Тихой стрѣлой, наущенная Бакхомъ, на островѣ Діѣ.
Видѣлъ я Меру, Климену, злодѣйку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотымъ ожерельемъ....
Всѣхъ ихъ однако я счесть не могу; мнѣ не вспомнить, какія
Тамъ мнѣ явилися жены и дочери древнихъ героевъ;
Цѣлой бы ночи не стало на то; ужъ пора мнѣ предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль вашъ къ товарищамъ бодрымъ,
Здѣсь ли оставшись; а вы мой отъѣздъ учредите съ богами.
Такъ говорилъ Одиссей, — всѣ другіе сидѣли безмолвно
Въ свѣтлой палатѣ, и было у всѣхъ очаровано сердце.
Тутъ бѣлорукая слово къ гостямъ обратила Арета:
Что, Феакіяне, скажете? Станомъ и видомъ и силой
Разума всѣхъ изумляетъ насъ гость чужеземный. Хотя онъ
Собственно *мой* гость, но будетъ ему угощенье отъ всѣхъ насъ;

Въ путь же его отсылать не спѣшите; нескупо дарами
Должно его, претерпѣвшаго столько утратъ, надѣлить намъ:
Много у всѣхъ васъ, по волѣ безсмертныхъ, скопилось богатства.
Тутъ поднялся Эхеней, благороднаго племени старецъ,
Ранѣе всѣхъ современныхъ ему Феакіянъ рожденный.
Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и съ намѣреньемъ нашимъ
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на дѣлѣ то слово исполнитъ.
Кончилъ. Отвѣтствовалъ такъ Алкиной благородному старцу:
Будетъ, что сказано, мною на дѣлѣ исполнено такъ же
Вѣрно, какъ то, что я живъ и что царь я въ землѣ Феакіянъ
Веслолюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безмѣрно спѣшитъ онъ
Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ имѣли мы время подарки
Наши собрать; отправленье въ отчизну его есть забота
Общая всѣмъ вамъ, моя жъ наипаче: я здѣсь повелитель.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Если бъ и цѣлый здѣсь годъ продержать вы меня захотѣли,
Мой учреждая отъѣздъ и дары для меня собирая,
Я согласился бъ остаться, понеже мнѣ выгодно будетъ
Съ полными въ милую землю отцевъ возвратиться руками.
Больше почтенъ и съ живѣйшею радостью принятъ я буду
Всѣми, кто встрѣтитъ меня при моемъ возвращеньи въ Итаку.
Онъ умолкнулъ; ему Алкиной отвѣчалъ дружелюбно:
Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не имѣемъ обидной
Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ, подобный
Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, повсюду
Ложь разсѣвая въ нелѣпыхъ разсказахъ о видѣнномъ ими.
Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плѣнителенъ рѣчью.
Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ, разсказалъ ты
Намъ объ Ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ бѣдствіяхъ; кончить
Долженъ однако ты повѣсть. Скажи жъ, ничего не скрывая,

Видѣлъ ли тамъ ты кого изъ могучихъ товарищей бранныхъ,
Бывшихъ съ тобой въ Иліонѣ и черную встрѣтившихъ участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всѣмъ намъ для сна безмятежнаго. Кончи жъ начатую повѣсть;
Слушать тебя я готовъ до явленія свѣтлой денницы,
Если разсказывать намъ о напастяхъ своихъ согласишься.
Такъ говорилъ онъ; отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Царь алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Время на все есть: свой часъ для бесѣды, свой часъ для покоя;
Если однако желаешь теперь же дослушать разсказъ мой,
Я повинуюсь и все разскажу, что печальнаго послѣ
Я претерпѣлъ: какъ утратилъ послѣднихъ сопутниковъ; также
Кто изъ Аргивянъ, избѣгши погибели въ битвахъ Троянскихъ,
Палъ отъ убійцы, измѣной жены, при возвратѣ въ отчизну.
Послѣ того, какъ разсѣяться призракамъ женъ Персефона,
Ада царица, велѣла и всѣ, разлетѣвшись, пропали —

Тѣнь Агамéмнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и слѣдомъ за нею всѣ тѣни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
Крови напившись, меня во мгновенье узналъ Агамéмнонъ.
Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи; простерши
Руки, онъ ими ко мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но напрасно:
Руки не слушались: не было въ нихъ ужъ ни силъ, ни движенья,
Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.
Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье проникло мнѣ душу;
Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамéмнонъ,
Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Посидонъ съ кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? на сушѣ ль
Былъ умерщвленъ ты рукою врага, имъ захваченный въ полѣ,
Гдѣ нападалъ на его криворогихъ быковъ и барановъ,

Или во градѣ, гдѣ женъ похищалъ и сокровища грабилъ?
Такъ вопросилъ я его и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Нѣтъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ погубленъ Посидономъ,
Бурныя волны воздвигшимъ на безднѣ морской; не на сушѣ
Былъ умерщвленъ я рукою противника явнаго въ битвѣ;
Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и плачевную участь;
Съ гнусной женою моей заодно, у себя на веселомъ
Пирѣ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
Такъ я погибъ и товарищи вѣрные вмѣстѣ со мною
Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые вепри, которыхъ
Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,
Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ иль на свадьбу.
Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могучіе мужи
Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ сраженья —
Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепетъ, отъ страха бы обмеръ, увидя

Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами, покрытыми брашномъ,
Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкіе крики Пріамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышалъ я: ножъ ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подлѣ меня; полумертвый лежа на землѣ, попытался
Хладную руку къ мечу протянуть я: она равнодушно
Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область Аида,
Тусклыхъ очей и мертвѣющихъ устъ запереть не хотѣла.
Нѣтъ ничего отвратительнѣй, нѣтъ ничего ненавистнѣй
Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дѣло, какимъ навсегда осрамилась она, приготовивъ
Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ
Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дѣтямъ и ближнимъ —
Злое напротивъ замысля. кровавымъ убійствомъ злодѣйка
Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена посрамила
Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.

Такъ говорилъ Агамéмнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
Горе! конечно Зевесъ громовержецъ потомству Атрея
Быть навсегда предназначилъ игралищемъ бѣдственныхъ женскихъ
Козней; погибло немало могучихъ мужей отъ Елены;
Такъ и тебѣ издалёка устроила смерть Клитемнестра.
Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣтствовалъ царь Агамéмнонъ:
Слишкомъ довѣрчивымъ быть Одиссей берегися съ женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Ввѣрь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна погибель;
Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ цвѣтущихъ
Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее ты покинулъ,
Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умѣвшій, младенецъ
Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ конечно теперь засѣдаетъ
Въ сонмѣ мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ увидится; нѣжно

Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ слѣдуетъ сыну, прижмется....
Мнѣ жъ кознодѣйка жена не дала ни однимъ насладиться
Взглядомъ на милаго сына; я былъ во мгновенье зарѣзанъ.
Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ непримѣтно
Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагаться опасно.
Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Могъ ли ты что нибудь свѣдать о сынѣ моемъ? Не слыхалъ ли,
Гдѣ онъ живетъ? Въ Охроменѣ ль? Въ песчаномъ ли Пи́лосѣ? Въ Спартѣ ль
Свѣтлопространной у славнаго дяди, царя Менелая?
Ибо не умеръ еще на землѣ мой Орестъ благородный.
Такъ вопросилъ Ага́мемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
Царь Агамемнонъ, о сынѣ твоемъ ничего я не знаю;
Гдѣ онъ и живъ ли, сказать не могу; пустословіе вредно.
Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подлѣ друга
Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ.

Тѣнь Ахиллеса Пелеева сына потомъ мнѣ явилась:
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
Бодрый Аяксъ, межъ Ахейцами мужескимъ видомъ и силой
Послѣ Пелеева сына великаго всѣхъ превзошедшій.
Тѣнь быстроногаго внука Эакова, ставъ предо мною,
Мнѣ, возрыдавши, крылатое бросила слово: зачѣмъ ты
Здѣсь, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дѣло замыслилъ?
Какъ проникнулъ въ предѣлы Аида, гдѣ мертвыя только
Тѣни отшедшихъ, лишенныя чувства, безжизненно вѣютъ?
Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:
О Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всѣми Данаями первый,
Здѣсь я за тѣмъ, чтобъ Тирезій слѣпецъ прорицатель открылъ мнѣ
Способъ вѣрнѣйшій моей каменистой Итаки достигнуть;
Въ землю Ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую. Ты же

Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ счастьемъ
Первый: живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;
Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты, какъ въ жизни
Нѣкогда былъ; не ропщи же на смерть, Ахиллесъ богоравный.
Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ, тяжко вздыхая:
О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
Былъ ли въ сраженьи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхалъ ли о старцѣ Пелеѣ?
Все ли по-прежнему онъ повелитель земли Мирмидонской?
Иль ужъ его и въ Элладѣ и Фтіи честить перестали,
Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ?
Въ области дня ужъ защитникомъ быть для него не могу я;

Нынѣ ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ отдаленной
Троѣ губилъ ополченья и грудью стоялъ за Ахеянъ.
Если бъ такимъ хоть на мигъ я въ жилищѣ отцевомъ явился,
Ужасъ бы сильная эта рука навела тамъ на многихъ,
Власти Пелея не чтущихъ и старость его оскорбившихъ.
Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
Свѣдать не могъ ничего я о старцѣ Пелеѣ великомъ;
Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Неоптолемѣ
Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебѣ разскажу я подробно
Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скиро́са
Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ Данаямъ въ Троянскую землю;
Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона всегда онъ
Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ сужденьяхъ
Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.
Въ полѣ жъ Троянскомъ широкомъ, гдѣ гибельной мѣдью мы бились,
Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣлъ оставаться;

Выстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упреждая храбрѣйшихъ;
Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погибло;
Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
Въ краѣ Троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью стоялъ за Аргивянъ.
Такъ Эврипи́ла, Теле́фова сына, губительной мѣдью
Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодаго вождя всѣ Кетейцы
Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной жертвой.
Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ прекраснѣй.
Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпе́осомъ, скрыться
Былъ онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады
Мнѣ отворять, затворять и стеречь поручили Ахейцы.
Всѣ, при вступленьи въ конскія нѣдра, вожди отирали
Слезы съ ланитъ и у каждаго руки и ноги тряслися;
Въ немъ же единомъ мои никогда не подмѣтили очи
Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣднѣлъ, содрогнулся,
Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ затвора

Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый
Мечъ, а другою обитое мѣдью копье, порывался
Въ бой на Троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамомъ великій
Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными поплылъ
Въ край свой, ни издали мѣткимъ копьемъ, ни вблизи длиннооострой
Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто бываетъ
Въ жаркомъ бою, гдѣ убійство кипитъ и Арей веселится.
Такъ говорилъ я; душа Ахиллесова съ гордой осанкой
Шагомъ широкимъ, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Дýши другихъ знаменитыхъ умершихъ явились; со мною
Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса,
Молча, стояла вдали, одинокая, все на побѣду
Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станѣ Аргивянъ доспѣхи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла

Дать ихъ Ѳемида; судили Трояне; ихъ судъ имъ Аѳина
Тайно внушила.... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ я побѣду,
Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя? Погибъ онъ
Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ славой
Послѣ великаго сына Пелеева всѣхъ превзошедшій.
Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово:
Сынъ Теламоновъ, Аяксъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый,
Долѣ со мной враждовать, сокрушаясь о гибельныхъ, взятыхъ
Мною оружіяхъ; ими Данаямъ жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погибъ; о тебѣ мы
Всѣ, какъ о сынѣ могучемъ Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; въ ней никто не виновенъ,
Кромѣ Зевеса, постигшаго рать копьеносныхъ Данаевъ
Страшной бѣдою: тебя онъ судьбинѣ безвременно предалъ.
Но подойди же, Аяксъ; на мгновенье бесѣдой съ тобою
Дай насладиться мнѣ; гнѣвъ изгони изъ великаго сердца.

Такъ я сказалъ; не отвѣтствовалъ онъ; за другими тѣнями
Мрачно пошелъ; напослѣдокъ сокрылся въ глубокомъ Эревѣ.
Можетъ быть, сталъ бы и гнѣвный со мной говорить онъ иль я съ нимъ,
Если бъ меня не стремило желаніе милаго сердца
Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣть. И скоро
Въ адѣ узрѣлъ я Зевесова мудраго сына Миноса;
Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ
Си́дя; они же его пригово́ра, кто си́дя, кто сто́я,
Ждали въ пространномъ съ вратами широкими домѣ Аида.
Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Орі́она;
Гналъ по широкому Асфодилонскому лугу звѣрей онъ —
Ихъ же своею желѣзной ничѣмъ не крушимой дубиной
Нѣкогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступно-пустынныхъ.
Ти́тія также увидѣлъ я, сына прославленной Ге́и;
Девять занявъ десятинъ подъ огромное тѣло, недвижимъ
Тамъ онъ лежа́лъ; по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали

Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую къ Пиѳію, онъ оскорбилъ на лугу Панопейскомъ.
Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью:
Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ, и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову къ ней онъ склонялъ, уповая напиться,
Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ ногами являлось
Черное дно и его осушалъ во мгновеніе Демонъ.
Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,
Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ.
Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку,
Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымалися темнымъ.
Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью;
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками

Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягши,
Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видѣлъ я тамъ наконецъ и Ираклову силу, одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ
Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебéи, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ
Хищныя птицы; и, темной подобяся ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно
Вкругъ озирался, какъ будто готовяся выстрѣлить; страшный
Перевязь блескъ издавала, ему поперегъ перерѣзавъ
Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ искусствомъ

Львы грозноокіе, дикіе вепри, лѣсные медвѣди,
Битвы, убійства, людей истребленье изваяны были:
Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы,
Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннѣй.
Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играетъ
Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла?
Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недостойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ
Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглаваго долженъ
Я увести: уповалъ онъ, что будетъ мнѣ трудъ не по силамъ.
Я же его совершилъ и похищенъ былъ песъ у Аида;
Помощь мнѣ подали Эрмій и дочь громовержца Аѳина.

Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Аидову призракъ.
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ, чтобъ явился
Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ и мертвыхъ.
Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные вѣки
Славныхъ, богами рожденныхъ, Тезея царя, Пиритоя,
Многихъ другихъ; но, толпою безчисленной души слетѣвшись,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ,
Въ мысляхъ, что хочетъ чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать изъ мрака Аидова противъ меня Персефона:
Я побѣжалъ на корабль и велѣлъ, чтобъ, не медля ни мало,
Люди мои на него собрались и канатъ отвязали.
Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана,
Прежде на веслахъ, потомъ съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей оканчиваетъ свое повѣствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора. Цирцея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Онъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Бродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Скиллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ сопутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею корабль его останавливается у береговъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островѣ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Геліоса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ святотатство, и корабль Одиссеевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который, снова избѣгнувъ Харибды и Скиллы, брошенъ наконецъ на берегъ Калипсина острова.

Быстро своимъ кораблемъ Океана потокъ перерѣзавъ,
Снова по многоисплытому морю пришли мы на островъ
Эю, туда, гдѣ въ жилищѣ туманнорожденныя Эосъ
Легкія Оры ведутъ хороводы, гдѣ Геліосъ всходитъ;
Къ брегу приставъ, на песокъ мы корабль быстроходный встащили;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Спутниковъ скликавъ, послалъ я ихъ къ дому Цирцеи, чтобъ взять тамъ
Трупъ Эльпеноровъ, его принести и свершить погребенье.
Много деревъ нарубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ
Берега предали тѣло землѣ съ сокрушеньемъ и плачемъ.

Послѣ жъ того, какъ сожженъ былъ со всѣми доспѣхами мертвый,
Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердили,
Гладкое въ землю на холмѣ воткнули весло; и священный
Долгъ погребенія былъ совершенъ. Но Цирцея узнала
Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Аида.
Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею
Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣннопурпурнымъ виномъ молодыя
Дѣвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала:
Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Аида,
Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды,
Бросьте печаль и безпечно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь
Нынѣ, во все продолженіе дня; съ наступленьемъ же утра
далѣе вы поплывете; я путь укажу и благое
Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безуміемъ вашимъ
Васъ не постигла напасть, ни на сушѣ, ни на морѣ темномъ.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.

Эосъ.

Туда, гдѣ въ жилищѣ туманнорожденныя Эосъ
Легкія Оры ведутъ хороводы, гдѣ Геліосъ всходитъ

Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ скрылось и тма наступила ночная.
Люди въ томъ мѣстѣ легли, гдѣ корабль утвержденъ былъ канатомъ;
Мнѣ же Цирцея привѣтливо руку дала; и когда я
Сѣлъ отъ другихъ въ отдаленіи, сѣла со мной и вопросы
Стала мнѣ дѣлать; и ей обо всемъ разсказалъ я подробно.
Свѣтлая такъ напослѣдокъ сама мнѣ сказала богиня:
Дѣло одно совершилъ ты успѣшно; теперь со вниманьемъ
Выслушай то, что скажу, что потомъ и отъ бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь Сиренъ; неизбѣжною чарой
Ловятъ онѣ подходящихъ къ нимъ близко людей мореходныхъ.
Кто, по незнанью, къ тѣмъ двумъ чародѣйкамъ приближась, ихъ сладкій
Голосъ услышитъ, тому ни жены ни дѣтей малолѣтныхъ
Въ домѣ своемъ никогда не утѣшить желаннымъ возвратомъ:
Пѣніемъ сладкимъ Сирены его очаруютъ, на свѣтломъ

Сидя лугу; а на этомъ лугу человѣчьихъ бѣлѣетъ
Много костей, и разбросаны тлѣющихъ кожъ тамъ лохмотья.
Ты жъ, заклеивши товарищамъ уши смягченнымъ медвянымъ
Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, проплыви безъ оглядки
Мимо; но ежели самъ роковой пожелаешь услышать
Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ твоей корабельной крѣпчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слухъ безъ вреда удовольствовать гибельнымъ пѣньемъ.
Если жъ просить ты начнешь, иль приказывать станешь, чтобъ сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжутъ.
Послѣ, когда вы минуете островъ Сиренъ смертоносный,
Двѣ вамъ дороги представятся; дать же совѣтъ здѣсь, какую
Выбрать изъ двухъ безопаснѣе, мнѣ невозможно; своимъ ты
Долженъ разсудкомъ рѣшить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящіе въ морѣ утесы; кругомъ ихъ
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазо́ревоо́кой;

Имя *бродящихъ* дано имъ богами; близъ нихъ ни какая
Птица не смѣетъ промчаться, ни даже амброзію Зевсу
Легкимъ полетомъ носящіе робкіе голуби; каждый
Разъ пропадаетъ изъ нихъ тамъ одинъ, объ утесъ убиваясь;
Каждый разъ и Зевесъ замѣняетъ убитаго новымъ.
Всѣ корабли, къ тѣмъ скаламъ подходившіе, гибли съ пловцами;
Доски однѣ оставались отъ нихъ и бездушные трупы,
Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимые въ морѣ.
Только одинъ, всѣ моря обѣжавшій, корабль невредимо
Ихъ миновалъ — посѣтитель Аэта, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда бъ онъ
Тамъ не прошелъ, провожаемый Ирой, любившей Язона.
Послѣ ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широкаго неба
Острой вершиной восходитъ одна, облака окружаютъ
Темносгущенныя ту высоту, никогда не рѣдѣя.
Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ ни осенью свѣтелъ

Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый
Смертный, хотя бъ съ двадцатью былъ руками и двадцать
Ногъ бы имѣлъ — столь ужасно, какъ будто обтесанный, гладокъ
Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,
Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева на западъ;
Мимо ея ты пройдешь съ кораблемъ, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленной съ моря
Быстролетящей стрѣлою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лая,
Визгомъ пронзительнымъ, визгу щенка молодаго подобнымъ,
Всю оглашаетъ окрестность чудовище. Къ ней приближаться
Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ. Двѣнадцать
Движется спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкаютъ;

Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
Всѣми глядитъ головами изъ лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругомъ по скалѣ обливаемой моремъ,
Ловитъ дельфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ легкимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти разинувъ,
Разомъ она по шести человѣкъ съ корабля похищаетъ.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоитъ же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука.
Дико растетъ на скалѣ той смоковница съ сѣнью широкой.
Страшно все море подъ тою скалою тревожитъ Харибда,
Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая
Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглощаетъ:
Самъ Посидонъ отъ погибели вѣрной тогда не избавитъ.
Къ Скиллиной ближе держася скалѣ, проведи безъ оглядки

Мимо корабль быстроходный: отраднѣе шесть потерять вамъ
Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль потопить и погибнуть
Всѣмъ. Тутъ умолкла богиня; а я, отвѣчая, сказалъ ей:
Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Если избѣгнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутниковъ бросится жадная Скилла?
Такъ я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказала богиня:
О! необузданный, снова о подвигахъ бранныхъ замыслилъ;
Снова о боѣ мечтаешь; ты радъ и съ богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а безсмертное Скилла. Свирѣпа,
Дико-сильна, ненасытна, сраженіе съ ней невозможно.
Мужество здѣсь не поможетъ; одно здѣсь спасеніе — бѣгство.
Горе! когда ты хоть мигъ тамъ для тщетнаго боя промедлишь:
Высунетъ снова она изъ своей недоступной пещеры
Всѣ шесть головъ и опять съ корабля шестерыхъ на пожранье
Схватитъ; не медли жъ; поспѣшно пройди; призови лишь Кратейю:

Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержать отъ втораго на васъ нападенія можетъ.
Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію островъ; издавна
Гéліосъ тучныхъ быковъ и барановъ пасетъ тамъ на пышныхъ,
Злачныхъ равнинахъ; семь стадъ составляютъ быки; и бараны
Столько жъ; и въ каждомъ ихъ стадѣ числомъ пятьдесятъ; и число то
Вѣчно одно; не плодятся они, и пасутъ неусыпно
Ихъ Фаэтýса съ Лампéтіей, пышнокудрявыя нимфы.
Геліосъ былъ ихъ родителемъ; свѣтлая мать ихъ Неера,
Милыхъ своихъ дочерей воспитавши, въ Тринакріи знойной
Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей въ удаленіи, дѣвы
Тучныхъ быковъ и барановъ отцевыхъ пасли неусыпно.
Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь

Смерти; но, всѣхъ потерявъ, одинокъ возвратишься въ отчизну.
Такъ говорила она. Златотронная Эосъ явилась
На́ небѣ; въ домъ свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ немедля
Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно

Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы — двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На́ морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.

Я же, немедля медвянаго воску укругъ изрубивши
Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоноснымъ.
Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
Съ брегомъ онъ ихъ поровнялся; онѣ звонкогласно запѣли:
Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава Ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися;
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцеусладнаго пенья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.

Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла Троянъ и Ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится.
Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый
Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ немедля
Узы мои разрѣшили; они же удвоенной силой
Начали гресть; а, ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
Но, когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.
Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ у гребцевъ устрашенныхъ; повиснувъ
Праздно, онѣ по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, бились; а судно

Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшіе къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣй постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой Циклопа.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть можетъ Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко, держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться

Въ бокъ по стремленью — иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
Такъ я сказалъ; все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха и, гресть переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы на плечи накинулъ и, два мѣдноострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ.
Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;
Скилла грозила съ одной стороны; а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались

Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила Скилла;
Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою
Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ
Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинносогбенной
Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ приманку,

Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила Скилла.

Рогомъ быка луговаго ихъ ловитъ, потомъ, изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.
Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіе странствій моихъ не случалось.
Скиллинъ утесъ миновавъ и избѣгнувъ свирѣпой Харибды,
Прибыли къ острову мы наконецъ свѣтоноснаго бога.
Тамъ на зеленыхъ равнинахъ быки криворогіе мирно
Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, Геліосово стадо.
Съ моря уже, находяся на палубѣ, явственно могъ я
Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободѣ гулявшихъ,
Съ шумнымъ блеяньемъ барановъ; и тутъ же пришло мнѣ на память
Слово слѣпаго пророка Тирезія Ѳивскаго съ строгимъ
Словомъ богини Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный

Островъ, гдѣ властвовалъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель.
Тутъ къ сокрушеннымъ сопутникамъ рѣчь обратилъ я такую:
Вѣрные спутники, слушайте то, что печальный скажу вамъ:
Свѣдать должны вы пророка Тирезія Ѳивскаго слово
Съ словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
Островъ, гдѣ властвуетъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель:
Тамъ несказанное бѣдствіе ждетъ насъ, они утверждаютъ.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспѣшите.
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце.
Мнѣ жъ, возражая, отвѣтствовалъ такъ Эврилохъ непокорный:
Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты великой
Силой; усталости нѣтъ для тебя, изъ желѣза ты скованъ.
Намъ, изнуреннымъ, безсильнымъ и столь ужъ давно не вкушавшимъ
Сна, запрещаешь ты на берегъ выйти. Могли бъ приготовить
Ужинъ мы вкусный на островѣ, сладко на немъ отдохнувши.
Ты жъ насъ итти на удачу въ холодную ночь принуждаешь

Мимо пріютнаго острова въ темное, мглистое море.
Ночью противные вѣтры шумятъ, корабли истребляя.
Кто избѣжитъ потопленія вѣрнаго, если во мракѣ
Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море примчится
Нотъ иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ нихъ наиболѣ
Въ безднѣ морской, вопреки и богамъ, корабли погибаютъ
Лучше теперь покорившись велѣнію темныя ночи,
На берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля приготовимъ.
Завтра жъ съ денницею пустимся снова въ пространное море.
Такъ говорилъ Эврилохъ и товарищи съ нимъ согласились.
Стало мнѣ ясно тогда, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ.
Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое слово:
Здѣсь я одинъ, отъ того и отвѣтъ, Эврилохъ, твой такъ дерзокъ.
Слушайте жъ: мнѣ поклянитесь великою клятвой, что, если
Встрѣтите стадо быковъ криворогихъ иль стадо барановъ
Тамъ на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой не коснетесь

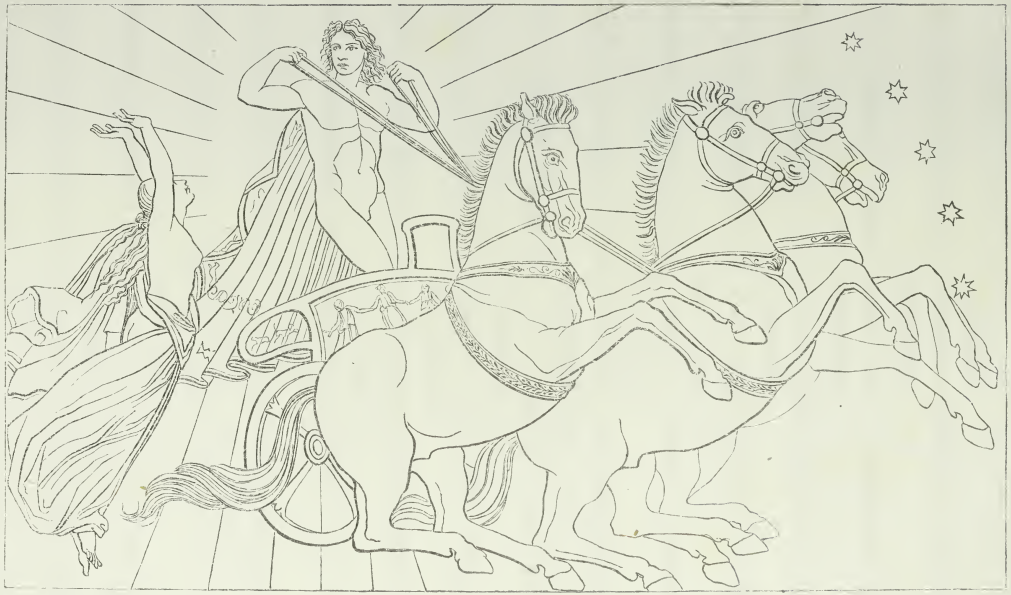
Къ нимъ, и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цирцея.
Спутники клятвой великою мнѣ поклялися; когда же
Всѣ поклялися и клятву свою совершили, въ заливѣ
Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ крѣпкозданнымъ.
Близко была ключевая вода; всѣ товарищи, вышедъ
На берегъ, вкусный проворно на немъ приготовили ужинъ;
Свой удовольствовавъ голодъ обильнымъ питьемъ и ѣдою,
Стали они поминать со слезами о милыхъ погибшихъ,
Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ Скиллой предъ нами.
Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи и темнаго неба на онполъ
Звѣзды склонилися — вдругъ громовержецъ Кроніонъ Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ, облока обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;

Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ сводомъ пещеры,
Гдѣ въ хороводы веселые нимфы полей собирались.
Тутъ я товарищей всѣхъ пригласилъ на совѣтъ и сказалъ имъ:
Черный корабль нашъ, друзья, запасенъ и питьемъ и ѣдою.
Бойтесь же здѣсь на стада подымать святотатную руку;
Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и барановъ,
Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.
Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Но безпрестанно весь мѣсяцъ свирѣпствовалъ Нотъ; всѣ другіе
Вѣтры молчали; порою лишь Эвръ подымался восточный.
Спутники, хлѣба довольно имѣя съ виномъ пурпурнымъ,
Были спокойны; быковъ Геліосовыхъ трогать и въ мысли
Имъ не входило; когда же съѣстной нашъ запасъ истощился,
Начали пищу охотой они промышлять; добывая
Что, гдѣ случалось: стрѣляли дичину, иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голодъ томилъ ихъ.

Разъ, помолиться желая богамъ, чтобъ они намъ открыли
Путь, одинокой дорогой я шелъ черезъ островъ; невольно.
Тою дорогой идя, отъ товарищей я удалился;
Въ мѣстѣ, защитномъ отъ вѣтра, я руки умылъ и молитвой
Теплой къ безсмертнымъ владыкамъ Олимпа, къ богамъ обратился.
Сладкій на вѣжды мнѣ сонъ низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Эврилохъ предложеніе спутникамъ сдѣлалъ:
Спутники вѣрные слушайте то, что скажу вамъ, печальный;
Всякій родъ смерти для насъ земнородныхъ людей ненавистенъ;
Но умереть голодною смертью всего ненавистнѣй.
Выберемъ лучшихъ быковъ въ Геліосовомъ стадѣ и въ жертву
Здѣсь принесемъ ихъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Послѣ — когда возвратимся въ родную Итаку, воздвигнемъ
Въ честь Геліоса, надъ нами ходящаго бога, богатый
Храмъ и его дорогими дарами обильно украсимъ;
Если жъ, утратой своихъ круторогихъ быковъ раздраженный,

Онъ совокупно съ другими богами корабль погубить нашъ
Въ морѣ захочетъ, то легче, въ волнахъ захлебнувшись, погибнуть
Вдругъ, чѣмъ на островѣ дикомъ отъ голода медленно таять.
Такъ говорилъ Эврилохъ и сопутники съ нимъ согласились.
Лучшихъ тогда изъ быковъ Геліосовыхъ, вольно бродившихъ,
Взяли они—невдали корабля темноносаго стадо
Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лбистыхъ быковъ тамъ гуляло —
Ихъ обступили, безумцы; воззвавши къ богамъ Олимпійскимъ,
Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба, ячменя
Болѣ въ запасѣ на черномъ своемъ кораблѣ не имѣя.
Кончивъ молитву, зарѣзавъ быковъ и содравши съ нихъ кожи,
Бедра они всѣ отсѣкли, а кости, обвитыя дважды
Жиромъ, кровавыми свѣжаго мяса кусками обклали.
Но, не имѣя вина, возліянье они совершили
Просто водою и бросили въ жертвенный пламень утробу,
Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отвѣдавъ,

Все изрубили на части и стали на вертелахъ жарить.
Тутъ улетѣлъ усладительный сонъ, мнѣ рѣсницы смыкавшій.
Я, пробудившись, пошелъ къ кораблю на песчаное взморье
Шагомъ поспѣшнымъ; когда жъ къ кораблю подходилъ, благовоннымъ
Запахомъ пара мяснаго я былъ пораженъ; содрогнувшись,
Жалобный голосъ упрека вознесъ я къ богамъ Олимпійскимъ:
Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Вы на бѣду обольстительный сонъ низвели мнѣ на вѣжды;
Спутники тамъ безъ меня святотатное дѣло свершили.
Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣтлый
Сынъ извѣщенъ былъ Лампетіей, длинноодѣянной дѣвой.
Съ гнѣвомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ обратясь, онъ воскликнулъ:
Зевсъ нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Жалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быковъ, на которыхъ
Такъ любовался всегда я — всходилъ ли на звѣздное небо,



Лампетія. Геліосъ.

Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣтлый
Сынъ извѣщенъ былъ Лампетіей, длинноодѣянной дѣвой.

Съ звѣзднаго ль неба сходилъ и къ землѣ ниспускался.
Если же вами не будетъ наказано ихъ святотатство,
Въ область Аида сойду я и буду свѣтить для умершихъ.
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ тученосецъ Кроніонъ:
Геліосъ, смѣло сіяй для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Ихъ я корабль чернобокій, низвергнувши пламенный громъ свой,
Въ морѣ широкомъ на мелкія части разбить не замедлю
(Это мнѣ было открыто Калипсой божественной; ей же
Все разсказалъ вѣстоносецъ крылатый Кроніоновъ, Эрмій).
Я, возвратясь къ кораблю своему на песчаное взморье,
Спутниковъ собралъ и всѣхъ одного за другимъ упрекалъ; но исправить
Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ зарѣзаны были.
Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ приведшее, дали:
Кожи ползли; а сырое на вертелахъ мясо, и мясо,
Снятое съ вертеловъ, жалобно ревъ издавали бычачій.

Цѣлые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборныхъ быковъ Геліоса и ѣли ихъ мясо;
Но на седьмой день, предъизбранный тайно Кроніономъ Зевсомъ,
Вѣтеръ утихъ и шумѣть перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и бѣлый на мачтѣ расправивши парусъ,
Всѣ мы взошли на корабль и пустились въ открытое море.
Но, когда въ отдаленіи островъ пропалъ, и исчезла
Всюду земля и лишь небо, съ водами сліянное, зрѣлось,
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло
Море. И кратокъ былъ путь для него. Отъ заката примчался
Съ воемъ Зефиръ и возстала великая бури тревога;
Лопнули разомъ веревки, державшія мачту; и разомъ
Мачта, сломясь, съ парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и въ паденьи тяжелымъ ударомъ разбила
Голову кормщику; черепъ его подъ упавшей громадой

Весь былъ расплюснутъ, и онъ, водолазу подобно, съ высокихъ
Ребръ корабля кувырнувшися въ глубь, тамъ пропалъ и изъ тѣла
Духъ улетѣлъ. Тутъ Зевесъ, заблиставъ, на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу; закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило. Всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ.
Я жъ, уцѣлѣвъ, межъ обломковъ остался до тѣхъ поръ, покуда
Киля водой не отбило отъ ребръ корабельныхъ: онъ поплылъ;
Мачта за нимъ поплыла; обвивался сплетенный изъ крѣпкой
Кожи воловьей ремень вкругъ нея: за ремень уцѣпившись,
Мачту и киль имъ поспѣшно опуталъ и плотно связалъ я,
Ихъ обхватилъ и отда́лся во власть безпредѣльнаго моря.
Стихнулъ Зефиръ, присмирѣла сердитая буря; но быстрый
Нотъ поднялся: онъ меня въ несказанную ввергнулъ тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчалъ онъ.

Цѣлую ночь былъ туда я несомъ; а когда возсіяло
Солнце—себя я узрѣлъ межъ утесами Скиллы и страшной Харибдой.
Въ это мгновеніе влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, прицѣпился
Къ вѣтвямъ ея, какъ летучая мышь, и повисъ, и нельзя мнѣ
Было ногой ни во что упереться — висѣлъ на рукахъ я.
Корни смоковницы были далéко въ скалѣ и, расширясь,
Вѣтви объемомъ великимъ Харибду кругомъ осѣняли;
Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждалъ я, чтобъ вынесли волны
Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскѣ несказанной я долго
Ждалъ — и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходитъ
Съ площади — выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна.
Бросился внизъ я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упалъ на обломки несомые моремъ.
Ихъ осѣдлавши, я началъ руками какъ веслами править.

Скиллѣ жъ владыка безсмертныхъ Кроніонъ меня не дозволилъ
Въ морѣ примѣтить: иначе была бъ неизбѣжна погибель.
Девять носился я дней по водамъ; на десятый съ наставшей
Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
Царствуетъ, свѣтлокудрявая, сладкорѣчивая нимфа.
Принятъ я былъ благосклонно богиней. Объ этомъ однако
Мнѣ говорить ужъ не нужно: вчера описалъ я подробно
Все и тебѣ и царицѣ; весьма неразумно и скучно
Снова разсказывать то, что ужъ мы разсказали однажды.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА ОДИССЕИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА ОДИССЕИ.

Стран.

Пѣснь I. 1
Пѣснь II. 33
Пѣснь III. 65
Пѣснь IV. 103
Пѣснь V. 161
Пѣснь VI. 197
Пѣснь VII. 223
Пѣснь VIII. 249
Пѣснь IX. 285
Пѣснь X. 325
Пѣснь XI. 365
Пѣснь XII. 409

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ИЗДАНІЕ

Д. Ѳ. САМАРИНА.

II.

ЦѢНА КАЖДОЙ ЧАСТИ ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ ОДИНЪ РУБЛЬ.

ОДИССЕЯ ГОМЕРА

ПЕРЕВОДЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СЪ 27 РИСУНКАМИ ФЛАКСМАНА ГРАВИРОВАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ
Ю. Э. КОНДЕНОМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
1871.

Картинки дозволены цензурою. Москва 31 октября 1870 года.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САДОВОЙ, РЯДОМЪ СЪ ЯУЗСКОЙ Ч., І. МЕДЫНЦЕВОЙ

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать четвертый день и утро тридцать пятаго.

Одиссей, одаренный щедро царемъ Алкиноемъ, царицею Аретою и Феакійцами, покидаетъ съ наступленіемъ ночи ихъ островъ. Онъ засыпаетъ. Тѣмъ временемъ корабль Феакійскій, быстро совершивъ свое плаваніе, достигаетъ Итаки. Вошедши въ пристань Форкинскую, мореходцы выносятъ Одиссея на берегъ, соннаго, и тамъ оставляютъ его со всѣми сокровищами, полученными имъ отъ Феакійцевъ. Они удаляются. Раздраженный Посидонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ. Одиссей пробуждается, но не узнаетъ земли своей, которую Аѳина покрыла густымъ туманомъ. Богиня встрѣчается съ нимъ подъ видомъ юноши. Онъ разсказываетъ ей о себѣ вымышленную повѣсть; тогда Аѳина открывается ему, принявъ на себя образъ дѣвы. Спрятавъ сокровища Одиссевы въ гротѣ Наядъ, богиня даетъ ему наставленіе, какъ отмстить женихамъ, превращаетъ его въ стараго нищаго и, повелѣвъ ему итти во внутренность острова къ свинопасу Эвмею, сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку.

Такъ Одиссей говорилъ; и ему въ потемнѣвшемъ чертогѣ
Молча внимали другіе, и всѣ очарованы были.
Тутъ обратилась къ нему Алкиноева сила святая:
Если мой домъ мѣднокованный ты посѣтилъ, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствій не встрѣтишь
Нынѣ, въ отчизну отъ насъ возвращаясь, хотя и немало
Бѣдъ испыталъ ты. А я обращуся теперь, Феакійцы,
Къ вамъ, ежедневно вино искрометное пьющимъ со мною
Въ царскихъ палатахъ, внимая струнамъ золотымъ пѣснопѣвца.
Все ужъ въ ковчегѣ лежитъ драгоцѣнномъ: и данныя гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды и много
Разныхъ подарковъ другихъ отъ владыкъ Феакійскихъ; пускай же

Къ нимъ по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавитъ; себя жъ наградимъ за убытокъ богатымъ
Сборомъ съ народа: столь щедро дарить одному не по силамъ.
Такъ Алкиной говорилъ; и, одобривъ его предложенье,
Всѣ по домамъ разошлися, о ложѣ и снѣ помышляя.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Каждый поспѣшно отнесъ на корабль мѣднолитную утварь;
Какъ же ту утварь подъ лавками судна укласть (чтобъ работать
Веслами въ морѣ могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Самъ Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроилъ.
Всѣ они въ царскихъ палатахъ потомъ учредили обѣдъ свой.
Тутъ собирателю тучъ, громоносцу Кроніону Зевсу
Въ жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, предъ ними
Пѣлъ Демодокъ, многочтимый въ народѣ. Но голову часто

Царь Одиссей обращалъ на всемірно-свѣтящее солнце,
Съ неба его понуждая сойти, чтобъ отъѣздъ ускорить свой.
Такъ помышляетъ о сладостной вечерѣ пахарь, день цѣлый
Свѣжее поле съ четою воловъ бороздившій могучимъ
Плугомъ, и весело видѣть ему заходящее солнце—
Тащится тяжкой стопою домой онъ готовить свой ужинъ.
Такъ Одиссей веселился, увидя склоненье на западъ
Солнца. Тогда, обратяся ко всѣмъ Феакіянамъ вмѣстѣ,
Слово такое сказалъ онъ, смотря на царя Алкиноя:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Въ путь снарядите меня, сотворивъ возліянье безсмертнымъ;
Сами же радуйтесь. Все ужъ готово, чего такъ желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлютъ благодать мнѣ
Боги Ураниды нынѣ, чтобъ я, возвратяся въ отчизну,
Дома жену безъ порока нашелъ и возлюбленныхъ ближнихъ
Всѣхъ сохраненныхъ; а вы благоденствуйте каждый съ своею,

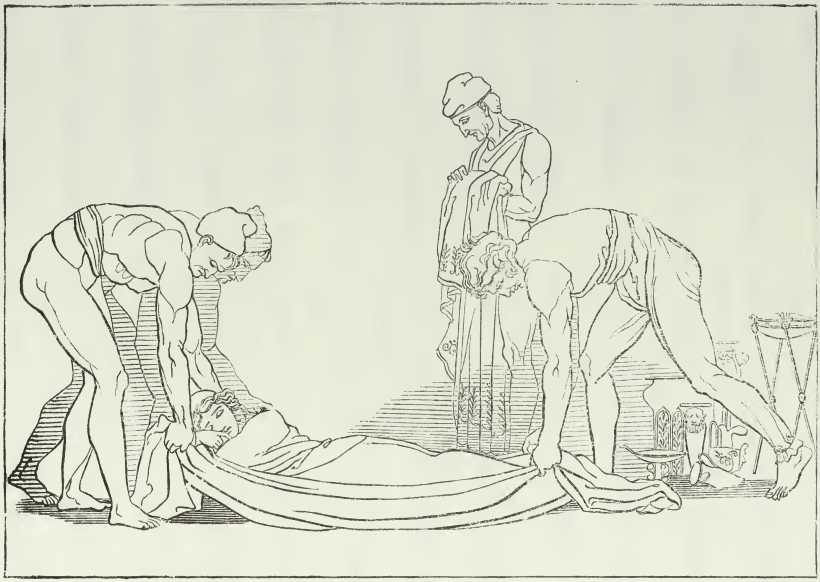
Сердцемъ избранной супругой и съ чадами; все да пошлютъ вамъ
Доброе боги; и зло никакое чтобъ васъ не коснулось.
Кончилъ; и всѣ, изъявивъ одобренье, рѣшили немедля
Гостя, плѣнившаго ихъ столь разумною рѣчью, отправить
Въ путь. Обратяся тогда къ Понтоною, сказалъ Феакіянъ
Царь благородный: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
Чаши, дабы, помолившись владыкѣ Кроніону Зевсу,
Странника въ милую землю отцевъ отпустили мы съ миромъ.
Такъ онъ сказалъ и, кратеры наполнивъ виномъ благовоннымъ,
Подалъ съ нимъ чаши гостямъ Понтоной; и они возліянье
Имъ совершили богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Каждый на мѣстѣ своемъ. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подалъ царицѣ Аретѣ двуяросный кубокъ; потомъ онъ,
Голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово: царица,
Радуйся нынѣ и жизнь проводи безпечально, доколѣ
Старость и смерть не придутъ въ обреченное каждому время.

Я возвращаюсь въ отеческій домъ свой; а ты, благоденствуй
Дома съ дѣтьми, съ домочадцами, съ добрымъ царемъ Алкиноемъ.
Слово такое сказавъ, черезъ мѣдный порогъ перешелъ онъ.
Съ нимъ повелѣлъ Понтоною итти Алкиной, чтобъ ему онъ
Путь указалъ къ кораблю и къ песчаному брегу морскому.
Такъ же царица Арета послала за нимъ трехъ домашнихъ служанокъ,
Съ вымытой чисто одеждой одну и съ хитономъ, другую
Съ отданнымъ ей въ сохраненье блестящимъ ковчегомъ, а третью
Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ и съ запасомъ ѣды на дорогу.
Къ брегу морскому онѣ подошли и, принявши изъ рукъ ихъ
Платье, ковчегъ и вино и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой
Палубѣ мягкоширокій коверъ съ простыней полотняной
Подлѣ кормы разостлали, чтобъ могъ Одиссей безтревожно
Спать. И вступилъ Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Легъ онъ на мягкоширокій коверъ. И на лавки порядкомъ

Сѣли гребцы и, канатъ отвязавъ отъ причальнаго камня,
Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетѣлъ Одиссею на вѣжды
Сонъ непробудный, усладный, съ безмолвною смертію сходный.
Быстро (какъ полемъ широкимъ коней четверня, безпрестанно
Сильнымъ гонимыхъ бичемъ, поражающимъ всѣхъ совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершаетъ
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побѣжалъ и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало впередъ; безпрепятственно плылъ онъ; и соколъ, быстрѣйшій
Между пернатыми неба, его недогналъ бы въ полетѣ —
Такъ онъ стремительно, зыбь разсѣкая, летѣлъ черезъ море,
Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ,
Много встрѣчавшаго бѣдъ, сокрушающихъ сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великихъ видавшаго браней —
Нынѣ же спалъ онъ, забывъ претерпѣнное, сномъ беззаботнымъ.

Но поднялася звѣзда лучезарная, вѣстница свѣтлой,
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и, путь свой окончивъ,
Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море.
Пристань находится тамъ, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуютъ двѣ длинныя вѣтви крутаго
Брега, скалами зубчатыми въ море входящаго; вѣтрамъ
Онъ возбраняетъ извнѣ нагонять на спокойную пристань
Волны тревожныя; могутъ внутри корабли на притонномъ
Мѣстѣ безъ привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистая зрится
Маслина; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, Нимфамъ;
Много въ томъ гротѣ кратеръ и большихъ двоеручныхъ кувшиновъ
Каменныхъ: пчелы, гнѣздяся въ ихъ нѣдрѣ, свой медъ составляютъ;
Такъ же тамъ много и каменныхъ длинныхъ становъ; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурныя ткутъ тамъ Наяды;

Вѣчно шумитъ тамъ вода ключевая; въ гротѣ два входа:
Людямъ одинъ лишь изъ нихъ, обращенный къ Борею, доступенъ;
Къ Ноту жъ на югъ обращенный богамъ посвященъ — не дерзаетъ
Смертный къ нему приближаться, однимъ лишь безсмертнымъ открытъ онъ.
Зная то мѣсто, къ нему подошли мореходцы; корабль ихъ
Цѣлой почти половиною на́ берегъ вспрянулъ — такъ быстро
Мчался онъ, веслами сильныхъ гребцовъ понуждаемый къ бѣгу.
Сталъ неподвижно у брега могучій корабль. Мореходцы,
Съ палубы гладкой, рукой осторожной, царя Одиссея
Снявъ съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которыхъ лежалъ онъ
Спящій глубоко, его положили на брегѣ песчаномъ;
Послѣ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей Феакійскихъ
Имъ полученныя въ даръ по внушенью великой Аѳины,
Бережно склали у корня оливы широкосѣнистой
Все, отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій,
Пользуясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ.



Одиссей.

Съ палубы гладкой, рукой осторожной, царя Одиссея
Снявъ съ простыцею и съ мягкимъ ковромъ, на которомъ лежалъ онъ
Спящій глубоко, его положили на брегѣ песчаномъ.

Кончивъ, пустилися въ море они. Но земли колебатель,
Помня во гнѣвѣ о прежнихъ угрозахъ своихъ Одиссею,
Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, съ такой обратился молитвой
Къ Зевсу: о Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, не буду богами
Болѣ честимъ я, когда мной ругаться начнутъ Феакійцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Вѣдалъ всегда я, что въ домъ свой, немало тревогъ испытавши,
Долженъ вступить Одиссей; я не могъ у него возвращенья
Вóвсе похитить: ты прежде ужъ судъ произнесъ свой.
Нынѣ жъ его Феакійцы въ своемъ кораблѣ до Итаки
Спящаго, мнѣ вопреки, довезли, напередъ одаривши
Золотомъ, мѣдью и множествомъ ризъ драгоцѣнно сотканныхъ,
Такъ изобильно, что даже изъ Трои подобной добычи
Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно въ домъ возвратился.
Гнѣвному Богу отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное слово сказалъ ты, могучій земли колебатель;

Ты ль не въ чести у боговъ и возможно ль, чтобъ лучшій,
Старшій и силою первый не чтимъ былъ отъ младшихъ и низшихъ?
Если же кто изъ людей земнородныхъ, съ тобою неравныхъ
Силой и властью, тебя не почтитъ, накажи безпощадно.
Дѣйствуй теперь, какъ желаешь ты самъ, какъ пріятнѣе сердцу.
Богъ Посидонъ, колебатель земли, отвѣчалъ громовержцу:
Смѣло бъ я дѣйствовать сталъ, о Зевесъ черно-облачный, если бъ
Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
Нынѣ же мной Феакійскій прекрасный корабль, Одиссея
Въ землю его проводившій и моремъ обратно плывущій,
Будетъ разбитъ, чтобъ впередъ ужъ они по водамъ не дерзали
Всѣхъ провожать; и горою великой задвину ихъ городъ.
Гнѣвному Богу отвѣтствовалъ такъ громовержецъ Кроніонъ:
Другъ Посидонъ, полагаю, что самое лучшее будетъ,
Если (когда подходящій корабль издалёка увидятъ
Жители града) его передъ ними въ утесъ обратишь ты,

Образъ плывущаго судна ему сохранивши, чтобъ чудо
Всѣхъ изумило; потомъ ты горою задвинешь ихъ городъ.
Слово такое услышавъ, могучій земли колебатель
Въ Схерію, гдѣ обиталъ Феакійскій народъ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. Къ нему подошедъ, колебатель земли во мгновенье
Въ камень его обратилъ и ударомъ ладони къ морскому
Дну основаніемъ крѣпко притиснулъ; потомъ удалился.
Шумно словами крылатыми спрашивать стали другъ друга
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы,
Глядя одинъ на другаго, и такъ межъ собой разсуждая:
Горе! кто вдругъ на водахъ оковалъ нашъ корабль быстроходный,
Къ берегу шедшій? Его ужъ вдали различали мы ясно.
Такъ говорили они, не постигнувъ того, что случилось.
Къ нимъ обратился тогда Алкиной и сказалъ: Феакійцы,
Горе! я вижу, что нынѣ сбылося все то, что отецъ мой

Мнѣ предсказалъ, говоря, какъ на насъ Посидонъ негодуетъ
Сильно за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.
Нѣкогда, онъ утверждалъ, Феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Такъ мнѣ говорилъ онъ, и все совершилось.
Вы жъ, Феакійскіе люди, исполните то, что скажу вамъ:
Съ этой поры мы не станемъ уже по морямъ, какъ бывало,
Странниковъ, нашъ посѣщающихъ градъ, провожать; Посидону жъ
Въ жертву немедля двѣнадцать быковъ принесемъ, чтобъ на милость
Онъ преклонился и града горой не задвинулъ великой.
Такъ онъ сказалъ и быковъ приготовилъ на жертву объятый
Страхомъ народъ; и, усердно молясь Посидону владыкѣ,
Всѣ Феакійскіе старцы, вожди и вельможи стояли
Вкругъ алтаря. Той порой Одиссей, привезенный въ отчизну
Сонный, проснулся и милой отчизны своей не узналъ онъ —

Такъ былъ отсутственъ давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь громовержца Аѳина, чтобъ не былъ
Прежде, покуда всего отъ нея не услышитъ, кѣмъ встрѣченъ
Царь Одиссей, чтобъ его ни жена, ни домашній ни житель
Града какой не узнали, пока женихамъ не отмститъ онъ;
Вотъ почему и явилось очамъ Одиссея столь чуждымъ
Все, и излучины длинныхъ дорогъ, и заливъ межъ стѣнами
Гладкихъ утесовъ, и темныя сѣни деревъ черноглавыхъ.
Вставши съ великимъ волненьемъ, онъ началъ кругомъ озираться:
Скорбь овладѣла душею его, по бедрамъ онъ могучимъ
Крѣпко ударивъ руками, въ печали великой воскликнулъ:
Горе! къ какому народу зашелъ я! здѣсь, можетъ быть, область
Дикихъ, незнающихъ правды людей, иль, быть можетъ, я встрѣчу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.
Гдѣ же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мнѣ самому? Для чего межъ людьми Феакійскими долѣ

Я не остался! къ другому изъ сильныхъ владыкъ въ ихъ народѣ
Я бы прибѣгнулъ, и онъ бы помогъ мнѣ достигнуть отчизны;
Нынѣ жъ не знаю, что дѣлать съ своимъ мнѣ добромъ; безъ храненья
Здѣсь не оставлю его, отъ прохожихъ расхищено будетъ.
Горе! я вижу теперь, что не вóвсе умны и правдивы
Были въ поступкахъ со мною и царь и вожди Феакійцевъ:
Ими я брошенъ въ краю, мнѣ чужомъ; отвести обѣщались
Въ милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;
Ихъ да накажетъ Зевесъ, покровитель лишенныхъ покрова,
Зрящій на наши дѣла и карающій наши злодѣйства.
Должно однако богатства мои перечесть, чтобъ увидѣть,
Цѣло ли все, не украли ль чего въ кораблѣ быстроходномъ.
Онъ сосчиталъ всѣ котлы, всѣ треножники, всѣ золотыя
Утвари, всѣ драгоцѣнно-сотканныя ризы, и цѣлымъ
Все оказалось; но горько онъ плакалъ о милой отчизнѣ,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу

Въ тяжкой печали. Къ нему подошла тутъ богиня Аѳина,
Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходящаго стадомъ,
Юнаго, нѣжной красою подобнаго царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантія плечи,
Ноги сіяли въ сандаліяхъ, легкимъ копьемъ подпиралась.
Радуясь встрѣчѣ такой, Одиссей подошелъ къ свѣтлоокой
Дѣвѣ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:
Другъ, ты въ землѣ незнакомой мнѣ страннику встрѣтился первый;
Радуйся; сердце жъ на милость свое отвори; сохрани мнѣ
Это добро, и меня самого защити; я какъ бога,
Другъ, умоляю тебя и колѣна твои обнимаю:
Мнѣ отвѣчай откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
Гдѣ я? Въ какой сторонѣ? И какой здѣсь народъ обитаетъ?
Островъ ли это гористый иль въ море входящій, высокій
Берегъ земли матерой, покровенной крутыми горами?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Видно, что ты издалека, пришелецъ, иль вовсе безсмысленъ,
Если объ этомъ не вѣдаешь краѣ? Но онъ не безславенъ
Между краями земными, народамъ земнымъ онъ извѣстенъ
Всѣмъ, какъ живущимъ къ востоку, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходятъ,
Такъ и живущимъ на западъ, гдѣ область туманныя ночи;
Правда, гористъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но вóвсе жъ
Онъ и не дикъ, не безплоденъ, хотя не широкъ и полями
Бѣденъ; онъ жатву сторицей даетъ и на немъ винограда
Много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодотворныхъ;
Пажитей много на немъ для быковъ и для козъ, и богатъ онъ
Лѣсомъ и множествомъ водъ, безущербно годъ цѣлый текущихъ.
Странникъ, конечно молва объ Итакѣ дошла и къ предѣламъ
Трои, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края Ахеянъ.
Кончила. Въ грудь Одиссея веселье отъ словъ сихъ проникло;
Радъ былъ услышать онъ имя отчизны изъ устъ свѣтлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Аѳины;

Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово богинѣ
(Правду однако онъ скрылъ отъ нея хитроумною рѣчью,
Въ сердцѣ своемъ осторожно о пользѣ своей помышляя):
Имя Итаки впервые услышалъ я въ Критѣ обширномъ,
За́ моремъ; нынѣ жъ и самъ я предѣловъ Итаки достигнулъ,
Много сокровищъ съ собою привезши и столько же дома
Дѣтямъ оставивъ; бѣжалъ я оттуда, убивъ Архилока,
Идоменеева милаго сына, который въ обширномъ
Критѣ мужей предпріимчивыхъ всѣхъ побѣждалъ быстротою
Ногъ; онъ хотѣлъ у меня всю добычу Троянскую (столько
Злыхъ мнѣ тревогъ приключившую въ тѣ времена, какъ во многихъ
Браняхъ я былъ и среди бѣдоноснаго странствовалъ моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
Въ Троѣ служить и своими людьми предводилъ; но его я,
Шедшаго съ поля, съ товарищемъ подлѣ дороги укрывшись,
Мѣтко-направленнымъ мѣднымъ копьемъ умертвилъ изъ засады;

Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видѣть не могъ человѣкъ; и не свѣдалъ никто, что убійца
Я; но, копьемъ мѣдноострымъ его умертвивъ, не замедлилъ
Я, къ кораблю Финикійскихъ людей благородныхъ пришедши,
Ихъ убѣдить предложеньемъ даровъ, чтобъ, меня на корабль свой
Взявши и въ Пилосъ привезши, тамъ на берегъ дали мнѣ вытти,
Или въ Элиду, священную область Эпеянъ, меня проводили;
Но береговъ ихъ достигнуть намъ не далъ враждующій вѣтеръ
Къ горю самихъ мореходцевъ, меня обмануть не хотѣвшихъ;
Сбившись съ дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
Въ пристань на веслахъ ввели мы корабль и никто не помыслилъ,
Сколь ни стремило къ тому насъ желанье, объ ужинѣ; всѣ мы,
Вмѣстѣ сошедъ съ корабля, улеглися на брегѣ песчаномъ;
Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился; они же,
Взявши пожитки мои съ корабля, ихъ сложили на землю
Тамъ, гдѣ заснувшій лежалъ на пескѣ я; потомъ, возвратяся

Всѣ на корабль, къ берегамъ многолюдной Сидоніи путь свой
Быстро направили. Я же остался одинъ, сокрушенный.
Кончилъ. Съ улыбкой Аѳина ему свѣтлоокая щеки
Нѣжной рукой потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ
Стройно высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой.
Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
Долженъ быть скрытенъ и хитръ несказанно, кто спорить съ тобою
Въ вымыслахъ разныхъ захочетъ; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодѣй, на коварныя выдумки дерзкій, не можешь,
Даже и въ землю свою возвратясь, оторваться отъ темной
Лжи и отъ словъ двоесмысленныхъ, смолода къ нимъ пріучившись;
Но объ этомъ теперь говорить безполезно; мы оба
Любимъ хитрить. На землѣ ты межъ смертными разумомъ первый
Также и сладкою рѣчью; я первая между безсмертныхъ
Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы. Какъ же
Могъ не узнать ты Паллады Аѳины, тебя неизмѣнно

Въ тяжкихъ трудахъ подкрѣплявшей, хранившей въ напастяхъ, и нынѣ
Всѣмъ Феакіянамъ сердце къ тебѣ на любовь преклонившей?
Знай же, теперь я пришла, чтобъ, съ тобой все разумно обдумавъ,
Къ мѣсту прибрать здѣсь все то, что отъ щедрыхъ людей Феакійскихъ
Ты получилъ при отъѣздѣ моимъ благосклоннымъ внушеньемъ;
Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба, въ многославномъ жилищѣ
Царскомъ, бѣды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ, ни жена, не провѣдали
Тайны, что бѣдный скиталецъ — ты самъ, возвратившійся; молча
Всѣ оскорбленья сноси, наглецамъ уступая безъ гнѣва.
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
Смертный, и самый разумный, съ тобою случайно, богиня,
Встрѣтясь, тебя не узнаетъ: во всѣхъ ты являешься видахъ.
Помню однако я, сколь ты бывала ко мнѣ благосклонна
Въ тѣ времена, какъ въ Троянской землѣ мы сражались, Ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши городъ Пріямовъ великій,

Мы къ кораблямъ возвратились, разгнѣванный богъ разлучилъ насъ.
Съ тѣхъ поръ съ тобой не встрѣчался я, Діева дочь; не примѣтилъ
Также, чтобъ ты, на корабль мой вступивши, меня отъ какого
Зла защитила. Съ разорваннымъ сердцемъ, безъ всякой защиты,
Странствовалъ я: наконецъ отъ напастей избавили боги.
Только въ странѣ плодоносной мужей Феакійскихъ меня ты
Словомъ своимъ ободрила и въ городъ мнѣ путь указала.
Нынѣ жъ, колѣна объемля твои, умоляю Зевесомъ
(Я сомнѣваюсь, чтобъ былъ я въ Итакѣ; я въ землю иную
Прибылъ; ты, такъ говоря, безъ сомнѣнья испытывать шуткой
Хочешь мнѣ сердце; ты хочешь мой разумъ ввести въ заблужденье),
Точно ль, скажи мнѣ поистинѣ, милой отчизны достигъ я?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Въ сердцѣ моемъ благосклонность къ тебѣ сохранилася та же;
Мнѣ невозможно въ несчастьи покинуть тебя: ты пріемлешь
Ласково каждый совѣтъ, ты понятливъ, ты смѣлъ въ исполненьи;

Всякой, на чужѣ скитавшійся долго, достигнувъ отчизны,
Домъ свой, жену и дѣтей пламенѣетъ желаньемъ увидѣть;
Ты жъ, Одиссей, не спѣши узнавать, воздержись отъ распросовъ;
Прежде ты долженъ жену испытать; неизмѣнная сердцемъ,
Дома она ожидаетъ тебя съ нетерпѣніемъ, тратя
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.
Я же сомнѣнія въ томъ никогда не имѣла — напротивъ
Знала, что, спутниковъ всѣхъ потерявъ, ты домой возвратишься;
Но неприлично мнѣ было вражду заводить съ Посидономъ,
Братомъ родителя Зевса, тобой оскорбленнымъ: ты сильно
Душу разгнѣвалъ его умерщвленіемъ милаго сына.
Но, чтобъ ты могъ мнѣ повѣрить, тебѣ я открою Итаку.
Здѣсь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистую видишь
Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, Нимфамъ

(Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь часто
Ты приносилъ экатомбы богатыя чистымъ Наядамъ).
Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.
Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;
Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилося веселье;
Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны;
Руки поднявъ, обратился потомъ онъ съ молитвой къ Наядамъ:
Нимфы Наяды, Зевесовы дочери, я ужъ не думалъ
Здѣсь васъ увидѣть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будутъ дары вамъ обычные, если
Дочь броненосная Зевса Аѳина и мнѣ благосклонно
Жизнь сохранитъ, и милаго сына спасетъ отъ напасти.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ;
Долженъ напротивъ сокровища въ нѣдрѣ пространнаго грота
Спрятать свои, чтобъ изъ нихъ ничего у тебя не пропало.

Послѣ, все дѣло обдумавъ, мы выберемъ то, что полезнѣй.
Кончивъ, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стѣнъ закоулки ощупала; сынъ же Лаэртовъ
Все, и нетлѣнную мѣдь, и богатыя платья, и злато,
Имъ отъ людей Феакійской земли полученныя собралъ;
Въ гротѣ ихъ склавъ, передъ входомъ его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Аѳина.
Оба тогда, подъ широкосѣнистою маслиной сѣвши,
Стали обдумывать, какъ погубить жениховъ многобуйныхъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Выдумай, какъ бы тебѣ жениховъ наказать беззаконныхъ,
Болѣ трехъ лѣтъ самовластно твоимъ обладающихъ домомъ,
Муча докучнымъ своимъ сватовствомъ Пенелопу; она же,
Сердцемъ въ разлукѣ съ тобою крушась, подаетъ имъ надежду
Всѣмъ, и каждому порознь себя обѣщаетъ, и вѣсти

Добрыя шлетъ къ нимъ, недоброе въ сердцѣ для нихъ замышляя.
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Горе! и мнѣ бъ, какъ царю Агамемнону сыну Атрея,
Жалостной гибели въ царскомъ жилищѣ моемъ не избѣгнуть,
Если бы вóвремя мнѣ ты всего не открыла богиня!
Дай мнѣ теперь наставленіе, какъ отомстить имъ; сама же
Мнѣ помоги и такую жъ даруй мнѣ отважность, какъ въ Троѣ,
Гдѣ мы разрушили свѣтлыя стѣны Пріамова града.
Стой за меня и теперь, какъ тогда свѣтлоокая; смѣло
Вытти готовъ и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мнѣ ты еще благосклонна.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставленъ
Мной и тогда, какъ приступимъ мы къ дѣлу; и думаю скоро
Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ
Многихъ изъ нихъ, беззаконныхъ, твое достоянье губящихъ.

Прежде однако тебя превращу я, чтобъ не́ былъ никѣмъ ты
Узнанъ: наморщу блестящую кожу твою на могучихъ
Членахъ, сниму съ головы златотемные кудри, покрою
Рубищемъ бѣднымъ плеча, чтобъ глядѣлъ на тебя съ отвращеньемъ
Каждый, и струпомъ глаза, столь прекрасные нынѣ, подерну;
Въ видѣ такомъ женихамъ ты, супругѣ и сыну (который
Дома тобой былъ оставленъ), неузнанный, будешь противенъ.
Прежде однако отсюда ты долженъ пойти къ свинопасу,
Главному здѣсь надъ стадами свиными смотрителю; вѣренъ
Онъ и тебѣ и разумной твоей Пенелопѣ и сыну;
Встрѣтишь его ты у стада свиней: близъ утеса Коракса,
Подлѣ ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся тамъ желудьми и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густымъ наливаетъ
Жиромъ; съ нимъ сидя, его обо всемъ ты подробно распросишь.
Тою порою я въ женопрекрасный пойду Лакедемонъ

Вызвать къ тебѣ, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
Онъ же въ широкоравнинную Спарту пошелъ, чтобъ услышать
Вѣсть о тебѣ отъ Атрида, и живъ ли еще ты, провѣдать.
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Вѣдая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многимъ и онъ сокрушеньямъ подвергнуться можетъ
На́ морѣ бурнопустынномъ, грабителямъ домъ свой оставивъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Много о томъ Одиссей ты тревожиться сердцемъ не долженъ.
Я проводила его, чтобъ людей посмотрѣлъ и межъ ними
Нажилъ великую славу; легко все окончивъ, теперь онъ
Въ домѣ Атреева сына сидитъ и роскошно пируетъ.
Правда, его женихи стерегутъ въ кораблѣ темногрудомъ,
Злую погибель готовя ему на возвратной дорогѣ;
Я имъ однако того не дозволю; и прежде могила
Многихъ изъ нихъ, разоряющихъ дерзостно домъ твой, поглотитъ.

Съ сими словами богиня къ нему прикоснулася тростью.
Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тѣло,
Спали съ его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлаго старца дрожащія кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпомъ,
Плечи одѣлись тряпицей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ
Рубищемъ, грязнымъ, совсѣмъ почернѣвшимъ отъ смраднаго дыма;
Сверхъ же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе безъ шерсти; давъ посохъ ему и котомку,
Всю въ заплатахъ, висящую вмѣсто ремня на веревкѣ,
Съ нимъ разлучилась богиня; что дѣлать, его научивши,
Къ сыну его полетѣла она въ Лакедемонъ священный.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать пятый день.

Одиссей приходитъ къ Эвмею; позавтракавъ съ нимъ, онъ увѣряетъ стараго свинопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ то клятвою; но Эвмей ему не вѣритъ. Одиссей разсказываетъ ему вымышленную о себѣ повѣсть. Въ вечеру всѣ другіе пастухи возвращаются съ паствы. Эвмей убиваетъ откормленную свинью на ужинъ. Холодная ночь; Одиссей вымышленнымъ о себѣ разсказомъ побуждаетъ Эвмея дать ему теплую мантію на́ ночь. Всѣ засыпаютъ въ домѣ; одинъ Эвмей уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полѣ.

Тою порою изъ пристани вкруть по тропинкѣ нагорной
Лѣсомъ пошелъ онъ въ ту сторону, гдѣ, по сказанью Аѳины,
Жилъ свинопасъ богоравный, который усерднѣе прочихъ
Царскихъ рабовъ наблюдалъ за добромъ своего господина.
Онъ на дворѣ передъ домомъ въ то время сидѣлъ за работой;
Домъ же стоялъ на высокомъ, открытомъ и кругообзорномъ
Мѣстѣ, просторный, отвсюду обходный; его для свиныхъ тамъ
Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни съ старцемъ Лаэртомъ,
Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ, изъ твердыхъ
Камней построилъ; ограда терновая стѣны вѣнчала;
Тынъ изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другаго
Въ землю вколоченныхъ, кольевъ его окружалъ; на дворѣ же

Цѣлыхъ двѣнадцать просторныхъ закутъ для свиней находилось:
Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой
Ихъ пятьдесятъ, на землѣ неподвижно лежащихъ, тамъ было
Заперто—матки однѣ для расплода; самцы же во внѣшнихъ
Спали закутахъ и въ меньшемъ числѣ: убавляли, пируя,
Ихъ женихи богоравные (самъ свинопасъ принужденъ былъ
Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно);
Триста ихъ тамъ шестьдесятъ боровов на лицо оставалось;
Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе звѣри,
Злобныя: самъ свинопасъ, повелитель мужей, для себя ихъ
Выкормилъ. Сидя тогда передъ домомъ, кроилъ онъ изъ крѣпкой
Кожи воловьей подошвы для ногъ; пастухи же другіе
Были въ отлучкѣ: на пажити съ стадомъ свиней находились
Трое, четвертый самимъ повелителемъ посланъ былъ въ городъ
Лучшую въ стадѣ свинью женихамъ необузданнымъ противъ
Воли отдать, чтобъ, зарѣзавъ ее, насладились ѣдою.

Эвмей. Одиссей.

Былъ бы, старикъ, ты разорванъ, когда бъ опоздалъ я минуту.

Вдругъ вдалекѣ Одиссея увидѣли злыя собаки;
Съ лаемъ онѣ на него побѣжали; къ землѣ осторожно,
Видя опасность, присѣлъ Одиссей, но изъ рукъ уронилъ онъ
Посохъ и жалкую гибель въ своемъ бы онъ встрѣтилъ владѣньи,
Если бы самъ свинопасъ, за собаками бросясь поспѣшно,
Выбѣжать, кинувъ работу свою, не успѣлъ изъ заграды:
Крикнувъ на бѣшенныхъ псовъ, чтобъ пугнуть ихъ, швырять онъ большими
Камнями началъ; потомъ онъ сказалъ обратясь къ Одиссею:
Былъ бы, старикъ, ты разорванъ, когда бъ опоздалъ я минуту;
Тяжкимъ упрекомъ легло бъ мнѣ на сердце такое несчастье;
Мнѣ же и такъ ужъ довольно печалей безсмертные дали:
Здѣсь, о моемъ господинѣ божественномъ сѣтуя, долженъ
Я для незванныхъ гостей боровов Одиссеевыхъ жирныхъ
Прочить, тогда какъ, быть можетъ, онъ самъ безъ покрова, безъ пищи
Странствуетъ въ чуждыхъ земляхъ межъ народовъ инаго языка
(Если онъ только еще гдѣ сіяніемъ дня веселится).

Въ домъ мой послѣдуй за мною, старикъ; я тебя дружелюбно
Пищею тамъ угощу и виномъ; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какія бѣды и напасти гдѣ встрѣтилъ.
Кончилъ, и въ домъ съ Одиссеемъ вошелъ свинопасъ богоравный;
Тамъ онъ на кучу его посадилъ многолиственныхъ, свѣжихъ
Сучьевъ, недавно нарубленныхъ, прежде косматою кожей
Серны, на ней же онъ спалъ по ночамъ, ихъ покрывъ. Одиссею
Былъ по душѣ столь радушный пріемъ; онъ сказалъ свинопасу:
Зевса молю я и вѣчныхъ боговъ, чтобъ тебѣ ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты такъ ласково принялъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Если бы, другъ, кто и хуже тебя посѣтилъ насъ, мы долгъ свой
Гостя почтить сохранили бы свято—Зевесъ къ намъ приводитъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Слишкомъ же щедрыми быть намъ не можно, рабамъ, въ безпрестанномъ
Страхѣ живущимъ, понеже теперь господа молодые

Властвуютъ нами. Кроніонъ рѣшилъ, чтобъ лишенъ былъ возврата
Онъ, столь ко мнѣ благосклонный; меня бъ онъ устроилъ, мнѣ далъ бы
Все, что рабу за усердье даетъ господинъ благодушный
(Поле и домъ и хозяйку, которую по́ сердцу самъ онъ
Выбралъ), понеже онъ много трудился и боги успѣхомъ
Трудъ наградили, какъ здѣсь и меня за труды награждаютъ;
Такъ бы со мною здѣсь милостивъ былъ онъ, когда бъ могъ достигнуть
Старости дома; но нѣтъ ужъ его.... о! зачѣмъ не Еленинъ
Родъ истребленъ! отъ нея сокрушились колѣна славнѣйшихъ
Нашихъ героевъ: и онъ за обиду Атрида съ другими
Въ Трою неволей пошелъ сокрушить Иліонъ многоконный.
Такъ говорилъ онъ и, поясомъ легкій хитонъ свой стянувши,
Къ той отдѣленной закутѣ пошелъ, гдѣ одни поросята
Заперты были; взявъ двухъ пожирнѣй, онъ обоихъ зарѣзалъ,
Ихъ опалилъ, и на части разсѣкъ и, на вертелъ наткнувши
Части, изжарилъ ихъ; кончивъ, горячее мясо онъ подалъ

Гостю на вертелѣ, ячной мукою его пересыпавъ,
Послѣ, медвянымъ виномъ деревянный наполнивши кубокъ,
Сѣлъ противъ гостя за столъ и, его приглашая къ обѣду:
Странникъ, сказалъ, не угодно ль тебѣ поросятины, нашей
Пищи убогой, отвѣдать — свиней же одни безпощадно
Жрутъ женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дѣлъ беззаконныхъ однако блаженные боги не любятъ:
Правда одна и благіе поступки людей имъ угодны;
Даже разбойники, злые губители, разныя земли
Грабить обыкшіе — многой добычей, имъ данной Зевесомъ,
Свой нагрузивши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну —
Страхъ наказанья великій въ душѣ сохраняютъ; они же
(Видно имъ бога какого пророческій слышался голосъ),
Вѣря, что гибель постигла его, ни свое, какъ прилично,
Весть сватовство не хотятъ, ни къ себѣ возвратиться не мыслятъ,
Въ домѣ напротивъ пируютъ его и безчинно все грабятъ;

Каждую Зевсову ночь тамъ и каждый, ниспосланный Зевсомъ,
День не одну и не двѣ мы свиньи на съѣденье имъ рѣжемъ;
Такъ же они и вино, неумѣренно пьянствуя, тратятъ.
Домъ же его несказанно богатъ былъ, никто изъ живущихъ
Здѣсь благородныхъ мужей — на твердынѣ ли чернаго Зама
Или въ Итакѣ — того не имѣлъ; получалъ онъ дохода
Болѣ, чѣмъ десять у насъ богачей; я сочту по порядку:
Стадъ криворогихъ быковъ до двѣнадцати было, овечьихъ
Также, и столько жъ свиныхъ, и не менѣе козьихъ (пасутъ ихъ
Здѣсь козоводы свои и наемные); также на разныхъ
Паствахъ еще здѣсь гуляетъ одиннадцать козьихъ особыхъ
Стадъ; и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы;
Каждый изъ тѣхъ козоводовъ вседневно, чередъ наблюдая,
Въ городъ съ жирнѣйшей козою, межъ лучшими выбранной, ходитъ;
Такъ же вседневно и я, надъ стадами свиными здѣсь главный,
Лучшаго борова имъ на обѣдъ посылать приневоленъ.

Такъ говорилъ онъ, а гость той порою ѣлъ мясо, усердно
Пилъ, и молчалъ, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубокъ онъ свой, изъ котораго самъ пилъ, хозяину подалъ
Полный вина — и его свинопасъ съ удовольствіемъ принялъ;
Гость же, къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
Другъ, разскажи мнѣ о мужѣ, которымъ ты купленъ, который
Былъ такъ несмѣтно богатъ, такъ могучъ, и который, сказалъ ты,
Въ Троѣ погибъ, за обиду отмщая Атреева сына?
Все разскажи мнѣ, чтобъ зналъ я, не встрѣтился ль гдѣ онъ случайно
Мнѣ — и Зевесъ и другіе безсмертные знаютъ, могу ли
Что про него разсказать вамъ — я странствовалъ такъ же немало.
Такъ свинопасъ, повелитель мужей отвѣчалъ Одиссею:
Старецъ, теперь никакой ужъ изъ странниковъ, много бродившихъ,
Вѣстью объ немъ ни жены не обманетъ, ни милаго сына.
Часто въ надеждѣ, что ихъ, угостивъ, одарятъ, здѣсь бродяги

Лгутъ, небылицы и басни о немъ вымышляя; и кто бы,
Странствуя въ разныхъ земляхъ, ни зашелъ къ намъ въ Итаку, ужъ вѣрно
Явится къ нашей царицѣ съ нелѣпою сказкой о мужѣ;
Ласково всѣхъ принимаетъ она и разсказы ихъ жадно
Слушаетъ всѣ, и съ рѣсницъ у внимающей падаютъ капли
Слезъ, какъ у всякой жены, у которой погибъ въ отдаленьи
Мужъ. Да и ты намъ, старикъ, небылицу разскажешь охотно,
Если хламиду тебѣ иль хитонъ за труды посулимъ мы.
Нѣтъ! ужъ конечно ему иль собаки иль хищныя птицы
Кожу съ костей оборвали — и съ тѣломъ душа разлучилась,
Или онъ рыбами съѣденъ морскими, иль кости на взморьѣ
Гдѣ нибудь, въ зыбкомъ пескѣ глубоко погребенныя, тлѣютъ;
Такъ онъ погибъ, въ сокрушеньи великомъ оставивъ домашнихъ
Всѣхъ, наипаче меня; никогда, никогда не найти ужъ
Мнѣ господина столь добраго, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы
Снова по волѣ безсмертныхъ къ отцу былъ и къ матери милой,

Въ домъ приведенъ, гдѣ родился, гдѣ годы провелъ молодые.
Но не о томъ я крушуся, хотя и желалъ бы хоть разъ ихъ
Образъ увидѣть глазами, хоть разъ посѣтить ихъ въ отчизнѣ —
Нѣтъ, объ одномъ Одиссеѣ далекомъ я плачу; ахъ! добрый
Гость мой, его и далекаго здѣсь не могу называть я
Просто по имени (такъ онъ со мною былъ милостивъ); братомъ
Милымъ его я, хотя и въ разлукѣ мы съ нимъ, называю.
Царь Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
Если, не вѣря вѣстямъ, утверждаешь ты, другъ, что сюда онъ
Болѣ не будетъ и если ужъ такъ ты упоренъ разсудкомъ,
Я не скажу ничего; но лишь въ томъ, что навѣрное скоро
Къ вамъ Одиссей возвратится, дамъ клятву; а мнѣ ты заплатишь
Только тогда, какъ входящаго въ домъ свой его здѣсь увидишь:
Платье тогда подаришь мнѣ, хитонъ и хламиду; до тѣхъ поръ,
Сколь ни великую бѣдность терплю, ничего не приму я;
Мнѣ самому ненавистнѣй Аидовыхъ вратъ ненавистныхъ

Каждый обманщикъ, ко лжи приневоленный бѣдностью тяжкой;
Я же Зевесомъ владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся.
Здѣсь, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я;
Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;
Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
Вступитъ онъ въ домъ свой; и мщенье тогда совершится надъ каждымъ,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидѣлъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Нѣтъ, ни за вѣсти свои ты отъ насъ не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придетъ; успокойся жъ,
Пей, и начнемъ говорить о другомъ; мнѣ и слышать объ этомъ
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мнѣ
Кто здѣсь хоть словомъ напомнитъ о добромъ моемъ господинѣ.
Такъ же и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нѣтъ ли
Къ намъ господинъ мой, какъ всѣ бы желали мы — я, Пенелопа,

Старецъ Лаэртъ и подобный богамъ Телемакъ — но о сынѣ
Болѣ теперь, чѣмъ о славномъ, родившемъ его Одиссеѣ,
Я сокрушаюсь: какъ вѣтвь молодая, воспитанъ богами
Былъ онъ; я мнилъ, что со временемъ, мужеской силы достигнувъ,
Будетъ подобно отцу онъ прекрасенъ и видомъ и станомъ —
Знать непріязненный демонъ какой иль враждующій смертный
Разумъ его помутилъ: чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ,
Въ Пилосъ божественный поплылъ онъ; здѣсь же, укрывшись въ засадѣ,
Ждутъ женихи, чтобъ, его умертвивъ на возвратной дорогѣ,
Въ немъ и потомство Аркезія все уничтожить въ Итакѣ.
Мы же однако оставимъ его — попадется ль имъ въ руки
Онъ, избѣжитъ ли ихъ козней, спасенный Зевесомъ — теперь ты
Мнѣ разскажи, что съ тобой и худаго и добраго было
Въ свѣтѣ? Скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой

Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Если бъ мы оба съ тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладкимъ питьемъ, и глазъ на глазъ осталися двое
Здѣсь пировать на просторѣ, отправивъ другихъ на работу,
То и тогда, ежедневно разсказъ продолжая, едва ли
Въ годъ бы я кончилъ печальную повѣсть о многихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ несказаннымъ по волѣ безсмертныхъ.
Славлюсь я быть уроженцемъ широкоравниннаго Крита;
Сынъ я богатаго мужа; и вмѣстѣ со мною другихъ онъ
Многихъ имѣлъ сыновей, имъ рожденныхъ и выросшихъ дома.
Онъ же отъ всѣхъ обитателей Крита, какъ богъ, уважаемъ
Былъ за богатство, за власть и за доблесть сыновъ многославныхъ;
Но приносящія смерть, безпощадно-могучія Керы

Въ область Аида его увели; сыновья же, богатства
Всѣ раздѣливъ межъ собою по жеребью, дали мнѣ самый
Малый участокъ, и домъ небольшой для житья; за меня же
Вышла богатыхъ родителей дочь; предпочтенъ былъ другимъ я
Всѣмъ женихамъ за великую доблесть; на многое годный,
Былъ я и въ дѣлѣ военномъ не робокъ..... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, но соломѣ однако и прежній
Колосъ легко распознаешь ты; нынѣ жъ я бѣдный бродяга.
Съ мужествомъ бодрымъ Арей и богиня Аѳина вселили
Мнѣ боелюбіе въ сердце; не разъ выходилъ я, созвавши
Самыхъ отважнѣйшихъ, противъ враговъ зло намѣренныхъ въ битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый напротивъ всегда выбѣгалъ я съ копьемъ, чтобъ настигнуть
Въ полѣ противника, мнѣ уступавшаго ногъ быстротою;
Смѣлый въ бою, полеваго труда не любилъ я, ни тихой
Жизни домашней, гдѣ милымъ мы дѣтямъ даемъ воспитанье;

Островесельные мнѣ корабли привлекательнѣй были;
Бой и крылатыя стрѣлы и мѣдноблестящія копья,
Грозные, въ трепетъ великій и въ страхъ приводящіе многихъ,
Были по сердцу мнѣ—боги любовь къ нимъ вложили мнѣ въ сердце:
Люди несходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое.
Прежде, чѣмъ въ Трою пошло броненосное племя Ахеянъ,
Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружиной
Противъ людей иноземныхъ ходилъ—и была намъ удача;
Лучшее бралъ я себѣ изъ добычъ, и по жеребью также
Много на часть мнѣ досталось; свое увеличивъ богатство,
Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита; когда же
Грозно гремящій Зевесъ учредилъ роковой для Ахеянъ
Путь, сокрушившій колѣна столь многихъ мужей знаменитыхъ,
Съ Идоменеемъ, царемъ многославнымъ, отъ Критянъ былъ избранъ
Я съ кораблями итти къ Иліону; и было отречься
Намъ невозможно: мы властью народа окованы были.

Девять тамъ лѣтъ воевали упорно мы, чада Ахеянъ;
Но на десятый, когда, ниспровергнувъ Пріамовъ великій
Градъ, мы къ своимъ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ.
Мнѣ злополучному бѣдствія многія Зевсъ приготовилъ.
Цѣлый мѣсяцъ провелъ я съ дѣтьми и съ женою въ семейномъ
Домѣ, великимъ богатствомъ моимъ веселясь; напослѣдокъ
Сильно въ Египетъ меня устремило желаніе; выбравъ
Смѣлыхъ товарищей, я корабли изготовилъ; мы девять
Ихъ тамъ оснастили новыхъ; когда жъ въ корабли собралися
Бодрые спутники, цѣлыхъ шесть дней до отплытія всѣ мы
Тамъ пировали; я много зарѣзалъ быковъ и барановъ
Въ жертву богамъ, на роскошное людямъ моимъ угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Критъ, мы въ открытое море
Вышли, и съ быстропопутнымъ, пронзительно-хладнымъ Бореемъ
Плыли, какъ будто по стремю, легко; и ничѣмъ ни одинъ нашъ
Не былъ корабль поврежденъ; насъ здоровыхъ, веселыхъ и бодрыхъ,

По морю мчали они, повинуясь кормилу и вѣтру.
Дней черезъ пять мы къ водамъ свѣтлоструйнымъ потока Египта
Прибыли: въ лонѣ потока легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство, они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтныхъ,
Звѣрски мужей убивая — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ, отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ

Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
Я благовременно былъ вразумленъ всемогущимъ Зевесомъ.
(О! для чего избѣжалъ я судьбины и вѣрной не встрѣтилъ
Смерти въ Египтѣ! мнѣ злѣе бѣды приготовилъ Кроніонъ).
Снявъ съ головы драгоцѣнно-украшенный, кожаный шлемъ мой,
Щитъ мой сложивши съ плеча и копье мѣдно-острое бросивъ,
Я подбѣжалъ къ колесницѣ царя и съ молитвой колѣна
Обнялъ его; онъ меня не отвергнулъ; но, сжалясь, съ нимъ рядомъ
Сѣсть въ колесницу велѣлъ мнѣ, ліющему слезы, и въ домъ свой
Царской со мной удалился — а съ копьями слѣдомъ за нами
Много бѣжало ихъ, смертію мнѣ угрожавшихъ; избавленъ
Былъ я отъ смерти царемъ — онъ во гнѣвъ привести гостелюбца
Зевса, карателя строгаго дѣлъ злочестивыхъ, страшился.
Цѣлыхъ семь лѣтъ я провелъ въ сторонѣ той и много богатства
Всякаго собралъ: Египтяне щедро меня одарили;
Годъ напослѣдокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ;

Прибылъ въ Египетъ тогда Финикіецъ, обманщикъ коварный,
Злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало;
Онъ, увлекательной рѣчью меня обольстивъ, Финикію,
Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтить съ нимъ:
Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же
Дни протекли, миновалися мѣсяцы, полнаго года
Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,
Въ Ливію съ нимъ въ кораблѣ, облетателѣ моря, меня онъ
Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбудемъ;
Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ замыслилъ;
Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя.
Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзительно-хладнымъ Бореемъ
Плыли; ужъ Критъ былъ за нами.... но Дій намъ готовилъ погибель;
Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленьи пропалъ, и исчезла
Всюду земля и лишь небо, съ водами сліянное, зрѣлось;
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую, темную тучу

Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло
Море; и вдругъ, заблиставъ, онъ съ небесъ на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу; закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ ворóны морскія разсѣясь,
Въ шумной изчезли пучинѣ — возврата лишилъ ихъ Кроніонъ
Всѣхъ; лишь, объятаго горемъ великимъ, меня надоумилъ
Вóвремя онъ корабля остроносаго мачту руками
Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ погибели вѣрной избѣгнуть;
Вѣтрамъ губящимъ во власть отдался́ я, привязанный къ мачтѣ.
Девять носившися дней по волнамъ, на десятый, съ наставшей
Ночью, ко брегу Ѳеспротовъ высокобѣгущей волною
Былъ принесенъ я; Федонъ, благомыслящій царь ихъ, безъ платы
Долго меня у себя угощалъ, поелику я милымъ
Сыномъ его былъ, терзаемый голодомъ, встрѣченъ и въ царскій
Домъ приведенъ: на его я, покуда мы шли, опирался

Руку; когда же пришли мы, онъ далъ мнѣ хитонъ и хламиду.
Тамъ я впервые узналъ о судьбѣ Одиссея; сказалъ мнѣ
Царь, что гостилъ у него онъ, въ отчизну свою возвращаясь;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показалъ онъ:
Золото, мѣдь и желѣзную утварь чудесной работы;
Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много —
Столько сокровищъ Одиссей царю въ сохраненье оставилъ;
Самъ же пошелъ, мнѣ сказали, въ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ
Темно-сѣнистато Діева дуба его научилъ тамъ,
Какъ, по отсутствіи долгомъ — открыто ли, тайно ли — въ землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ?
Мнѣ самому совершивъ возліяніе въ домѣ, поклялся
Царь, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
Въ милую землю отцевъ проводить Одиссея; меня же
Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
Былъ для Ѳеспротовъ, въ Дулихій, богатый пшеницею, шедшихъ;

Онъ повелѣлъ, чтобъ къ Ликасту царю безопасно я ими
Былъ отвезенъ. Но они злонамѣреннымъ сердцемъ иное
Дѣло замыслили, въ бѣдствіе ввергнуть меня сговорившись.
Только отъ брега Ѳеспротовъ корабль отошелъ мореходный,
Часъ наступилъ, мнѣ назначенный ими для жалкаго рабства.
Силой сорвавши съ меня и хитонъ и хламиду, они мнѣ
Вмѣсто ихъ бѣдное рубище дали съ нечистой рубашкой,
Въ жалкихъ лохмотьяхъ, какъ можешь своими глазами ты видѣть.
Вечеромъ прибыли мы къ берегамъ многогорной Итаки.
Тутъ съ корабля крѣпкозданнаго — прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связавъ мнѣ — всѣ на́ берегъ вмѣстѣ
Вышли, чтобъ, сѣвъ на сыпучемъ пескѣ, тамъ поужинать сладко.
Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ.
Голову платьемъ, изорваннымъ въ тряпки, свою обернувши,
Бережно съ судна я къ морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь въ него, я поспѣшно, обѣими правя руками,

Поплылъ и силы свои напрягалъ, чтобъ скорѣе изъ глазъ ихъ
Скрыться; въ кустарникѣ, густо покрытомъ цвѣтами, лежалъ я,
Клубомъ свернувшись; они жъ въ безполезномъ исканіи съ крикомъ
Бѣгали мимо меня; напослѣдокъ, нашедъ неудобнымъ
Долѣ напрасно бродить, возвратились назадъ и, собравшись
Всѣ на корабль свой, пустилися въ путь; такъ самими богами
Былъ я спасенъ, и они же меня проводили въ жилище
Многоразумнаго мужа: еще не судьба умереть мнѣ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Бѣдный скиталецъ, все сердце мое возмутилъ ты разсказомъ
Многихъ твоихъ приключеній, печалей и странствій далекихъ.
Только одно не въ порядкѣ: зачѣмъ о царѣ Одиссеѣ
Ты помянулъ? И зачѣмъ такъ на старости лѣтъ безполезно
На́ вѣтеръ лжешь? По несчастью, я слишкомъ увѣренъ, что мнѣ ужъ
Здѣсь не видать моего господина; жестоко богами
Былъ онъ преслѣдуемъ; еслибъ онъ въ Троѣ погибъ на сраженьи,

Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ Ахейскимъ народомъ,
Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ.....
Нынѣ же Гарпіи взяли его и безвѣстно пропалъ онъ.
Я же при стадѣ живу здѣсь печальнымъ пустынникомъ; въ городъ
Къ нимъ не хожу я, какъ развѣ когда Пенелопой бываю
Призванъ, чтобъ вѣсть отъ какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усѣвшись кругомъ, осыпаютъ
Всѣ — какъ и тѣ, кто о немъ, о возлюбленномъ, искренно плачутъ,
Такъ и всѣ тѣ, кто его здѣсь имущество грабятъ безъ платы.
Я жъ не терплю ни вѣстей, ни распросовъ о немъ безполезныхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ былъ здѣсь обманутъ бродягой Этольскимъ, который,
Казни страшась за убійство, повсюду скитался, и въ домъ мой
Случаемъ былъ заведенъ; я его съ уваженіемъ принялъ;
„Видѣлъ я въ Критѣ, въ царевомъ дворцѣ, Одиссея, сказалъ онъ;
„Тамъ исправлялъ онъ свои корабли, потерпѣвшіе въ бурю.

„Лѣтомъ иль осенью (такъ говорилъ Одиссей мнѣ), въ Итаку
„Я и товарищи будемъ съ несмѣтно-великимъ богатствомъ.“
Ты же, старикъ, испытавшій столь много, намъ посланный Діемъ,
Баснею мнѣ угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уваженъ, не тѣмъ мнѣ любезенъ ты будешь—
Нѣтъ! я Зевеса страшусь гостелюбца и самъ ты мнѣ жалокъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Подлинно, слишкомъ ужъ ты недовѣрчивъ, мой добрый хозяинъ,
Если и клятва моя не вселяетъ въ тебя убѣжденья;
Можемъ однако мы сдѣлать съ тобой уговоръ, и пускай намъ
Будутъ обоимъ поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, какъ я говорю, господинъ твой—
Давъ мнѣ хитонъ и хламиду, меня ты въ Дулихій, который
Сердцемъ такъ жажду увидѣть, отсюда отправишь; когда же,
Мнѣ вопреки, господинъ твой домой не воротится — всѣхъ ты
Слугъ соберешь и съ утеса низвергнешь меня, чтобъ впередъ вамъ

Басень нелѣпыхъ не смѣли разсказывать здѣсь побродяги.
Страннику такъ, отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
Другъ, похвалу бъ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться.
Время однако намъ ужинать; скоро воротятся люди
Съ паствы — тогда и желанную вечерю здѣсь мы устроимъ.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Скоро съ стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали они на ночлегъ ихъ свиней загонять, и съ ужаснымъ
Визгомъ и хрюканьемъ свиньи, спираясь, ломились въ закуты.
Тутъ пастухамъ подчиненнымъ сказалъ свинопасъ богоравный:
Лучшую выбрать свинью, чтобъ, зарѣзавъ ее, дорогаго
Гостя поподчивать, съ нимъ и самимъ насладиться ѣдою;

Много тяжелыхъ заботъ намъ отъ нашихъ свиней свѣтлозубыхъ;
Плодъ же тяжелыхъ заботъ пожираютъ безъ платы другіе.
Такъ говоря, топоромъ разрубалъ онъ большія полѣна;
Тѣ же, свинью пятилѣтнюю, жирную взявъ, и вогнавши
Въ горницу, съ ней подошли къ очагу: свинопасъ богоравный
(Сердцемъ онъ набоженъ былъ) напередъ о безсмертныхъ подумалъ;
Шерсти щепотку сорвавъ съ головы у свиньи свѣтлозубой,
Бросилъ ее онъ въ огонь; и потомъ, всѣхъ боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Тутъ онъ ударилъ свинью сбереженнымъ отъ рубки полѣномъ;
Замертво пала она, и ее опалили, дорѣзавъ,
Тотчасъ другіе, разсѣкли на части и первый изъ каждой
Части кусокъ, отложенный на жиръ для боговъ, былъ Эвмеемъ
Брошенъ въ огонь, пересыпанный ячной мукой; остальныя жъ
Части, на острые вертелы вздѣвъ, на огнѣ осторожно
Начали жарить, дожаривъ же, съ вертеловъ сняли и кучей

Все на подносныя доски сложили. И поровну началъ
Пищею всѣхъ одѣлять свинопасъ: онъ приличіе вѣдалъ.
На семь частей предложенное все раздѣливъ, онъ назначилъ
Первую Нимфамъ и Эрмію, Маину сыну, вторую;
Прочія жъ каждому, какъ кто сидѣлъ, наблюдая порядокъ,
Роздалъ, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтилъ; и вниманьемъ такимъ несказанно довольный,
Голосъ возвысивъ, сказалъ Одиссей хитроумный: да будетъ
Столь же, Эвмей, и къ тебѣ многомилостивъ вѣчный Кроніонъ,
Сколь ты ко мнѣ, сиротѣ старику, былъ привѣтливъ и ласковъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Ѣшь на здоровье, таинственный гость мой, и нашимъ доволенъ
Будь угощеньемъ; одно намъ даруетъ, другаго лишаетъ
Насъ своенравый въ дѣяньяхъ Кроніонъ; ему все возможно.
Съ сими словами онъ, первый кусокъ отдѣливши безсмертнымъ
Въ жертву, пурпурнымъ наполненный кубокъ виномъ Одиссею,

Градорушителю, подалъ; тотъ сѣлъ за приборъ свой; и мягкихъ
Хлѣбовъ принесъ имъ Мезавлій, который въ тѣ дни, какъ отсутственъ
Былъ Одиссей, свинопасомъ самимъ для домашней прислуги
Былъ безъ согласья царицы, безъ вѣдома старца Лаэрта,
Купленъ на деньги свои у Тафійскихъ купцевъ мореходныхъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищѣ.
Послѣ жъ, когда насладились довольно питьемъ и ѣдою,
Хлѣбъ со стола былъ проворнымъ Мезавліемъ снятъ; а другіе,
Сытые хлѣбомъ и мясомъ, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесовъ
Ливень холодный шумѣлъ и Зефиръ бушевалъ дожденосный.
Началъ тогда говорить Одиссей (онъ хотѣлъ, чтобъ хозяинъ
Далъ ему мантію, или свою, иль съ кого изъ другихъ имъ
Снятую: ибо о немъ онъ съ великимъ радушіемъ пекся):
Слушай, Эвмей, и послушайте всѣ вы: хочу передъ вами
Дѣломъ однимъ я похвастать — вино мнѣ языкъ развязало;

Сила вина несказанна: оно и умнѣйшаго громко
Пѣть и безмѣрно смѣяться и даже плясать заставляетъ;
Часто внушаетъ и слово такое, которое лучше бъ
Было сберечь про себя. Но я началъ, и долженъ докончить.
О! когда бъ я былъ молодъ, какъ прежде, и силой такой же
Полонъ, какъ въ Троѣ, когда мы въ засадѣ однажды сидѣли!
Были вождями у насъ Одиссей съ Менелаемъ, и съ ними
Третій былъ я, къ нимъ приставшій, покорствуя ихъ приглашенью;
Къ твердовысокимъ стѣнамъ многославнаго града пришедши,
Всѣ мы отъ нихъ недалеко въ кустарникѣ, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была непріязненна ночь, прилетѣлъ полуночный
Вѣтеръ съ морозомъ и сыпался шумно-холодной мятелью
Снѣгъ, и щиты хрусталемъ отъ мороза подернулись тонкимъ.
Теплыя мантіи были у всѣхъ и хитоны; и спали,
Ими одѣвшись, спокойно они подъ своими щитами;

Я жъ, безразсудный, товарищу мантію отдалъ, собравшись
Въ путь, не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза придется;
Взялъ со щитомъ я лишь поясъ одинъ мой блестящій; когда же
Треть совершилася ночи и звѣзды склонилися съ неба,
Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ,
Локтемъ его подтолкнувъ (во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ дѣло):
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Смертная стужа; порывистый вѣтеръ и снѣгъ хладоносный
Мнѣ нестерпимы; я мантію бросилъ; хитонъ лишь злой демонъ
Взять надоумилъ меня; никакого нѣтъ средства согрѣться.
Такъ я сказалъ. И недолго онъ думалъ, что дѣлать: онъ первый
Былъ завсегда и на умный совѣтъ и на храброе дѣло.
Шопотомъ на́ ухо мнѣ отвѣчалъ онъ: молчи, чтобъ не могъ насъ
Кто изъ Ахеянъ товарищей нашихъ, здѣсь спящихъ, подслушать.
Такъ отвѣчавъ мнѣ, привсталъ онъ и, голову локтемъ подперши,
Братья, сказалъ: мнѣ приснился божественный сонъ; мы далёко,

Слишкомъ далёко отъ нашихъ зашли кораблей; не пойдетъ ли
Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду,
Съ просьбой, чтобъ въ помощь людей намъ прислать съ кораблей не замедлилъ.
Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Ѳоасъ Андремонидъ;
Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантію, быстро
Онъ побѣжалъ къ кораблямъ; я жъ, оставленнымъ платьемъ одѣвшись,
Сладко проспалъ до явленія златопрестольной денницы.
О! для чего я не младъ и не силенъ какъ въ прежніе годы!
Вѣрно тогда бы и мантію дали твои свинопасы
Мнѣ — изъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнѣ уважая.
Нынѣ жъ кто хилаго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ уважитъ?
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Подлинно чудною повѣстью насъ ты, мой гость, позабавилъ;
Нѣтъ ничего неприличнаго въ ней и на пользу разсказъ твой
Будетъ: ни въ платьѣ ты здѣсь и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ испытавшаго странника нужномъ, отказа не встрѣтишь;

Завтра однако въ свое ты одѣнешься рубище снова;
Мантій у насъ здѣсь запасныхъ не водится, мы не богаты
Платьемъ; у каждаго только одно: онъ его до износа
Съ плечъ не скидаетъ. Когда же возлюбленный сынъ Одиссеевъ
Будетъ домой, онъ и мантію дастъ и хитонъ, чтобъ одѣться
Могъ ты, и въ сердцемъ желанную землю имъ будешь отправленъ.
Кончивъ, онъ всталъ и, пошедъ, близъ огня приготовилъ постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; легъ Одиссей на постель; на него онъ набросилъ
Теплую, толсто-сотканную мантію, ею жъ во время
Зимней, бушующей дико мятели онъ самъ одѣвался;
Скоро на ложе покойное легъ Одиссей; и другіе
Всѣ пастухи улеглися кругомъ. Но Эвмей, разлучиться
Съ стадомъ свиней опасаясь, не легъ, не заснулъ; онъ, поспѣшно
Взявши оружіе, въ поле итти изготовился. Видя,
Какъ онъ ему и далекому вѣренъ, въ душѣ веселился

Тѣмъ Одиссей. Свинопасъ же, на крѣпкія плечи повѣсивъ
Мечъ свой, одѣлся косматой, отъ вѣтра защитной, широкой
Мантіей, голову шкурой козы длинношерстной окуталъ,
Послѣ копье на собакъ и на встрѣчу съ ночнымъ побродягой
Взялъ и въ то мѣсто пошелъ ночевать, гдѣ клычистыя свиньи
Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Борея.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать пятый и тридцать шестой день. Утро тридцать седьмаго.

Аѳина, явяся во снѣ Телемаку, побуждаетъ его возвратиться въ отечество. Одаренный щедро Менелаемъ и Еленою, онъ покидаетъ вмѣстѣ съ Пизистратомъ Лакедемонъ. Ночлегъ у Діоклеса. На другой день, миновавъ Пилосъ, Телемакъ садится на корабль, беретъ съ собою Ѳеоклимена и пускается въ море. Тѣмъ временемъ Одиссей объявляетъ Эвмею, что онъ намѣренъ итти въ городъ просить подаянія и вступить въ службу къ женихамъ. Эвмей его удерживаетъ у себя и совѣтуетъ ему дождаться возвращенія Телемакова. По просьбѣ Одиссея онъ разсказываетъ ему о его отцѣ и о его матери, наконецъ и о томъ, что съ нимъ самимъ въ жизни случалось. Телемакъ, прибывши рано по утру къ берегамъ Итаки, посылаетъ корабль свой въ городъ, а самъ идетъ къ Эвмею.

Тою порой въ Лакедемонъ широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтобъ Лаэртова внука, ему объ Итакѣ
Милой напомня, понудить скорѣй возвратиться въ отцовскій
Домъ; и она тамъ нашла Телемака съ возлюбленнымъ сыномъ
Нестора, спящихъ въ сѣняхъ Менелаева славнаго дома.
Сладостнымъ сномъ побѣжденный, лежалъ Пизистратъ неподвижно.
Полонъ тревоги былъ сонъ Одиссеева сына: во мракѣ
Ночи божественной онъ объ отцѣ помышлялъ и крушился.
Близко къ нему подошедши, богиня Аѳина сказала:
Сынъ Одиссеевъ, напрасно такъ долго въ чужой сторонѣ ты
Медлишь, наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ

Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъѣздъ Менелай, вызыватель въ сраженье,
Вамъ учредитъ, чтобъ еще безъ порока застать Пенелопу
Могъ ты: ее и отецъ ужъ и братья вступить понуждаютъ
Въ бракъ съ Эвримахомъ; числомъ и богатствомъ подарковъ онъ прочихъ
Всѣхъ жениховъ превзошелъ, и приноситъ дары безпрестанно.
Могутъ легко и твое тамъ похитить добро: ты довольно
Знаешь, какъ женщина сердцемъ измѣнчива: въ новый вступая
Бракъ, лишь для новаго мужа она помышляетъ устроить
Домъ, но о дѣтяхъ отъ перваго брака, о прежнемъ умершемъ
Мужѣ не думаетъ, даже и словомъ его не помянетъ.
Въ домъ возвратяся, тамъ все, что твое, поручи особливо
Самой надежной изъ вашихъ рабынь, чтобъ хранила, покуда
Боги тебѣ самому не укажутъ достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Выбравъ отважнѣйшихъ въ шайкѣ своей, женихи имъ велѣли,

Между Итакой и Замомъ крутымъ притаяся въ засадѣ,
Злую погибель тебѣ на возвратномъ пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотитъ
Многихъ изъ нихъ, беззаконно твое достоянье губящихъ;
Ты жъ, съ кораблемъ отъ обоихъ держась островъ въ отдаленьи,
Мимо ихъ ночью пройди; благовѣющій вѣтеръ попутный
Богъ благосклонный, тебя берегущій, пошлетъ за тобою.
Но, подошедъ къ каменисто-высокому брегу Итаки,
Въ городъ со всѣми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Самъ же останься на брегѣ и послѣ поди къ свинопасу,
Главному тамъ надъ свиными стадами смотрителю; вѣрный
Твой онъ слуга; у него ты ночуешь; его же съ извѣстьемъ
Въ городъ пошлешь къ Пенелопѣ разумной, дабы объявилъ ей
Онъ, что въ отчизну изъ Пилоса ты невредимъ возвратился.
Кончивъ, богиня Паллада на свѣтлый Олимпъ возвратилась.
Тутъ отъ покойнаго сна пробудилъ Телемакъ Пизистрата,

Пяткой толкнувши его и сказавши ему: пробудися,
Несторовъ сынъ Пизистратъ; и коней громозвучно-копытныхъ
Въ нашу скорѣе впряги колесницу; въ дорогу пора намъ.
Несторовъ сынъ благородный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
Сынъ Одиссеевъ, хотя и спѣшишь ты отъѣздомъ, но въ путь намъ
Темною ночью пускаться не должно; разсвѣтъ недалеко.
Должно притомъ подождать, чтобъ Атридъ благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положивъ въ колесницу подарки
Мнѣ и тебѣ, отпустилъ насъ съ прощальнымъ привѣтливымъ словомъ:
Сладостно гостю, простившись съ хозяиномъ дома, о нѣжной
Ласкѣ, съ какою онъ былъ угощенъ, вспоминать ежедневно.
Такъ онъ сказалъ. Возсіяла съ небесъ златотронная Эосъ.
Къ нимъ тутъ пришелъ Менелай, вызыватель въ сраженье.
Сынъ Одиссеевъ, его подходящаго видя, поспѣшно
Тѣло блестящее чистымъ хитономъ облекъ и широкой
Мантіей крѣпкія плечи, герой многославный, украсилъ;

Встрѣтивъ въ дверяхъ Менелая и ставши съ нимъ рядомъ, сказалъ онъ,
Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный.
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Въ милую землю отцевъ мнѣ теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по домѣ семейномъ тоскуетъ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Менелай, вызыватель въ сраженье:
Сынъ Одиссеевъ, тебя здѣсь удерживать болѣ не буду,
Если такъ сильно домой ты желаешь. И самъ не одобрю
Я гостелюбца, который безмѣрною лаской безмѣрно
Людямъ скучаетъ: во всемъ наблюдать намъ умѣренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотѣлъ бы остаться,
Нудимъ въ дорогу, а гостя въ дорогу спѣшащаго, держимъ:
Будь съ остающимся ласковъ, привѣтно простись съ уходящимъ.
Но подожди, Телемакъ, чтобъ въ твою колесницу подарки
Я уложилъ, ихъ тебѣ показавъ, и чтобъ также рабынѣ
Сытный вамъ завтракъ велѣлъ на отъѣздъ во дворцѣ приготовить:

Честь, похвала и услада хозяину, если гостей онъ,
Ѣдущихъ въ дальную землю, насы́щенныхъ въ путь отпускаетъ.
Если жъ ты хочешь Аргосъ посѣтить и объѣхать Элладу —
Самъ я тебѣ проводникъ; дай коней лишь запрячь въ колесницу;
Многихъ людей города покажу я; никто не откажетъ
Намъ въ угощеньи, вездѣ и подарокъ обычный получимъ:
Иль дорогой мѣднолитый треножникъ, иль чашу, иль крѣпкихъ
Муловъ чету, иль сосудъ золотой двоеручный. Атриду
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Должно прямымъ мнѣ скорѣй возвратиться путемъ — безъ надзора
Домъ и богатства мои, отправляяся въ путь, я оставилъ;
Можетъ, пока за отцемъ я божественнымъ буду скитаться,
Тамъ приключится бѣда, иль украдется что дорогое.
Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, при этомъ отвѣтѣ,
Тотчасъ Еленѣ, супругѣ своей, и домашнимъ рабынямъ

Завтракъ велѣлъ для гостей на отъѣздъ во дворцѣ приготовить.
Близко къ Атриду тогда подошелъ Этеонъ, сынъ Воэтовъ,
Только что вставшій съ постели: онъ жилъ отъ царя недалеко.
Царь повелѣлъ Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тотъ повелѣнье съ покорностью принялъ.
Самъ же въ чертогъ кладовой благовонный сошелъ по ступенямъ
Царь, не одинъ, но съ Еленой и съ сыномъ своимъ Мегапендомъ;
Вшедъ въ благовонный чертогъ кладовой, гдѣ хранились богатства,
Выбралъ Атридъ тамъ двуярусный кубокъ, потомъ Мегапенду
Сыну кратеру велѣлъ сребролитную взять; а Елена
Къ тѣмъ подошла запертымъ на замокъ сундукамъ, гдѣ лежало
Множество пестрыхъ, узорчатыхъ платьевъ ея рукодѣлья.
Стала Елена, богиня межъ смертными, пестрыя платья
Всѣ разбирать, и шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ солнце
Яркое, выбрала: было оно тамъ на самомъ исподѣ
Спрятано. Кончивъ, они по дворцу къ Телемаку на встрѣчу

Вмѣстѣ пошли; Менелай златовласый сказалъ: благородный
Сынъ Одиссеевъ, желанное сердцемъ твоимъ возвращенье
Въ домъ твой тебѣ да откроетъ супругъ громоогненный Иры!
Я же изъ многихъ сокровищъ, которыми здѣсь обладаю,
Самое рѣдкое выбралъ тебѣ на прощальный подарокъ;
Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь Сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.
Съ сими словами вручилъ Телемаку двуярусный кубокъ
Сынъ благородный Атреевъ; кратеру работы Ифеста
Подалъ, пришедши, ему Мегапендъ, Менелаевъ могучій
Сынъ, сребролитную; свѣтло-образная, съ пестрымъ пришедши
Платьемъ, Елена, его подозвавши, сказала: одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтобъ меня ты

Помнилъ, чтобъ этой, мной сшитой, одеждой на брачномъ веселомъ
Пирѣ невѣсту украсилъ свою; а дотоль пусть у милой
Матери будетъ храниться она; ты жъ теперь возвратися
Съ сердцемъ веселымъ въ Итаку, въ отеческій домъ многославный.
Кончивъ, одежду она подала; благодарно онъ принялъ.
Тутъ осторожно дары уложилъ Пизистратъ въ колесничный
Коробъ, съ большимъ удивленьемъ все порознь сперва осмотрѣвши.
Всѣхъ въ пировую палату повелъ Менелай златовласый;
Тамъ помѣстились они по порядку на креслахъ и стульяхъ.
Тутъ принесла на лохани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкой потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, чтобъ было для всѣхъ угощенье;
Мясо на части разрѣзалъ и подалъ гостямъ сынъ Воэтовъ;
Кубки златые наполнилъ виномъ Мегапендъ многославный;

Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Сынъ Одиссеевъ и Несторовъ сынъ Пизистратъ привязали
Къ дышлу коней и, въ богатую сѣвши свою колесницу,
Выѣхать въ ней со двора черезъ звонкій готовились портикъ.
Вышелъ за ними Атридъ Менелай златовласый, держащій
Въ правой рукѣ драгоцѣнный, виномъ благовоннымъ налитый
Кубокъ, чтобъ ихъ на дорогу почтить возліяньемъ прощальнымъ;
Сталъ впереди онъ коней и, вина отхлебнувши, воскликнулъ:
Радуйтесь, дѣти, и Нестору, пѣстуну многихъ народовъ,
Мой отвезите поклонъ; какъ отецъ былъ ко мнѣ благосклоненъ
Въ тѣ времена онъ, когда мы сражалися въ Троѣ Ахейцы.
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:
Нестору все, что о немъ ты сказалъ намъ, Зевесовъ питомецъ,
Мы перескажемъ, прибывши къ нему. О! когда бъ, возвратяся
Въ домъ мой, въ Итаку, и я могъ отцу моему Одиссею

Также сказать, какъ любовно меня угощалъ ты, какъ много
Разныхъ привезъ я сокровищъ, тобою въ подарокъ мнѣ данныхъ!
Кончилъ; и въ это мгновеніе справа орелъ темнокрылый
Шумно поднялся, большаго, домашняго, бѣлаго гуся
Въ сильныхъ когтяхъ со двора унеся; и толпою вся дворня
Съ крикомъ бѣжала за хищникомъ; онъ, подлетѣвъ къ колеснищѣ,
Мимо коней прошумѣлъ, и ударился вправо. При этомъ
Видѣ, у всѣхъ предвѣщаніемъ радостнымъ сердце взыграло.
Несторовъ сынъ, Пизистратъ благородный, сказалъ Менелаю:
Царь Менелай, повелитель людей, для кого изъ ясни намъ,
Знаменье это Кроніонъ послалъ, для тебя ли, для насъ ли?
Такъ онъ спросилъ; и, Арея любимецъ, задумался бодрый
Царь Менелай, чтобъ отвѣтъ несомнительный дать Пизистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
Слушайте то, что скажу вамъ, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили, и что, утверждаю я, сбудется вѣрно.

Такъ же, какъ этого бѣлаго гуся, вскормленнаго дома,
Сильный похитилъ орелъ, прилетѣвшій съ горы, гдѣ родился
Самъ и гдѣ вывелъ могучихъ орлятъ, такъ, скитавшійся долго,
Въ домъ возвратясь, Одиссей отомститъ; но быть можетъ уже онъ
Дома; и смерть женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовитъ.
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Если то Иры супругъ, громоносный Кроніонъ позволитъ,
Буду, тебя поминая, тебѣ я какъ богу молиться.
Такъ отвѣчавъ ей, онъ сильнымъ ударилъ бичемъ; понеслися
Быстро по улицамъ города въ поле широкое кóни.
Цѣлый день мчалися кóни, тряся колесничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ
Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.

Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ пóртикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и кóни скакали охотно.
Скоро достигли они до великаго Пилоса града.
Сынъ Одиссеевъ сказалъ Пизистрату, къ нему обратяся:
Можешь ли, Несторовъ сынъ, обѣщанье мнѣ дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями другъ другу считаемся съ давнихъ
Лѣтъ по наслѣдству любви отъ отцевъ; мы ровесники; этотъ
Путь, совершенный вдвоемъ, неразрывнѣе дружбой связалъ насъ.
Другъ, не минуй моего корабля; но позволь мнѣ остаться
Тамъ, чтобъ отецъ твой меня, въ изъявленье любви, не принудилъ
Въ домѣ промедлить своемъ — возвратиться безмѣрно спѣшу я.
Такъ онъ сказалъ; Пизистратъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
Думая, какъ бы свое обѣщанье исполнить; обдумавъ
Все, напослѣдокъ увѣрился онъ, что удобнѣе будетъ
Звонкокопытныхъ кóней обратить къ кораблю и къ морскому

Брегу. Вступя на корабль, положилъ на кормѣ онъ подарки:
Золото, платье и все, чѣмъ Атридъ одарилъ Телемака.
Послѣ, его понуждая, онъ бросилъ крылатое слово:
Медлить не должно; всѣ люди твои собрались; уѣзжайте
Прежде, пока, возвратяся домой, не успѣлъ обо всемъ я
Старцу отцу разсказать; убѣжденъ я разсудкомъ и сердцемъ,
(Зная упрямство его), что тебя онъ не пуститъ, что самъ онъ
Въ слѣдъ за тобой съ приглашеньемъ сюда прибѣжитъ, и отсюда
Вѣрно одинъ не воротится, такъ онъ упорствовать будетъ.
Кончивъ, бичемъ онъ погналъ длинногривыхъ коней и помчался
Въ городъ Пилійцевъ и славнаго города скоро достигнулъ.
Къ спутникамъ тутъ обратяся, сказалъ Телемакъ благородный:
Братья, скорѣй корабля чернобокаго снасти устройте,
Всѣ соберитесь потомъ на корабль, и отправимся въ путь свой.
То повелѣніе было гребцами исполнено скоро;
Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселъ.

Тою порой Телемакъ приносилъ на кормѣ корабельной
Жертву богинѣ Палладѣ; къ нему подошелъ, онъ увидѣлъ,
Странникъ. Убійство свершивъ, онъ покинулъ Аргосъ и скитался;
Былъ прорицатель; породу же велъ отъ Мелампа, который
Нѣкогда въ Пилосѣ жилъ овцеводномъ. Въ роскошныхъ палатахъ
Между Пилійцевъ Мелампъ обиталъ, отличаясь богатствомъ;
Былъ онъ потомъ принужденъ убѣжать изъ отчизны въ иную
Землю, гонимый надменнымъ Нелеемъ, изъ смертныхъ сильнѣйшимъ
Мужемъ, который его всѣмъ богатствомъ, пока продолжался
Кругъ годовой, обладалъ, между тѣмъ, какъ въ Филаковомъ домѣ
Въ тяжкихъ оковахъ, въ глубокой темницѣ былъ жестоко мучимъ
Онъ за Нелееву дочь, погруженный въ слѣпое безумство,
Душу его омрачившее силою страшныхъ Эринній.
Керы однако избѣгнулъ и громкомычащихъ коровъ онъ
Въ Пилосъ угналъ изъ Филакіи. Тамъ, отомстивши за злое
Дѣло герою Нелею, желанную къ брату родному

Въ домъ проводилъ онъ супругу, потомъ удалился въ иную
Землю, въ Аргосъ многоконный, гдѣ былъ предназначенъ судьбою
Жить, многочисленнымъ тамъ обладая народомъ Аргивянъ.
Въ бракъ тамъ вступивъ, поселился онъ въ пышноустроенномъ домѣ;
Двухъ онъ имѣлъ сыновей: Антифата и Мантія, славныхъ
Силой. Родилъ Антифатъ Оиклея отважнаго. Сыномъ
Былъ Оиклеевымъ Амфіарей, волнователь народовъ,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старыхъ ему не судили достигнуть
Боги: онъ въ Ѳивахъ погибъ златолюбія женскаго жертвой.
Были его сыновья Алкмеонъ съ Амфилохомъ. Меламповъ
Младшій сынъ Мантій родилъ Полифейда пророка и Клита.
Клита похитила, свѣтлой его красотою плѣняся,
Златопрестольная Эосъ, чтобъ былъ онъ причисленъ къ безсмертнымъ.
Силу пророчества гордому давъ Аполлонъ Полифейду,
Сдѣлалъ его знаменитымъ межъ смертныхъ, когда ужъ не стало

Амфіарея; но онъ въ Гиперезію жить, раздраженный
Противъ отца, перешелъ; и, живя тамъ, пророчилъ всѣмъ людямъ.
Тотъ же странникъ, котораго сынъ Одиссеевъ увидѣлъ,
Былъ Полифейдовъ сынъ, называвшійся Ѳеоклименомъ;
Онъ Телемаку, Аѳинѣ тогда приносившему жертву,
Съ просьбой къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
Другъ, я съ тобой, совершающимъ жертву, встрѣчаясь, твоею
Жертвой тебя и твоимъ божествомъ и твоей головою,
Также и жизнью сопутниковъ вѣрныхъ твоихъ умоляю:
Мнѣ на вопросъ отвѣчай, ничего отъ меня не скрывая.
Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Я изъ Итаки; отцемъ же моимъ Одиссей богоравный
Нѣкогда былъ; но теперь онъ погибелью горькой постигнутъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, въ кораблѣ чернобокомъ за нимъ я,

Долго отсутственнымъ, странствую, вѣсти о немъ собирая.
Ѳеоклименъ богоравный отвѣтствовалъ внуку Лаэрта:
Странствую такъ же и я — знаменитый былъ мною въ отчизнѣ
Мужъ умерщвленъ; въ многоконномъ Аргосѣ онъ много оставилъ
Сродниковъ ближнихъ и братьевъ, могучихъ въ народѣ Ахейскомъ:
Гибель и мстящую Керу отъ нихъ опасаяся встрѣтить,
Я убѣжалъ; межъ людей безпріютно скитаться удѣлъ мой.
Ты жъ, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будетъ мнѣ смерть: я преслѣдуемъ сильно ихъ злобой.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Другъ, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Ѣдемъ; и въ домѣ у насъ съ гостелюбіемъ будешь ты принятъ.
Такъ онъ сказалъ, и, копье мѣдноострое взявъ у пришельца,
Подлѣ перилъ корабельныхъ его положилъ на помостѣ.
Самъ же, вступивъ на корабль, оплывающій темное море,
Сѣлъ у кормы корабельной, съ собою тамъ сѣсть пригласивши

Ѳеоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь имъ послала попутный,
Лоно эѳира пронзающій, вѣтеръ, чтобъ темносоленой
Бездною моря корабль ихъ бѣжалъ, не встрѣчая преграды.
Круно и Халкисъ они свѣтловодный уже миновали;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ потемнѣли дороги.
Фе́у корабль, провожаемый Зевсовымъ вѣтромъ, оставилъ
Сзади, прошелъ и священную область Эпеянъ Элиду.
Острые тутъ острова Телемакъ въ отдаленьи увидѣлъ.
Плылъ онъ туда, размышляя, погибнетъ ли тамъ, иль спасется. —
Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ пищу

Ѣли вечернюю, съ ними и всѣ пастухи вечеряли.
Свой удовольствовавъ голодъ обильно-роскошной ѣдою,
Такъ имъ сказалъ Одиссей (онъ хотѣлъ испытать, благосклонно ль
Сердце Эвмея къ нему, пригласитъ ли его онъ остаться
Въ хижинѣ съ нимъ, иль его отошлетъ непріязненно въ городъ):
Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте всѣ вы; намѣренъ
Завтра поутру я въ городъ итти, чтобъ сбирать подаянье
Тамъ отъ людей и чтобъ вашего хлѣба не ѣсть вамъ въ убытокъ.
Дай мнѣ, хозяинъ, совѣтъ и вели, чтобъ дорогу мнѣ въ городъ
Кто указалъ. Я по улицамъ буду бродить, ужъ конечно
Кто нибудь дастъ мнѣ вина иль краюшку мнѣ вынесетъ хлѣба;
Въ домъ многославный царя Одиссея пришедши, скажу тамъ
Людямъ, что добрыя вѣсти о немъ я принесъ Пенелопѣ.
Также пойду и къ ея женихамъ многобуйнымъ; ужъ вѣрно
Мнѣ, такъ роскошно пируя, они не откажутъ въ подачѣ.
Я же и самъ быть могу имъ на всякую службу пригоденъ;

Вѣдать ты долженъ и выслушай то, что скажу: благодатенъ
Эрмій ко мнѣ былъ, боговъ благовѣстникъ, который всѣмъ смертнымъ
Людямъ успѣхъ, красоту и великую славу даруетъ;
Мало найдется такихъ, кто бъ со мною поспорилъ въ искусствѣ
Скоро огонь разводить, и сухія дрова для варенья
Пищи колоть, и вино подносить, и разрѣзывать мясо,
Словомъ, во всемъ что обязанность низкихъ на службѣ у знатныхъ.
Съ гнѣвомъ на то отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Стыдно тебѣ, чужеземецъ; какъ могъ ты такія дозволить
Странныя мысли себѣ? Ты своей головы не жалѣешь,
Въ городъ сбираясь итти къ женихамъ беззаконнымъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба:
Тамъ, не тебѣ, другъ, чета, имъ рабы подчиненные служатъ;
Нѣтъ! но проворные, въ платьяхъ богатыхъ, въ красивыхъ хитонахъ,
Юноши, свѣтлокудрявые, каждый красавецъ — такіе
Служатъ рабы имъ; и много на гладко-блестящихъ столахъ тамъ

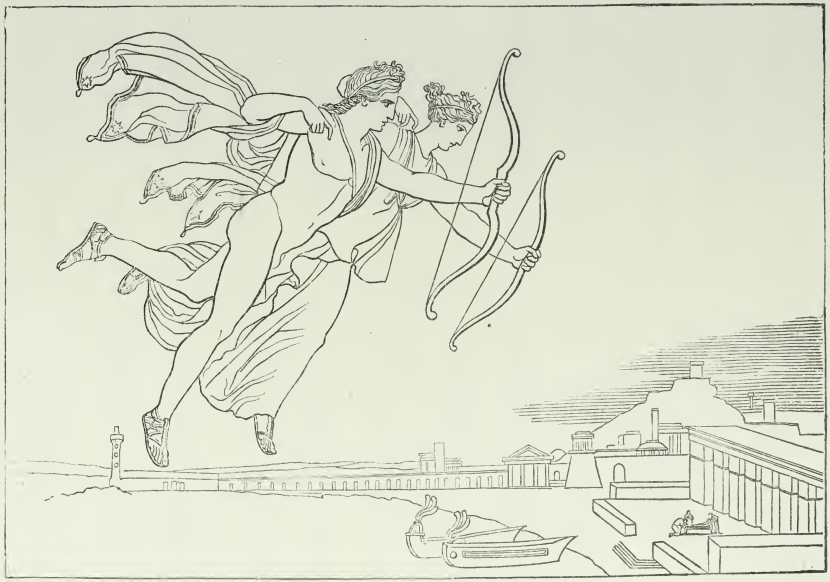
Хлѣба и мяса, и кубковъ съ виномъ благовоннымъ. Останься
Лучше у насъ. Никому ты конечно межъ нами не будешь
Въ тягость, ни мнѣ, ни товарищамъ, вмѣстѣ со мною живущимъ.
Послѣ жъ, когда возвратится возлюбленный сынъ Одиссеевъ,
Ты отъ него и хитонъ и другую одежду получишь;
Будешь имъ также и въ сердцемъ желанную землю отправленъ.
Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ сынъ Лаэртовъ: да любитъ,
Добрый хозяинъ, тебя и великій Зевесъ Олимпіецъ
Столь же, какъ мнѣ ты, мою безпріютность призрѣвъ, сталъ любезенъ.
Нѣтъ ничего ненавистнѣй бездомнаго странствія; тяжкой
Мучитъ заботой во всякое время голодный желудокъ
Бѣдныхъ, которымъ бродить суждено по землѣ безъ пріюта.
Если же хочешь, чтобъ здѣсь я его дождался, разскажи мнѣ
Все, что о славной въ женахъ Одиссеевой матери знаешь,
Все, что съ отцемъ, на порогѣ оставленномъ старости, было —
Если еще Геліосовымъ блескомъ они веселятся;

Или ужъ нѣтъ ихъ и оба они ужъ въ Аидовомъ домѣ?
Сыну Лаэртову такъ отвѣчалъ свинопасъ богоравный:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать:
Живъ благородный Лаэртъ, но всечасно Зевеса онъ молитъ
Дома, чтобъ душу его онъ исторгнулъ изъ дряхлаго тѣла;
Горько онъ плачетъ о долго-отсутственномъ сынѣ, лишившись
Многоразумной и сердцемъ избранной супруги, которой
Смерть преждевременно въ дряхлость его погрузила: о миломъ
Сынѣ крушась неутѣшно и сѣтуя, съ свѣтлою жизнью
Рано разсталась она. Да не встрѣтитъ никто изъ любимыхъ
Мною и мнѣ оказавшихъ любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ея сокрушенная жизнь продолжалась,
Въ городъ къ ней часто ходилъ, чтобъ ее навѣстить, поелику
Былъ я въ ребячествѣ съ дочерью доброй царицы, Клименой,
Самою младшею между другими, воспитанъ; я съ нею
Росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ; когда же

Мы до желаннаго возраста младости зрѣлой достигли,
Выдали замужъ въ Самосѣ ее, взявъ большіе подарки.
Былъ награжденъ я красивой хламидой и новымъ хитономъ,
Также для ногъ получилъ и сандаліи; послѣ, царица
Въ поле къ стадамъ отослала меня и со мной дружелюбнѣй
Прежняго стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро однако успѣхомъ прилежный мой трудъ наградили;
Имъ я кормлюсь, да и добрыхъ людей угощать мнѣ возможно.
Но отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынѣ
Мнѣ не бываетъ, ни словомъ, ни дѣломъ, съ тѣхъ поръ, какъ вломились
Въ домъ нашъ грабители: намъ же рабамъ иногда такъ утѣшно
Было бъ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
Все про нее, и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
Весело въ поле домой на вседневный свой трудъ возвратиться.
Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Чудно! такъ въ дѣтствѣ еще ты, Эвмей свинопасъ, изъ отчизны

Въ землю далекую былъ увезенъ отъ родителей милыхъ?
Все мнѣ теперь разскажи, ничего отъ меня не скрывая:
Городъ ли тотъ, населенный обильно людьми, былъ разрушенъ,
Гдѣ твой отецъ и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быковъ и барановъ одинъ, ты
Схваченъ морскимъ былъ разбойникомъ; онъ же тебя здѣсь и продалъ
Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну?
Другъ, отвѣчалъ свинопасъ богоравный, людей повелитель,
Если ты вѣдать желаешь, то все разскажу откровенно;
Слушай, въ молчанiи сладкодушистымъ виномъ утѣшаясь;
Ночи теперь безконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будетъ для нашей радушной бесѣды; не нужно
Рано ложиться въ постелю намъ: сонъ неумѣренный вреденъ.
Всѣ же другiе, кого побуждаетъ желанье, пусть идутъ
Спать, чтобъ при первыхъ лучахъ восходящей денницы на паству
Въ поле, позавтракавъ дома, съ господскими вытти свиньями;

Мы на просторѣ здѣсь двое, виномъ и ѣдой веселяся,
Память минувшихъ печалей веселымъ о нихъ разговоромъ
Въ сердцѣ пробудимъ: о прошлыхъ бѣдахъ поминаетъ охотно
Мужъ, испытавшій ихъ много, и долго бродившій на свѣтѣ.
Я же о томъ, что желаешь ты знать, разскажу откровенно.
Есть (вѣроятно ты вѣдаешь) островъ, по имени Сира,
Выше Ортигіи, гдѣ поворотъ совершаетъ свой солнце;
Онъ необильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни,
Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и пшеницей:
Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода; люди
Тамъ никакой не страшатся заразы; напротивъ, когда тамъ
Хи́лая старость объемлетъ одно поколенье живущихъ,
Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ
Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.
Два есть на островѣ города, каждый съ своею отдѣльной
Областью; былъ же владѣльцемъ обоихъ родитель мой Ктезій,



Аполлонъ. Артемида.

Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ
Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ

Сынъ Орменоновъ, безсмертнымъ подобный. Случилось, что въ Сиру
Прибыли хитрые гости морей, Финикійскіе люди,
Мелочи всякой привезши въ своемъ кораблѣ чернобокомъ.
Въ домѣ жъ отцевомъ рабыня жила Финикійская, станомъ
Стройная, рѣдкой красы, въ рукодѣльяхъ искусная женскихъ.
Душу ее обольстить удалось Финикійцамъ коварнымъ.
Кто и откуда она, у рабыни спросилъ обольститель?
Домъ указавъ своего господина, она отвѣчала:
Я уроженица мѣднобогатаго града Сидона;
Тамъ мой отецъ Арибасъ знаменитъ былъ великимъ богатствомъ;
Силой морскіе разбойники, злые Тафійцы, схватили
Шедшую съ поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну.
Ей отвѣчая, сказалъ Финикіецъ ея обольститель:
Будешь конечно ты рада въ отчизну свою возвратиться
Съ нами; опять тамъ увидишь и мать и отца въ ихъ блестящемъ

Домѣ: они же, мы вѣдаемъ, живы и славны богатствомъ.
Выслушавъ то, что сказалъ онъ, ему отвѣчала рабыня:
Я бы на все согласилась охотно, когда бъ, мореходцы,
Вы поклялися въ отчизну меня отвести безъ обиды.
Такъ отвѣчала рабыня; и тѣ поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
Къ нимъ обратяся, рабыня крылатое бросила слово:
Будемъ теперь осторожны; молчите; изъ васъ ни который
Слова не молви со мной, гдѣ меня бы ему ни случилось
Встрѣтить, на улицѣ ль, подлѣ колодца ль, чтобъ кто господину,
Насъ подсмотрѣвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ
Въ цѣпи велитъ заключить, да и вамъ приготовитъ погибель.
Скуйте жъ языкъ свой; окончите торгъ поскорѣй, и когда вы
Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши,
Въ домѣ царевомъ меня обо всемъ извѣстите немедля;
Золота, сколько мнѣ подъ руки тамъ попадется, возьму я;

Будетъ притомъ отъ меня вамъ еще и особый подарокъ:
Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолѣтнымъ;
Мальчикъ смышленный; со мною гулять изъ дворца онъ вседневно
Ходитъ; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну
Этотъ товаръ продадите вы людямъ инаго языка.
Такъ имъ сказавши, она возвратилась въ палаты царевы.
Тѣ же, годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ, прилежно
Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя, товаромъ;
Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
Ими былъ вѣстникъ о томъ къ Финикійской рабынѣ отправленъ;
Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье:
Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ;
Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
Разную всѣ предлагали. А онъ по условію, молча,
Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.

Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
Вытти она; проходя же палату, гдѣ множествомъ кубковъ
Столъ былъ уставленъ для царскихъ вельможъ, приглашенныхъ къ обѣду
(Были въ то время они на совѣтѣ въ собраньи народномъ),
Три двоеручныхъ сосуда проворно она, ихъ подъ платьемъ
Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысля.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли;
Тамъ, оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль Финикійскій;
Всѣ собрались на корабль и пошелъ онъ дорогою влажной,
Взявъ насъ, меня и ее, и Зевесъ ниспослалъ намъ попутный
Вѣтеръ; шесть сутокъ и денно и нощно мы по морю плыли.
Но на седьмой день, какъ то предназначено было Зевесомъ,
Вдругъ Артемида измѣнницу быстрой убила стрѣлою:
Мертвая на полъ она корабельный упала морскою
Курицей — рыбамъ ее и морскимъ тюленямъ на съѣденье

Бросили въ море; а я тамъ остался одинъ сокрушенный.
Волны и вѣтеръ попутный корабль принесли нашъ въ Итаку;
Здѣсь я Лаэртомъ на деньги его былъ у хищниковъ купленъ.
Такъ я Итаку впервые своими глазами увидѣлъ.
Выслушавъ повѣсть, Эвмею сказалъ Одиссей богоравный:
Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогалъ,
Мнѣ повѣствуя, какія съ тобою бѣды приключились;
Съ горемъ однако и радость тебѣ ниспослалъ многодарный
Зевсъ, проводившій тебя, претерпѣвшаго много, въ жилище
Кроткаго мужа, который тебя и поитъ здѣсь и кормитъ
Съ нѣжной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мнѣ же
Участь не та — безъ пріюта брожу межъ людей земнородныхъ.
Такъ говоря о былыхъ временахъ, напослѣдокъ и сами
Въ сонъ погрузились они, но на малое время; былъ кратокъ
Сонъ ихъ: взошла свѣтлотронная Эосъ. Въ то время у брега,
Снасти убравъ, Телемаковы спутники мачту спустили,

Быстро къ причалу на веслахъ корабль привели и, закинувъ
Якорный камень, надежнымъ канатомъ корабль утвердили у брега;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волною,
Вкусный обѣдъ приготовили съ сладкимъ виномъ пурпуровымъ.
Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и роскошной ѣдою,
Такъ мореходцамъ сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Въ городъ на веслахъ теперь отведите корабль чернобокій;
Самъ же я въ поле пойду навѣстить пастуховъ, и порядкомъ
Все осмотрѣть тамъ; а вечеромъ въ городъ пѣшкомъ возвращуся;
Завтра жъ, друзья, въ благодарность за ваше сопутствіе, васъ я
Въ домъ нашъ со мной отобѣдать и выпить вина приглашаю.
Ѳеоклименъ богоравный тогда вопросилъ Телемака:
Сынъ мой, куда же пойти присовѣтуешь мнѣ ты? Къ какому
Жителю горносуровой Итаки мнѣ въ домъ обратиться?
Или прямою дорогою въ вашъ домъ войти къ Пенелопѣ?
Ѳеоклименъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Въ прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы въ домъ свой
Я пригласилъ: мы тебя угостили бъ какъ должно; теперь же
Худо тамъ будетъ тебѣ безъ меня; ты увидѣть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихамъ не желая
Часто являться, сидитъ на верху за тканьемъ одиноко;
Но одного я изъ нихъ назову, онъ доступнѣе прочихъ:
То Эвримахъ благородный, Полибія умнаго сынъ; на него же
Смотритъ въ Итакѣ народъ, какъ на бога, съ почтеньемъ великимъ.
Онъ безъ сомнѣнія лучшій межъ ними; усерднѣй другихъ онъ
Съ матерью брака, чтобъ мѣсто занять Одиссеево, ищетъ;
Но лишь единый въ эѳирѣ живущій Зевесъ Олимпіецъ
Вѣдаетъ, что̀ имъ судьбой предназначено—бракъ иль погибель?
Кончилъ; и въ это мгновеніе справа поднялся огромный
Соколъ, посо̀лъ Аполлоновъ, съ пронзительнымъ крикомъ; въ когтяхъ онъ
Дикаго голубя мчалъ и ощипывалъ; перья упали
Между Лаэртовымъ внукомъ и судномъ его быстроходнымъ.

Ѳеоклименъ, то увидя, отвелъ отъ другихъ Телемака,
За руку взялъ, и по имени назвалъ, и шопотомъ молвилъ:
Знай, Телемакъ, не безъ воли Зевеса поднялся тотъ соколъ
Справа; я вѣщую птицу, его разсмотрѣвъ, угадалъ въ немъ.
Царственнѣй вашего царскаго рода не можетъ въ Итакѣ
Быть никакой; навсегда вамъ владычество тамъ сохранится.
Ѳеоклимену отвѣтствовалъ сынъ Одиссеевъ разумный:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами осыпанъ
Такъ изобильно, что каждый, съ кѣмъ встрѣтишься, счастью такому
Будетъ дивиться. Потомъ онъ сказалъ, обратяся къ Пирею:
Клитіевъ сынъ, благородный Пирей, изъ товарищей, въ Пилосъ
Вмѣстѣ со мною ходившихъ, ты самый ко мнѣ былъ усердный;
Будь же таковъ и теперь, пригласи моего чужеземца
Въ домъ свой и пусть тамъ живетъ онъ, покуда я самъ не приду къ вамъ.
Выслушавъ, такъ отвѣчалъ Телемаку Пирей копьевержецъ:

Сдѣлаю все, и сколь долго бы въ домѣ моемъ онъ ни прожилъ,
Буду его угощать и ни въ чемъ онъ отказа не встрѣтитъ.
Кончилъ Пирей, и, вступивъ на корабль, приказалъ, чтобъ немедля
Люди взошли на него и причальный канатъ отвязали.
Люди, взошедъ на корабль, помѣстились на лавкахъ у веселъ.
Тутъ, въ золотыя сандаліи сынъ Одиссевъ обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное мѣдью,
Съ палубы взялъ; а гребцы отвязали канатъ и на веслахъ
Къ городу поплыли, судно отчаливъ, какъ то имъ повелѣлъ
Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ, Телемакъ благородный.
Сынъ Одиссеевъ тѣмъ временемъ шелъ и пришелъ напослѣдокъ
Къ дому, гдѣ множество было въ закутахъ свиней и гдѣ съ ними,
Сторожъ ихъ спалъ, свинопасъ, Одиссеевъ слуга неизмѣнный.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать седьмой день.

Телемакъ приходитъ въ жилище Евмея, который принимаетъ его съ несказанною радостію. Онъ посылаетъ Эвмея въ городъ возвѣстить Пенелопѣ о возвращеніи сына. Одиссей, повинуясь Аѳинѣ, открывается Телемаку; они обдумываютъ вмѣстѣ, какъ умертвить жениховъ. Сіи послѣдніи тѣмъ временемъ, подстрекаемые Антиноемъ, составляютъ заговоръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа, свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антиною: Эвримахъ лицемѣрно старается ее успокоить. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано
Вставъ и огонь разложивъ, приготовили завтракъ. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. Къ Телемаку
Бросились дружно на встрѣчу Эвмеевы злыя собаки;
Ластясь къ идущему, прыгали дикіе звѣри; услышавъ
Топотъ двухъ ногъ, подходящихъ поспѣшно, Лаэртовъ разумный
Сынъ, изумившійся, бросилъ крылатое слово Эвмею:
Слышишь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идетъ, твой товарищъ
Или знакомецъ; собаки на встрѣчу бѣгутъ и, не лая,
Машутъ хвостами; шаги подходящаго явственно слышу.

Словъ онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ увидѣлъ,
Сынъ; въ изумленьи вскочилъ свинопасъ; уронилъ изъ обѣихъ
Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смѣшивалъ воду
Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину на встрѣчу
Бросясь, онъ голову, свѣтлыя очи и милыя руки
Сталъ у него цѣловать, и изъ глазъ полилися ручьями
Слезы; какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ
Сына, который незапно явился ему черезъ двадцать
Лѣтъ по разлукѣ—единственный, поздно рожденный имъ, долго
Жданный въ печали—съ такой свинопасъ Телемака любовью,
Крѣпко обнявши, всего цѣловалъ, какъ воскресшаго; плача
Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово:
Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я,
Въ Пилосъ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.
Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ
Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой; донынѣ

Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; но болѣ
Въ городѣ жилъ межъ народа: знать было тебѣ не противно
Видѣть, какъ въ домѣ твоемъ безъ стыда женихи бунтовали.
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я
Здѣсь: повидаться пришелъ я съ тобою, Эвмей, чтобъ провѣдать
Дома ль еще Пенелопа, иль бракомъ уже сочеталась?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.
Такъ говоря, у него онъ копье мѣдноострое принялъ;
Въ домъ тутъ вступилъ Телемакъ, черезъ гладкій порогъ перешедши.
Съ мѣста поспѣшно вскочилъ передъ нимъ Одиссей; Телемакъ же,
Мѣсто отрекшись принять, Одиссею сказалъ: не трудися,
Странникъ, сиди; для меня ужъ конечно найдется мѣстечко

Здѣсь; мнѣ очистить его не замедлитъ нашъ умный хозяинъ.
Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился на мѣсто; Эвмей же
Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и покрылъ ихъ овчиной;
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сѣлъ на нее; деревянный
Съ мясомъ, отъ прошлаго дня сбереженнымъ, подносъ передъ милымъ
Гостемъ поставилъ усердный Эвмей свинопасъ, и корзину
Съ хлѣбомъ большую принесъ и наполнилъ до самаго края
Вкусномедвянымъ виномъ деревянную чашу. Потомъ онъ
Сѣлъ за готовый обѣдъ съ Одиссеемъ божественнымъ рядомъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ богоравный: отецъ мой,
Кто чужеземный твой гость? На какомъ кораблѣ онъ въ Итаку
Прибылъ? Какіе его привезли корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ онъ.
Такъ отвѣчалъ Телемаку Эвмей, свинопасъ богоравный:

Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Онъ уроженецъ широкоравниннаго острова Крита,
Многихъ людей города, говоритъ, посѣтилъ и немало
Странствовалъ: такъ для него ужъ судьбиною соткано было.
Нынѣ жъ, бѣжавъ съ корабля отъ Ѳеспротовъ, людей злоковарныхъ,
Въ хижину нашу пришелъ онъ; тебѣ я его уступаю;
Дѣлай, что хочешь: твоей онъ защитѣ себя повѣряетъ.
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказалъ мнѣ;
Какъ же могу я въ свой домъ пригласить твоего чужеземца?
Я еще молодъ; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду;
Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не знаетъ, что выбрать,
Вмѣстѣ ль со мною остаться и домъ содержать нашъ въ порядкѣ,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконецъ предпочесть изъ Ахейцевъ того, кто усерднѣй

Ищетъ супружества съ ней и дары ей щедрѣе приноситъ;
Но чужеземцу, котораго гостемъ ты принялъ, охотно
Мантію я подарю и красивый хитонъ и подошвы
Ноги обуть; да и мечъ отъ меня онъ получитъ двуострый;
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю;
Пусть онъ покуда живетъ у тебя, угощаемый съ лаской;
Платье жъ сюда я немедля пришлю и съ запасомъ для вашей
Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и домашнихъ.
Въ городъ ходить къ женихамъ я ему не совѣтую; слишкомъ
Буйны они и въ поступкахъ своихъ необузданно дерзки;
Могутъ обидѣть его, для меня бы то было прискорбно;
Самъ же я ихъ укротить не могу: противъ многихъ и самый
Сильный безсиленъ, когда онъ одинъ; ихъ число тамъ велико.
Царь Одиссей хитроумный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
Если позволишь ты мнѣ, мой прекрасный, сказать откровенно —
Милымъ я сердцемъ жестоко досадую, слыша, какъ много

Вамъ женихи беззаконные здѣсь оскорбленій наносятъ,
Домъ захвативши такого, какъ ты, молодаго героя;
Знать бы желалъ я, ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый, при общемъ великомъ раздорѣ?
Если бъ имѣлъ я и свѣжую младость твою и отважность —
Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, иль самъ онъ,
Странствуя, въ домъ возвратился (еще не пропала надежда) —
Первому втрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь я позволилъ,
Если бы, имъ на погибель, одинъ не рѣшился проникнуть
Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобъ выгнать оттуда
Шайку ихъ. Если бъ одинъ я съ толпой и не сладилъ, то все же,
Было бы лучше мнѣ, въ домѣ моемъ пораженному, встрѣтить
Смерть, чѣмъ свидѣтелемъ быть тамъ безчинныхъ поступковъ и видѣть,
Какъ въ немъ они обижаютъ гостей, какъ рабынь истезаютъ,

Какъ расточаютъ и хлѣбъ и вино, безпощадно запасы
Всѣ истребляя, и главнаго дѣла окончить не мысля.
Добрый нашъ гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ;
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Нѣтъ! ни мятежный народъ не враждуетъ со мною, ни братьевъ
Также моихъ не могу я винить, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый при общемъ раздорѣ, понеже
Въ каждомъ колѣнѣ у насъ, какъ извѣстно, всегда лишь одинъ былъ
Сынъ; одного лишь Лаэрта имѣлъ прародитель Аркезій;
Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей равномѣрно
Прижилъ меня одного съ Пенелопой. И былъ я младенцемъ
Здѣсь имъ оставленъ, а домъ нашъ заграбили хищные люди.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинѳа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;

Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.
Но, конечно, того мы не знаемъ, то въ лонѣ безсмертныхъ
Скрыто. Теперь побѣги ты, Эвмей, къ Пенелопѣ разумной
Съ вѣстью о томъ, что изъ Пилоса я невредимъ возвратился.
Самъ же останусь я здѣсь у тебя; приходи къ намъ скорѣе.
Но берегись, чтобъ никто не провѣдалъ, опричь Пенелопы,
Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію мнѣ угрожаютъ.
Такъ Телемаку сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно; и все, что велишь ты,
Будетъ исполнено; ты же еще мнѣ скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтобъ съ вѣстью пошелъ я и къ дѣду Лаэрту?
Бѣдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хотя и скорбѣлъ о далекомъ
Сынѣ, но все наблюдалъ за работами въ полѣ и, голодъ
Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пилъ, какъ бывало, съ рабами.

Съ той же поры, какъ пошелъ въ кораблѣ чернобокомъ ты въ Пилосъ,
Онъ, говорятъ, ужъ не ѣстъ и не пьетъ. никогда ужъ
Въ полѣ никто не встрѣчаетъ, но, охая тяжко и плача,
Дома сидитъ онъ, изчахлый, чуть дышущій, кожа да кости.
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Жаль! но его, какъ ни горько мнѣ это, оставить должны мы;
Если бы все по желанію смертныхъ, судьбинѣ подвластныхъ,
Дѣлалось, я пожелалъ бы, чтобъ прибылъ отецъ мой въ Итаку.
Ты же, увидѣвши мать, возвратись, заходить не заботясь
Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь сказать, чтобъ немедля,
Тайно отъ всѣхъ, и чужихъ и домашнихъ, отправила къ дѣду
Ключницу нашу обрадовать вѣстью нежданною старца.
Кончивъ, велѣлъ онъ итти свинопасу. Взявъ въ руки подошвы,
Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ городъ пошелъ. Отъ Аѳины
Не было скрыто, что домъ свой Эвмей, удаляся, покинулъ;
Тотчасъ явилась богиня, младою, прекрасною, съ станомъ

Стройно-высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ, искусною дѣвой;
Въ двери вступивъ, Одиссею предстала она; Телемаку жъ
Видѣть себя не дала, онъ ея не примѣтилъ: не всѣмъ намъ
Боги открыто являются; но Одиссей могъ очами
Ясно увидѣть ее, и собаки увидѣли также:
Лаять не смѣя, онѣ, завизжавъ, со двора побѣжали.
Знакъ головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышелъ изъ хижины; подлѣ высокой заграды богиню
Встрѣтилъ онъ; слово къ нему обращая, сказала Аѳина:
Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все разсказать Телемаку;
Оба, условяся, какъ женихамъ приготовить ихъ гибель,
Вмѣстѣ подите немедля вы въ городъ; сама я за вами
Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совокупно.
Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею:
Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись

Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался станомъ, моложе
Свѣтлымъ лицемъ, посмуглѣвшія щеки стали полнѣе;
Черной густой бородою покрылся его подбородокъ.
Собственный образъ ему возвративши, богиня изчезла.
Въ хижину снова вступилъ Одиссей; Телемакъ, изумленный,
Очи потупилъ: онъ мыслилъ, что видитъ безсмертнаго бога.
Въ страхѣ къ отцу обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
Странникъ, не въ прежнемъ теперь предо мной ты являешься видѣ;
Платье не то на тебѣ, и совсѣмъ измѣнился твой образъ;
Вѣрно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредѣльнаго неба;
Будь же къ намъ благостенъ; золота много тебѣ принесемъ мы
Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ, могучій, помилуй.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Нѣтъ, я не богъ; какъ дерзнулъ ты безсмертнымъ меня уподобить?
Я Одиссей, твой отецъ, за котораго съ тяжкимъ вздыханьемъ
Столько обидъ ты терпѣлъ, притѣснителямъ злымъ уступая.

Телемакъ. Одиссей. Афина.

Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею.

Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ цѣловать, и съ рѣсницы
Пала на землю слеза — удержать онъ ее былъ не въ силахъ.
Но (что предъ нимъ былъ желанный отецъ Одиссей не повѣря)
Снова, ему возражая, сказалъ Телемакъ богоравный:
Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ, своимъ чародѣйствомъ
Очи мои ослѣпившій, чтобъ послѣ я горестнѣй плакалъ;
Смертному мужу подобныхъ чудесъ совершать невозможно
Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь богъ превращать во мгновенье
Волей своей старика въ молодаго и юношу въ старца;
Былъ ты съ начала старикъ, неопрятно одѣтый; теперь же
Вижу, что свой ты богамъ безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, возвращеннаго въ домъ свой;
Такъ же и бывшему чуду со мною не слишкомъ дивися;
Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей, говорю я, не будетъ
Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ странствіяхъ много, и нынѣ

Волей боговъ приведеннаго въ землю отцевъ черезъ двадцать
Лѣтъ. А мое превращеніе было богини Аѳины,
Мощной добычницы дѣло; возможно ей все; превращенъ былъ
Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ въ молодаго,
Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье на тѣлѣ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, легко насъ
Смертныхъ людей надѣлять и красой и лицемъ безобразнымъ.
Такъ онъ отвѣтствовавъ, сѣлъ; Телемакъ въ несказанномъ волненьи
Пламенно обнялъ отца благороднаго съ громкимъ рыданьемъ.
Въ сердце тогда имъ обоимъ проникло желаніе плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; какъ стонетъ
Соколъ иль крутокогтистый орелъ, у которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ роднаго гнѣзда ихъ,
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко: и въ плачѣ могло бъ ихъ застать заходящее солнце,
Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ, обратясь къ Одиссею:

Какъ же, отецъ, на какомъ кораблѣ ты, какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Все я, мой сынъ, разскажу, ничего отъ тебя не скрывая;
Славные гости морей, Феакійцы, меня привезли къ вамъ;
Всѣхъ, кто ихъ помощи проситъ, они по морямъ провожаютъ.
Спалъ я, когда мы достигли Итаки, и сонный былъ ими
На берегъ вынесенъ (щедро меня, отпуская въ дорогу,
Золотомъ, мѣдью и платьемъ богатымъ они бдарили:
Все то по волѣ безсмертныхъ здѣсь спрятано въ гротѣ глубокомъ).
Присланъ сюда богиней я Аѳиной затѣмъ, чтобъ съ тобою
Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на свободѣ устроить.
Ты же теперь назови жениховъ и число ихъ скажи мнѣ;
Должно, чтобъ вѣдалъ я, кто и откуда они, и какъ много
Тамъ ихъ, дабы, все подробно обдумавъ разсудкомъ и сердцемъ,

Мы разрѣшили, возможно ль двоимъ, никого не призвавши
Въ помощь, ихъ всѣхъ одолѣть, иль другіе помощники нужны?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ благородный:
Слышалъ я много, отецъ, о дѣяньяхъ твоихъ многославныхъ;
Какъ ты разуменъ въ совѣтѣ, какой копьевержецъ могучій—
Но о несбыточномъ мнѣ ты теперь говоришь; невозможно
Двумъ намъ со всею толпой жениховъ многосильныхъ бороться.
Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не десять, не двадцать; гораздо
Болѣе; всѣхъ перечесть ихъ тебѣ я могу по порядку;
Слушай: пришло ихъ съ Дулихія острова къ намъ пятьдесятъ два,
Знатны всѣ родомъ они, шесть служителей съ ними; съ Закинѳа
Острова прибыло двадцать; а съ темнолѣсистаго Зама
Двадцать четыре: всѣ знатныхъ отцевъ сыновья; напослѣдокъ
Къ нимъ мы и двадцать должны изъ Итаки причесть, при которыхъ
Фемій, пѣвецъ богоравный, глашатай Медонъ, и проворныхъ
Двое рабовъ, соблюдать за обѣдомъ порядокъ искусныхъ.

Если съ такою толпою бороться одни мы замыслимъ,
Будетъ намъ мщеніе горько, возвратъ твой погибеленъ будетъ;
Лучше подумай о томъ, не найдется ль помощникъ, который
Могъ бы за насъ постоять, благосклонно подавши намъ руку?
Сыну отвѣтствуя, такъ возразилъ Одиссей хитроумный:
Выслушай то, что скажу, и въ умѣ сохрани, что услышишь:
Если бъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда бъ мы пріискивать новыхъ?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ богоравный:
Подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко
Правда они въ облакахъ обитаютъ; но оба не намъ лишь
Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ страшны.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Оба они не остану долго отъ насъ въ отдаленьи
Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами, въ жилищѣ
Царскомъ, послѣдній Ареевъ разсчетъ смертоносный начнется.

Завтра поутру, лишь только подымется Эосъ, ты въ городъ
Прямо пойдешь; тамъ останься въ толпѣ жениховъ многобуйныхъ.
Позже туда я приду съ свинопасомъ Эвмеемъ подъ видомъ
Стараго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ. Когда тамъ ругаться
Станутъ они надо мною въ жилищѣ моемъ, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что̀ бъ ни терпѣлъ я, хотя бы
За ногу вытащенъ былъ изъ палаты и выброшенъ въ двери,
Или хотя бы въ меня чѣмъ швырнули—ты будь равнодушенъ.
Можешь конечно сказать иногда (чтобъ унять ихъ буянство)
Кроткое слово; тебя не послушаютъ; будетъ напрасно
Все: предназначенный день ихъ погибели близко; терпѣнье!
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Я, въ ту минуту, когда свой совѣтъ мнѣ на сердце положитъ
Втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну; то замѣтя,
Всѣ изъ палаты, какіе ни есть тамъ, доспѣхи Арея
Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ кучею въ уголъ сложивши;

Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ тамъ бывшихъ оружій,
Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою, покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти дымной покрылись.
Мнѣ же и высшую въ сердце влагаетъ Зевесъ осторожность:
Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится:
Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.
Намъ же двоимъ два копья, два меча ты отложишь и съ ними
Два изъ воловьей кожи щита приготовишь, чтобъ въ руки
Взять ихъ, когда нападенье начнемъ; женихамъ же конечно
Умъ ослѣпятъ всемогущій Зевесъ и Аѳина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Если ты въ правду мой сынъ и отъ крови моей происходишь,
Тайну храни, чтобъ никто о моемъ возвращеньи не свѣдалъ

Здѣсь, ни Лаэртъ мой отецъ, ни Эвмей свинопасъ, ни служитель
Царскаго дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое —
Ты лишь да я—наблюдать за рабынями нашими будемъ;
Также и многихъ рабовъ испытанью подвергнемъ, чтобъ свѣдать,
Кто между ими тебя и меня уважаетъ и любитъ,
Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя, столь достойнаго чести.
Такъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемакъ многославный:
Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ
Дѣлѣ узнаешь; и духъ мой не слабымъ найдешь ты конечно.
Думаю только, что опыту всѣхъ подвергать безполезно
Будетъ для насъ; я объ этомъ тебя убѣждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всѣхъ ихъ,
Каждаго порознь, начнемъ мы тогда, какъ враги беззаботно
Будутъ твой домъ разорять и твое достояніе грабить.
Но я желаю и самъ, чтобъ, подвергнувши опыту женщинъ,
Могъ отличить ты порочныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ; рабовъ же

Трудно испытывать всѣхъ, одного за другимъ, на работѣ
Порознь живущихъ; то сдѣлаешь послѣ въ досужное время,
Если ужъ подлинно знакъ былъ тебѣ отъ владыки Зевеса.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой крѣпкозданный корабль, Телемака носившій
Въ Пилосъ съ дружиной, приблизился къ брегу Итаки. Когда же
Въ пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берегъ вздвинуть они поспѣшили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсѣмъ разгрузивши,
Въ Клитіевъ домъ отнесли всѣ подарки царя Менелая.
Въ царскій же домъ Одиссеевъ былъ вѣстникъ пловцами немедля
Посланъ сказать Пенелопѣ разумной, что сынъ, возвратяся,
Въ поле пошелъ, кораблю же прямою дорогою въ городъ
Плыть повелѣлъ (чтобъ, о сынѣ отсутственномъ въ сердцѣ тревожась,
Плакать напрасно о немъ перестала царица). Тотъ вѣстникъ
Встрѣтился, путь свой окончить спѣша, съ свинопасомъ, который

Съ вѣстью подобной къ своей госпожѣ Телемакомъ былъ посланъ.
Къ дому царя многославнаго оба пришли напослѣдокъ.
Вслухъ передъ всѣми рабынями вѣстникъ сказалъ Пенелопѣ:
Прибылъ обратно въ Итаку возлюбленный сынъ твой, царица.
Но свинопасъ подошелъ къ Пенелопѣ и на ухо все ей,
Что Телемакъ повелѣлъ разсказать, прошепталъ осторожно.
Кончивъ разсказъ и исполнивъ свое порученіе, царскій
Домъ онъ оставилъ и въ поле къ свиньямъ возвратился поспѣшно.
Но женихи, пораженные, духомъ уныли; покинувъ
Залу, они у ограды высокаго царскаго дома,
Рядомъ, на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ, за воротами сѣли.
Такъ говорить имъ тогда Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло отправясь
Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали.
Должно намъ, черный, удобнѣйшій къ бѣгу корабль изготовивъ,
Въ немъ мореходныхъ отправить людей, чтобъ они убѣдили

Нашихъ товарищей въ городъ какъ можно скорѣй возвратиться.
Кончить еще не успѣлъ онъ, какъ, съ мѣста на пристань взглянувши,
Только что къ брегу приставшій корабль Анфиномъ усмотрѣлъ тамъ;
Снасти и весла на немъ убирали пловцы. Обратяся
Съ радостнымъ смѣхомъ къ товарищамъ, такъ онъ сказалъ: не трудитесь
Вѣсти своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно ихъ богъ надоумилъ какой, иль увидѣли сами
Быстро бѣгущій корабль, и настигнуть его не успѣли.
Такъ онъ сказалъ; тѣ поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берегъ скоро былъ вздвинутъ корабль чернобокій пловцами,
Бодрые слуги немедля сгрузили съ него всю поклажу;
Сами жъ на площади всѣ женихи собрались; но съ собою
Тамъ никому засѣдать не дозволили. Такъ напослѣдокъ,
Къ нимъ обратясь, Алкиной, сынъ Эвпейтовъ надменный, сказалъ имъ:
Горе! безсмертные сами его отъ бѣды сохранили!
Каждый тамъ день сторожа на лобзаемыхъ вѣтромъ вершинахъ

Другъ подлѣ друга толпою сидѣли; когда жъ заходило
Солнце, мы, берегъ покинувъ, всю ночь въ кораблѣ быстроходномъ
По морю плавали взадъ и впередъ до восхода денницы,
Тщетно надѣясь, что встрѣтимъ его и немедля погубимъ.
Демонъ тѣмъ временемъ въ пристань его проводилъ невредимо.
Мы же надъ нимъ совершить, что̀ замыслили вмѣстѣ, удобно
Можемъ и здѣсь; онъ отъ насъ не уйдетъ; но до тѣхъ поръ, покуда
Живъ онъ, исполнить намѣренье наше мы будемъ не въ силахъ;
Онъ возмужалъ и разсудкомъ созрѣлъ для совѣта и дѣла;
Люди жъ Итаки не съ прежней на насъ благосклонностью смотрятъ.
Должно намъ прежде — пока онъ народа не созвалъ на помощь —
Кончить, понеже онъ медлить, какъ я въ томъ увѣренъ, не станетъ.
Злобой на насъ разразившись, при цѣломъ народѣ онъ скажетъ,
Какъ мы его погубить сговорились и въ томъ не успѣли;
Тайнаго нашего замысла вѣрно народъ не одобритъ;
Могутъ, озлобясь на наши поступки, и насъ изъ отчизны

Выгнать, и всѣ мы тогда по чужимъ сторонамъ разбредемся.
Можемъ напасть на него мы далеко отъ города въ полѣ,
Можемъ близъ города выждать его на дорогѣ; тогда намъ
Все раздѣлить ихъ придется имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.
Если же вамъ не угоденъ совѣтъ мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцовскимъ владѣлъ достояньемъ—
То пировать намъ по-прежнему, въ домѣ его собираясь,
Будетъ нельзя, и ужъ каждый особо, въ свой домъ возвратяся,
Свататься станетъ, подарки свои присылая; она же
Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.
Такъ говорилъ онъ; сидя неподвижно, внимали другіе.
Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
Низовъ блистательный сынъ отъ Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихій, пшеницей богатый, покинувъ, въ Итакѣ
Онъ отличался отъ всѣхъ жениховъ и самой Пенелопѣ

Нравился умною рѣчью, благими лишь мыслями полный.
Такъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный:
Нѣтъ! посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;
Царскаго сына убійство есть страшно-безбожное дѣло;
Прежде боговъ вопросите, чтобъ свѣдать, какая ихъ воля;
Если Зевесомъ одобрено будетъ намѣренье наше,
Самъ соглашусь я его поразить и другихъ на убійство
Вызову; если жъ Зевесъ запретитъ, мой совѣтъ: воздержитесь.
Такъ онъ сказалъ, подтвердили его предложенье другіе.
Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссея;
Въ домъ же вступивъ, тамъ на стульяхъ они помѣстилися гладкихъ.
Но Пенелопа разумная, дѣло иное придумавъ,
Вышла къ своимъ женихамъ многобуйнымъ изъ женскихъ покоевъ;
Слухъ къ ней достигнулъ о замыслѣ тайномъ на жизнь Телемака:
Все благородный глашатай Медонъ ей открылъ; и, поспѣшно,
Взявши съ собой двухъ служанокъ, она, божество межъ женами,

Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.
Рѣчь къ Антиною свою обративъ, Пенелопа сказала:
Злой кознодѣй, Антиной необузданный, словомъ и дѣломъ
Ты изъ товарищей самый разумнѣйшій—такъ здѣсь въ Итакѣ
Всѣ утверждаютъ. Но гдѣ же и въ чемъ твой прославленный разумъ?
Бѣшеный! что побуждаетъ тебя Телемаку готовить
Смерть и погибель? Зачѣмъ ты сиротъ притѣсняешь, любезныхъ
Зевсу? Неправъ человѣкъ, замышляющій ближнему злое.
Иль ты забылъ, какъ отецъ твой сюда прибѣжалъ, устрашенный
Гнѣвомъ народа, которымъ гонимъ былъ за то, что, приставши
Къ шайкѣ Тафійскихъ разбойниковъ, съ ними ограбилъ Ѳеспротовъ,
Нашихъ союзниковъ вѣрныхъ? Его здѣсь народъ порывался
Смерти предать и готовъ у него былъ изторгнуть изъ груди
Сердце, и все, что имѣлъ онъ въ Итакѣ, предать истребленью;

Но Одиссей, за него заступившись, народъ успокоилъ;
Ты жъ Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своимъ сватовствомъ, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! говорю и тебѣ и другимъ въ осторожность.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
О многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачѣмъ ты такой предаешься тревогѣ?
Не было, нѣтъ и не будетъ изъ насъ никого, кто бъ помыслилъ
Руку поднять на убійство любимца боговъ Телемака.
Нѣтъ! и покуда я живъ и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль—скажу передъ всѣми, и вѣрно
Сбудется слово мое — обольется убійца своею
Кровью, моимъ пораженный копьемъ; Одиссей, не забылъ я,
Бралъ здѣсь нерѣдко меня на колѣни и мяса куски мнѣ
Клалъ на ладонь и вина благовоннаго выпить давалъ мнѣ.
Вотъ почему и всѣхъ болѣ людей я люблю Телемака.

Нѣтъ! никогда онъ убійства не долженъ страшиться, по крайней
Мѣрѣ отъ насъ жениховъ. Но судьбы избѣжать невозможно.
Такъ говорилъ онъ, ее утѣшая, а мыслилъ иное.
Но Пенелопа, къ себѣ возвратяся, тамъ въ свѣтлыхъ покояхъ
Плакала горько о миломъ своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Смерклось, когда къ Одиссею и къ сыну его возвратился
Старый Эвмей. Онъ нашелъ ихъ, готовящихъ ужинъ, зарѣзавъ
Взятую въ стадѣ свинью годовалую. Прежде однако,
Тайно пришедъ, Одиссея богиня Аѳина ударомъ
Трости своей превратила по-прежнему въ хилаго старца,
Рубищемъ жалкимъ одѣвши его, чтобъ Эвмей благородный
Съ перваго взгляда его не узналъ и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился въ городъ обрадовать вѣстью царицу.
Встрѣтивъ его на порогѣ, сказалъ Телемакъ: наконецъ ты,
Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видѣлъ? что слышалъ?

Въ городъ обратно пришли ль наконецъ женихи изъ засады?
Или еще тамъ сидятъ и меня стерегутъ на дорогѣ?
Такъ, отвѣчая, сказалъ Телемаку Эвмей благородный:
Свѣдать о нихъ и распрашивать мнѣ не входило и въ мысли;
Въ городѣ я объ одномъ лишь заботился: какъ бы скорѣе
Данное мнѣ порученье исполнить и къ вамъ возвратиться.
Шедши жъ туда, я съ гонцемъ, отъ ходившихъ съ тобой мореходцевъ
Посланнымъ, встрѣтился—первый онъ все объявилъ Пенелопѣ;
Только одно разскажу я, что видѣлъ своими глазами:
Къ городу близко уже, на вершинѣ Эрмейскаго холма
Былъ я, когда быстролетный, въ глубокую нашу входящій
Пристань, корабль усмотрѣлъ; я примѣтилъ, что было въ немъ много
Ратныхъ; щитами, двуострыми копьями ярко блисталъ онъ;
Это они, я подумалъ: но правда ли? Знать мнѣ не можно.
Такъ онъ сказалъ. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно Эвмею.

Кончивъ работу и пищу состряпавъ, они съ свинопасомъ
Сѣли за столъ, и порадовалъ душу имъ ужинъ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдою, о ложѣ
Каждый подумалъ; и сна благодать ниспослали имъ боги.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать-осьмой день.

Телемакъ уходитъ въ городъ, повелѣвъ Эвмею проводить туда и своего гостя. Встрѣченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ идетъ на площадь и приводитъ оттуда съ собою Ѳеоклимена. Пенелопа распрашиваетъ его о томъ, что съ нимъ было во время путешествія; Ѳеоклименъ пророчествуетъ ей возвращеніе Одиссея. Тѣмъ временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ; дорогою встрѣчаютъ они Мелантія, который ихъ обоихъ оскорбляетъ. Пришедъ къ своему дому, Одиссей видитъ на дворѣ свою старую собаку, которая, узнавши его, умираетъ. Онъ входитъ въ пировую палату, проситъ милостыни у жениховъ; Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопа зоветъ его къ себѣ, желая распросить объ Одиссеѣ; онъ обѣщается притти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ, Телемакъ благородный,
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавъ золотыя сандаліи, въ руку
Взялъ боевое копье, заощренное мѣдью, которымъ
Ловко владѣлъ, и, готовый въ дорогу, сказалъ свинопасу:
Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утѣшить свиданьемъ со мною
Милую мать: безъ сомнѣнья, дотолѣ крушиться и горько
Плакать она безутѣшная будетъ, пока не увидитъ
Сына своими глазами; тебѣ же, Эвмей, поручаю
Этого странника; въ городъ поди съ нимъ, дабы подаяньемъ
Могъ онъ себя прокормить; тамъ подастъ, кто захочетъ,
Хлѣба ему иль вина. Мнѣ нельзя на свое попеченье

Всякаго нищаго брать; и своихъ ужъ заботъ мнѣ довольно;
Если же этимъ обидится твой чужеземецъ, тѣмъ хуже
Будетъ ему самому; я люблю говорить откровенно.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Здѣсь неохотно и самъ бы я, другъ, согласился остаться;
Нашему брату обѣдъ добывать подаяніемъ легче
Въ городѣ, нежели въ полѣ: тамъ каждый даетъ, что захочетъ.
Мнѣ жъ не по лѣтамъ смотрѣть за скотиной и всякую службу
Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пастухамъ повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводитъ хозяинъ, когда я
Здѣсь у огня посогрѣюсь, когда на дворѣ потеплѣетъ;
Въ рубищѣ этомъ мнѣ холодно; тѣло насквозь проницаетъ
Утренникъ рѣзкій; до города жъ, вы говорите, не близко.
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Телемакъ благородный поспѣшнымъ
Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ мысляхъ готовилъ
Онъ женихамъ. Наконецъ онъ пришелъ безпрепятственно въ домъ свой.

Тамъ, боевое копье прислонивши къ высокой колоннѣ,
Онъ черезъ каменный двери порогъ перешелъ и увидѣлъ
Первую въ домѣ усердную няню свою Эвриклею:
Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потокомъ
Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Всѣ собрались Одиссеева дома рабыни; и съ плачемъ
Голову, плечи и руки онѣ у него лобызали.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицемъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой
Сходная; сына она обняла, и съ любовію нѣжной
Свѣтлыя очи и руки и голову стала, рыдая
Громко, ему цѣловать и крылатое бросила слово:
Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился? Тебя я
Видѣть уже не надѣялась болѣ, отплывшаго въ Пилосъ
Тайно, со мной не простясь, чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ.
Все разскажи мнѣ теперь по порядку, что видѣлъ, что слышалъ.

Ласково ей отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, не печаль мнѣ души, и тревоги напрасной
Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно отъ гибели вѣрной;
Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ молитвой
Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу безсмертнымъ,
Если враговъ наказать намъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать чужеземца, который
Нынѣ со мною, когда возвращался я, прибылъ въ Итаку:
Вмѣстѣ съ моими людьми онъ сюда напередъ былъ отправленъ;
Въ городъ его проводить поручилъ я Пирею, дабы онъ
Въ домѣ его подождалъ моего возвращенія съ поля.
Такъ говорилъ онъ и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вѣчнымъ богамъ обѣщала она принести экатомбу,
Если враговъ наказать имъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.

Тою порой Телемакъ изъ высокаго царскаго дома
Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки;
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина
Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя.
Всѣ вкругъ него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя недоброе въ сердцѣ.
Скоро, отъ ихъ многолюдной толпы отдѣлясь, подошелъ онъ
Къ мѣсту, гдѣ Менторъ сидѣлъ и при немъ Антифатъ съ Галиѳердомъ,
Въ сердцѣ своемъ сохранившіе вѣрность царю Одиссею.
Сѣвши близъ нихъ, о себѣ онъ имъ все разсказалъ, какъ случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержецъ, и Ѳеоклименъ съ нимъ
Вмѣстѣ пришелъ, погулявши по улицамъ города; не былъ
Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья; къ нему подошелъ онъ;
Первое слово сказалъ тутъ Пирей Одиссееву сыну:
Въ домъ мой пошли, Телемакъ благородный, невольницъ, чтобъ взяли
Тамъ всѣ подарки, которые ты получилъ отъ Атрида.

Такъ, отвѣчая Пирею, сказалъ Телемакъ богоравный:
Намъ неизвѣстно, мой вѣрный Пирей, чѣмъ окончится дѣло;
Если въ жилищѣ моемъ женихами надменными тайно
Буду убитъ я, они все имущество наше раздѣлятъ;
Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ тѣ подарки наслѣдствомъ
Были; но если на нихъ обратится губящая Кера —
Все мнѣ веселому, самъ веселящійся, въ домъ принесешь ты.
Кончивъ, повелъ за собою онъ многострадавшаго гостя
Въ домъ свой; и скоро туда безпрепятственно прибыли оба.
Тамъ, положивши на кресла и стулья свои всѣ одежды,
Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться. Когда же
Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба,
Вышедъ изъ гладкихъ купалень, они помѣстились на стульяхъ.
Тутъ принесла на лохани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,

Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищей они насладились.
Противъ же нихъ, невдали отъ двустворныхъ дверей, Пенелопа
Въ креслахъ за пряжей сидѣла и тонкія нити сучила.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдой, Пенелопа,
Старца Икарія дочь многоумная, сыну сказала:
Видно мнѣ лучше на верхъ мой уйти и лежать одиноко
Тамъ на постелѣ, печалью пересланной, горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ далекую Трою
Мстить за Атрида пошелъ Одиссей — ты, я вижу, не хочешь,
Прежде, чѣмъ здѣсь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мнѣ разсказать, что узналъ объ отцѣ: возвратится ль онъ, живъ ли?
Милая мать, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Слушай, я все разскажу, ничего отъ тебя не скрывая.

Прежде мы прибыли въ Пилосъ, гдѣ пастырь людей многославный
Несторъ меня въ благолѣпно-устроенномъ принялъ жилищѣ,
Принялъ такъ нѣжно, какъ сына отецъ принимаетъ, когда онъ
Въ домъ возвращается, долго напрасно имъ жданный; такъ Несторъ
Самъ и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но объ отцѣ ничего разсказать онъ не могъ мнѣ;
Живъ ли, скитается ль гдѣ на землѣ, иль погибъ ужъ, объ этомъ
Слуховъ къ нему не дошло. Къ Менелаю Атриду меня онъ,
Давъ мнѣ коней съ колесницею кованой, въ Спарту отправилъ.
Тамъ я увидѣлъ Елену Аргивскую, многихъ Ахеянъ,
Многихъ Троянъ погубившую, волей боговъ всемогущихъ.
Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, спросилъ, за какою
Нуждою прибылъ къ нему я въ божественный градъ Лакедемонъ?
Все разсказалъ я подробно ему, ничего не скрывая.
Такъ на мои мнѣ слова отвѣчалъ Менелай златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе

Сами, безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовище
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцевъ положила, сама же
Стала по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
Разомъ бы страшная участь птенцевъ безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лесбосѣ, обильно людьми населенномъ —
Гдѣ, съ силачемъ Филомиледомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость Ахейцамъ —
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно и мною обманутъ не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской проницательный старецъ,

То и тебѣ я открою, чтобъ могъ бы ты всю истину вѣдать.
Видѣлъ его на далекомъ онъ островѣ, льющаго слезы
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Вотъ что сказалъ мнѣ Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье.
Спарту покинувъ, я поплылъ назадъ, и послали попутный
Вѣтеръ намъ боги — въ отечество милое насъ проводилъ онъ.
Кончилъ разсказъ Телемакъ; взволновалась душа Пенелопы.
Ѳеоклименъ богоравный тогда ей сказалъ: не крушися,
Многоразумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Знаетъ не все онъ; теперь на мое обратися вниманьемъ
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вамъ навѣрно;
Самъ же Зевесомъ отцемъ, гостелюбною вашей трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся

Въ томъ, что въ отечествѣ миломъ уже Одиссей, что сокрытъ онъ
Гдѣ нибудь въ домѣ, иль ходитъ, незнаемый, все узнавая
Здѣсь, и бѣду женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовя.
Вѣщая птица, которую видѣлъ въ близи корабля я,
То мнѣ открыла, и все я тогда жъ объявилъ Телемаку.
Ѳеоклимену разумная такъ отвѣчала царица:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ
Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ шумныя игры.
Но когда отовсюду съ полей на обѣдъ имъ пригнали
Мелкій скотъ пастухи, приводившіе къ нимъ ежедневно
Козъ и барановъ, ихъ кликнулъ глашатай Медонъ; былъ любимецъ

Онъ жениховъ и вседневно къ столу ихъ его приглашали.
Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли довольно; войдите
Въ домъ, и начнемъ нашъ обѣдъ совокупною силой готовить:
Знаете сами, что во́время пища намъ вдвое вкуснѣе.
Такъ онъ сказалъ имъ. Они, покоряся его приглашенью,
Встали, и къ дому пошли всей толпою; когда же вступили
Въ домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
Жиромъ налитыхъ свиней убивать; былъ зарѣзанъ и тучный
Быкъ. И за стряпанье всѣ принялися они. Той порою
Въ городъ итти съ Одиссеемъ Эвмей собрался; и, готовый
Въ путь, онъ сказалъ наконецъ, обратяся къ Лаэртову сыну:
Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ ныньче жъ тебя проводилъ я
Въ городъ, какъ намъ повелѣлъ господинъ мой — сказать откровенно,
Лучше хотѣлъ бы я сторожемъ дома тебя здѣсь оставить;
Но приказа̀нья боюсь не исполнить; бранить господинъ мой

Будетъ за это меня; а господская брань непріятна.
Время однако итти намъ; ужъ болѣ прошло половины
Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ пронзителенъ будетъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно, и все, какъ желаешь,
Точно исполню; пойдемъ же, и будь ты моимъ провожатымъ.
Только сыщи мнѣ какой бы то ни было посохъ, чтобъ могъ я
Чѣмъ подпираться: дорога столь трудная — слышно — что шею
Можно сломить. Такъ сказавъ, на плеча онъ набросилъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ.
Далъ ему въ руки Эвмей суковатую палку; и оба
Вмѣстѣ пошли, пастуховъ и собакъ сторожами оставивъ
Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ своего господина
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напослѣдокъ

Къ городу близко они подошли. Находился тамъ свѣтлый
Ключъ; обложенъ былъ онъ камнемъ, и брали въ немъ граждане воду.
Въ старое время Итакъ, Неріонъ и Поликторъ прекрасный
Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ онъ рощею темныхъ
Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ студеной струею
Ключъ въ водоемъ со скалы, на вершинѣ которой воздвигнутъ
Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили тамъ путники жертву.
Тамъ козоводъ повстрѣчался имъ — сынъ Доліоновъ Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ онъ гналъ женихамъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей двое
Было. Увидя идущихъ, онъ началъ ругаться, и громко
Ихъ поносилъ, и разгнѣвалъ въ груди Одиссеевой сердце;
Подлинно здѣсь негодяй негодяя ведетъ — говорилъ онъ —
Права пословица: ровнаго съ ровнымъ безсмертные сводятъ.
Ты, свинопасъ безтолковый, куда путешествуешь съ этимъ
Нищимъ, столовъ обирателямъ, грязнымъ бродягой, который,

Стоя въ дверяхъ, неопрятныя плечи объ притолку чешетъ,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая въ подарокъ.
Могъ бы у насъ онъ, когда бы его къ намъ прислалъ ты, закуты
Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить;
Скоро бы онъ раздобрѣлъ, простоквашей у насъ обжираясь;
Это однако ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По міру, хлѣбомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно;
Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея — скамеекъ
Много изъ рукъ жениховъ на его полетитъ тамъ пустую
Голову; ребра, таская его, тамъ ему обломаютъ
Объ полъ; и, такъ говоря, Одиссея онъ, съ нимъ поравнявшись,
Пяткою въ ляшку толкнулъ, но съ дороги не сбилъ, не принудилъ
Даже шатнуться. И въ гнѣвѣ своемъ ужъ готовъ былъ Лаэртовъ
Сынъ, побѣжавши за нимъ, суковатою палкою душу

Выбить изъ тѣла его, иль, взорвавши на воздухъ, ударить
Оземь его головою. Но онъ удержался. Эвмей же
Началъ ругать оскорбителя; руки поднявъ, онъ воскликнулъ:
Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вамъ
Тукомъ обвитыя бедра козловъ и барановъ здѣсь въ жертву
Царь Одиссей приносилъ, не отриньте мольбы, возвратите
Намъ Одиссея; да благостный Демонъ его къ намъ проводитъ!
Выгналъ тогда бъ изъ тебя онъ надменныя мысли, забылъ бы
Ты, какъ шальной, по дорогамъ шататься и бѣгать безъ дѣла
Въ городъ, стада подъ надзоромъ неопытныхъ слугъ оставляя.
Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ свинопасу:
Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслилъ?
Дай срокъ, тебя какъ товаръ въ кораблѣ чернобокомъ отсюда
Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги;
Здѣсь же иль самъ Аполлонъ сребролукій сразитъ Телемака
Тихой стрѣлой, иль, мечемъ жениховъ пораженный, погибнетъ

Онъ, какъ отецъ, на чужбинѣ утратившій день возвращенья.
Такъ онъ сказалъ и ушелъ, на дорогѣ оставивъ обоихъ,
Медленнѣй шедшихъ; достигнувъ обители царской, онъ прямо
Тамъ въ пировую палату вступилъ и за столъ съ женихами
Сѣлъ Эвримаха напротивъ, къ которому былъ онъ усерднѣй,
Нежели къ прочимъ; ему предложилъ тутъ служитель мяснаго,
Ключница хлѣба дала и ѣды изъ запаса; онъ началъ
Ѣсть. Той порой Одиссей подошелъ съ свинопасомъ Эвмеемъ
Къ царскому дому; и вдругъ имъ оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потомъ раздалося и пѣніе; Фемій
Пѣлъ; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнулъ:
Другъ, мы конечно пришли къ Одиссееву славному дому.
Можетъ легко быть онъ узнанъ межъ всѣми другими домами:
Длинный рядъ горницъ просторныхъ, широкій и чисто мощенный
Дворъ, обведенный зубчатой стѣною, двойныя ворота
Съ крѣпкимъ замкомъ—въ нихъ ворваться насильно никто не помыслитъ.

Думаю я, что теперь тамъ обѣдаютъ; паръ благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащія струны
Цитры, богами въ сопутницы пиру веселому данной.
Такъ отвѣчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ богоравный:
Правда, и все ты, какъ есть, угадалъ; человѣкъ ты разумный;
Прежде однако должны мы размыслить о томъ, что намъ сдѣлать
Лучше: тебѣ ли во внутренность дома вступить и явиться
Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ, а мнѣ здѣсь остаться?
Или тебѣ на дворѣ подождать одному, а войти къ нимъ
Мнѣ? Ты однако не медли, чтобъ кто здѣсь съ тобой не подрался,
Или въ тебя не швырнулъ чѣмъ—я такъ говорю въ осторожность.
Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
Знаю, все знаю, и мысли твои мнѣ понятны войди ты
Прежде одинъ: я покуда останусь здѣсь; я довольно
Въ жизни тревожной ударовъ сносилъ; и швыряемо было
Многимъ въ меня; мнѣ терпѣть не учиться; не мало видалъ я

Бурь и сраженій; пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
Дію. Одинъ лишь не можетъ ничѣмъ побѣжденъ быть желудокъ,
Жадный, насильственный, множество бѣдъ приключающій смертнымъ
Людямъ: ему въ угожденье и крѣпкоребристые ходятъ
Моремъ пустымъ корабли, принося разоренье народамъ.
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
Аргусъ; она Одиссеева прежде была, и ее онъ
Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ, принужденный
Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ
Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили.
Нынѣ жъ забытый (его господинъ былъ далеко), онъ, бѣдный
Аргусъ, лежалъ у воротъ на навозѣ, который отъ многихъ
Муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ
Имъ Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Тамъ полумертвый лежалъ неподвижно покинутый Аргусъ.

Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіе радости уши;
Близко жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не былъ
Въ силахъ. И, вкось на него поглядѣвши, слезу, отъ Эвмея
Скрытно, обтеръ Одиссей, и потомъ онъ сказалъ свинопасу:
Странное дѣло, Эвмей; тамъ на кучѣ навозной собаку
Вижу; прекрасной породы она, но сказать не умѣю,
Сила и легкость ея на бѣгу таковы ль, какъ наружность?
Или она лишь такая, какихъ у господъ за столами
Часто мы видимъ: для роскоши держатъ ихъ знатные люди.
Такъ, отвѣчая, сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ, Одиссею:
Это собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссея;
Если бъ она и понынѣ была такова же, какою,
Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ мой
Дома оставилъ—ея быстротѣ и отважности вѣрно бъ
Ты подивился; въ лѣсу ни въ какомъ захолустьѣ укрыться

Одиссей.

Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносныя Меры.

Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было.
Нынѣ же бѣдная брошена; нѣтъ ужъ ея господина,
Въ чужѣ погибъ онъ; служанки жъ о ней и подумать лѣнятся;
Рабъ нерадивъ; не принудь господинъ повелѣніемъ строгимъ
Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:
Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ человѣку,
Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.
Кончилъ, и, въ двери свѣтло́-населеннаго дома вступивши,
Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ женихи пировали.
Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносныя Меры.
Прежде другихъ Телемакъ богоравный Эвмея, который,
Ходя кругомъ, озирался, увидѣлъ; ему головою
Подалъ онъ знакъ, чтобъ къ нему подошелъ; осмотрѣвшись, пустую
Взялъ онъ скамью, на которой всегда за столомъ раздаватель
Пищи сидѣлъ, чтобъ ее разсылать женихамъ по порядку.

Эту скамью пододвинувъ къ столу Телемакову, сѣлъ онъ
Противъ него; предложилъ тутъ, приблизившись съ блюдомъ, глашатай
Мяса варенаго часть имъ, и хлѣбъ, изъ корзины имъ взятый.
Вслѣдъ за Эвмеемъ явился и самъ Одиссей богоравный
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, съ бѣдной котомкою, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ;
Сѣлъ онъ въ дверяхъ на порогѣ, спиной прислоняся къ дубовой
Притолкѣ (выскоблилъ острою скобелью плотникъ искусный
Гладко ее, напередъ топоромъ по снуру обтесавши).
Тутъ свинопасу Эвмею сказалъ Телемакъ, подавая
Хлѣбъ, изъ корзины межъ лучшими взятый, и вкуснаго мяса,
Сколько въ обѣихъ горстяхъ умѣститься могло: отнеси ты
Это, Эвмей, старику, и скажи, чтобъ потомъ обошелъ онъ
Всѣхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ подаянья— стыдливымъ
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично.
Такъ онъ сказалъ, и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Одиссею.

Близко къ нему приступивши, онъ бросилъ крылатое слово:
Это прислалъ Телемакъ; и велѣлъ онъ сказать, чтобъ потомъ ты,
Всѣхъ обойдя жениховъ, попросилъ подаянья—стыдливымъ
Нищему быть, говоритъ онъ, въ жестокой нуждѣ неприлично.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Зевсъ да пошлетъ благоденствіе между людьми Телемаку,
Давъ совершиться всему, что теперь замышляетъ онъ въ сердцѣ!
Такъ онъ сказалъ, и, обѣими взявши руками подачу,
Мясо и хлѣбъ близъ себя положилъ на убогой котомкѣ.
Началъ онъ ѣсть; той порой вдохновенно запѣлъ предъ гостями
Фемій; когда же тотъ вдоволь наѣлся, а этотъ умолкнулъ —
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Аѳина,
Тайно приближась къ Лаэртову сыну, ему повелѣла
Встать и ходить вкругъ столовъ ихъ, прося подаянья: хотѣла
Видѣть она, кто изъ нихъ благодушенъ и кто беззаконникъ;
Въ мысляхъ же всѣхъ безъ изъятія смерти предать назначала.

Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго началъ просить подаянья,
Руку къ нему простирая, какъ нищій, скитаться обыкшій.
Съ жалостнымъ сердцемъ они на него въ изумленьи смотрѣли,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришелъ онъ. Сидѣвшій
Съ ними пастухъ козоводъ, забіяка Мелантій, сказалъ имъ:
Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видѣлъ
Этого нищаго, съ нимъ на дорогѣ сюда повстрѣчавшись;
Думаю, былъ онъ сюда приведенъ свинопасомъ Эвмеемъ;
Самъ же не знаю я, кто и въ какой сторонѣ родился онъ.
Такъ онъ сказалъ. Антиной на Эвмея съ досадою крикнулъ:
Ты, свинопасъ, негодяй всѣмъ извѣстный, зачѣмъ ты приводишь
Въ городъ такихъ развращенныхъ бродягъ? Ужъ и здѣшняя сволочь
Этихъ столовъ обирателей намъ нестерпимо докучна;
Видно еще для тебя недовольно, что всѣ здѣсь запасы
Тратятъ они—и еще одного ты привелъ къ намъ обжору.
Такъ, возражая, Эвмей свинопасъ отвѣчалъ Антиною:

Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоброе молвилъ
Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человѣка чужаго
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцевъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ —
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно?
Ты же изъ всѣхъ жениховъ Пенелопы къ рабамъ Одиссея
Самый неласковый былъ завсегда, и ко мнѣ особливо;
Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя здѣсь царица
Здравствуетъ съ сыномъ своимъ Телемакомъ, моимъ господиномъ.
Кротко Эвмею сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ не долженъ ты много;
Знаешь, какъ скоръ Антиной на обидное слово; онъ любитъ
Ссориться самъ, и другихъ на раздоръ подбиваетъ охотно.
Тутъ, обратясь къ Антиною, онъ бросилъ крылатое слово:

Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный, печешься,
Другъ Антиной, выгоняя своимъ повелительнымъ словомъ
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ—но будетъ ли Дій тѣмъ доволенъ?
Дай, что захочешь; не спорю я; самъ приглашаю напротивъ;
Матери также моей не страшися; тебя не осудитъ
Здѣсь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ.
Но, конечно, подобныя мысли тебѣ не приходятъ
Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ же давать не охотникъ.
Кончилъ, и гнѣвно ему возразилъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Если бъ вотъ это отъ каждаго здѣсь жениха получилъ онъ —
Вѣрно сюда бы три мѣсяца вновь заглянуть не подумалъ.
Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на которую ноги
Клалъ подъ столомъ, и, грозяся, ее показалъ Одиссею.
Прочіе жъ всѣ подавали, котомку его наполняя
Хлѣбомъ и мясомъ. И, много собравъ, Одиссей ужъ готовъ былъ

Сѣсть на порогъ свой, чтобъ данной насытиться пищей; но прежде
Онъ подошелъ къ Антиною и бросилъ крылатое слово:
Дай мнѣ и ты. Не послѣднимъ тебя здѣсь считаю, но первымъ,
Лучшимъ и самымъ знатнѣйшимъ; царю ты подобишься видомъ;
Щедродаянье должно быть тебѣ и приличнѣй и легче
Всѣхъ ихъ; и славить тебя я отнынѣ по всей безпредѣльной
Буду землѣ. Я и самъ межъ людьми не всегда безпріютно
Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ—была безъ сомнѣнья святая
Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ поплылъ
Я въ отдаленный Египетъ (онъ тамъ приготовилъ мнѣ гибель).
Въ лонѣ потока Египта легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди

Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтныхъ,
Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
Я же былъ жителю Крита, въ Египетъ прибывшему, проданъ
Дметору, сыну Эзона, владѣвшаго Кипромъ; въ Итаку
Прибылъ изъ Кипра я, много имѣвъ на пути злоключеній.

Гнѣвно сказалъ, отвѣчая ему, Антиной сынъ Эвпейтовъ:
Вѣрно намъ Демонъ такую чуму посылаетъ, такую
Порчу пировъ; отойди отъ стола моего; на срединѣ
Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебѣ и Египта и Кипра.
Что за наглецъ неотступный! какой побродяга безстыдный!
Всѣхъ почередно ты здѣсь обошелъ; и тебѣ, что попалось
Подъ руки каждому, подали всѣ, не изъ щедрости: здѣсь имъ
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся жъ
Прочь. Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
Горе! такъ видно съ лицемъ у тебя твой разсудокъ несходенъ;
Въ домѣ своемъ ты и соли щепотку мнѣ дать пожалѣлъ бы,
Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохлаждаяся, хлѣба
Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ вашъ, я вижу, обиленъ.
Такъ онъ сказалъ. Антиной, разсердясь, на него изъ подлобья
Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово:
Если еще грубіянить ты вздумалъ, бродяга, то даромъ

Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не выдешь отсюда.
Тутъ онъ скамейкой швырнулъ—и жестоко ударила въ спину
Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ, не шатнувшись,
Онъ устоялъ на ногахъ; не сраженный ударомъ, онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Къ двери потомъ возвратяся, онъ сѣлъ на порогъ и котомку
На полъ съ ѣдой положивши, сказалъ женихамъ: обратите
Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Не было бъ въ томъ ни бѣды, ни прискорбія тяжкаго сердцу,
Если бы кто, за имѣнье свое, за быковъ, за блестящихъ
Шерстью овецъ заступаяся, вытерпѣлъ злые побои;
Мнѣ жъ отъ руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бѣдъ приключающій людямъ желудокъ.
Если же боги и мщенье Эринній живутъ и для бѣдныхъ —
Смерть, Антиной, а не бракъ вожделѣнный ты встрѣтишь, обидчикъ.

Гнѣвно, ему возражая, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Ѣшь и молчи, негодяй; иль бѣги неоглядкой отсюда;
Иначе, такъ нагрубивъ мнѣ, ты за ноги будешь рабами
Вытащенъ въ дверь и всѣ кости твои обломаются объ полъ.
Кончилъ; угрозы его не одобрилъ никто; негодуя,
Такъ говорили иные изъ юношей дерзконадменныхъ:
Ты, Антиной, поступилъ непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ?
Боги нерѣдко, облекшися въ образъ людей чужестранныхъ,
Входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами,
Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду.
Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ были напрасны.
Злою обидой глубоко въ душѣ Телемакъ сокрушался
Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои утаивши, онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Но Пенелопа разумная, слыша, что былъ чужеземецъ

Въ домѣ ихъ такъ оскорбленъ, обратяся къ рабынямъ, сказала:
О! когда бы его поразилъ Аполлонъ сребролукій!
Ей Эвринома, разумная ключница, такъ отвѣчала:
Если бы все исполнялось согласно съ желаніемъ нашимъ,
Завтра же свѣтлой денницы изъ нихъ ни одинъ бы не встрѣтилъ.
Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ возразила:
Правда, мнѣ всѣ ненавистны они, намъ отъ всѣхъ притѣсненье;
Но Антиной наиболѣе съ черною Керою сходенъ:
Принятъ въ нашъ домъ чужеземецъ и, ходя кругомъ, подаянья
Проситъ у всѣхъ онъ гостей, приневоленный строгой нуждою —
Подали всѣ, и свою онъ наполнилъ котомку; лишь этотъ,
Вмѣсто подачи, въ него, какъ безумный, скамейкою бросилъ.
Такъ Пенелопа рабынямъ своимъ говорила въ покояхъ
Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сидя на порогѣ, обѣдалъ.
Кликнуть къ себѣ повелѣвъ свинопаса, царица сказала:
Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я съ нимъ

Здѣсь повидаться желаю, чтобъ знать отъ него, не слыхалъ ли
Онъ о супругѣ моемъ и ему не случилось ли гдѣ съ нимъ
Встрѣтиться: кажется мнѣ человѣкомъ онъ, много видавшимъ.
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
Если бъ твои женихи хоть на мигъ поутихли, царица,
Милое сердце твое онъ своимъ бы разсказомъ утѣшилъ.
Три дня и три ночи онъ ужъ гоститъ подъ моею убогой
Кровлей; пришелъ же ко мнѣ, съ корабля убѣжавъ отъ Ѳеспротовъ.
Мнѣ о своихъ приключеньяхъ еще онъ не кончилъ разсказа;
Но какъ внимаютъ пѣвцу, вдохновенному свыше богами,
Пѣснь о великомъ поющему людямъ, судьбинѣ подвластнымъ,
Въ нихъ возбуждая желаніе слушать его непрестанно,
Такъ я внималъ чужеземцу, сидя передъ нимъ неподвижно;
Съ нимъ Одиссей по отцу, говоритъ онъ, считается гостемъ;
Въ Критѣ широкоравнинномъ, отчизнѣ Миноса, рожденный,
Прибылъ оттолѣ сюда онъ, и много превратностей встрѣтилъ,

Скудно мірскимъ подаяньемъ питаясь; и слышалъ онъ, будто
Края Ѳеспротовъ, сосѣдняго съ нашей Итакой, достигнулъ
Царь Одиссей, возвращаяся въ домъ свой съ великимъ богатствомъ.
Кончилъ. Разумная такъ отвѣчала ему Пенелопа:
Кликни его самого; я желаю, чтобъ самъ разсказалъ онъ
Все мнѣ подробно, покуда игрой на дворѣ передъ дверью
Или во внутреннихъ горницахъ будутъ они забавляться;
Дома они про себя сберегаютъ свои всѣ запасы,
Хлѣбъ и вино золотое; ихъ тратятъ домашніе люди;
Имъ же удобнѣй вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою,
Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.
Если же онъ возвратится и снова отчизну увидитъ,
Съ сыномъ своимъ онъ отмститъ имъ за все. Такъ царица сказала.

Въ это мгновенье чихнулъ Телемакъ и такъ сильно, что въ цѣломъ
Домѣ какъ громъ раздалось; засмѣявшись, Эвмею, поспѣшно
Кликнувъ его, Пенелопа крылатое бросила слово:
Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнулъ Телемакъ; я теперь несомнѣнно
Знаю, что злые мои женихи неизбѣжно погибнутъ
Всѣ: ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Если меня безъ обмана онъ доброю вѣстью утѣшитъ,
Мантію дамъ я ему и хитонъ и красивую обувь.
Кончила. Ей повинуясь, пошелъ свинопасъ къ Одиссею;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица,
Мать Телемака, тебя приглашаетъ къ себѣ; о супругѣ
Хочетъ она распросить, сокрушаясь о немъ безпрестанно.
Если ее безъ обмана ты доброю вѣстью утѣшишь,

Мантію ты и хитонъ и красивую обувь получишь.
Хлѣбъ же, чтобъ свой успокоить желудокъ, по улицамъ ходя,
Въ городѣ можешь сбирать отъ людей — тамъ подастъ, кто захочетъ.
Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
Все безъ обмана я могъ бы теперь разсказать Пенелопѣ,
Старца Икарія дочери многоразумной; я много
Знаю о мужѣ ея: мы одно съ нимъ терпѣли на свѣтѣ.
Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;
Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно, и мысли
Злой не имѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой —
Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный
Сынъ Одиссеевъ. Пускай же царица, хотя нетерпѣнье
Въ ней и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелаетъ она о супругѣ далёкомъ,
Ей разскажу, помѣстясь у огня, чтобъ согрѣться: одѣтъ я

Плохо — то вѣдаешь самъ ты, тебя я здѣсь перваго встрѣтилъ.
Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Пенелопѣ;
Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же притти не хотѣлъ онъ,
Бѣдный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свѣтѣ.
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
Нѣтъ; онъ умно разсуждаетъ, и съ нимъ ты должна согласиться;
Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, бояся,
Проситъ тебя терпѣливо дождаться, чтобъ Геліосъ скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнѣе будетъ,
Если его ты одна обо всемъ на досугѣ распросишь.
Выслушавъ, умная такъ отвѣчала Эвмею царица:
Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаетъ; и правъ онъ:
Въ цѣломъ свѣтѣ, нигдѣ посреди земнородныхъ не можно
Встрѣтить людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразвратныхъ.

Такъ отвѣчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный,
Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ, въ столовой
Встрѣтился онъ и, приблизившись, бросилъ крылатое слово
Шепотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слыхали другіе:
Милый, теперь я иду; за свиньями, за домомъ, за всѣми
Въ домѣ запасами должно смотрѣть мнѣ; а ты остороженъ
Будь здѣсь, себя береги, и смотри, чтобъ съ тобой никакого
Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаетъ.
Зевсъ да погубитъ ихъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Добрый совѣтъ ты даешь мнѣ, отецъ; но ты самъ, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру съ отборной свиньею.
Боги мой умъ просвѣтятъ и меня надоумятъ, что дѣлать.
Такъ отвѣчалъ Телемакъ. Свинопасъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ; поужинавъ сытно и свой удовольствовавъ голодъ,
Въ поле пошелъ онъ къ свиньямъ острозубымъ, оставивши царскій

Домъ, оглашаемый шумомъ пирующихъ; пѣньемъ и пляской
Тамъ веселились. Тѣмъ временемъ темная ночь наступила.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать-осьмой день.

Бой Одиссея съ Иромъ. Онъ напрасно совѣтуетъ Анфиному разстаться съ женихами. Пенелопа подаетъ имъ надежду на скорый бракъ; они приносятъ ей подарки. Меланто оскорбляетъ Одиссея. Эвримахъ бросаетъ въ него скамейкою. Женихи расходятся по домамъ.

Въ двери вошелъ тутъ одинъ всѣмъ извѣстный бродяга; шатаясь
По міру, скуднымъ онъ жилъ подаяньемъ, и въ цѣлой Итакѣ
Славенъ былъ жаднымъ желудкомъ своимъ, и нахальствомъ и пьянствомъ;
Силы однако большой не имѣлъ онъ, хотя и высокъ былъ
Ростомъ. По имени слылъ Арнеономъ (такъ матерью названъ
Былъ при рожденьи), но въ городѣ вся молодежь величала
Иромъ его, потому что у всѣхъ онъ тамъ былъ на посылкахъ.
Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ принуждать, чтобъ покинулъ
Домъ свой; и бросилъ ему раздраженный крылатое слово:
Прочь отъ дверей, старичишка, иль за ноги вытащенъ будешь;
Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигаютъ, меня понуждая
Вытолкать въ двери тебя; но марать понапрасну своихъ я

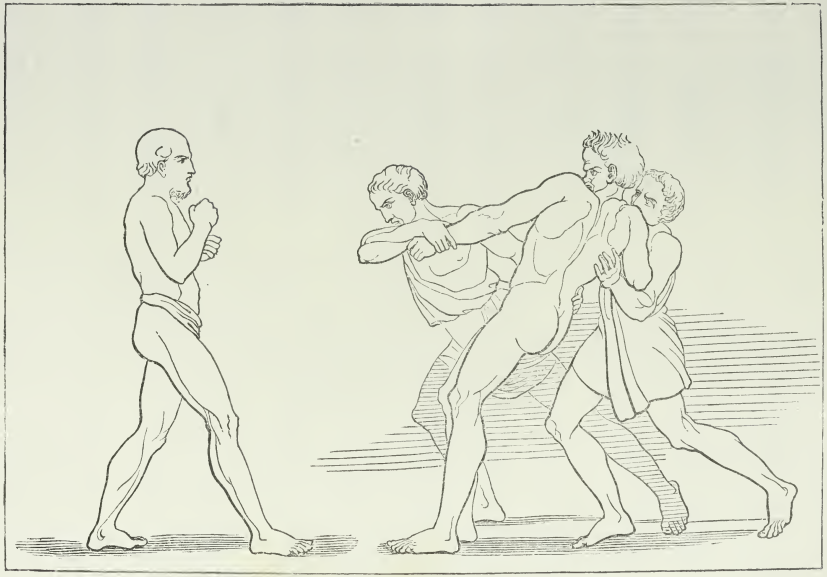
Рукъ не хочу; убирайся, иль дѣло окончится дракой.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Ты сумасбродъ, я не дѣлаю зла никому здѣсь; и сколько бъ
Тамъ кто ни подалъ тебѣ, я не стану завидовать; оба
Здѣсь на порогѣ мы можемъ просторно сидѣть; намъ не нужно
Споръ заводить. Ты, я вижу, такой же, какъ я, безпріютный
Странственникъ; бѣдны мы оба. Лишь боги даруютъ богатство.
Воли однако рукамъ не давай; не совѣтую; старъ я:
Но, разсердяся, и грудь у тебя разобью я и губы
Въ кровь; и просторнѣе будетъ тогда мнѣ на этомъ порогѣ
Завтра, понеже ужъ, думаю, ты не придешь во второй разъ
Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэртова сына.
Иръ въ несказанной досадѣ воскликнулъ, ему отвѣчая:
Онъ же прожора и умничать вздумалъ! не хуже стряпухи
Старой лепечетъ! постой же; тебя проучить мнѣ порядкомъ
Должно, принявъ въ кулаки и изъ челюстей зубы повыбивъ

Всѣ у тебя, какъ у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно жъ сидѣть; выходи, покажи намъ свое здѣсь умѣнье;
Вотъ поглядимъ мы, ты сладишь ли съ тѣмъ, кто тебя посильнѣе.
Такъ межъ обоими нищими въ бранныхъ словахъ загорѣлась
Ссора на гладкомъ порогѣ дверей. То примѣтила прежде
Всѣхъ Антиноева сила святая. И съ хохотомъ громкимъ
Онъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ: друзья, поглядите,
Что тамъ въ дверяхъ происходитъ. Подобнаго мнѣ не случалось
Видѣть нигдѣ; намъ чудесную Дій посылаетъ забаву:
Съ старымъ бродягой поссорился Иръ, и конечно ужъ скоро
Драка тамъ будетъ; пойдемъ поскорѣе, намъ должно стравить ихъ.
Такъ онъ сказалъ; женихи, засмѣявшись, вскочили поспѣшно
Съ мѣстъ и соперниковъ, грязнымъ одѣтыхъ тряпьемъ, обступили.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:
Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежатъ тамъ на угольяхъ; сами на ужинъ

Ихъ для себя отложили мы, жиромъ и кровью наливши;
Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ побѣдителемъ будетъ,
Взялъ для себя изъ желудковъ обжаренныхъ лучшій; потомъ мы
Будемъ вседневно его приглашать и къ обѣду; другимъ же
Нищимъ сбирать здѣсь столовыя крохи впередъ не дозволимъ.
Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложенье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
Въ бой выходить съ молодымъ старику, изнуренному въ силахъ
Нищенской жизнію, трудно, друзья; но докучный желудокъ
Нудитъ меня согласиться, хотя бъ и стерпѣть здѣсь побои.
Слушайте жъ то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мнѣ, что, потворствуя Иру, никто на меня не подыметъ
Рукъ и сопернику верхъ надо мной одержать не поможетъ.
Такъ говорилъ Одиссей; женихи поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
Слово къ отцу обративши, сказалъ Телемакъ богоравный:

Если ты самъ добровольно желаешь и смѣло рѣшился
Выступить въ бой съ нимъ, то страха не долженъ имѣть: кто посмѣетъ
Руку поднять на тебя, тотъ съ собою здѣсь многихъ поссоритъ.
Я здѣсь хозяинъ, защитникъ гостей, и конечно со мною
Будутъ теперь за одно Антиной, Эврималъ и другіе.
Такъ онъ сказалъ. Женихи согласились. Тогда сынъ Лаэртовъ
Рубище снялъ и себя имъ, пристойность храня, опоясалъ.
Тутъ обнаружились крѣпкія ляшки, широкія плечи,
Твердая грудь, жиловатыя руки, и сдѣлала выше
Ростомъ его, непримѣтно къ нему подошедши, Аѳина.
Всѣ женихи на него съ изумленьемъ великимъ смотрѣли;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
Иру бѣда; за нахальство теперь онъ заплатитъ. Какія
Крѣпкія мышцы подъ рубищемъ этого нищаго скрыты!
Такъ говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясавъ, рабы притащили насильно;

Блѣдный, дрожащій отъ страха, едва на ногахъ онъ держался.
Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Лучше тебѣ хвастуну умереть иль совсѣмъ не родиться
Было бы, если теперь такъ дрожишь, такъ безстыдно робѣешь
Ты передъ этимъ, измученнымъ бѣдностью, старымъ бродягой.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно:
Если тебя побѣдитъ онъ и силой своей одолѣетъ,
Будешь ты брошенъ на черный корабль и на твердую землю
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
Уши и носъ безпощадною мѣдью тебѣ онъ обрѣжетъ,
Въ крохи изрубитъ тебя и собакамъ отдастъ на съѣденье.
Такъ говорилъ онъ. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тутъ спросилъ Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулакомъ, чтобъ издохъ онъ на мѣстѣ?
Или несильнымъ ударомъ его опрокинуть? Обдумавъ



Одиссей. Иръ.

Блѣдный, дрожащій отъ страха, едва на ногахъ онъ держался

Все, напослѣдокъ онъ выбралъ несильный ударъ, поелику
Иначе могъ онъ въ сердцахъ жениховъ возбудить подозрѣнье.
Оба тутъ вышли; въ плечо кулакомъ Одиссея ударилъ
Иръ. Одиссей же его по затылку близъ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртомъ; онъ, забывъ, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же, всплеснувши руками,
Всѣ помирали отъ смѣха. А сынъ благородный Лаэртовъ,
За ногу Ира схвативъ, черезъ двери и портикъ къ воротамъ
Дома его черезъ дворъ протащилъ; и, его приневоливъ
Сѣсть тамъ, спиною къ стѣнѣ прислонилъ, суковатую палку
Втиснулъ ему полумертвому въ руки и гнѣвное бросилъ
Слово: сиди здѣсь, собакъ и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать въ домѣ чужомъ не пытайся впередъ, высылая
Нищихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль будетъ съ тобою
Хуже бѣда. Онъ сказалъ, и, на плечи набросивъ котомку,

Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ,
Къ двери своей возвратился и сѣлъ на порогѣ. А гости
Встрѣтили смѣхомъ его и, къ нему подступивши, сказали:
Молимъ мы Зевса и вѣчныхъ боговъ, чтобъ они совершили
Все то, чего наиболѣ теперь ты желаешь, о чемъ ты
Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавилъ отъ злаго прожоры
Край нашъ. Онъ нами немедленно будетъ на твердую землю
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
Такъ женихи говорили; былъ радъ Одиссей прорицанью.
Съ угольевъ снявши желудокъ, наполненный жиромъ и кровью,
Подалъ Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлѣба
Взявъ изъ корзины, принесъ ихъ ему Анфиномъ; онъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его поздравляя:
Радуйся добрый отецъ иноземецъ! теперь нищетою
Ты удрученъ; да пошлютъ наконецъ и тебѣ изобилье
Боги! Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Ты, Анфиномъ, благомысленный юноша, вижу я; знатенъ
Твой благородный отецъ, повсемѣстно молвою хвалимый,
Низъ, уроженецъ Дулихія многобогатый; его ты
Сынъ, мнѣ сказали; и самъ испыталъ я, сколь ты добродушенъ.
Слушай же, другъ, и размысли, размысли о томъ, что услышишь:
Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же,
Что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй;
Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помыслитъ, покуда
Счастіемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ;
Если жъ бѣду ниспошлютъ на него всемогущіе боги,
Онъ негодуетъ, но твердой душей неизбѣжное сноситъ:
Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ людямъ,
Что бъ ни послалъ намъ Кроніонъ, владыка безсмертныхъ и смертныхъ.
Нѣкогда славенъ и я межъ людьми былъ великимъ богатствомъ;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовалъ много
Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ своихъ полагаясь.

Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду!
Должно въ смиреньи напротивъ дары отъ боговъ принимать намъ.
Вижу, какъ здѣсь женихи, самовластно безчинствуя, губятъ
Все достоянье царя, и наносятъ обиды супругѣ
Мужа, который, я мыслю, недолго съ семьей и съ отчизной
Будетъ въ разлукѣ. Онъ близко. О другъ, да хранительный Демонъ
Вóвремя въ домъ твой тебя уведетъ, чтобъ ему на глаза ты
Здѣсь не попался, когда возвратится въ отеческій домъ онъ.
Здѣсь не пройдетъ безъ пролитія крови, когда съ женихами
Станетъ вести свой разсчетъ онъ, вступя подъ домашнюю кровлю.
Такъ онъ сказалъ и вина золотаго, свершивъ возліянье,
Выпилъ; и кубокъ потомъ возвратилъ Анфиному. И тихимъ
Шагомъ пошелъ Анфиномъ съ головой наклоненной, съ печалью
Милаго сердца, какъ будто предчувствіемъ бѣдствія полный;
Но не ушелъ отъ судьбы онъ; его оковала Паллада,
Пасть отъ копья Телемакова вмѣстѣ съ другими назначивъ.

Сѣлъ онъ на стулъ свой опять, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Тутъ свѣтлоокая дочь громовержца вложила желанье
Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Вытти, дабы, женихамъ показавшись, сильнѣйшимъ желаньемъ
Сердце разжечь имъ, въ очахъ же супруга и милаго сына
Болѣ, чѣмъ прежде, явиться достойною ихъ уваженья.
Такъ, улыбнуться уста приневоливъ, она Эвриномѣ
Ключницѣ старой сказала: хочу я—чего не входило
Прежде мнѣ въ умъ—женихамъ ненавистнымъ моимъ показаться;
Также хочу и совѣтъ тамъ подать Телемаку, чтобъ болѣ
Съ шайкою ихъ, многобуйныхъ грабителей, онъ не водился;
Добры они на словахъ, но недобрыя мысли въ умѣ ихъ.
Ей Эвринома усердная ключница такъ отвѣчала:
То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
Выдь къ нимъ и милому сыну подай откровенно совѣтъ свой.
Прежде однако омойся, натри благовоннымъ елеемъ

Щеки; тебѣ не годится съ лицемъ безобразнымъ отъ плача,
Къ нимъ выходить: красота увядаетъ отъ скорби всегдашней.
Сынъ же твой милый созрѣлъ; и тебѣ, какъ молила ты, боги
Дали увидѣть его съ бородою разцвѣтшаго мужа.
Ключницѣ вѣрной отвѣтствуя, такъ Пенелопа сказала:
Нѣтъ, никогда, Эвринома, для нихъ ненавистныхъ не буду
Я омываться и щекъ натирать благовоннымъ елеемъ.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одиссей въ отдаленную Трою.
Но позови Гипподамію, съ нею пускай Автоноя
Также придетъ, чтобъ меня проводить въ пировую палату:
Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости женской противно.
Такъ говорила царица. Поспѣшно пошла Эвринома
Кликнуть обѣихъ служанокъ, чтобъ тотчасъ послать къ госпожѣ ихъ.
Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Аѳины Паллады:
Сну мироносцу велѣла богиня сойти къ Пенелопѣ.

Сонъ прилетѣлъ и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.
Въ креслахъ она неподвижно сидѣла; и ей усыпленной
Все, чѣмъ плѣняются очи мужей, даровала богиня:
Образъ ея просіялъ той красой несказанной, какою
Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-томной съ Харитами пляскѣ
Образъ Киприды, вѣнкомъ благовоннымъ вѣнчанной, сіяетъ;
Стройный ея возвеличился станъ и все тѣло нѣжнѣе,
Чище, свѣжѣй и блистательнѣй сдѣлалось кости слоновой.
Такъ одаривши ее, удалилась богиня Аѳина.
Но бѣлорукія обѣ рабыни, вбѣжавши поспѣшно
Въ горницу, шумомъ нарушили сладостный сонъ Пенелопы.
Щеки руками съ просонья потерши, она имъ сказала:
Какъ же я сладко заснула въ моемъ сокрушеньи! О! если бъ
Мнѣ и такую же сладкую смерть принесла Артемида
Въ это мгновеніе, чтобъ я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не вѣдая, гдѣ Одиссей, гдѣ супругъ мой,

Доблестью всякой украшенный, всѣхъ превзошедшій Ахеянъ.
Кончивъ, по лѣстницѣ внизъ Пенелопа сошла; вслѣдъ за нею
Обѣ служанки сошли, и она, божество красотою,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки.
Сына къ себѣ подозвавши, его Пенелопа спросила:
Сынъ мой, скажи мнѣ, ты въ полномъ ли разумѣ? Въ возрастѣ дѣтскомъ
Былъ ты умнѣй и приличіе всякое болѣе вѣдалъ.
Нынѣ жъ ты мужеской силы достигнулъ, и кто ни посмотритъ
Здѣсь на тебя, чужеземецъ ли, здѣшній ли, каждый породу
Мужа великаго въ свѣтлой твоей красотѣ угададаетъ.
Гдѣ же однако твой умъ? Ты совсѣмъ позабылъ справедливость.
Дѣло безчинное здѣсь у тебя на глазахъ совершилось;
Этого странника въ домѣ своемъ допустилъ ты обидѣть;

Что же? Когда чужеземецъ, довѣрчиво твой посѣтившій
Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидѣть, и ругаться имъ станетъ
Всякой—постыдный упрекъ отъ людей на себя навлечешь ты.
Матери такъ отвѣчалъ благомысленный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, твой упрекъ справедливъ; на него не могу я
Сѣтовать. Нынѣ я все понимаю; и мнѣ ужъ не трудно
Зло отличать отъ добра; изъ ребячества вышелъ я, правда;
Но не всегда и теперь удается мнѣ лучшее выбрать:
Наши незванные гости приводятъ мой умъ въ безпорядокъ;
Злое одно замышляютъ они; у меня жъ руководца
Нѣтъ. Но сраженіе странника съ Иромъ не ихъ самовольствомъ
Было устроено; высшая здѣсь обнаружилась воля.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Всѣ женихи многобуйные въ нашей обители нынѣ,
Кто на дворѣ, кто во внутреннихъ дома покояхъ, сидѣли,
Головы свѣсивъ на грудь, всѣ избитые, такъ же, какъ этотъ

Иръ побродяга, теперь за воротами дома сидящій!
Трепетной онъ головою матаетъ, какъ пьяный; не можетъ
Прямо стоять на ногахъ, ни сидѣть, ни подняться, чтобъ въ домъ свой
Медленнымъ шагомъ добресть черезъ силу; совсѣмъ онъ изломанъ.
Такъ про себя говорили они, отъ другихъ въ отдаленьи.
Тутъ, обратясь къ Пенелопѣ, сказалъ Эвримахъ благородный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Если бъ могли всѣ Ахейцы Язійскаго Аргоса нынѣ
Видѣть тебя, жениховъ бы двойное число собралося
Въ домѣ твоемъ пировать. Превосходишь ты всѣхъ земнородныхъ
Женъ красотой и возвышеннымъ станомъ и разумомъ свѣтлымъ.
Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопа ему отвѣчала:
Нѣтъ, Эвримахъ, красоту я утратила волей безсмертныхъ
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ Ахейцы
Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.
Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся

Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна.
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.
Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою онъ готовъ былъ покинуть,
Взявши за правую руку меня, онъ сказалъ на прощаньи:
Думать не должно, чтобъ воинство мѣднообутыхъ Ахеянъ
Все безъ урона изъ Трои въ отчизну свою возвратилось;
Слышно, что въ боѣ отважны Троянскіе мужи, что копья
Мѣтко бросаютъ; въ стрѣляніи изъ лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье межъ двухъ равносильныхъ
Ратей рѣшащими разомъ, конями владѣютъ. Навѣрно
Знать не могу я, позволитъ ли Дій возвратиться сюда мнѣ,
Или погибель я въ Троѣ найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись объ отцѣ и объ матери милой
Такъ же усердно, какъ прежде, и даже усерднѣй: понеже
Буду не здѣсь я; когда же нашъ сынъ возмужаетъ, ты за мужъ
Выдь, за кого пожелаешь, и домъ нашъ покинь. На прощаньи

Такъ говорилъ Одиссей мнѣ; и все ужъ исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистнаго сердцу
Брака наступитъ для бѣдной меня, всѣхъ земныхъ утѣшеній
Зевсомъ лишенной. На сердцѣ моемъ несказанное горе.
Въ прежнее время обычай бывалъ, что, когда начинали
Свататься, знатнаго рода вдову иль богатую дѣву
Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи отличиться старались;
Въ домъ приводя къ нареченной невѣстѣ быковъ и барановъ,
Тамъ угощали они всѣхъ друзей; и невѣсту дарили
Щедро; чужое жъ имущество тратить безъ платы стыдились.
Кончила. Въ грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было пріятно ему, что отъ нихъ пожелала подарковъ,
Льстя имъ словами, душею же ихъ ненавидя, царица.
Ей отвѣчая, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ надменный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Всякой подарокъ, тебѣ отъ твоихъ жениховъ подносимый,

Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарятъ намъ.
Мы же, ты знай, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
Мѣсто, пока ты изъ насъ по желанью не выберешь мужа.
Такъ говорилъ Антиной; согласилися всѣ съ нимъ другіе.
Каждый потомъ за подаркомъ глашатая въ домъ свой отправилъ.
Посланный длинную мантію съ пестрымъ шитьемъ Антиною
Подалъ; двѣнадцать застежекъ ее золотыхъ украшали,
Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ, въ кольцо задѣваясь, держалъ онъ
Мантію. Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ,
Свѣтлыхъ какъ солнце, большихъ янтарей принесли Эвримаху.
Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодой сходныхъ
Шариковъ каждая—подалъ проворный слуга Эвридаму;
Былъ молодому Пизандру, Поликтора умнаго сыну,
Женскій уборъ принесенъ, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочіе всѣ на подарки. Принявъ ихъ,
Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно пошла Пенелопа.

Съ ней удалились, подарки неся, и младыя рабыни.
Тѣ же, опять обратившися къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
Три по срединѣ палаты поставивъ жаровни, наклали
Много полѣньевъ туда, изощренной нарубленныхъ мѣдью,
Мелкихъ, сухихъ, и лучиною тонкой зажгли ихъ, смолистыхъ
Факеловъ къ нимъ подложивши. Смотрѣть за огнемъ почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И съ ними
Такъ говорить Одиссей хитромысленный началъ: подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда въ покои
Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной;
Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и волну руками
Дергайте, горе ея развлекая своимъ разговоромъ.
Я же останусь смотрѣть за огнемъ, и свѣтло здѣсь въ палатѣ
Будетъ, хотя бы они до утра пировать здѣсь остались;

Имъ не удастся меня утомить; я терпѣть научился.
Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на другую взглянули
Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣчала Меланто,
Дочь Доліона (ее воспитала сама Пенелопа
Съ дѣтства, и много игрушекъ и комствъ давала,
Сердце жъ ея нечувствительно было къ печалямъ царицы).
Такъ отвѣчала она Одиссею ругательнымъ словомъ:
Видно совсѣмъ потерялъ ты разсудокъ, бродяга; не хочешь
Видно искать ты ночлега на кузницѣ, или въ закутѣ,
Или въ шинкѣ; здѣсь конечно пріютнѣй тебѣ; на слова ты
Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ; и душею не робокъ;
Знать отъ вина помутился твой умъ, иль, быть можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать; иль, осиливъ
Бѣднаго Ира, такъ поднялъ ты носъ—берегися однако;
Можетъ съ тобою здѣсь встрѣтиться кто нибудь Ира сильнѣе;
Зубы твои всѣ своимъ кулакомъ онъ желѣзнымъ повыбьетъ;

Вытолкнутъ въ дверь по затылку имъ будешь ты, кровью облитый.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
Въ мелкія части болтунью тебя искрошить онъ прикажетъ.
Слово его испугало рабынь; и онѣ во мгновенье
Всѣ изъ палаты ушли; ихъ колѣна дрожали отъ страха;
Думали всѣ, что на дѣлѣ исполнится то, что сказалъ имъ
Странникъ. А онъ у жаровень стоялъ, наблюдая, чтобъ ярче
Пламя горѣло; и глазъ не сводилъ съ жениховъ, имъ готовя
Мыслію все, что потомъ и на самомъ исполнилось дѣлѣ.
Тою порой жениховъ и Аѳина сама возбуждала
Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
Такъ говорить Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ (обидѣть
Словомъ своимъ Одиссея, другихъ разсмѣшивши, хотѣлъ онъ):
Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи Пенелопы, дабы я

Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Этотъ нашъ гость безъ сомнѣнія Демономъ посланъ, чтобъ было
Намъ за трапезой свѣтлѣй; не отъ факеловъ такъ все сіяетъ
Здѣсь, но отъ плѣши его, на которой нѣтъ волоса болѣ.
Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ Одиссею, примолвилъ:
Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться
Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя;
Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работникъ, привыкнувъ
Къ лѣни, безъ дѣла бродя и мірскимъ подаяньемъ питаясь:
Даромъ свой жадный желудокъ кормить для тебя веселѣе.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работой,
Если бъ весною, когда продолжительнѣй быть начинаютъ

Дни, по косѣ одинаково острой, обоимъ намъ дали
Въ руки, чтобъ, вмѣстѣ работая съ самаго ранняго утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ,
Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травою, могучей
Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работящихъ,
Дали четыре намъ поля вспахать для посѣва, тогда бы
Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой
Поле изрѣзалъ. А, если бъ войну запалилъ здѣсь Кроніонъ
Зевсъ, и мнѣ дали бы щитъ, два копья мѣдноострыхъ и мѣдный
Кованый шлемъ, чтобъ моей головѣ былъ надежной защитой,
Первымъ въ сраженьи меня ты тогда бы увидѣлъ; тогда бы
Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человѣкъ ты надменный; твое непріязненно сердце;
Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаешь великимъ и сильнымъ
Лишь потому, что находишься въ обществѣ низкихъ и слабыхъ.

Если бъ однако, нежданный никѣмъ, Одиссей вамъ явился —
Сколь ни просторная плотникомъ сдѣлана дверь здѣсь, она бы
Узкой тебѣ, неоглядкой бѣгущему, вдругъ показалась.
Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на него изъ подлобья
Грозно очами сверкнулъ, и слово крылатое бросилъ:
Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, грязный бродяга:
Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ и не робокъ душей ты;
Видно вино помутило твой умъ, иль, быть можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать иль, осиливъ
Бѣднаго Ира, такъ сдѣлался гордъ — берегися однако.
Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ, чтобъ пустить въ Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, къ колѣнамъ припалъ Анфинома;
Мимо его прошумѣвъ, виночерпія сильно скамейка
Въ правую треснула руку, и чаша, въ ней бывшая, на полъ
Грянулась; тотъ, опрокинутый, навзничь упалъ, застонавши.
Начали громко шумѣть женихи въ потемнѣвшей палатѣ;

Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
Лучше бы было, когда бъ, до прихода къ намъ, этотъ незваный
Гость на дорогѣ издохъ, не завелъ бы у насъ онъ такого
Шума. Теперь мы за нищаго ссоримся; пиръ нашъ испорченъ;
Кто при великомъ раздорѣ такомъ веселиться захочетъ?
Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
Буйные люди, вы всѣ помѣшались; не можете болѣ
Скрыть вы, что хмѣль обуялъ васъ. Знать Демонъ какой поджигаетъ
Всѣхъ на раздоръ; пировали довольно вы, спать ужъ пора вамъ;
Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать никого я не буду.
Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови:
Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ

Стараго странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
Пусть виночерпій опять намъ наполнитъ виномъ благовоннымъ
Кубки, чтобъ мы, возліявъ, на покой по домамъ разошлися;
Странника жъ здѣсь ночевать въ Одиссеевомъ домѣ оставимъ,
На руки сдавъ Телемаку: онъ гость Телемакова дома.
Такъ Анфиномъ говорилъ, и понравилось всѣмъ, что сказалъ онъ.
Тутъ Муліонъ, Дулихійскій глашатай, слуга Анфиномовъ,
Мужъ благородной породы, вина намѣшавши въ кратеры,
Кубки имъ налилъ до края и подалъ гостямъ; совершивши
Имъ возліянье блаженнымъ богамъ, осушили всѣ кубки
Гости; когда жъ, совершивъ возліянье, виномъ насладились
Вдоволь они, всѣ пошли по домамъ, чтобъ предаться покою.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать-осьмаго дня.

Одиссей вмѣстѣ съ Телемакомъ выноситъ оружія изъ столовой, потомъ остается одинъ. Меланто снова его оскорбляетъ. Онъ разсказываетъ Пенелопѣ вымышленную о себѣ повѣсть и увѣряетъ ее, что Одиссей скоро возвратится въ домъ свой. Эвриклея узнаетъ его по рубцу на ногѣ; онъ повелѣваетъ ей молчать. Пенелопа разсказываетъ ему сонъ свой, потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ стрѣльбою изъ Одиссеева лука; наконецъ Пенелопа удаляется.

Всѣ разошлися; одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Аѳиной остался.
Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ нему обратяся: мой милый
Сынъ, напередъ надлежитъ всѣ оружія вынесть отсюда.
Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ, какъ прежде, оружій,
Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.
Также и высшую въ сердце вложилъ мнѣ Зевесъ осторожность:
Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится —

Само собой прилипаетъ въ рукѣ роковое желѣзо.
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинуясь родителя волѣ,
Кликнулъ старушку, усердную няню свою Эвриклею;
Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ служанки сюда не входили
Прежде, покуда на верхъ не отнесъ я отцевыхъ оружій;
Здѣсь безъ присмотра онѣ; всѣ испорчены дымомъ; отца же
Нѣтъ. Я донынѣ ребенокъ безсмысленный былъ, но теперь я
Знаю, что должно отнесть ихъ туда, гдѣ не можетъ ихъ портить
Копоть. Сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
Дѣльно! пора, мой прекрасный, за разумъ приняться и дома
Быть господиномъ, и знать обходиться съ отцовымъ богатствомъ.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкамъ ихъ горницъ,
Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ здѣсь свѣтить за работой?
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Этотъ старикъ; не трудяся, никто, и хотя бъ онъ чужой былъ,
Въ домѣ моемъ, получая нашъ кормъ, оставаться не долженъ.

Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда принялися
Мѣдные съ гребнями шлемы, съ горбами щиты, съ остріями
Длинными копья на верхъ выносить; и Аѳина Паллада
Имъ невидимо, держа золотую лампаду, свѣтила.
Тѣмъ изумленный, сказалъ Телемакъ Одиссею: родитель,
Въ нашихъ очахъ происходитъ великое, думаю, чудо;
Гладкія стѣны палаты, сосновые средніе брусья,
Всѣ потолка перекладины, всѣ здѣсь колонны такъ ясно
Видны глазамъ, такъ блистаютъ, какъ будто бъ пожаръ былъ кругомъ ихъ —
Видно здѣсь кто изъ боговъ Олимпійскихъ присутствуетъ тайно.
Такъ онъ спросилъ; отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный
Сыну: молчи, ни о чемъ не распрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой ужъ имѣютъ обычай.
Время тебѣ на покой удалиться, а я здѣсь останусь;

Видѣть хочу поведенье служанокъ; хочу въ Пенелопѣ
Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня обо всемъ распросила.
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты немедленно вышелъ;
Факелъ зажженный неся, онъ пошелъ въ тотъ покой почивальный,
Гдѣ по ночамъ миротворному сну предавался обычно.
Въ спальню пришедши, онъ легъ и заснулъ въ ожиданьи денницы.
Тою порою одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Палладой остался.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицемъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой
Сходная. Сѣсть ей къ огню пододвинули стулъ, изъ слоновой
Кости точеный, съ оправой серебряной, чудной работы
Икмаліона (для ногъ и скамейку придѣлалъ художникъ
Къ дивному стулу). Онъ мягко широкой покрытъ былъ овчиной.
Многоразумная сѣла на стулъ Пенелопа. Вступивши
Съ ней бѣлорукія царскаго дома служанки въ палату,

Начали всѣ убирать тамъ столы съ недоѣденнымъ хлѣбомъ,
Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ надменные гости
Пили; и, выбросивъ на полъ золу изъ жаровень, наклали
Новыхъ полѣньевъ туда, чтобъ нагрѣлась палата и былъ въ ней
Свѣтъ. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:
Здѣсь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать намъ, бродя здѣсь какъ стѣнь, чтобъ подмѣтить, что въ домѣ служанки
Дѣлаютъ. Вонъ! говорю я тебѣ, побродяга; наѣлся
Здѣсь ты довольно! уйди, иль швырну я въ тебя головнею.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
Что жъ такъ неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебѣ, что въ грязи я, что, въ рубищѣ бѣдномъ
По міру ходя, прошу подаянья? Чтожъ дѣлать? Я нищій.
Жребій такой ужъ намъ всѣмъ безотрадно бродящимъ скитальцамъ.
Въ прежніе дни я и самъ межъ людьми не совсѣмъ безпріютно
Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ

Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ — такъ было ему то угодно.
Ты, безразсудная, такъ же (кто знаетъ, какъ скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою такъ здѣсь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпожѣ; да и можетъ
Самъ Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;
Если же онъ и погибъ и возврата лишенъ, то еще здѣсь
Сынъ Одиссеевъ, младой Телемакъ, Аполлоновъ питомецъ,
Здравствуетъ; знаетъ онъ все поведенье служанокъ домашнихъ,
Скрыться не можетъ ничто отъ него; онъ изъ дѣтства ужъ вышелъ.
Такъ онъ сказалъ. Пенелопа, услышавъ разумное слово,
Рѣчь обратила свою раздраженная къ дерзкой служанкѣ:
Ты, какъ собака, безстыдница, злишься; меня жъ не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.

Развѣ не слышала ты, какъ сюда пригласить я велѣла
Этого странника, мысля, что можетъ сказать мнѣ какую
Вѣсть о супругѣ моемъ, о которомъ давно такъ я плачу?
Тутъ, обратясь къ Эвриномѣ, сказала она: Эвринома,
Стулъ пододвинь поскорѣе, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтобъ здѣсь иноземецъ покойно сидѣлъ, и свои намъ
Всѣ разсказалъ приключенья, и мнѣ отвѣчалъ на вопросы.
Такъ говорила она. Эвринома немедленно гладкій
Стулъ принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сѣсть приглашенъ былъ на стулъ Одиссей богоравный женою.
Такъ, обратяся къ нему, начала говорить Пенелопа:
Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу, отвѣчай мнѣ:
Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ твой? Кто мать? Гдѣ родился?
Такъ, отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
О царица, повсюду и всѣ на землѣ безпредѣльной
Люди тебя превозносятъ, ты славой до неба достигла;

Ты уподобиться можешь царю безпорочному; страха
Божія полный, и многихъ людей повелитель могучій,
Правду творитъ онъ; въ его областяхъ изобильно родится
Рожь и ячмень и пшено, тяготѣютъ плодами деревья,
Множится скотъ на поляхъ, и кипятъ многорыбіемъ воды;
Праведно властвуетъ онъ и его благоденствуютъ люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всемъ; не касайся
Только отчизны моей и семьи и семейнаго дома:
Горе мнѣ душу глубоко проникнетъ, когда говорить здѣсь
Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я немало. Въ чужомъ же
Домѣ, въ бесѣдѣ съ людьми предаваться слезамъ неприлично.
Слезы напрасны; бѣдамъ не приносятъ онѣ изцѣленья.
Можетъ притомъ и на мысли притти здѣсь рабынямъ, сама ты
Можешь подумать, что слезы отъ хмѣля мои происходятъ.
Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:
Странникъ, мою красоту я утратила волей безсмертныхъ

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ Ахейцы
Въ Трою, и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.
Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся
Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна;
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинѳа,
Первые люди утесистой, солнечносвѣтлой Итаки,
Нудятъ упорно ко браку меня, и нашъ домъ разоряютъ;
Мнѣ жъ не по сердцу никто: ни просящій защиты, ни странникъ,
Ниже глашатай служитель народа; одинъ есть, желанный
Мной — Одиссей, лишь его неотступное требуетъ сердце.
Тѣ же твердятъ непрестанно о бракѣ; прибѣгнуть къ обману
Я попыталась однажды; и Демонъ меня надоумилъ
Станъ превеликій поставить въ покояхъ моихъ; начала я
Тонкоширокую ткань и, собравъ жениховъ, имъ сказала:

Юноши, нынѣ мои женихи — поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея — отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли Ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ я сказала; они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Цѣлый я день за тканьемъ проводила; а ночью, зажегши
Факелъ, сама все, натканное днемъ, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно и я убѣждать ихъ умѣла.
Но когда, обращеньемъ временъ приведенный, четвертый
Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни пролетѣли —
Все имъ открыла одна изъ служанокъ, лихая собака;
Сами они тутъ застали меня за распущенной тканью:
Такъ и была приневолена ими я трудъ мой окончить.

Способа нѣтъ ужъ теперь избѣжать мнѣ отъ гнуснаго брака;
Хитрости новой на умъ не приходитъ; меня всѣ родные
Нудятъ къ замужству; и сынъ огорчается, видя, какъ домъ нашъ
Грабятъ: а онъ ужъ созрѣлъ и теперь за хозяйствомъ способенъ
Самъ наблюдать, и къ нему уваженье Зевесъ пробуждаетъ
Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно мнѣ, кто ты? Ужъ вѣрно не отрасль
Славнаго въ древности дуба, не камень отъ груди утеса.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породѣ моей неотступно желаешь
Свѣдать. Я все разскажу, хоть печаль и усилитъ разсказъ мой
Въ сердцѣ моемъ. Такъ бываетъ со всякимъ, кто долго въ разлукѣ
Съ милой семьей, сокрушенный какъ я, межъ людей земнородныхъ
Странствуетъ, ихъ посѣщая обители, самъ безпріютный.
Но отвѣчать на вопросы твои я съ охотою буду.
Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго моря, прекрасный,

Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.
Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь Ахеянъ
Съ первоплеменной породой воинственныхъ Критянъ; Кидоны
Тамъ обитаютъ, Дорійцы кудрявые, племя Пеласговъ,
Въ городѣ Гноссѣ живущихъ. Едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собесѣдникъ Кроніона мудрый,
Дѣдъ мой, родитель великаго Девкаліона, который
Идоменея родилъ и меня. Въ кораблѣ крутоносомъ
Идоменей, многославный мой братъ, въ отдаленную Трою
Поплылъ съ Атридомъ; мое жъ знаменитое имя Антонъ;
Послѣ него родился я; онъ старшій и властью сильнѣйшій.
Въ Критѣ гостилъ Одиссей; и онъ мною, какъ гость, одаренъ былъ.
Въ Критъ же его занесло буреносною силою вѣтра:
Въ Трою плывя, и у мыса Маллеи застигнутый бурей,
Въ устье Амизія ввелъ онъ свой быстрый корабль и въ опасной

Пристани сталъ близъ скалы Элеѳійской, богами спасенный.
Къ Идоменею онъ въ городъ пришелъ, утверждая что гостемъ
Былъ онъ царю, что его почиталъ и любилъ несказанно.
Но ужъ дней десять прошло иль одиннадцать съ тѣхъ поръ, какъ поплылъ
Царь въ корабляхъ крутоносыхъ въ Троянскую землю. Я принялъ
Вмѣсто царя во дворцѣ Одиссея, и мной угощенъ былъ
Онъ дружелюбно съ великою роскошью; было запасовъ
Много у насъ; и сопутники всѣ Одиссеевы хлѣбомъ,
Собраннымъ съ міра, и огненноцвѣтнымъ виномъ, и прекраснымъ
Мясомъ быковъ угощаемы досыта были; двѣнадцать
Дней провели богоравные люди Ахейскіе съ нами:
Въ море итти не пустилъ ихъ Борей, бушевавшій съ такою
Силой, что было нельзя на ногахъ устоять и на сушѣ;
Демонъ его разъярилъ; на тринадцатый день онъ утихнулъ.
Въ море пустились они. Такъ неправду за чистую правду
Онъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ ихъ лилися; какъ таетъ

Снѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплоноснымъ
Эвромъ согрѣтый и прежде туда нанесенный Зефиромъ —
Имъ же растаеннымъ рѣки полнѣютъ и льются быстрѣе —
Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лилися
Слезы печали о миломъ, предъ нею сидѣвшемъ супругѣ.
Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ ея сокрушеньемъ
(Очи свои, какъ желѣзо иль рогъ неподвижные, крѣпко
Въ темныхъ рѣсницахъ сковавъ, и въ нее ихъ вперивъ, не мигая),
Воли слезамъ не давалъ. И, насытяся горестнымъ плачемъ,
Такъ напослѣдокъ ему начала говорить Пенелопа:
Странникъ, я способъ имѣю, тебя испытанью подвергнувъ,
Вывѣдать, подлинно ль ты Одиссея и спутниковъ, бывшихъ
Съ нимъ, угощалъ тамъ въ палатахъ царя, какъ теперь увѣряешь.
Можешь ли мнѣ описать ты, какое въ то время носилъ онъ
Платье, каковъ онъ былъ видомъ, и кто съ нимъ сопутники были?
Ей отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:

Трудно отвѣтствовать мнѣ на вопросъ твой, царица; ужъ много
Времени съ этой поры протекло, и тому ужъ двадцатый
Годъ, какъ, мою посѣтивши отчизну, супругъ твой пустился
Въ море; но то, что осталося въ памяти, вамъ разскажу я:
Въ мантію былъ шерстяную, пурпурнаго цвѣта, двойную,
Онъ облеченъ; золотою, прекрасной, съ двойными крючками
Бляхой держалася мантія; мастеръ на бляхѣ искусно
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепетала; и страшно
Песъ на нее разъяренный глядѣлъ и, изъ лапъ порываясь
Выдраться, билась ногами она: въ изумленье та бляха
Всѣхъ приводила. Хитонъ, я примѣтилъ, носилъ онъ изъ чудной
Ткани, какъ плёнка, съ головки сушенаго снятая лука,
Тонкой и свѣтлой, какъ яркое солнце; всѣ женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же — замѣть ты — не вѣдаю, гдѣ онъ такую одежду

Взялъ? Надѣвалъ ли ужъ дома ее до отбытія въ Трою?
Въ даръ ли ее получилъ отъ кого изъ своихъ при отъѣздѣ?
Взялъ ли въ подарокъ прощальный, какъ гость? Одиссея любили
Многіе люди; сравниться же мало могло съ нимъ Ахеянъ.
Мечъ мѣдноострый, двойную пурпурную мантію, съ тонкимъ,
Сшитымъ по мѣркѣ хитономъ ему подаривъ на прощаньи,
Съ почестью въ путь проводилъ я его въ кораблѣ крѣпкозданномъ.
Съ нимъ находился глашатай; не много постарѣ годами
Былъ онъ; его и теперь описать вамъ могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на тѣлѣ;
Звали его Эвридамомъ; его всѣхъ товарищей болѣ
Чтилъ Одиссей, поелику онъ вѣдалъ, сколь былъ онъ разуменъ.
Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ душѣ Пенелопы:
Всѣ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ подробно.
Горестнымъ плачемъ о миломъ далекомъ супругѣ насытясь,
Такъ напослѣдокъ опять начала говорить Пенелопа:

Странникъ, до сихъ поръ одно сожалѣнье къ тебѣ я имѣла —
Будешь отнынѣ у насъ ты любимъ и почтенъ несказанно.
Платье, которое мнѣ описалъ ты, сама я сложила
Въ складки, доставъ изъ ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсивъ. И мнѣ ужъ его никогда здѣсь не встрѣтить
Въ домѣ семейномъ, въ отечествѣ миломъ! зачѣмъ онъ, зачѣмъ онъ
Насъ покидалъ! непріязненный Демонъ его съ кораблями
Въ море увелъ, къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа,
Нѣжной своей красоты не губи сокрушеньемъ; не сѣтуй
Такъ безутѣшно о миломъ супругѣ. Тебя укорять я
Въ этомъ не буду: нельзя не крушиться женѣ объ утратѣ
Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ въ любви родились ей
Дѣти; красой же богамъ Одиссей, говорятъ, былъ подобенъ.
Ты успокойся однако и выслушай то, что скажу я:

Правду одну я скажу, ничего отъ тебя не скрывая,
Все объявивъ, что узналъ, о прибытіи къ вамъ Одиссея,
Въ области тучной Ѳеспротовъ, отъ здѣшнихъ бреговъ недалёкой.
Живъ онъ; и много везетъ на своемъ кораблѣ къ вамъ сокровищъ,
Собранныхъ имъ отъ различныхъ народовъ; но спутниковъ вѣрныхъ
Всѣхъ онъ утратилъ; его крутобокій корабль, виноцвѣтнымъ
Моремъ отъ знойной Тринакріи плывшій, Зевесъ и блестящій
Геліосъ громомъ разбили своимъ за пожранье священныхъ,
Солнцу любезныхъ быковъ — всѣ погибли въ волнахъ святотатцы.
Онъ же, схватившій оторванный киль корабля, былъ на островъ
Выброшенъ, гдѣ обитаютъ родные богамъ Феакійцы;
Почесть ему оказали они, какъ безсмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотѣли его проводить. И давно бъ ужъ въ Итакѣ
Былъ онъ; но, здраво размысливши, онъ убѣдился, что прежде
Разныя земли ему для скопленья богатствъ надлежало

Видѣть. Никто изъ людей земнородныхъ не могъ съ нимъ сравниться
Въ знаніи выгодъ своихъ и въ разсчетливомъ, тонкомъ разсудкѣ —
Такъ говорилъ мнѣ о немъ царь Федонъ благодушный, который
Послѣ, безсмертнымъ богамъ совершивъ возліянье, поклялся
Мнѣ, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
Въ милую землю отцевъ проводить Одиссея; меня же
Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
Былъ для Ѳеспротовъ, въ Дулихій, обильный пшеницею, шедшихъ;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показалъ онъ.
Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много —
Столько добра имъ оставлено было царю въ сохраненье.
Самъ же, сказали, пошелъ онъ въ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ
Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,
Какъ по отсутствіи долгомъ, въ отчизну, въ желанную землю
Милой Итаки, ему возвратиться удобнѣе будетъ.
Живъ онъ, ты видишь сама; и конечно здѣсь явится скоро;

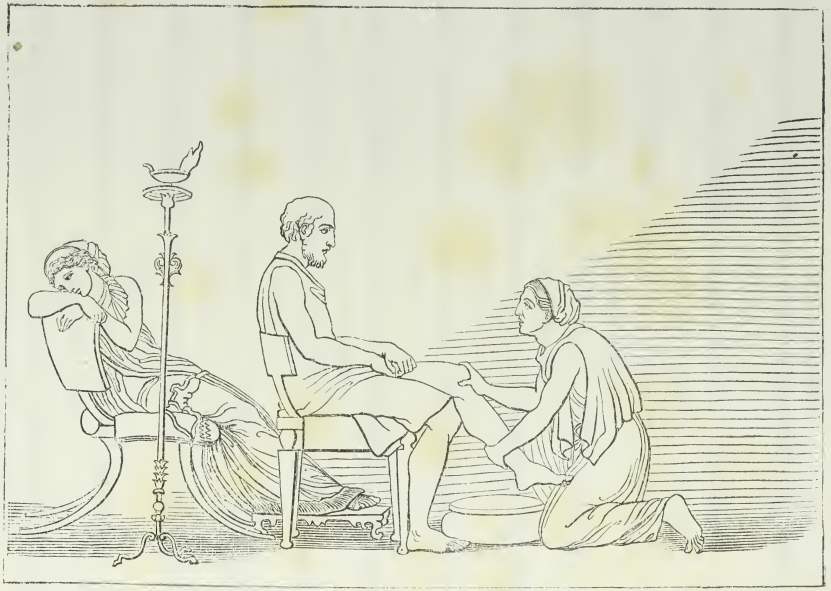
Вѣрно теперь и отъ милыхъ своихъ и отъ родины свѣтлой
Онъ недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсомъ, метателемъ грома, отцемъ и владыкой безсмертныхъ,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Вамъ, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я.
Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;
Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
Вступитъ онъ въ домъ свой. Ему отвѣчая, сказала царица:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ
Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.
Мнѣ же не то предвѣщаетъ мое сокрушенное сердце:
Нѣтъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя не отправимъ
Въ путь мы отсюда: недобрые люди здѣсь властвуютъ въ домѣ;
Здѣсь никого не найдется такого, каковъ Одиссей былъ,
Странниковъ всѣхъ угощавшій, и всѣмъ на прощаньи дарившій

Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантіей теплой покрытую, здѣсь приготовьте, чтобъ могъ онъ
Спать, не озябнувъ, до первыхъ лучей златотронной денницы.
Завтра жъ поутру его вы, въ купальнѣ омывши, елеемъ
Чистымъ натрите, дабы онъ, опрятный, за столъ съ Телемакомъ
Сѣлъ и съ гостями обѣдалъ. И горе тому, кто обидѣть
Вновь покусится его непристойно; ему никакого
Мѣста впередъ здѣсь не будетъ, хотя бъ онъ и сильно озлился.
Иначе, странникъ, повѣришь ли ты, чтобъ хоть мало отъ прочихъ
Женъ я возвышеннымъ духомъ и свѣтлымъ умомъ отличалась,
Если я грязнымъ тебя и нечисто одѣтымъ за столъ нашъ
Сѣсть допущу? Не надо́лго намъ жизнь до́стается на свѣтѣ;
Кто здѣсь и самъ безъ любви и въ поступкахъ любви не являетъ,
Тотъ ненавистенъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый;
Кто жъ, безпорочный душей, и въ поступкахъ своихъ безпороченъ—

Имя его, съ похвалой по землѣ разносимое, славятъ
Всѣ племена и народы, всѣ добрымъ его величаютъ.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Теплая мантія мнѣ и роскошное ложе противны
Съ тѣхъ поръ, какъ Крита широкаго снѣгомъ покрытыя горы,
Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ очей потерялъ я,
Дай мнѣ здѣсь спать, какъ давно ужъ привыкъ я, на жесткой постелѣ.
Много, много ночей провалялся въ безсонницѣ тяжкой
Я, ожидая пришествія златопрестольной денницы;
Также и ногъ омовеніе мнѣ не по сердцу; по крайней
Мѣрѣ къ моимъ прикоснуться ногамъ ни одной не позволю
Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ домѣ служащихъ.
Нѣтъ ли старушки, любящей заботливо службу и много
Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться къ моимъ съ омовеньемъ ногамъ я дозволю.

Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:
Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей къ намъ изъ ближнихъ, изъ дальнихъ
Странъ приходило—умнѣй же тебя никого не случалось
Встрѣтить мнѣ; рѣчи твои всѣ весьма разсудительны. Есть здѣсь
Въ домѣ старушка, совѣтница умная, полная добрыхъ
Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила она; онъ былъ ею
Выкормленъ; ею въ минуту рожденія на руки принятъ.
Ей, хоть она и слаба, о тебѣ поручу я заботу;
Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; съ нимъ же,
Можетъ быть, сходенъ и видомъ ужъ сталъ Одиссей, изнуренный
Жизнію трудной: въ несчастіи люди старѣются скоро.
Такъ говорила она; Эвриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
Свѣтъ мой, дитя мое милое! гдѣ ты? За что же Кроніонъ
Такъ на него, столь покорнаго волѣ боговъ, негодуетъ?

Кто жъ изъ людей передъ громоиграгелемъ Зевсомъ такія
Тучныя бедра быковъ сожигалъ, и ему экатомбы
Такъ приносилъ изобильно, моля, чтобъ онъ свѣтлую старость
Далъ ему дома провесть, разцвѣтающимъ радуясь сыномъ?
Были напрасны молитвы; навѣки утратилъ возвратъ онъ.
Горе! быть можетъ теперь, никому не родной, на чужбинѣ,
Гдѣ нибудь, впущенный въ домъ богача, онъ отъ глупыхъ служанокъ
Встрѣченъ такой же тамъ бранью, какой былъ отъ этихъ собакъ ты,
Странникъ, обиженъ; за то и не хочешь имъ дерзкимъ позволить
Ноги омыть у тебя. То однако порядкомъ исполнить
Мнѣ повелѣла моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сдѣлаю все, и не волю одну госпожи исполняя,
Нѣтъ! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странниковъ бѣдныхъ немало въ нашъ домъ приходило; но сердце
Мнѣ говоритъ, что изъ нихъ ни одинъ (съ удивленьемъ смотрю я)



Одиссей. Эвриклея.

Но только она подошла къ господину, рубецъ ей
Бросился прямо въ глаза.

Не былъ такъ голосомъ, ростомъ, ногами, какъ ты, съ Одиссеемъ
Сходенъ. Сказала. Ей такъ отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
Правда, старушка, и самъ отъ людей я, которымъ обоихъ
Насъ повстрѣчать удавалось, слыхалъ, что во многомъ другъ съ другомъ
Мы удивительно сходны, какъ то мнѣ и ты горишь здѣсь.
Такъ отвѣчалъ онъ. Сіяющій тазъ, для мытья ей служившій
Ногъ, принесла Эвриклея; и, свѣжей водою двѣ трети
Таза наполнивъ, ее долила кипяткомъ. Одиссей же
Сѣлъ къ очагу; но лицемъ обернулся онъ къ тѣни, понеже
Думалъ, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
Можетъ увидѣть рубецъ, и тогда вся откроется разомъ
Тайна. Но только она подошла къ господину, рубецъ ей
Бросился прямо въ глаза. Разъяреннаго вепря клыкомъ онъ
Раненъ былъ въ ногу тогда, какъ пришелъ посѣтить на Парнассѣ
Автоликона, по матери дѣда, (съ его сыновьями),
Славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ—Эрмій

Тѣмъ дарованьемъ его наградилъ, поелику онъ много
Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ благосклонному богу.
Автоликонъ, посѣтивъ плодоносную землю Итаки,
Новорожденнаго сына у дочери милой нашелъ тамъ.
Выждавъ, когда онъ окончитъ свой ужинъ, ему на колѣна
Внука пришла положить Эвриклея. Она тутъ сказала:
Автоликонъ, богоданному внуку ты выдумать долженъ
Имя, какое угодно тебѣ самому: ты усердно
Зевса о внукѣ молилъ. То принявъ предложенье, сказалъ онъ
Зятю и дочери: вашему сыну готово ужъ имя;
Васъ посѣтить собираяся, я разсерженъ несказанно
Многими былъ изъ людей, населяющихъ тучную землю;
Пусть назовется мой внукъ Одиссеемъ; то значитъ: *сердитый*.
Если жъ когда онъ, достигнувши мужескихъ лѣтъ, пожелаетъ
Дѣдовскій домъ посѣтить на Парнассѣ, гдѣ наша обитель,
Будетъ онъ мной угощенъ и съ богатымъ отпущенъ подаркомъ.

Внукъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ обѣщаннымъ къ дѣду.
Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклонно
Встрѣтилъ руки пожиманьемъ и сладколаскательнымъ словомъ;
Бабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него цѣловала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить
Автоликонъ. И они, исполняя родителя волю,
Тотчасъ пригнать повелѣли быка пятилѣтняго съ поля;
Голову снявши съ быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили, и части, взоткнувъ ихъ на вертелъ,
Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку.
Сидя они за обѣдомъ, весь день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и ночь наступила; о ложѣ
Каждый подумалъ и сна благодать ниспослали имъ боги.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.

Автоликоновы всѣ сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрыхъ собакъ. Сынъ Лаэртовъ отправился съ ними.
Долго они по крутому, покрытому лѣсомъ, Парнассу
Шли; напослѣдокъ достигли глубокихъ, вѣтристыхъ ущелій;
Геліосъ только что началъ поля озарять, подымаясь
Тихо съ глубокихъ, ліющихся медленно водъ Океана;
Въ дикую дебрь углубились охотники всѣ; передъ ними,
Слѣдъ открывая, бѣжали собаки; съ собаками вмѣстѣ
Автоликоновы дѣти и сынъ многославный Лаэртовъ
Быстро бѣжали, имѣя въ рукахъ длиннотѣнныя копья.
Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопавшись
Дикихъ; въ тѣнистую глубь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
Сыростью дышущій вѣтеръ, ни Геліосъ, знойно блестящій;
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода — такъ густо
Были они сплетены; и скопилось тамъ много опадшихъ
Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ ловчихъ,

Быстро бѣжавшихъ, кабанъ имъ на встрѣчу изъ дикаго лога
Прянулъ; щетину встопорщивъ, ужасно сверкая глазами,
Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый, къ нему подбѣжавшій,
Былъ Одиссей. Онъ копье длинноострое поднялъ, готовый
Звѣря пронзить; но успѣлъ Одиссею поранить колѣно
Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много
Мяса, напрянувши бѣшено съ боку, но кость уцѣлѣла.
Въ правое звѣрю плечо боевое копье сынъ Лаэртовъ
Сильно всадилъ; и, плечо проколовъ, остріемъ на другой бокъ
Вышло копье; повалился кабанъ и душа отлетѣла.
Автоликоновы дѣти убитаго звѣря велѣли
Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бѣжавшую сильно,
Заговорили. И всѣ напослѣдокъ къ отцу возвратились.
Автоликонъ и его сыновья Одиссея, отъ раны
Давъ изцѣлиться ему, и его одаривши богато,

Сердцемъ веселаго, сами веселые, съ миромъ послали
Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать несказанно
Были его возвращенію рады; они распросили
Сына подробно о ранѣ, и онъ разсказалъ по порядку,
Какъ, на Парнассѣ ловитвой звѣрей веселясь съ сыновьями
Автоликона, онъ вепремъ клычистымъ былъ раненъ въ колѣно.
Эту-то рану узнала старушка, ощупавъ руками
Ногу; отдернула руки она въ изумленьи; упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенѣла
Мѣдь, покачнулся водою наполненный тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствовалъ голосъ.
Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила:
Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!
Кончивъ, она на свою госпожу обратила поспѣшно

Взоры, чтобъ ей возвѣстить возвращеніе милаго мужа.
Та жъ не могла ничего, обратяся глазами въ другую
Сторону, видѣть: Паллада ея овладѣла вниманьемъ.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневоливъ
Ближе къ нему, прошепталъ ей: ни слова! меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпѣвши немало,
Волей боговъ возвратился я въ землю отцевъ черезъ двадцать
Лѣтъ. Но — ужъ если твои для узнанія тайны открылись
Очи — молчи! и чтобъ въ домѣ никто обо мнѣ не провѣдалъ!
Иначе слушай — и то, что услышишь, исполнится вѣрно —
Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Здѣсь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитанъ, не стану
Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями строгій мой судъ совершится.
Сыну Лаэртову такъ, отвѣчая, сказала старушка:
Странное слово изъ устъ у тебя, Одиссей, излетѣло;

Вѣдаешь самъ ты, какъ сердцемъ тверда я, какъ волей упорна:
Все сохраню, постояннѣй, чѣмъ камень, цѣлѣй, чѣмъ желѣзо;
Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что услышишь.
Если Зевесъ истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Всѣхъ назову я рабынь, обитающихъ здѣсь, чтобъ межъ ними
Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ отъ добрыхъ и честныхъ.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Нѣтъ, Эвриклея, ихъ мнѣ называть не трудись понапрасну;
Самъ все увижу и буду умѣть все подробно развѣдать.
Только молчи. Произволу боговъ предадимъ остальное.
Такъ говорилъ Одиссей; и поспѣшно пошла Эвриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на полъ
Вылилась. Вымывъ и чистымъ елеемъ умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинулъ къ жаровнѣ;
Сѣвъ къ ней, чтобъ грѣться, рубецъ свой отреньями рубища скрылъ онъ.
Умная такъ, обратяся къ нему, Пенелопа сказала:

Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу, отвѣчай мнѣ:
Скоро наступитъ пора насладиться покоемъ, и счастливъ
Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаетъ.
Мнѣ жъ несказанное горе послалъ непріязненный Демонъ;
Днемъ, сокрушаясь и сѣтуя, душу свою подкрѣпляю
Я рукодѣльемъ, хозяйствомъ, присмотромъ за дѣломъ служанокъ;
Ночью жъ, когда все утихнетъ и всѣ вкругъ меня, погрузившись
Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безпечно, одна я, тревогой
Мучась, въ безсонницѣ тяжкой сижу на постелѣ и плачу.
Плачетъ Аида, Пандарова дочь блѣдноликая, плачетъ;
Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ
Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми
Сѣнями рощи, и жалобно льется рыдающій голосъ;
Плача, Итилоса милаго, сына Цетосова, мѣдью
Острой нечаянно ею сраженнаго, мать поминаетъ.
Такъ, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать —

Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за свѣтлымъ
Домомъ его, за работой служанокъ, за всѣмъ достояньемъ,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль наконецъ предпочесть изъ Ахейцевъ того, кто усерднѣй
Брака желаетъ со мной и щедрѣе дары мнѣ приноситъ?
Сынъ же, покуда онъ отрокомъ былъ неразумнымъ, разстаться
Съ матерью нѣжной не могъ, и супружескій домъ мнѣ покинуть
Самъ запрещалъ; но теперь онъ, ужъ мужеской силы достигнувъ,
Требуетъ самъ отъ меня, чтобъ изъ дома я вышла немедля;
Онъ огорчается, видя, какъ наше имущество грабятъ.
Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;
Видѣть люблю, какъ они, на водѣ, полоскаясь, играютъ.
Снилося мнѣ, что, съ горы прилетѣвшій, орелъ крутоносый,
Шею свернувъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ пространной столовой
Мертвые были они на полу всѣ разбросаны; самъ же

Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я стонала, и горько
Плакала; вмѣстѣ со мною и много прекрасныхъ Ахейскихъ
Женъ о гусяхъ, умерщвленныхъ могучимъ орломъ, сокрушалось.
Онъ же, назадъ прилетѣвъ и спустясь на высокую кровлю
Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ голосомъ внятно:
Старца Икарія умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сонъ мимолетный, событіе вѣрное видишь;
Гуси — твои женихи, а орелъ, ихъ убить прилетавшій
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Нынѣ тебѣ возвращенный твоимъ женихамъ на погибель.
Такъ онъ сказалъ мнѣ, и въ это мгновенье мой сонъ прекратился;
Я осмотрѣлась кругомъ: на дворѣ, я увидѣла, гуси
Всѣ на лицѣ; и, толпяся къ корыту, клюютъ тамъ пшеницу.
Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей богоравный:
Сонъ, Государыня, твой толковать безполезно: онъ ясенъ
Самъ по себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ немъ значенья; и если

Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель — погибнутъ
Всѣ; ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.
Такъ отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
Странникъ, конечно бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
Смысла нельзя намъ извлечь; и не всякой сбывается сонъ нашъ.
Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновой;
Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой,
Лживы, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ;
Тѣ же, которые въ міръ роговыми воротами входятъ,
Вѣрны; сбываются всѣ приносимыя ими видѣнья.
Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ
Сонъ — сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра наступитъ онъ, день ненавистный, въ который покинуть
Домъ Одиссеевъ принудятъ меня; предложить имъ стрѣлянье

Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здѣсь двѣнадцать
Съ кольцами ставилъ бывало жердей, и тѣ жерди не близко
Ставилъ одну отъ другой, и стрѣлой онъ пронизывалъ кольца
Всѣ. Ту игру женихамъ предложить я теперь замышляю;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Этой игры, мой совѣтъ, не должна ты откладывать. Вѣрь мнѣ,
Въ домѣ своемъ Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкій
Лукъ, тетивою натянетъ его и сквозь кольца прострѣлитъ.
Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:

Если бъ ты, странникъ, со мною всю ночь согласился въ палатѣ
Этой сидѣть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы
Сонъ не пришелъ мнѣ: но вовсе безъ сна оставатья намъ слабымъ
Смертнымъ не должно. Здѣсь всѣмъ намъ, землей многодарной кормимымъ,
Боги безсмертные мѣру, особую каждому, дали.
Время однако на верхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко
Тамъ на постелѣ печалью пересланной, горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой отсюда
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Тамъ отдохну я, а ты ночевать, иноземецъ, останься
Здѣсь; и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожелаешь.
Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ
Вверхъ — не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и, въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свѣла ей на очи богиня Аѳина.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Ночь съ тридцать-осьмаго на тридцать-девятый день.
Утро и полдень тридцать-девятаго дня.

Одиссей ложится спать въ сѣняхъ; жалобы Пенелопы его пробуждаютъ. Добрыя знаменія. Столовую приготовляютъ къ пиру. Являются сперва Эвмей, потомъ Мелантій, который опять оскорбляетъ Одиссея, и наконецъ Филотій, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе удерживаетъ жениховъ, имѣвшихъ намѣреніе умертвить Телемака. За столомъ Ктезиппъ оскорбляетъ Одиссея. Чувства жениховъ приходятъ въ разстройство: Ѳеоклименъ предсказываетъ имъ близкую гибель.

Тутъ приготовилъ въ сѣняхъ для себя Одиссей богоравный
Ложе изъ кожи воловьей, еще недубленой; покрывши
Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами убитыхъ,
Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его Эвриклея одѣла.
Тамъ Одиссей, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя,
Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ ворота́, онъ увидѣлъ, служанки,
Съ хохотомъ громкимъ, бѣжали, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенемъ гнѣва зажглась несказаннымъ.
Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что дѣлать —
Встать ли и, вслѣдъ за безстыдными бросившись, всѣхъ умертвить ихъ?
Или остаться, давъ волю въ послѣдній имъ разъ съ женихами
Свидѣться? Сердце же злилось его; какъ рычитъ, ощенившись,

Злобная сука, щенятокъ своихъ защищая, когда ихъ
Кто незнакомый беретъ, и за нихъ покусаться готовясь,
Такъ на безстыдницъ его раздраженное сердце роптало.
Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло
Въ логѣ Циклопа, въ то время, когда пожиралъ безпощадно
Спутниковъ онъ злополучныхъ моихъ — и терпѣнье разсудку
Выходъ изъ страшной пещеры для насъ погибавшихъ открыло.
Такъ усмирялъ онъ себя, обращаяся къ милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпѣнье
Въ грудь пролилося его; но ворочался съ боку онъ на бокъ.
Какъ на огнѣ, разгорѣвшемся ярко, ворочаютъ полный
Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобъ отвсюду
Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ, огнемъ неприжженный,
Такъ на постелѣ ворочался онъ, безпрестанно тревожась
Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному съ женихов многосильной

Шайкою сладить. Къ нему подошла тутъ Палла-
да Аѳина,
Съ неба слетѣвшая въ видѣ младой, разцвѣтаю-
щей дѣвы.
Тихо къ его изголовью приближась, богиня ска-
зала:
Что же не спишь ты, изъ всѣхъ земнородныхъ
несчастнѣйшій? Развѣ
Это не домъ твой? Не вѣрною ль въ домѣ ты
встрѣченъ женою?
Сынъ же таковъ твой, что всякой ему бы отцемъ
захотѣлъ быть.
Свѣтлой богинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей
хитроумный:
Истину ты говоришь мнѣ, богиня; но сердцемъ
я крѣпко
(Въ томъ принужденъ предъ тобой повиниться)
тревожусь, не зная,
Буду ли въ силахъ одинъ съ жениховъ много-
численной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются
въ домѣ.
Но и другою тревогой мое озабочено серд-
це:
Если по волѣ твоей и Кроніона всѣхъ истреблю
я —
Какъ мнѣ спастися отъ мщенья родни ихъ? По-
думай объ этомъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣча-
ла:
Ты, маловѣрный! надѣются жъ люди въ бѣдѣ и
на слабыхъ

Смертныхъ, ни дѣломъ помочь, ни совѣта подать неспособныхъ —
Я же богиня, тебя неизмѣнно всегда отъ напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдругъ пятьдесятъ изъ засады на двухъ насъ напало
Ратей, чтобъ намъ совокупно погибель устроить— при нихъ же
Мы бы похитили козъ ихъ, овецъ и быковъ круторогихъ.
Спи, ни о чемъ не тревожась; несносно лежать на постелѣ,
Глазъ не смыкая; твои же напасти окончатся скоро.
Съ сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потомъ на Олимпъ улетѣла. И всѣхъ усладитель
Нашихъ тревогъ, разрѣшающій сладко усталые члены,
Сонъ овладѣлъ имъ. Супруга жъ его, отъ тревоги проснувшись,
Сѣла безсонная въ горькихъ слезахъ на постелѣ; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утоливъ, громогласно
Стала она призывать Артемиду и такъ ей молилась:
О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,

Тихой стрѣлою твоею меня порази, и изъ тѣла
Выведи душу мою. О! когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася въ край тотъ,
Гдѣ начинаетъ свой путь Океанъ, круговратно бѣгущій!
Были жъ Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у нихъ; сиротами остались
Въ домѣ семейномъ онѣ; Афродита богиня питала
Ихъ молокомъ, сладкотающимъ медомъ, виномъ благовоннымъ;
Ира дала имъ, отъ всѣхъ отличая ихъ дѣвъ земнородныхъ,
Умъ и красу; Артемида плѣнительной стройностью стана
Ихъ одарила; Аѳина ихъ всѣмъ научила искусствамъ.
Но, когда на высокій Олимпъ вознеслась Китерея
Тамъ умолять, чтобъ супружества счастіе далъ непорочнымъ
Дѣвамъ Зевесъ громолюбецъ, который, все вѣдая въ мірѣ,
Благо и зло земнороднымъ по волѣ своей посылаетъ —
Гнусныя Гарпіи, дѣвъ беззащитныхъ похитя, ихъ въ руки

Предали грозныхъ Эринній, чудовищамъ въ рабство. О! если бъ
Такъ и меня Олимпійскіе боги съ земли во мгновенье
Сбросили! если бъ меня, съ Одиссеемъ въ душѣ, Артемида
Свѣтлокудрявая въ темную вдругъ затворила могилу
Прежде, чѣмъ быть мнѣ подругою мужа, противнаго сердцу!
Но и тяжелыя скорби становятся легче, когда мы,
Въ горькихъ слезахъ, въ сокрушеніи сердца день цѣлый проведши,
Ночью въ объятія сна предаемся — мы все забываемъ,
Зло и добро, лишь коснется очей онъ цѣлебной рукою;
Мнѣ же и сонъ мой терзаетъ видѣньями страшными Демонъ;
Видѣлось мнѣ, что лежалъ близъ меня несказанно съ нимъ сходный,
Самый тотъ образъ имѣвшій, какой онъ имѣлъ, удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сонъ — и проснулась.
Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эосъ.
Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входили; и, слыша
Ихъ, онъ подумалъ, что ею былъ узнанъ; ему показалось

Гнусныя Гарпіи, дѣвъ беззащитныхъ похитя, ихъ въ руки
Предали грозныхъ Эринній, чудовищамъ въ рабство

Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ.
Сбросивъ покровъ и овчины собравъ, на которыхъ лежалъ онъ,
Всѣ ихъ сложилъ Одиссей на скамейкѣ, а кожу воловью
Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ поднялъ съ молитвою руки:
Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня, и землей и водою
Въ домъ мой (хотя и подвергнулъ напастямъ привелъ невредимо,
Дай, чтобъ отъ перваго, кто здѣсь проснется, мной вѣщее слово
Было услышано; самъ же мнѣ знаменьемъ сердце обрадуй.
Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышалъ:
Страшноударившимъ громомъ изъ звѣзднобезтучнаго неба
Зевсъ отвѣчалъ. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое онъ отъ рабыни, моловшей на царской
Мельницѣ близкой, услышалъ; на мельницѣ этой двѣнадцать
Было рабынь и вседневно отъ ранняго утра до поздней
Ночи ячмень и пшено тамъ онѣ для домашнихъ мололи.
Спали другія, всю кончивъ работу; а эта, слабѣе

Прочихъ, проснулася ранѣ, чтобъ трудъ довершить неготовый.
Жерновъ покинувъ, сказала она (и пророчество было
Въ словѣ ея Одиссею): Зевесъ, нашъ отецъ и владыка,
На небѣ нѣтъ облаковъ и его наполняютъ, сверкая,
Звѣзды, а громъ твой гремитъ, всемогущій! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нынѣ
Слово мое: да послѣднимъ въ жилищѣ царя Одиссея
Будетъ сегоднишній пиръ жениховъ многобуйныхъ! Колѣна
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Ихъ угождая — да нынѣшнимъ кончатся всѣ здѣсь пиры ихъ!
Такъ говорила рабыня, былъ радъ Одиссей прорицанью
Грома и слова, и въ сердцѣ его утвердилась надежда.
Тутъ Одиссеева дома рабыни сошлися изъ разныхъ
Горницъ и жаркій огонь на большомъ очагѣ запалили.
Ложе покинулъ свое и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;

Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Взялъ боевое копье, лучезарно блестящее мѣдью;
Такъ онъ вступилъ на порогъ и сказалъ, обратясь къ Эвриклеѣ:
Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникъ? Покойно ль
Спалъ онъ? Иль вы не хотѣли о немъ и подумать? Обычай
Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажетъ, на лучшаго жъ вовсе и взгляда не броситъ.
Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвѣчала:
Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь;
Съ нею сидя, здѣсь виномъ утѣшался онъ, сколько угодно
Было душѣ; но не ѣлъ, хоть его и просили. По горло
Сытъ я, сказалъ. А когда онъ подумалъ о снѣ и постелѣ,
Мягкое ложе она приготовить велѣла рабынямъ.
Онъ же напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постелѣ, покрытой ковромъ отказался;

Кожу воловью постлалъ на полу и, овчинъ положивши
Сверху, улегся въ сѣняхъ; я покрыла его одѣяломъ.
Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ изъ палаты
Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки.
На площадь, главное мѣсто собранья Ахеянъ, пошелъ онъ.
Тутъ всѣхъ рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Имъ Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
Всѣ! на работу однѣ за метлы; и проворнѣе выместь
Горницы, вспрыснувъ полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестропурпурныя ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировыя кратеры;
Чаши глубокія, кубки двудонные вымыть. Другія жъ
Всѣ за водою къ ключу и скорѣе назадъ, поелику
Нынѣшній день женихи не замедлятъ приходомъ, напротивъ
Ранѣе всѣ соберутся: мы праздникъ готовимъ великій.
Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуяся волѣ,

Двадцать рабынь побѣжали на ключъ темноводный; другія
Начали горницы всѣ прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слугъ женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами полѣнья колоть. Воротились
Съ свѣжей рабыни водой отъ ключа. Свинопасомъ Эвмеемъ
Пригнаны были три борова, самые жирные въ стадѣ:
Заперли ихъ въ окруженную частымъ заборомъ заграду.
Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею, спросилъ дружелюбно:
Странникъ, учтивѣе ль стали съ тобой Телемаковы гости?
Иль по-вчерашнему въ домѣ у насъ на тебя нападаютъ?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Добрый Эвмей, да пошлютъ всемогущіе боги Олимпа
Имъ воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, съ какою
Здѣсь, не стыдяся, они расхищаютъ чужое богатство!
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами смотрящій, Мелантій;

Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей было
Двое. И, козъ привязавши подъ кровлей сѣней многозвучныхъ,
Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругаяся, дерзкій Мелантій:
Здѣсь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать намъ вздохнуть; мой совѣтъ, убирайся отсюда скорѣе;
Иль и со мной у тебя напослѣдокъ дойдетъ до расправы;
Можешь тогда и моихъ кулаковъ ты отвѣдать; ты слишкомъ
Сталъ ужъ докученъ; не въ этомъ лишь домѣ бываютъ обѣды.
Кончилъ. Ему Одиссей ничего не отвѣтствовалъ; только,
Молча, потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Третій тутъ главный пастухъ подошелъ къ нимъ, коровникъ Филотій;
Козъ онъ отборныхъ привелъ съ нетелившейся, жирной коровой.
Въ городъ же ихъ привезли на судахъ перевощики, всѣхъ тамъ,
Кто нанималъ ихъ, возившіе моремъ рабочіе люди.
Козъ и корову Филотій оставилъ въ сѣняхъ многозвучныхъ;

Самъ же, приближась къ Эвмею, спросилъ у
него дружелюбно:
Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей, при-
веденный
Въ городъ? Къ какому себя причисляетъ онъ
племени? Гдѣ онъ
Домъ свой отцовскій имѣетъ? Въ какой сторонѣ
онъ родился?
Съ виду онъ бѣдный скиталецъ, но царственный
образъ имѣетъ.
Боги бездомно-бродящихъ людей унижаютъ
жестоко;
Но и могущимъ царямъ испытанья они посы-
лаютъ.
Тутъ къ Одиссею, привѣтствіе правою сдѣлавъ
рукою,
Ласково онъ обратился и бросилъ крылатое
слово:
Радуйся, добрый отецъ чужеземецъ; теперь ни-
щетою
Ты удрученъ—но пошлютъ наконецъ и тебѣ
изобилье
Боги. О Зевсъ! ты безжалостнѣй всѣхъ, на
Олимпѣ живущихъ!
Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣкамъ; ты
самъ, нашъ создатель,
Насъ предаешь безпощадно бѣдѣ и грызущему
горю.
Пóтомъ прошибло меня и въ глазахъ потемнѣ-
ло, когда я
Вспомнилъ, взглянувъ на тебя, о царѣ Одиссеѣ:
какъ ты, онъ,

Можетъ быть, бродитъ въ такихъ же лахмотьяхъ, такой же бездомный.
Гдѣ онъ, несчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
О благодушный, великій мой царь! надъ стадами коровъ ты
Здѣсь въ сторонѣ Кефаленской меня молодаго поставилъ;
Много теперь расплодилось ихъ; нѣтъ никого здѣсь другаго,
Кто бы имѣлъ столь великое стадо коровъ крѣпколобыхъ.
Горе! я самъ приневоленъ сюда ихъ водить на пожранье
Этимъ грабителямъ. Сына они притѣсняютъ въ отцовомъ
Домѣ; боговъ наказанье не страшно имъ; между собою
Всѣ раздѣлить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслятъ.
Часто мнѣ замыселъ въ милое сердце приходитъ (хотя онъ,
Правду сказать, и не вовсе похваленъ: есть въ домѣ наслѣдникъ),
Замыселъ въ землю чужую со стадомъ моимъ, къ иноземнымъ
Людямъ уйти. Несказанное горе мнѣ, здѣсь оставаясь,
Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой отдавать имъ; давно бы

Эту покинулъ я землю, гдѣ столько неправды творится;
Стадо уведши съ собою, къ иному царю перешелъ бы
Въ службу — но вѣрится все мнѣ еще, что воротится въ домъ свой
Онъ, нашъ желанный, и всѣхъ ихъ, грабителей, разомъ погубитъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Видно порода твоя не простая, мой честный коровникъ;
Сердцемъ, я вижу, ты вѣренъ, и здравый имѣешь разсудокъ;
Радость за то объявляю тебѣ и клянуся великой
Клятвой, Зевесомъ отцемъ, гостелюбною здѣшней трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Вамъ, что еще ты отсюда уйти не успѣешь, какъ самъ онъ
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидѣть,
Если захочешь, какой съ женихами разсчетъ поведетъ онъ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ пастуховъ повелитель Филотій:
Если ты правду сказалъ, иноземецъ (и Дій да исполнитъ
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празденъ останусь.

Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Такъ говорили о многомъ они, отъ другихъ въ отдаленьи.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
Смерти, сходились; но въ это мгновеніе слѣва поднялся
Быстрый орелъ, и въ когтяхъ у него трепетала голубка.
Знаменьемъ въ страхъ приведенный, сказалъ Анфиномъ благородный:
Замыселъ нашъ умертвить Телемака, друзья, по желанью
Намъ не удастся исполнить. Подумаемъ лучше о пирѣ.
Такъ онъ сказалъ; подтвердили его предложенье другіе.
Всѣ они вмѣстѣ пошли, и когда въ Одиссеевъ вступили
Домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
Жирныхъ свиней убивать; и корову зарѣзали также.
Были изжарены прежде одни потроха̀ и въ кратеры
Влито съ водою вино. Свинопасъ двоеручные кубки

Подалъ, потомъ и въ прекрасныхъ корзинахъ коровникъ Филотій
Хлѣбы разнесъ; а Мелантій виномъ благовоннымъ наполнилъ
Кубки. И подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
Но Одиссею, съ намѣреньемъ хитрымъ въ умѣ, на порогѣ
Двери широкой велѣлъ Телемакъ помѣститься; подвинувъ
Къ ней небольшую, простую скамейку и низенькій столикъ,
Часть потрохо́въ онъ принесъ, золотой благовоннымъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и, его подавая, сказалъ Одиссею:
Здѣсь ты сиди и виномъ утѣшайся съ моими гостями,
Новыхъ обидъ не страшася; рукамъ жениховъ я не дамъ ужъ
Воли; мой домъ не гостинница, гдѣ произвольно пируетъ
Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, царево жилище
Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой отъ словъ непристойныхъ,
Также и воли рукамъ не давайте; иль будетъ здѣсь ссора.
Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.

Но, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ:
Какъ ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно
Къ сердцу его принимать намъ; пускай онъ грозится! давно бы,
Если бъ тому не препятствовалъ вѣчный Кроніонъ, его мы
Здѣсь упокоили — сталъ онъ теперь говорунъ нестерпимый.
Кончилъ; но слово его Телемакъ безъ вниманья оставилъ.
Въ это время народъ черезъ городъ съ глашатаемъ жертву
Шелъ совершать: въ многотѣнную рощу метателя вѣрныхъ
Стрѣлъ Аполлона былъ ходъ густовласыхъ Ахеянъ направленъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Роздали части, и начали пиръ многославный. Особо
Тутъ принесли Одиссею проворные слуги такую жъ
Мяса подачу, какую имѣли и сами; то было
Такъ имъ приказано сыномъ его Телемакомъ разумнымъ.
Тою порою Аѳина сама жениховъ возбуждала
Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе

Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
Тамъ находился одинъ, отъ другихъ беззаконной отличный
Дерзостью, родомъ изъ Зама: его называли Ктезиппомъ.
Былъ онъ несмѣтно богатъ, и, гордяся богатствомъ, замыслилъ
Спорить съ другими о бракѣ съ женою Лаэртова сына.
Такъ, къ женихамъ обратяся, сказалъ имъ Ктезиппъ многобуйный:
Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю:
Мяса, какъ слѣдуетъ, добрую часть со стола получилъ ужъ
Этотъ старикъ — и весьма бъ непохвально, неправедно было
Если бъ гостей Телемаковыхъ кто ихъ участка лишалъ здѣсь.
Я жъ и свою для него приготовилъ подачу, чтобъ могъ онъ
Что нибудь дать за купанье рабынѣ, иль должный подарокъ
Сдѣлать кому изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ;
Тутъ онъ, схвативши коровью, въ корзинѣ лежавшую ногу,
Сильно ее въ Одиссея швырнулъ; Одиссей, отклонивши
Голову въ бокъ, избѣжалъ отъ удара; и страшной улыбкой

Стиснулъ онъ губы; нога жъ, пролетѣвши, ударила въ стѣну.
Грозно взглянувъ на Ктезиппа, сказалъ Телемакъ раздраженный:
Будь благодаренъ Зевесу, Ктезиппъ, что ударъ не коснулся
Твоей головы чужеземца: онъ самъ отъ него отклонился;
Иначе острымъ копьемъ повѣрнѣе въ тебя бы попалъ я;
Сталъ бы не бракъ для тебя—погребенье отецъ твой готовить.
Всѣмъ говорю вамъ: отнынѣ себѣ непристойныхъ поступковъ
Въ домѣ моемъ позволять вы не смѣйте, ужъ я не ребенокъ,
Все ужъ теперь понимаю; все знаю, что надобно дѣлать.
Правда, еще принужденъ я свидѣтелемъ быть терпѣливымъ
Здѣсь истребленья барановъ и козъ и вина и богатыхъ
Нашихъ запасовъ—я съ цѣлой толпою одинъ не управлюсь;
Новыхъ обидъ мнѣ однако я вамъ не совѣтую дѣлать;
Если жъ намѣренье ваше меня умертвить, то конечно
Будетъ пристойнѣй, чтобъ, въ домѣ моемъ пораженный, я встрѣтилъ
Смерть тамъ, чѣмъ зрителемъ былъ беззаконныхъ поступковъ и видѣлъ,

Какъ обижаютъ моихъ въ немъ гостей, какъ добро пожираютъ.
Такъ онъ сказалъ, всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвѣчалъ напослѣдокъ:
Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
Стараго странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
Я жъ Телемаку и матери свѣтлой его дружелюбно
Добрый и вѣрно самимъ имъ угодный совѣтъ предложу здѣсь:
Въ сердцѣ своемъ вы донынѣ питали надежду, что боги,
Вашимъ молитвамъ внимая, домой возвратятъ Одиссея;
Было донынѣ и намъ невозможно на медленность вашу
Сѣтовать, такъ поступать намъ совѣтовалъ здравый разсудокъ
(Могъ послѣ брака незапно въ свой домъ Одиссей возвратиться);
Нынѣ жъ сомнѣнія нѣтъ намъ: мы знаемъ, что онъ невозвратенъ.
Матери умной своей ты теперь, Телемакъ благородный,

Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того, кто щедрѣй на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ отеческомъ домѣ
Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствѣ заботиться станетъ.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Нѣтъ, Агелай, я Зевесомъ отцемъ и судьбой Одиссея
(Что́ бы съ нимъ ни было, живъ ли, погибъ ли) клянусь передъ всѣми
Вами, что матери въ бракъ не мѣшаю вступить, что напротивъ
Самъ убѣждаю ее по желанію выбрать, и много
Дамъ ей подарковъ; но и́зъ дома выслать ее по неволѣ
Я и помыслить не смѣю—то Зевсу не будетъ угодно.
Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ несказанный Аѳина
Смѣхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и разсудокъ разстроивъ.
Дико они хохотали; и, лицами вдругъ измѣнившись,
Ѣли сырое, кровавое мясо; глаза ихъ слезами
Всѣ затуманились; сердце ихъ тяжкой заныло тоскою;
Ѳеоклименъ богоравный тогда поднялся и сказалъ имъ:

Вы, злополучные, горе вамъ! горе! невидимы стали
Головы ваши во мглѣ и невидимы ваши колѣна;
Слышенъ мнѣ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стѣны, я вижу, въ крови; съ потолочныхъ бѣжитъ перекладинъ
Кровь; привидѣньями, въ бездну Эрева бѣгущими, полны
Сѣни и дворъ, и на солнце небесное, вижу я, всходитъ
Страшная тѣнь и подъ ней вся земля покрывается мракомъ;
Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хохотать продолжали.
Тутъ говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ въ умѣ помѣшался;
На площадь должно его проводить намъ, пусть выдетъ на свѣжій
Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно темно́ здѣсь въ палатѣ.
Ѳеоклименъ богоравный сказалъ, обратясь къ Эвримаху:
Нѣтъ! Эвримахъ, въ провожатыхъ твоихъ не имѣю я нужды;
Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и уши; разсудокъ
Мой не разстроенъ, и память свою я еще не утратилъ.

Самъ убѣгу я отсюда; я къ вамъ подходящую быстро
Слышу Бѣду; ни одинъ отъ нея не уйдетъ; не избѣгнетъ
Силы ея никоторый изъ васъ святотатцевъ, губящихъ
Домъ Одиссеевъ и въ немъ безнаказаннаго много творящихъ.
Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно палату покинувъ, къ Пирею
Прямо пошелъ, и Пиреемъ былъ съ прежнею ласкою принятъ.
Тою порой, поглядѣвши съ насмѣшкой одинъ на другаго,
Начали всѣ Телемака дразнить женихи, надъ гостями
Дома его издѣваясь, и такъ говорили иные:
Другъ Телемакъ, на отборъ негодяи тебя посѣщаютъ;
Прежде вотъ этотъ нечистый пожаловалъ въ домъ твой бродяга,
Хищникъ обѣденныхъ крохъ, ни въ какую работу негодный,
Слабый, гнилой старичишка, земли безполезное бремя;
Гость же другой помѣшался и началъ безпутно пророчить.
Выслушай лучше нашъ добрый совѣтъ, Телемакъ многомудрый:
Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей на корабль крутобокій

Бросить, къ Сикеламъ отвезть и продать за хорошія деньги.
Такъ говорили они; Телемакъ, ихъ словамъ не внимавшій,
Молча, смотрѣлъ на отца, дожидаясь спокойно, чтобъ подалъ
Знакъ онъ, когда начинать съ беззаконною шайкой расправу.
Въ горницѣ ближней на креслахъ богатыхъ въ то время сидѣла
Многоразумная старца Икарія дочь Пенелопа;
Было ей слышно все то, что въ собраньи гостей говорилось.
Веселъ-безпечно и живъ разговоромъ и хохотомъ шуменъ
Былъ ихъ обѣдъ, для котораго столько настряпали сами;
Но никогда и нигдѣ и никто не готовилъ такого
Ужина людямъ, какой приготовилъ съ Палладою грозный
Мужъ, для незваныхъ гостей, беззаконныхъ ругателей правды.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Тридцать-девятый день.

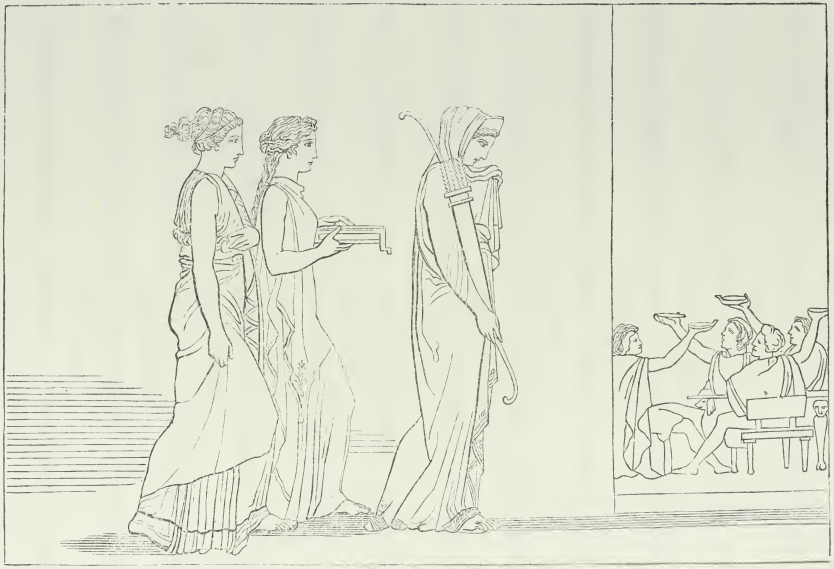
Пенелопа приноситъ лукъ и стрѣлы Одиссеевы; при видѣ ихъ Эвмей и Филотій проливаютъ слезы; Антиной насмѣхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стрѣльбы и пытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ. Женихи напрасно стараются натянуть его. Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотію; они приготовляются къ умерщвленію жениховъ. Послѣ неудачнаго Эвримахова опыта натянуть лукъ, Антиной предлагаетъ отложить стрѣльбу до другаго дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдѣлать опытъ; женихи тому противятся; но, по приказанію Телемака, лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стрѣляетъ и попадаетъ въ цѣль.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина вселила желанье
Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лукъ женихамъ Одиссеевъ и грозныя стрѣлы принесши,
Вызвать къ стрѣлянію въ цѣль ихъ и тѣмъ приготовить имъ гибель.
Вверхъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искуственно выгнутый мѣдный
Ключъ съ рукоятью изъ кости слоновой доставши, царица
Въ дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Гдѣ Одиссеевы всѣ драгоцѣнности были хранимы:
Золото, мѣдь и желѣзная утварь чудесной работы.
Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ и набитый
Множествомъ стрѣлъ бѣдоносныхъ колчанъ. Подаренъ Одиссею

Этотъ былъ лукъ со стрѣлами давно въ Лакедемонѣ гостемъ
Ифитомъ, богоподобнаго Эврита сыномъ. Они же
Встрѣтились прежде другъ съ другомъ въ Мессинѣ, гдѣ нужно обоимъ
Домъ посѣтить Орхилока разумнаго было. Въ Мессинѣ
Тяжбу съ гражданами велъ Одиссей. Изъ Итаки Мессинцы
Мелкаго много скота увели; съ пастухами оттуда
Триста быковъ круторогихъ разбойничье судно украло.
Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; юноша, свѣжести полный
Былъ онъ въ то время; его же послали отецъ и Геронты.
Ифитъ отыскивалъ такъ же пропажу: коней и двѣнадцать
Добрыхъ жеребыхъ кобылъ и могучихъ работниковъ муловъ.
Ифиту искъ удался; но погибелью стала удача:
Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью силы великой
Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ чудныхъ, пришелъ онъ —
Въ домѣ своемъ умертвилъ имъ самимъ приглашеннаго гостя
Звѣрскій Ираклъ, посрамивши Зевесовъ законъ и накрытый

Имъ гостелюбно для странника столъ, за которымъ убійство
Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучнокопытныхъ присвоить.
Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ, Одиссея тамъ встрѣтилъ.
Эвритовъ лукъ онъ ему подарилъ; умирая, великій
Эвритъ тотъ лукъ злополучному сыну въ наслѣдство оставилъ.
Ифита острымъ мечемъ и копьемъ одаривъ длиннотѣннымъ,
Гостемъ остался ему Одиссей; но за столъ пригласить свой
Друга не могъ: прекратилъ сынъ Зевесовъ, Ираклъ безпощадный,
Жизнь благородному Ифиту, Эврита славнаго сыну,
Давшему лукъ Одиссею и стрѣлы. И не бралъ съ собою
Ихъ никогда Одиссей на войну въ кораблѣ чернобокомъ:
Память о гостѣ возлюбленномъ вѣрно храня, ихъ берегъ онъ
Въ домѣ своемъ; но въ отечествѣ всюду имѣлъ при себѣ ихъ.
Близко къ дверямъ запертымъ кладовой подошедъ, Пенелопа
Стала на гладкій дубовый порогъ (по снуру обтесавши
Брусъ, тотъ порогъ тамъ искусно уладилъ строитель, дверныя

Притолки въ немъ утвердилъ, и на притолки створы навѣсилъ);
Съ скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключъ свой вложила царица въ замокъ; отодвинувъ задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петляхъ заржавѣвшихъ створы
Двери блестящей; какъ дико мычитъ выгоняемый на́ лугъ
Быкъ круторогій — такъ дико тяжелые створы визжали.
Взлѣзши на гладкую полку (на ней же ларцы съ благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеевъ съ гвоздя ненатянутый лукъ протянула;
Бережно былъ онъ обвернутъ блестящимъ чахломъ; и, доставши
Лукъ, на колѣни свои положила его Пенелопа;
Сѣвъ съ нимъ и вынувъ его изъ чахла, зарыдала и долго,
Долго рыдала она; напослѣдокъ, насытившись плачемъ,
Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собранье,
Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся и великій
Тулъ мѣдноострыми быстросмертельными полный стрѣлами.



Пенелопа

Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собранье,
Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся и великій
Тулъ мѣдноострыми быстросмертельными полный стрѣлами.

Слѣдомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ
Мѣди, желѣза, и съ разною утварью бранной. Царица,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки. И, слово
Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала:
Слушайте всѣ вы, мои женихи благородные: домъ нашъ
Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права
Нѣтъ вамъ на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрѣшить вы мой выборъ. Готова
Быть я цѣною побѣды. Смотрите, вотъ лукъ Одиссеевъ;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать

Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.
Съ сими словами велѣла она свинопасу Эвмею
Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ.
Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его; къ женихамъ онъ пошелъ съ нимъ;
Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и коровникъ Филотій.
Къ нимъ обратяся обоимъ, сказалъ Антиной негодуя:
Вы, деревеньщина грубая, только однимъ ежедневнымъ
Занятъ вашъ умъ! Отъ чего вы расплакались? Горе ль усилить
Въ сердцѣ хотите своей госпожи? И безъ васъ ужъ довольно
Скорбью томится она безполезною въ долгой разлукѣ
Съ мужемъ; сидите же тихо и ѣшьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лукъ вашъ и стрѣлы
Намъ женихамъ на рѣшительный бой. Сомнѣваюсь однако
Я, чтобъ легко натянулъ кто такой несказанно упорный

Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ Одиссей былъ,
Нѣтъ между нами. Его я въ то время видалъ — и понынѣ
Помню о немъ, хоть тогда и ребенкомъ еще былъ неумнымъ.
Такъ говоря про другихъ, про себя уповалъ онъ, что сладитъ
Съ лукомъ, натянетъ легко тетиву и всѣ кольца прострѣлитъ.
Бѣдный слѣпецъ, онъ не думалъ, что первою жертвою будетъ
Стрѣлъ Одиссея, который имъ въ собственномъ домѣ такъ дерзко
Былъ оскорбленъ, на котораго тамъ и другихъ возбуждалъ онъ.
Тутъ, къ женихамъ обратясь, имъ сказалъ Телемакъ богоравный:
Горе! конечно мой разумъ привелъ въ безпорядокъ Кроніонъ!
Милая мать, столь великимъ умомъ одаренная, слышу,
Здѣсь говоритъ, что съ супругомъ другимъ соглашается свѣтлый
Домъ мой покинуть; а я, тѣмъ довольный, смѣюсь, какъ безумецъ.
Часъ наступилъ, женихи, приготовьтесь къ послѣднему дѣлу.
Въ цѣлой Ахейской землѣ вы такой не найдете невѣсты —
Гдѣ бъ ни искали, въ священномъ ли Пилосѣ, или въ Аргосѣ,

Или въ Микинахъ, иль въ нашей Итакѣ, иль тамъ на пространствѣ
Черной земли матерой — но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать намъ свой опытъ; берите
Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на дѣлѣ.
Я жъ и себя самого испытанью хочу здѣсь подвергнуть.
Если удастся мнѣ лукъ натянуть и стрѣлою всѣ кольца
Мѣтко пробить, удаленіе матери милой изъ дома
Съ мужемъ другимъ и мое одиночество будутъ сноснѣе
Мнѣ, ужъ владѣть небезсильному лукомъ отца Одиссея.
Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпуровую мантію сбросилъ;
Всталъ, и, съ мечемъ мѣдноострымъ блестящую перевязь снявши,
Жерди въ глубокихъ для каждой особенно вырытыхъ ямкахъ,
Ихъ по снуру уровнявъ, утвердилъ; основанья жъ, чтобъ прямо
Всѣ, не шатаясь, стояли, землей отопталъ. Всѣ дивились,
Какъ онъ искусно порядокъ, ему незнакомый, устроилъ.
Сталъ Телемакъ у порога дверей и, схвативъ Одиссеевъ

Лукъ, попытался на немъ натянуть тетиву; и погнулъ онъ
Трижды его, но, упорствуя, трижды онъ вновь разогнулся.
Имъ овладѣть, нацѣпивъ тетиву, уповая, въ четвертый
Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой приняться за дѣло;
Но Одиссей по условью кивнулъ головой; отложивши
Трудъ, обратился къ отцу и сказалъ Телемакъ богоравный:
Горе мнѣ! видно я слабымъ рожденъ и останусь безсильнымъ
Вѣчно; я молодъ еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнѣе; пусть каждый
Лукъ Одиссеевъ возьметъ и свершить попытается подвигъ.
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:

Съ правой руки подходите одинъ за другимъ вы, начавши
Съ мѣста, откуда вино подносить на пиру начинаютъ.
Такъ Антиной предложилъ и одобрили всѣ предложенье.
Первый, поднявшійся съ мѣста, пошелъ Леодей, сынъ Эйпоповъ;
Жертвогадатель ихъ былъ онъ и подлѣ кратеры на самомъ
Краѣ стола за обѣдомъ садился. Ихъ буйство противно
Было ему; и нерѣдко онъ ихъ порицалъ, негодуя.
Первый онъ долженъ былъ взяться за лукъ роковой, наблюдая
Очередь. Ставъ у порога дверей, онъ схватилъ Одиссеевъ
Лукъ; но его и погнуть онъ не могъ; отъ напрасныхъ усилій
Слабыя руки его онѣмѣли. Онъ съ горемъ воскликнулъ:
Нѣтъ! не по силамъ мнѣ лукъ Одиссеевъ; другой попытайся
Крѣпость его одолѣть; но у многихъ мужей знаменитыхъ
Душу и жизнь онъ возьметъ. И конечно желаннѣе встрѣтить
Смерть, чѣмъ живому скорбѣть о утратѣ того, что такъ сильно
Насъ привлекало вседневно сюда чародѣйствомъ надежды.

Всѣ мы теперь уповаемъ, во всѣхъ насъ пылаетъ желанье
Бракъ заключить съ Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лукъ испытавъ Одиссеевъ и силу надъ нимъ утомивши,
Съ горемъ въ душѣ принужденъ за другую Ахейскую дѣву
Свататься будетъ, подарки свои расточая; она же
Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратися безпечно.
Гнѣвно къ нему обратившись, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Странное слово изъ устъ у тебя, Леодей, излетѣло,
Слово печальное, страшное; слышать его мнѣ противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многихъ людей знаменитыхъ
Лукъ Одиссеевъ возьметъ, потому, что его неспособенъ
Ты натянуть. Но безсильнымъ отъ матери былъ благородной

Ты безъ сомнѣнья рожденъ, не могучимъ властителемъ лука;
Многіе будутъ въ числѣ жениховъ благородныхъ способнѣй
Сладить съ нимъ. Кончилъ. Потомъ, козовода Мелантія кликнувъ,
Слушай, Мелантій, сказалъ, здѣсь огонь ты разложишь; къ огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирнаго сала потомъ принесешь намъ укругъ, чтобъ могли мы
Имъ, на огнѣ здѣсь его разогрѣвши, помазывать крѣпкій
Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобнѣй натянутъ быть можетъ.
Такъ онъ сказалъ. И Мелантій, огонь разложивъ превеликій,
Близко поставилъ скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принесъ напослѣдокъ укругъ и, растаявши сало,
Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ нихъ никоторый
Лука не могъ и немного погнуть — несказанно былъ тугъ онъ;
Взяться за опытъ тогда въ свой чередъ Антиной съ Эвримахомъ
Были должны, межъ другими отличные мужеской силой.
Въ это мгновенье, разомъ поднявшися, изъ дома вмѣстѣ

Вышли Эвмей свинопасъ и коровникъ Филотій; за ними
Слѣдуя, залу покинулъ и царь Одиссей; онъ, широкій
Дворъ перейдя, за ворота двустворныя вышелъ. Позвавши
Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую рѣчь обратилъ къ нимъ:
Вѣрные слуги, Эвмей и Филотій, могу ль вамъ открыться?
Или мнѣ лучше смолчать? Но меня говорить побуждаетъ
Сердце. Отвѣтствуйте: что бы вы сдѣлали, если бъ внезапно,
Демономъ вдругъ приведенный какимъ, Одиссей, господинъ вашъ,
Здѣсь вамъ явился? Къ нему ль, къ женихамъ ли тогда бъ вы пристали?
Прямо скажите мнѣ все, что велитъ вамъ разсудокъ и сердце.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ простодушный коровникъ Филотій:
Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на наши молитвы ты отдалъ
Намъ Одиссея! да благостный Демонъ его къ намъ проводитъ!
Самъ ты увидишь тогда, что и я не останусь празденъ.
Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.

Въ вѣрности сердца и въ доброй ихъ волѣ вполнѣ убѣдяся,
Такъ имъ обоимъ сказалъ наконецъ Одиссей богоравный:
Знайте же, я Одиссей, претерпѣвшій столь много напастей,
Въ землю отцевъ приведенный по волѣ боговъ черезъ двадцать
Лѣтъ. Но я вижу, что здѣсь изъ рабовъ моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхалъ, чтобъ другой кто
Здѣсь помолился богамъ о свиданіи скоромъ со мною.
Слушайте жъ, вамъ разскажу обо всемъ, что случиться должно́ здѣсь:
Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Вамъ я обоимъ найду по невѣстѣ, приданое каждой
Дамъ и построю вамъ домы вблизи моего, и, какъ братья,
Будете жить вы со мною и съ сыномъ моимъ Телемакомъ.
Вамъ же и признакъ могу показать, по которому ясно
Вы убѣдитесь, что я Одиссей: вотъ рубецъ, вамъ знакомый;
Вепремъ, вы помните, былъ я пораненъ, когда съ сыновьями
Автоликона охотой себя забавлялъ на Парнассѣ.

Такъ говоря, онъ колѣно открылъ, распахнувши тряпицы
Рубища. Тѣ жъ, разсмотрѣвши прилежно рубецъ, имъ знакомый,
Начали плакать; и, крѣпко обнявъ своего господина,
Голову, плечи и руки и ноги его цѣловали.
Головы ихъ со слезами и онъ цѣловалъ, и за плачемъ
Ихъ бы могло тамъ застать захожденіе солнца, когда бы
Имъ не сказалъ Одиссей, успокоившись первый: отрите
Слезы, чтобъ изъ дому вышедши, кто не засталъ васъ, такъ горько
Плачущихъ: тѣмъ преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтобъ снова — одинъ за другимъ, а не вмѣстѣ — вошли мы
Въ залу, я первый, вы послѣ. И ждите, чтобъ мной былъ вамъ поданъ
Знакъ. Женихи многобуйные, думаю я, не позволятъ
Въ руки мнѣ взять тамъ мой лугъ и колчанъ мой, набитый стрѣлами;
Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лукъ и колчанъ мнѣ
Самъ принеси. И потомъ ты велишь, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ и чтобъ, если

Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.
Ты же, Филотій, возьми ворота на свое попеченье.
Крѣпко запри ихъ на ключъ и ремнемъ затяни ихъ задвижку.
Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ, въ двери столовой вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ.
Послѣ явились одинъ за другимъ свинопасъ и Филотій.
Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и его надъ пылавшимъ
Жарко огнемъ поворачивалъ, грѣя. Не могъ онъ однако
Крѣпость его побѣдить. Застонало могучее сердце;
Голосъ возвысивъ, кипящій досадой, онъ громко воскликнулъ:
Горе мнѣ! я за себя и за васъ, сокрушенный, стыжуся:
Нѣтъ мнѣ печали о томъ, что отъ брака я долженъ отречься —
Много найдется прекрасныхъ Ахейскихъ невѣстъ и въ Итакѣ,
Моремъ объятой, и въ разныхъ другихъ областяхъ Кефаленскихъ.

Но столь ничтожными крѣпостью быть съ Одиссеемъ въ сравненьи —
Такъ, что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ силахъ
Лука его — то стыдомъ насъ покроетъ и въ позднемъ потомствѣ.
Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ, ему возражая:
Нѣтъ, Эвримахъ благородный, того не случится, и въ этомъ
Самъ ты увѣренъ. Народъ Аполлоновъ великій сего дня
Празднуетъ праздникъ: въ такой день натягивать лукъ неприлично;
Спрячемъ же лукъ; а жердей выносить намъ не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть ихъ конечно никто изъ живущихъ
Въ домѣ царя Одиссея рабовъ и рабынь не помыслитъ.
Намъ же опять благовоннымъ виномъ пусть наполнитъ глашатай
Кубки, а лукъ Одиссеевъ запремъ, совершивъ возліянье.
Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ разумный Мелантій,
Козъ приведетъ намъ отборныхъ, чтобъ здѣсь принести Аполлону,
Лука сгибателю, бедра ихъ въ жертву. Согнуть онъ поможетъ
Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ нимъ не истратимъ напрасно.

Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложенье.
Тутъ для умытія рукъ имъ глашатаи подали воду;
Отроки, свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкуснымъ питьемъ насладились они, сотворивъ возліянье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Вотъ вамъ — тебѣ Эвримахъ, и тебѣ, Антиной богоравный,
Столь разсудительно дѣло рѣшившіе — добрый совѣтъ мой:
Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное;
Завтра рѣшитъ Аполлонъ, кто изъ васъ побѣдителемъ будетъ;
Мнѣ же отвѣдать позвольте чудеснаго лука; узнать мнѣ
Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ изнуренныхъ хоть мало
Силы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ.

Кончилъ. Но просьбы его не одобрилъ никто. Испугался
Каждый при мысли, что съ гладкоблистающимъ лукомъ онъ сладитъ.
Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль разсудка лишился?
Мало тебѣ, что спокойно, допущенный въ общество наше,
Здѣсь ты пируешь, обѣдая съ нами, и всѣ разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здѣсь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволенъ!
Видно твой умъ отуманенъ медвянымъ виномъ; отъ вина же
Всякой, его неумѣренно пьющій, безумѣетъ. Былъ имъ
Нѣкогда Эвритіонъ, многославный Кентавръ, обезумленъ.
Въ домъ Пиритоя, великою славнаго силой, вступивши,
Праздновалъ тамъ онъ съ Лапиѳами; разума пьянствомъ лишенный,
Буйствовать звѣрски онъ вдругъ принялся въ Пиритоевомъ домѣ.
Всѣ раздражились Лапиѳы; покинувъ трапезу, изъ залы
Силой его утащили на дворъ, и нещадною мѣдью

Уши и носъ обрубили они у него; и, разсудка
Вовсе лишенный, Кентавръ убѣжалъ, поношеньемъ покрытый.
Злая зажглась отъ того у Кентавровъ съ Лапиѳами распря;
Онъ же отъ пьянства тамъ первый плачевную встрѣтилъ погибель.
Такъ и съ тобою случится, бродяга безсмысленный, если
Этотъ осмѣлишься лукъ натянуть; не молвою прославленъ
Будешь ты въ области нашей; на твердую землю ты будешь
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ;
Тамъ ужъ ничѣмъ не спасешься отъ гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей; и на старости силой не спорь съ молодыми.
Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему Пенелопа:
Нѣтъ, Антиной, непохвально бъ весьма и неправедно было,
Если бъ гостей Телемаковыхъ кто здѣсь лишалъ ихъ участка.
Или ты мыслишь, что этотъ старикъ, натянувши великій
Лукъ Одиссеевъ, на силу свою полагаясь, помыслитъ
Мной завладѣть, и свою безразсудно мнѣ руку предложитъ.

Это конечно ему не входило и сонному въ мысли;
Будьте жъ спокойны и долѣ такимъ опасеньемъ не мучьте
Сердца — ни вздумать того, ни на дѣлѣ исполнить неможно.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Мы не боимся, чтобъ дерзость такую замыслилъ онъ — это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ Ахейцами, низкій породой:
Жалкіе люди они! за жену безпорочнаго мужа
Вздумали свататься; лука жъ его натянуть не умѣютъ.
Вотъ посѣтилъ ихъ нашъ братъ побродяга, покрытый отрепьемъ;
Легкой рукой тетиву натянулъ и всѣ кольца стрѣлою
Мѣтко пробилъ онъ. Такъ скажутъ. И будетъ намъ стыдъ нестерпимый.
Кончилъ. Разумная старца Икарія дочь возразила:
Нѣтъ, Евримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ
Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабятъ,

Правду забывши; а тутъ вамъ стыда никакого не будетъ:
Этотъ же странникъ, и ростомъ высокій и мышцами сильный,
Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцемъ знаменитымъ.
Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ — увидимъ, что будетъ.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится вѣрно),
Если натянетъ онъ лукъ и его Аполлонъ тѣмъ прославитъ,
Мантію дамъ я ему и красивый хитонъ и подошвы
Ноги обуть; дамъ копье на собакъ и на встрѣчу съ бродягой;
Также и мечъ онъ получитъ, съ обоихъ сторонъ заощренный,
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю.
Ей возражая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, Одиссеевымъ лукомъ не можетъ никто здѣсь
Властвовать; дать ли, не дать ли его, я одинъ лишь на это
Право имѣю — никто изъ живущихъ въ гористой Итакѣ,
Иль на какомъ острову, съ многоконной Элидою смежномъ.
Если придетъ мнѣ на умъ, здѣсь никто запретить мнѣ не можетъ

Страннику стрѣлы и лукъ подарить и унесть ихъ позволить.
Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были; судить же о лукѣ не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.
Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Тою порою, взявъ стрѣлы и лукъ, свинопасъ къ Одиссею
Съ ними пошелъ. На него всей толпой женихи закричали.
Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:
Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты бредешь, какъ безумный,
Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же собакамъ, которыхъ вскормилъ здѣсь
Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съѣденіе выброшенъ, если

Намъ Аполлонъ и блаженные боги даруютъ побѣду.
Такъ говорили они. Свинопасъ, оглушенный ихъ крикомъ,
Лукъ, оробѣвъ, ужъ готовъ былъ поставить на прежнее мѣсто;
Но Телемакъ, на него погрозяся, разгнѣванный крикнулъ:
Съ лукомъ сюда! Ты Эвмей, ошалѣлъ; ужъ не хочешь ли волѣ
Всѣхъ угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и старъ ты, я въ поле
Камнями самъ провожу: молодой старика одолѣетъ.
Если бы силой такой я одинъ одаренъ былъ, какую
Всѣ совокупно имѣютъ они, женихи Пенелопы,
Въ страхѣ тогда по своимъ бы домамъ разбѣжалися разомъ
Всѣ они, въ домѣ моемъ беззаконій творящіе много.
Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописанный подняли хохотъ.
Въ сердцѣ однако у нихъ на него присмирѣла досада.
Волю его исполняя, Эвмей черезъ залу прошедши,
Лукъ и колчанъ со стрѣлами вручилъ Одиссею; потомъ онъ,
Кликнувъ усердную няню его Эвриклею, сказалъ ей:

Слушай, тебѣ повелѣлъ Телемакъ, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украдкою залу,
Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой, и заперъ ворота;
Былъ тамъ въ сѣняхъ корабельный пеньковый канатъ; имъ связалъ онъ
Крѣпко затворъ у воротъ и, въ столовую снова вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ,
Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ рукахъ обращая
Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматривалъ, цѣлы ль
Роги и не было ль что безъ него въ нихъ попорчено червемъ.
Глядя другъ на друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:

Видно знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть можетъ,
Луки работаетъ самъ, и, имѣя ужъ лукъ, начатой имъ
Дома, намѣренъ его по образчику этого сладить;
Видите ль, какъ онъ, бродяга негодный, его разбираетъ?
Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ — удастся
Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть такую жъ удачу
Встрѣтитъ во всемъ онъ, какъ здѣсь, съ Одиссеевымъ сладивши лукомъ.
Такъ женихи говорили, а онъ, преисполненный страшныхъ
Мыслей, великій осматривалъ лукъ. Какъ пѣвецъ, пріобыкшій
Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснопѣнье готовясь,
Строитъ ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ
Свитыя тонкотягучихъ кишекъ, безъ труда напрягаетъ —
Такъ безъ труда во мгновеніе лукъ непокорный напрягъ онъ.
Крѣпкую правой рукой тетиву потянувши, онъ ею
Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ.
Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицѣ измѣнились

Всѣ —тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая
Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:
Въ громѣ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.
Быструю взялъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко
Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ
Были—но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало услышать.
Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ концемъ оперенным,
Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, прицѣляся, въ кольца
Выстрѣлилъ—быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца,
Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заощренная мѣдью.
Тутъ обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:
Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанесъ посрамленья.
Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не много
Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ
Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.
Должно однако, покуда свѣтло, угощенье иное

Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душею
Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій, ладъ перестроить.
Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ. Телемакъ богоравный
Понялъ условленный знакъ; онъ немедля свой мечъ опоясалъ,
Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ
Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестящій.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Тридцать-девятый день.

Одиссей убиваетъ Антиноя, открывается женихамъ и отвергаетъ мирное предложеніе Эвримаха. Телемакъ приноситъ сверху оружія; онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантій, который снабжаетъ оружіями жениховъ; но схваченъ потомъ Эвмеемъ и Филотіемъ; они запираютъ его связаннаго на верху. Явленіе Аѳины, сперва въ видѣ Ментора, потомъ въ видѣ ласточки; она приводитъ въ разстройство чувства жениховъ. Всѣ они, кромѣ глашатая Медонта и пѣвца Фемія, умерщвлены. Одиссей повелѣваетъ вынести трупы изъ столовой. Казнь рабынь и Мелантія. Одиссей посылаетъ Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитроумный
Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на высокій
Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпалъ стрѣлы
На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ:
Этотъ мнѣ опытъ, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣлялъ до сего дня,
Выбралъ теперь; и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ поможетъ.
Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой стрѣлой въ Антиноя:
Взявъ со стола золотую съ двумя рукоятями чашу,
Пить изъ нея Антиной ужъ готовъ былъ вино; беззаботно
Полную чашу къ устамъ подносилъ онъ, и мысли о смерти
Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира

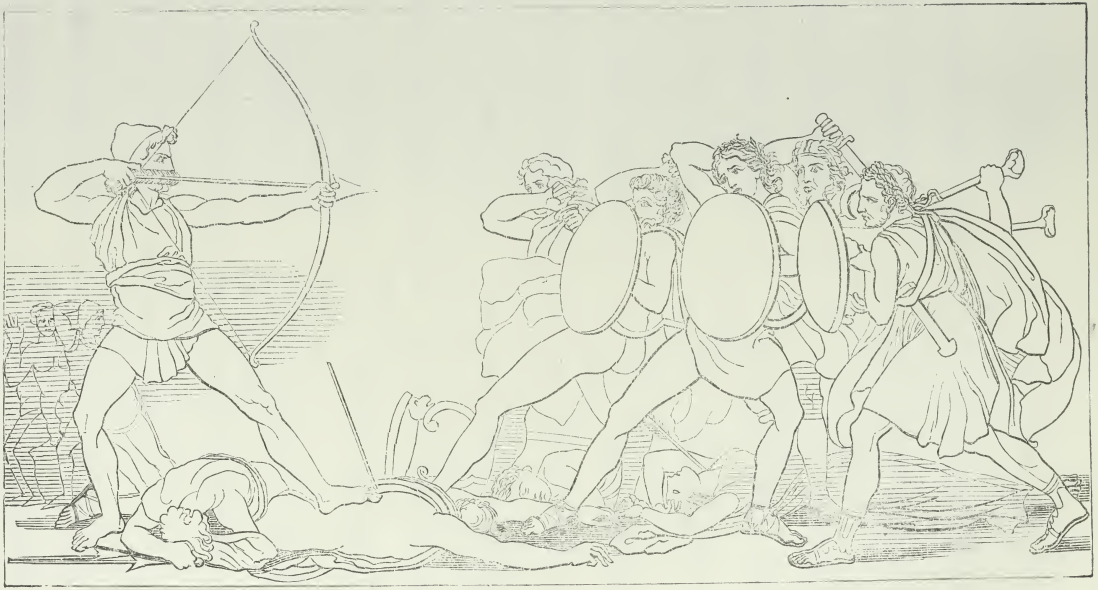
Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человѣкъ на толпу ихъ замыслилъ
Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Керѣ.
Выстрѣлилъ, грудью подавшись впередъ, Одиссей, и пронзила
Горло стрѣла; остріе смертоносное вышло въ затылокъ;
На бокъ упалъ Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпавъ изъ рукъ; и горячимъ ключемъ изъ ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнулъ отъ себя онъ
Столъ и его опрокинулъ; вся пища (горячее мясо,
Хлѣбъ и другое), смѣшавшись, свалилася на полъ. Ужасный
Подняли крикъ женихи, Антиноя узрѣвъ умерщвленнымъ.
Всею толпою со стульевъ вскочили они и, глазами
Бѣгая вкругъ по стѣнамъ обнаженнымъ, искали оружій —
Не было тамъ ни щита, ни копья, заощреннаго мѣдью.
Гнѣвными начали всѣ упрекать Одиссея словами:
Выстрѣлъ твой будетъ бѣдою тебѣ, чужеземецъ; послѣдній
Сдѣлалъ ты выстрѣлъ теперь; ты погибъ неизбѣжно; убилъ ты

Мужа, изъ всѣхъ, обитающихъ въ волнообъятой Итакѣ,
Самаго знатнаго; будешь за то ястребами расклеванъ.
Мнили они, что случайно стрѣлой чужеземца товарищъ
Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ слѣпотѣ не видали
Сѣти, которою близкая всѣхъ ихъ опутала гибель.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
А! вы, собаки! вамъ чудилось всѣмъ, что домой ужъ изъ Трои
Я не приду никогда, что вольны безпощадно вы грабить
Домъ мой, обижая гнусно моихъ въ немъ служанокъ, тревожа
Душу моей благородной жены сватовствомъ ненавистнымъ,
Правду святую боговъ позабывъ, не страшася ни гнѣва
Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла беззаконныя мести!
Въ сѣть неизбѣжной погибели всѣ наконецъ вы попали.
Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ;
Всѣ, озираясь, глазами искали дороги для бѣгства.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, бросилъ крылатое слово:

Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой,
Праведны всѣ обвиненья твои. Беззаконнаго много
Въ домѣ твоемъ и въ твоихъ областяхъ совершилось; но здѣсь онъ,
Главный виновникъ всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежитъ. Онъ одинъ, зломышленій всегдашнихъ зачинщикъ,
Насъ поджигалъ: не о бракѣ одномъ онъ съ твоей Пенелопой
Думалъ; иное, чего не позволилъ Кроніонъ, таилось
Въ сердцѣ его: похищеніе власти царя; Телемака,
Власти державной наслѣдника, смерти предать замышлялъ онъ.
Нынѣ судьбой онъ постигнутъ; а ты, Одиссей, пощади насъ
Подданныхъ; послѣ назначишь намъ цѣну, какую захочешь
Самъ, за вино, за ѣду и за все, что истрачено нами;
То, что здѣсь стоитъ откормленныхъ двадцать быковъ, дастъ охотно
Мѣдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на пощаду
Гнѣвъ твой; теперь же твой праведенъ гнѣвъ; на него мы не ропщемъ.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:

Нѣтъ, Эвримахъ — и хотя бы вы съ вашимъ сполна всѣ богатства
Вашихъ отцевъ принесли мнѣ, прибавя къ нимъ много чужаго —
Руки мои васъ губить не уймутся до тѣхъ поръ, покуда
Кровію вашей обиды моей дочиста́ не омою.
Выборъ теперь вамъ одинъ: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бѣгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти —
Знайте однако, что Керы васъ всѣхъ на пути переловятъ.
Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердца.
Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ устрашеннымъ, воскликнулъ:
Этотъ свирѣпый безжалостныхъ рукъ не уйметъ, завладѣвши
Лукомъ могучимъ и полнымъ стрѣлами колчаномъ; до тѣхъ поръ
Будетъ съ порога высокаго стрѣлы пускать онъ, покуда
Всѣхъ не положитъ насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ безъ боя
Въ руки ему; обнажите мечи, и столами закройтесь
Противъ налета убійственныхъ стрѣлъ; всей толпою наперши,
Можемъ мы, сбивши съ порога его и изъ притолокъ двери

Вытѣснивъ, выбѣжать изъ дома, броситься въ городъ, и въ помощь
Скликать людей; разстрѣляетъ онъ скоро ужасныя стрѣлы.
Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватилъ мечъ свой,
Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ заощренный, и съ крикомъ ужаснымъ
Прянулъ впередъ. Но на встрѣчу ему Одиссей богоравный
Выстрѣлилъ; грудь близъ сосца проколола и, въ печень вонзившись,
Крѣпко засѣла въ ней злая стрѣла. Изъ руки ослабѣвшей
Выронилъ мечъ онъ, за столъ уцѣпиться хотѣлъ, и споткнувшись
Вмѣстѣ упалъ со столомъ; вся ѣда со стола и двудонный
Кубокъ свалилися наземь; онъ объ полъ стучалъ головою,
Болью проникнутый; ноги отъ судорогъ бились; ударомъ
Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его наконецъ потемнѣли
Очи. Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился
Въ бой; уповая, что противъ него Одиссей не замедлитъ
Выгти, сошедши съ порога, свой мечъ обнажилъ онъ; но сзади
Бросилъ копье Телемакъ, заощренное мѣдью; вонзилось



Одиссей.

Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился
Въ бой.

Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся объ полъ лицемъ Анфиномъ. Телемакъ же проворно
Прочь отскочилъ; онъ копья не хотѣлъ изъ убитаго вырвать,
Сердцемъ тревожась, чтобъ, въ это мгновеніе, съ боку напавши,
Кто изъ Ахеянъ его, занятаго копья исторженьемъ,
Острымъ мечемъ не пронзилъ неожиданно; свой совершивши
Смертный ударъ, подъ защиту отца поспѣшилъ онъ укрыться.
Близко къ нему подбѣжавши, онъ бросилъ крылатое слово:
Щитъ, два копья мѣдноострыхъ, родитель, и крѣпкій изъ твердой
Мѣди, къ твоей головѣ приспособленный шлемъ принесу я;
Самъ же надѣну и латы; Эвмею съ Филотіемъ вѣрнымъ
Также надѣть ихъ велю; безопаснѣе въ латахъ намъ будетъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Дѣльно! бѣги и, пока не истратилъ я стрѣлъ, возвратися;
Иначе буду, оставшись одинъ, оттѣсненъ отъ защитныхъ
Притолокъ. Такъ онъ сказалъ; Телемакъ все исполнилъ поспѣшно:

Бросясь въ ту верхнюю горницу, гдѣ находились доспѣхи,
Взялъ Телемакъ тамъ четыре щита, и четыре съ хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованныхъ мѣдью
Копій; и съ ношей своей онъ къ отцу возвратился немедля;
Прежде однако надѣлъ на себя мѣднолитныя латы;
Мѣдными латами также облекшись, Эвмей и Филотій
Стали съ боковъ Одиссея, глубокою полнаго думой.
Онъ же, покуда еще оставались пернатыя стрѣлы,
Каждой стрѣлой въ одного изъ враговъ попадалъ, не давая
Промаха; другъ подлѣ друга валяся, они издыхали.
Но напослѣдокъ, когда истощилися стрѣлы, великій
Лукъ Одиссей опустилъ, не имѣя въ немъ болѣе нужды,
Къ притолкѣ свѣтлой его прислонилъ и стоять тамъ оставилъ.
Четверокожнымъ щитомъ облачивши плеча, на могучей
Онъ головѣ укрѣпилъ мѣднокованный шлемъ, осѣненный
Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страшно на гребнѣ, и въ руку

Взялъ два копья боевыхъ, заощренныхъ смертельною мѣдью.
Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей находилась другая
Тайная дверь; отъ высокаго залы пространной порога
Тѣсный былъ этою дверью на улицу выходъ изъ дома;
Доступъ желая къ нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказалъ передъ дверью, чѣмъ всякій исходъ былъ отрѣзанъ.
Тутъ Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ крылатое слово
Бросилъ: друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбѣжать, крикнуть тревогу и намъ поскорѣе на помощь
Вызвать людей? Ужъ свои разстрѣлялъ онъ послѣднія стрѣлы.
Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ Агелаю:
Нѣтъ, Агелай благородный, нельзя; потаенныя двери
Слишкомъ у нихъ на виду, да и выходъ такъ тѣсенъ, что цѣлой
Можетъ толпѣ заградить тамъ дорогу одинъ небезсильный.
Но погодите, оружіе вамъ я найти не замедлю;
Горницу знаю, въ которой доспѣхи, изъ этой палаты

Взятые, кучею склалъ Одиссей, помогаемый сыномъ.
Такъ Агелаю сказавъ, злоковарный Мелантій сбходомъ
Въ горницу тайно прокрался, гдѣ складены были доспѣхи.
Вынесъ оттуда двѣнадцать великихъ щитовъ онъ, двѣнадцать
Копій и столько же мѣдныхъ хвостами украшенныхъ шлемовъ.
Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ ихъ поспѣшно онъ роздалъ.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна, когда онъ,
Вдругъ оглянувшись, увидѣлъ ихъ въ шлемахъ, съ щитами, трясущихъ
Длинными копьями; гибель ему неизбѣжной явилась.
Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ крылатое слово:
Вѣрно какая изъ нашихъ рабынь, Телемакъ, измѣнивши
Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ, иль хитрый Мелантій?
Робко на то отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Горе! мое небреженье причиной всему; я виновникъ
Этой бѣды — заспѣшивъ, позабылъ оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчикъ, хитрѣе меня, побывалъ тамъ.

Слушай, мой честный Эвмей, побѣги ты туда и за дверью
Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты увидишь: служанка ль какая,
Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье имѣю.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя тайно.
Тою порой за оружіемъ хитрый Мелантій собрался
Снова прокрасться на верхъ. То примѣтивъ, Эвмей богоравный
На́ ухо такъ прошепталъ Одиссею, стоявшему близко:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Вотъ онъ предатель; его угадалъ я; онъ крадется, видишь,
Снова туда за оружіемъ; что, государь, повелишь мнѣ
Сдѣлать? Убить ли крамольника, если удастся съ нимъ сладить?
Или насильно сюда притащить, чтобъ надъ нимъ наказанье
Самъ совершилъ ты за наглое въ домѣ твоемъ поведенье?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Съ сыномъ моимъ Телемакомъ я здѣсь жениховъ многобуйныхъ
Буду удерживать, сколь бы ни сильно ихъ бѣшенство было;

Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги загните
На спину; послѣ, скрутивъ на спинѣ ихъ, его на веревкѣ
За руки вздерните вверхъ по столбу и вверху привяжите
Крѣпкимъ узломъ къ потолочинѣ; двери жъ, ушедши, замкните;
Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ виситъ ни живой онъ ни мертвый.
То повелѣніе царское было исполнено скоро:
Вмѣстѣ пошли свинопасъ и Филотій; подкравшися, стали
Справа и слѣва они у дверей дожидаться, чтобъ вышелъ
Онъ къ нимъ изъ горницы, гдѣ женихамъ во второй разъ доспѣхи
Бралъ. И лишь только Мелантій ступилъ на порогъ (несъ прекрасный
Гривистый шлемъ онъ одною рукой, а въ другой находился
Старый, широкій подернутый плѣснію щитъ, въ молодые
Давніе годы герою Лаэрту служившій, теперь же
Брошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ перегнившими швами)
Кинулись оба на вора они; въ волоса уцѣпившись,
На полъ его повалили, кричащаго громко, и крѣпко

Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетенымъ ремнемъ, какъ велѣлъ имъ
Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный.
Вздернувши послѣ веревкою вверхъ по столбу, привязали
Къ твердой его потолочинѣ; тамъ и остался висѣть онъ.
Съ злобной насмѣшкой ему тутъ сказалъ свинопасъ богоравный:
Будь здѣсь покуда заботливымъ сторожемъ, честный Мелантій;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Вѣрно теперь не проспишь златотронной, въ туманѣ рожденной
Эосъ въ ея восхожденіи съ водъ Океана, и въ пору
Козъ на обѣдъ женихамъ многославнымъ отборныхъ пригонишь.
Кончилъ. И, бросивъ его тамъ, висящаго въ страшныхъ мученьяхъ,
Оба съ оружіемъ, дверь за собой затворивъ, удалились.
Къ мѣсту они подошли, гдѣ стоялъ Одиссей хитроумный.
Яростью всѣ тамъ кипѣли. Въ дверяхъ на высокомъ порогѣ
Четверо грозно стояли; другіе толпились въ палатѣ.

Къ первымъ тогда подошла свѣтлоокая дочь громовержца,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина.
Ей Одиссей, ободрившійся, бросилъ крылатое слово:
Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни;
Много добра отъ меня ты имѣлъ, мой возлюбленный сверстникъ.
Такъ говорилъ онъ, а внутренно мыслилъ, что видитъ Аѳину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказалъ Агелай, сынъ Дамасторовъ: будь остороженъ,
Менторъ, не слушай его убѣжденій, не думай въ сраженье
Съ нами вступать, подавая ему безразсудную помощь.
Съ нами одинъ онъ не сладитъ, свое мы возьмемъ; но, когда мы,
Ихъ пересиливъ обоихъ, отца уничтожимъ и сына,
Съ ними тогда умертвимъ и тебя ненавистнаго. если
Вздумаешь здѣсь къ нимъ пристать; головою заплатишь за дерзость;
Послѣ жъ, когда уничтожитъ васъ мѣдь безпощадная, все мы
Что ни имѣешь ты дома иль въ полѣ, возьмемъ и, смѣшавши

Вмѣстѣ съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздѣлимъ;
Выгонимъ изъ дому вашихъ дѣтей; сыновьямъ, дочерямъ здѣсь
Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены.
Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богиню Аѳину.
Гнѣвными стала она упрекать Одиссея словами:
Нѣтъ ужъ въ тебѣ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь свѣтлорукую Зевса,
Девять съ Троянами лѣтъ такъ упорно сражался; въ то время
Много погибло враговъ отъ тебя въ истребительной битвѣ;
Хитрость твоя наконецъ и Пріамовъ разрушила городъ.
Что жъ? Отъ чего ты, домой возвратясь, Одиссей, съ женихами
Такъ нерѣшительно, медленно къ битвѣ теперь приступаешь?
Другъ, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, какъ смѣло
Противъ враговъ на тебя нападающихъ здѣсь совокупно,
Выступитъ Менторъ Алки́мидъ, тебѣ за добро благодарный.
Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побѣду:

Бодрость царя и разумнаго сына его Телемака
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдругъ превратилась, взвилась къ потолку и на черной отъ дыма
Тамъ перекладинѣ легкою, сизою ласточкой сѣла.
Тою порой Агелаемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ,
Димоптолемъ, Эвриномъ и Пизандръ, сынъ Поликторовъ бодрый,
Съ Анфимедономъ и умнымъ Политосомъ яростно были
Въ бой подстрекаемы (силой они отличались отъ прочихъ,
Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и спастись уповавшихъ
Боемъ; другіе же, всѣ умерщвленные, кучей лежали).
Такъ, обратясь къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ:
Этотъ свирѣпый, я думаю, скоро отъ боя уймется;
Менторъ покинулъ его, безполезно нахваставъ; одинъ онъ
Съ ними теперь на высокомъ порогѣ стоитъ беззащитный.
Разомъ всѣхъ копій своихъ мѣдноострыхъ, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будетъ намъ слава,

Если его поразимъ ненавистнаго съ помощью Зевса:
Съ прочими жъ сладить не трудно, лишь только бъ сломить Одиссея.
Такъ онъ сказалъ, и, ему повинуясь, пустили другіе
Разомъ шесть копій; но сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ Аѳина:
Вкось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
Двери одно; а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну; когда же
Всѣхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ копій они избѣжали,
Такъ, обратяся къ своимъ, Одиссей хитроумный сказалъ имъ:
Очередь наша теперь; приступите, товарищи, къ дѣлу,
Копья нацѣльте и бросьте въ толпу жениховъ, уничтожить
Насъ замышляющихъ, прежде столь много обидъ намъ нанесши.
Такъ онъ сказалъ. И, прицѣлясь, они мѣдноострыя копья
Кинули разомъ; и Демоптолема сразилъ многосильный
Самъ Одиссей, Телемакъ Эвріада, Филотій Пизандра,
Старый Эвмей свинопасъ поразилъ Элатопа; и разомъ

Всѣ повалились они, съ скрежетаніемъ стиснувши зубы.
Прочіе, къ дальней стѣнѣ отбѣжавши толпой и поспѣшно
Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ вонзенныя въ нѣдра ихъ копья,
Снова ихъ разомъ въ противниковъ мѣтко прицѣлясь, пустили;
Снова Аѳина могучая сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ.
Вкось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
Двери одно; а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну. Однако
Анфимедонъ Телемака поранилъ, въ ручную попавши
Кисть: пролетая, копье остріемъ оцарапало кожу.
Тронулъ плечо надъ щитомъ у Эвмея Ктезиппъ длинноострой
Мѣдью; копье же, надъ нимъ прошумѣвъ, водрузилося въ землю.
Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полнаго думой,
Снова они въ жениховъ неизбѣжныя бросили копья.
Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ сокрушитель;
Амфидамантъ былъ пронзенъ Телемакомъ, Полибъ свинопасомъ;

Мѣтко нацѣливъ копьемъ мѣдноострымъ, Филотій Ктезиппу
Грудь просадилъ; и, удачнымъ ударомъ хвалясь, онъ воскликнулъ:
Сынъ Полиѳердовъ, лихой на обидныя рѣчи, теперь ты
Дерзкій языкъ свой уймешь отъ ругательствъ нахальныхъ; предайся
Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ и слава и сила.
Я же тебя отдарилъ здѣсь за ногу коровью, которой
Такъ благосклонно поподтчивалъ ты Одиссея бродягу.
Такъ говорилъ криворогихъ быковъ сторожитель Филотій.
Тою порой умерщвленъ былъ Дамасторовъ сынъ Одиссеемъ,
Сынъ Леокритовъ, младой Эйвеноръ былъ убитъ Телемакомъ:
Острою мѣдью въ животъ пораженный, лицемъ онъ, со всѣхъ ногъ
Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно охнулъ и умеръ.
Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ головами Паллада
Страшную людямъ эгиду: и ужасъ разстроилъ ихъ чувства.
Начали бѣгать они, ошалѣвъ, какъ коровы, когда ихъ
Вешней порою (въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ)

Густо осыплютъ на пажити слѣпни сердитые. Тѣ же ихъ
Били, какъ соколы кривокогтистые съ выгнутымъ клевомъ,
Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугавшихся птицъ — и густыми
Стаями съ неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы жъ гонятъ ихъ, ловятъ когтями, и нѣтъ имъ пощады,
Запертъ и путь для спасенья, и травлею тѣшатся люди;
Такъ жениховъ (разогнавъ ихъ по горницѣ) справа и слѣва,
Какъ ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крикъ; былъ разбрызганъ ихъ мозгъ, былъ дымящейся кровью ихъ за́литъ
Полъ. Къ Одиссею тогда подбѣжалъ Леодей и колѣна
Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Въ домѣ твоемъ ни одной изъ рабынь, въ немъ живущихъ, ни словомъ
Я не обидѣлъ, ни въ дѣло не ввелъ непристойное; самъ я
Многихъ напротивъ удерживать здѣсь отъ постыдныхъ поступковъ
Тщился — напрасно! отъ зла не отвелъ я ихъ рукъ святотатныхъ;

Страшною участью всѣ неизбѣжно постигнуты нынѣ.
Я же, ихъ жертвогадатель, ни въ чемъ неповинный, уже ли
Лягу здѣсь мертвый? Такое ли добрымъ дѣламъ воздаянье?
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
Если ты подлинно жертвогадателемъ былъ между ими,
То безъ сомнѣнія часто въ жилищѣ моемъ ты молился
Дію, чтобъ мнѣ возвратиться домой запретилъ, чтобъ съ тобою
Въ домъ твой моя удалилась жена и чтобъ съ нею дѣтей ты
Прижилъ — за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избѣгнешь. Сказалъ. И, могучей рукою схвативши
Мечъ, изъ руки Агелая въ минуту его умерщвленья
Выпавшій, имъ онъ молящаго сильно ударилъ по шеѣ;
Крикнулъ онъ — въ крикѣ неконченномъ съ плечъ голова покатилась.
Но отъ губительной Керы избѣгнулъ сынъ Терпіевъ, славный
Пѣснями Фемій, всегда жениховъ на пирахъ веселившій
Пѣньемъ; съ своею онъ цитрой въ рукахъ къ потаенной прижавшись

Двери, стоялъ тамъ, колеблясь разсудкомъ, не зная, что выбрать,
Вытти ли въ дверь и сидѣть на дворѣ, обнимая великій
Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на которомъ такъ часто
Жирныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей многославный;
Или къ колѣнямъ его съ умоляющимъ броситься крикомъ?
Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что полезнѣе будетъ,
Ставъ на колѣна, Лаэртова сына молить о пощадѣ.
Цитру свою положивъ звонкострунную бережно на полъ
Между кратерой и стуломъ серебряногвозднымъ, поспѣшно
Къ сыну Лаэртову дивный пѣвецъ подбѣжалъ и колѣна
Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Самъ сожалѣть ты и сѣтовать будешь, когда пѣснопѣвца,
Сладко безсмертнымъ и смертнымъ поющаго, смерти предашь здѣсь;
Пѣнію самъ я себя научилъ; вдохновеніемъ боги
Душу согрѣли мою; и тебя, Одиссей, я, какъ бога,

Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи пѣснопѣвца.
Будетъ свидѣтелемъ мнѣ и возлюбленный сынъ твой, что волей
Въ домъ вашъ входить никогда я не мыслилъ, что самъ не просился
Пѣснями здѣсь на пиру забавлять жениховъ, что напротивъ
Силой сюда приводимъ былъ и пѣлъ здѣсь всегда принужденно.
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Телемакову силу святую.
Громко отцу закричалъ Телемакъ, находившійся близко:
Стой! не губи неповиннаго яростной мѣдью, родитель.
Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благостенъ будь: обо мнѣ онъ
Въ дѣтствѣ моемъ неусыпно имѣлъ попеченье. Но гдѣ онъ,
Честный Медонтъ? Не убили ль его свинопасъ иль Филотій?
Или онъ самъ злополучный попалъ подъ ударъ твой смертельный?
Такъ говорилъ Телемакъ; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, подъ стуломъ лежалъ онъ, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтобъ Керы избѣгнуть.
Выскочилъ онъ изъ-подъ стула и, сбросивши кожу коровью

Съ плечъ, подбѣжалъ къ Телемаку и, ноги его обхвативши,
Сталъ цѣловать ихъ и въ трепетѣ бросилъ крылатое слово:
Здѣсь я, душа Телемакъ; заступись за меня, чтобъ отецъ твой
Грозномогучій на мнѣ не отмстилъ безпощадною мѣдью
Злымъ женихамъ, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившимъ здѣсь, и тебя самого оскорблявшимъ безумно.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
Будь благодаренъ ему; онъ тебя сохранилъ, чтобъ отнынѣ
Вѣдалъ и самъ ты и людямъ другимъ говорилъ въ поученье,
Сколь здѣсь благія дѣла намъ спасительнѣй дѣлъ беззаконныхъ;
Слушай теперь: изъ палаты, убійствомъ наполненной, вышедъ,
Сядь на дворѣ у воротъ съ пѣснопѣвцемъ, властителемъ слова;
Я же останусь въ домѣ и все здѣсь устрою, что нужно.
Такъ онъ сказалъ; и Медонтъ съ пѣснопѣвцемъ, изъ горницы вышедъ,
Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу владыкѣ,
Сѣли; но всё озирались кругомъ, опасаясь убійства.

Очи водилъ вкругъ себя Одиссей, чтобъ узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избѣгшій могущества Керы?
Мертвые всѣ, онъ увидѣлъ, въ крови и въ пыли неподвижно
Кучей лежали они по полу тамъ, какъ рыбы, которыхъ —
На берегъ вытащивъ ихъ изъ глубокозеленаго моря
Неводомъ мелкопетлистымъ — рыбакъ высыпаетъ на землю;
Тамъ на пескѣ раскаленномъ ихъ, влаги соленой лишенныхъ,
Геліосъ пламенный душитъ, и всѣ до одной умираютъ.
Мертвые такъ тамъ одинъ на другомъ неподвижно лежали.
Къ сыну сперва обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:
Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда пригласить Эвриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушкѣ.
Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, повинуяся, отперъ
Двери, позвалъ Эвриклею и такъ ей сказалъ: Эвриклея,
Добрая няня моя, такъ давно за рабынями въ домѣ
Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно въ порядкѣ,

Кличетъ отецъ, говорить онъ съ тобою намѣренъ; поди къ намъ.
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. И, двери отперши тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки,
Вышла она; и старушку повелъ Телемакъ къ Одиссею.
Взорамъ ея Одиссей посреди умерщвленныхъ явился,
Потомъ и кровью покрытый; подобился льву онъ, который
Съѣвши быка, подымается, сытый, и тихо изъ стада —
Грива въ крови и вся страшная пасть, обагренная кровью —
Въ логъ свой идетъ, наводя на людей неописанный ужасъ.
Кровію такъ Одиссей съ головы былъ до ногъ весь обрызганъ.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
Громко хотѣла воскликнуть, чудясь толь великому дѣлу;
Но Одиссей повелѣлъ ей себя воздержать отъ восторга;
Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово:
Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крика;
Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ убитыхъ.

Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій погибли;
Правда была имъ чужда, никого изъ людей земнородныхъ,
Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хотѣли.
Страшная участь ихъ всѣхъ наконецъ злополучныхъ постигла.
Ты же теперь назови мнѣ рабынь, здѣсь живущихъ, дабы я
Могъ отличить развращенныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ межъ ними.
Такъ онъ сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
Все я, мой сынъ, объявлю, ничего отъ тебя не скрывая;
Въ домѣ теперь пятьдесятъ мы имѣемъ служанокъ работницъ,
Разнаго возраста; заняты всѣ рукодѣльемъ домашнимъ;
Дергаютъ волну; и каждая въ домѣ свою отправляетъ
Службу. Двѣнадцать изъ нихъ, поведеньемъ развратныхъ, не только
Противъ меня, но и противъ царицы невѣжливы были.
Сынъ твой въ хозяйство вступилъ; но разумно ему Пенелопа
Въ дѣло служанокъ мѣшаться до сихъ поръ еще запрещала.
Я же на верхъ побѣгу, объявить ей великую нашу

Радость: она почиваетъ; знать боги ей сонъ ниспослали.
Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитроумный старушкѣ:
Нѣтъ! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтобъ рабыни —
Тѣ, на которыхъ ты мнѣ донесла—здѣсь немедля явились.
Такъ говорилъ Одиссей, и поспѣшно пошла Эвриклея
Кликнутъ рабынь и велѣть имъ итти къ своему господину.
Онъ же, позвавъ Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ,
Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя имъ волю:
Трупы теперь приберите; пускай вамъ помогутъ рабыни
Вынести ихъ, а потомъ всѣ столы, всѣ богатые стулья
Дочиста здѣсь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
Послѣ жъ, когда приберете совсѣмъ пировую палату,
Всѣхъ поведеньемъ развратныхъ рабынь изъ нея уведите;
Тамъ на дворѣ межъ стѣною и житною круглою башней
Смерти предайте безпутницъ, мечемъ заколовъ длиннооострымъ.
Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ всѣ собралися рабыни,

Жалобно воя; изъ глазъ ихъ катилися крупныя слезы.
Начали трупы онѣ выносить, и въ сѣняхъ многозвучныхъ
Царскаго дома, стѣной обведеннаго, клали ихъ тѣснымъ
Рядомъ, одинъ прислоняя къ другому, какъ самъ Одиссей имъ
Дѣлать предписывалъ; дѣло жъ не по́ сердцу было рабынямъ.
Вынесши трупы, онѣ и столы, и богатые стулья
До́чиста всѣ ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступомъ тою порой Телемакъ, свинопасъ и Филотій
Въ залѣ просторной весь полъ, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за̀ дверь рабыни.
Залу очистивъ и все приведя тамъ въ обычный порядокъ,
Вытти оттуда они осужденнымъ рабынямъ велѣли,
Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и житною башней
Всѣхъ, и въ безвыходномъ заперли мѣстѣ, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сынъ Одиссеевъ сказалъ имъ:
Честною смертью, развратницы, вы умереть не достойны.

Кончивъ, канатъ корабля черноносаго взялъ онъ и туго
Такъ натянулъ, укрѣпивши его на колоннахъ подъ сводомъ
Башни, что было ногой до земли имъ достать невозможно.
Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби, въ сѣти
Цѣлою стаей—летя на ночлегъ свой—попавшіе (въ тѣсныхъ
Петляхъ трепещутъ они и ночлегъ имъ становится гробомъ),
Всѣ на канатѣ онѣ голова съ головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть ихъ постигла
Скоро: немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли.
Силою вытащенъ послѣ на дворъ козоводъ былъ Мелантій;
Мѣдью нещадною вырвали ноздри, обрѣзали уши,
Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ, изрубивши
Въ крохи, его на съѣденіе бросили жаднымъ собакамъ.
Руки и ноги свои, обагренныя кровью, омывши,
Въ домъ возвратились они къ Одиссею. Все кончено было.
Тутъ Одиссей, обратясь къ Эвриклеѣ, сказалъ ей: немедля,

Няня, огня принеси и подай очистительной сѣры;
Залу намъ должно скорѣй окурить. Ты потомъ Пенелопѣ
Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ собою рабынь приближенныхъ
Всѣхъ привела. Позови равномѣрно и прочихъ служанокъ.
Такъ повелѣлъ Одиссей. Эвриклея ему отвѣчала:
То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
Прежде однако тебѣ принесу я опрятное платье;
Этихъ нечистыхъ отрепьевъ на крѣпкихъ плечахъ ты не долженъ
Въ домѣ своемъ многославномъ носить: то тебѣ неприлично.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Прежде всего мнѣ огня для куренья подай, Эвриклея.
Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и скоро
Съ сѣрой къ нему и съ огнемъ возвратилась; окуривать началъ
Сѣрой столовую онъ и широкій, стѣной обнесенный
Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свѣтлые дома покои,
Стала служанокъ сбирать и немедленно всѣмъ имъ велѣла

Въ залу притти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
Въ залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки онѣ у него цѣловали.
Онъ же далъ волю слезамъ; онъ рыдалъ отъ веселья и скорби,
Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать-девятаго и утро сороковаго дня.

Эвриклея приноситъ радостную вѣсть Пенелопѣ, которая идетъ вмѣстѣ съ нею въ пировую палату. Пенелопа медлитъ узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть жителей города, учреждаетъ шумную пляску; омывшись въ купальнѣ, онъ возвращается къ Пенелопѣ, и, сказавъ ей тайну, только имъ двумъ извѣстную, уничтожаетъ всѣ ея сомнѣнія. Всѣ ложатся спать. Одиссей и Пенелопа разсказываютъ другъ другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ побѣжала старушка
Вѣсть принести госпожѣ, что желанный супругъ возвратился.
Были отъ радости тверже колѣна ея и проворнѣй
Ноги. Подкравшися къ спящей, старушка сказала: проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами
Все то увидѣть, о чемъ ты скорбѣла душею вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконецъ онъ
Съ нами, и всѣхъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разорявшихъ
Домъ нашъ и тратившихъ наши запасы на зло Телемаку.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
Другъ, Эвриклея, знать боги твой умъ помутили! Ихъ волей
Самый разумнѣйшій можетъ лишиться мгновенно разсудка,

Можетъ и слабый умомъ пріобрѣсть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе въ здравомъ разсудкѣ
Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня. И зачѣмъ прервала ты
Сладкій мой сонъ, благодатно усталыя мнѣ затворившій
Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры какъ супругъ мой
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Нѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдѣ была ты.
Если бъ не ты, а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ
Съ вѣстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила —
Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмѣшницу злую
Встрѣтила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.
Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ отвѣчала:
Нѣтъ, не смѣяться пришла, государыня, я надъ тобою;
Здѣсь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала.
Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всѣ такъ здѣсь ругались —

Онъ Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно возвращеніи
Зналъ — но разумно молчалъ объ отцѣ онъ, который, скрываясь,
Здѣсь женихамъ истребленіе вѣрное въ мысляхъ готовилъ.
Такъ отвѣчала старушка. Съ постели вскочивъ, Пенелопа
Радостно кинулась нянѣ на шею въ слезахъ несказанныхъ.
Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово:
Если ты правду сказала, сердечный мой другъ, Эвриклея,
Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ ты говоришь, возвратился,
Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой
Сладилъ? Они всей толпою всегда собиралися въ домѣ.
Такъ, отвѣчая, разумной царицѣ сказала старушка:
Свѣдать о томъ не могла я; мнѣ только тамъ слышался тяжкій
Вой убиваемыхъ; въ горницѣ нашей, забившися въ уголъ,
Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершись и не смѣя промолвить
Слова, покуда твой сынъ Телемакъ изъ столовой не вышелъ
Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.

Тамъ Одиссей мнѣ явился, межъ мертвыми страшно стоящій;
Трупы ихъ были одинъ на другомъ на полу, обагренномъ
Кровью, набросаны: радостно было его мнѣ увидѣть.
По́томъ и кровью покрытый, онъ грозному льву былъ подобенъ.
Трупы убитыхъ теперь всѣ лежатъ на дворѣ за дверями
Кучею. Онъ же, заботяся домъ окурить благовонной
Сѣрой, огонь разложилъ; а меня за тобою отправилъ.
Ждетъ онъ; пойдемъ; наконецъ вамъ обоимъ проникнетъ веселье
Душу, которая столько жестокихъ тревогъ претерпѣла:
Главное, долгое милаго сердца желанье свершилось;
Живъ онъ, домой невредимъ возвратился и дома супругу
Съ сыномъ живыми нашелъ, а враговъ, истребителей дома,
Въ домѣ своемъ истребилъ; и обиды загладило мщенье.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ до времени; всѣмъ намъ
Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну —

Мнѣ жъ особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я однако тому, что о немъ ты сказала, не вѣрю;
Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный
Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавшій злодѣйства.
Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ —
Знатный ли, низкій ли къ нимъ приходилъ—уважать не хотѣли;
Сами погибель они на себя навлекли; но супругъ мой....
Намъ ужъ его не видать; въ отдаленьи плачевномъ погибъ онъ.
Ей Эвриклея разумная такъ, возражая, сказала:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Онъ, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вѣчно
Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ,
Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колѣнѣ; свирѣпымъ
Вепремъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на охотѣ онъ раненъ;
Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ этомъ
Тотчасъ хотѣла сказать и тебѣ; но, зажавъ мнѣ рукою

Ротъ, онъ меня, осторожно разумный, принудилъ
къ молчанью.
Время однако итти; головой отвѣчаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни безпощадно.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій
Умъ ты имѣешь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли.
Къ сыну однако съ тобою готова итти я; увидѣть
Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толпу истребилъ ихъ.
Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя,
Что ей приличнѣе: издали ль съ нимъ говорить, иль, приближась,
Голову, руки и плечи его цѣловать? Перешедши
Двери высокій порогъ и въ палату вступивъ, Пенелопа
Сѣла тамъ противъ супруга, въ сіяньи огня, у противной
Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ у колонны, потупивъ
Очи, сидѣлъ, ожидая, какое разумная скажетъ
Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя.

Долго въ молчаньи сидѣла она; въ ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убѣждалась, что въ правду
Онъ передъ ней; то противное мыслила, въ рубищѣ жалкомъ
Видя его. Телемакъ напослѣдокъ воскликнулъ съ досадой:
Милая мать, что съ тобой? Ты въ своемъ ли умѣ? Для чего же
Такъ въ отдаленьи угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слова супругу сказать, и его ни о чемъ не распросишь?
Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво, встрѣтить супруга, который, по многихъ
Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственнѣй камня.
Сыну царица разумная такъ, отвѣчая, сказала:
Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова
Я произнесть не могу, ни какой мнѣ вопросъ не приходитъ
Въ умъ, и въ лице поглядѣть я не смѣю ему; но, когда онъ
Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ

Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные, знаки имѣемъ.
Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, улыбнулся;
Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
Другъ, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
Дай ей меня распросить. Не замедлитъ она убѣдиться
Въ истинѣ; я же въ изорванномъ рубищѣ; трудно въ такомъ ей
Видѣ меня Одиссеемъ признать и почтить, какъ прилично.
Нужно однако, размысливъ, рѣшить намъ: что сдѣлать полезнѣй?
Если когда и одинъ кто убитъ кѣмъ бываетъ, и мало
Близкихъ друзей и родныхъ за убитаго мстить остается —
Все, избѣгая бѣды, покидаетъ отчизну убійца.
Мы жъ погубили защитниковъ града, знатнѣйшихъ и лучшихъ
Юношей въ цѣлой Итакѣ: объ этомъ должны мы подумать.
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Все ты умнѣе, родитель, придумаешь самъ; прославляютъ

Люди твою повсемѣстно премудрость; съ тобою сравниться
Разумомъ, всѣ говорятъ, ни одинъ земнородный не можетъ;
Что повелишь, то и будетъ исполнено; сколько найдется
Силы во мнѣ, я не робкимъ твоимъ здѣсь помощникомъ буду.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Слушай же; вотъ что мнѣ кажется самымъ удобнымъ и лучшимъ:
Всѣ вы, омывшись, одѣньтесь богато, какъ будто на праздникъ;
Такъ же одѣться должны и рабыни домашнія наши;
Съ звонкою цитрой въ рукахъ пѣснопѣвецъ божественный долженъ
Весть хороводъ, управляя шумящею пляской, чтобъ, слыша
Струны и пѣніе въ домѣ, сосѣды и всякой, идущій
Мимо по улицѣ, думать могли, что пируютъ здѣсь свадьбу.
Должно, чтобъ въ городѣ слухъ не прошелъ о великомъ убійствѣ
Всѣхъ жениховъ многославныхъ до тѣхъ поръ, пока не уйдемъ мы
За̀ городъ на поле наше, въ нашъ садъ плодовитый; тамъ можемъ
Все на просторѣ устроить, на помощь призвавъ Олимпійцевъ.

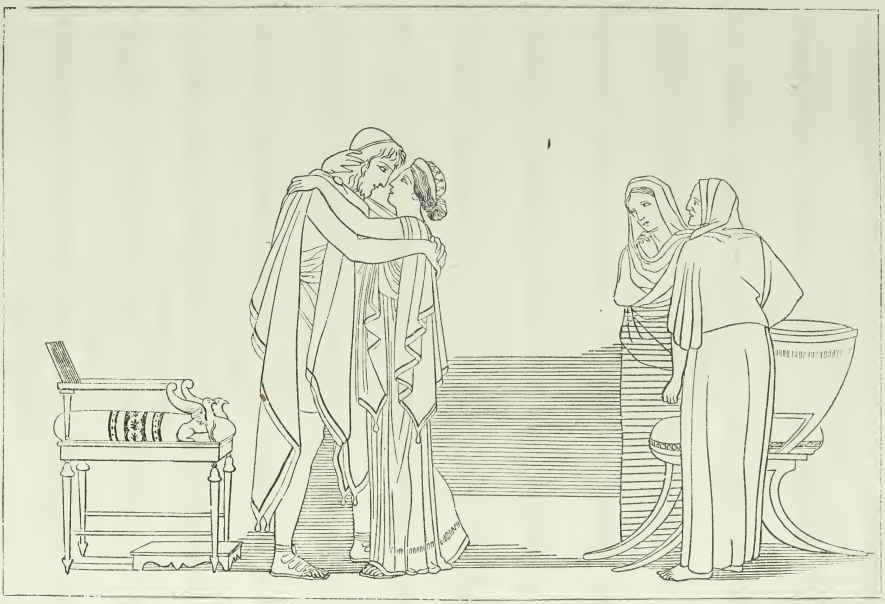
Кончилъ. Его повелѣніе было исполнено скоро;
Чисто омывшись, одѣлись богато, какъ будто на праздникъ
Всѣ; хороводъ учредили рабыни; пѣвецъ богоравный,
Цитру настроивъ глубокую, въ нихъ пробудилъ вожделѣнье
Сладостныхъ пѣсней и стройноживой хороводныя пляски.
Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремѣлъ и дрожалъ, и окружность
Вся оглашалася пѣніемъ звучнымъ рабовъ и служанокъ;
Всякой, по улицѣ шедшій, музыку и пѣніе слыша,
Думалъ: рѣшилась свою пировать напослѣдокъ царица
Свадьбу; невѣрная! мужа, избраннаго сердцемъ, дождаться,
Домъ многославный его сохраняя, она не хотѣла.
Такъ говорили они, о случившемся въ домѣ не зная.
Тою порой, Одиссея въ купальнѣ омывъ, Эринома
Тѣло его благовоннымъ оливнымъ елеемъ натерла.
Легкій надѣлъ онъ хитонъ и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила,

Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлоокая Зевса.
Вышедъ изъ бани, лицемъ лучезарный, какъ богъ, возвратился
Онъ въ пировую палату и сѣлъ на оставленномъ стулѣ
Противъ супруги; глаза на нее устремивъ, онъ сказалъ ей:
Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ
Нѣжноуступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;
Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который, по многихъ
Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
Слушай же, другъ Евриклея; постель приготовь одному мнѣ.
Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица:

Ты непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась,
Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи. Живо я помню
Образъ, какой ты имѣлъ, въ кораблѣ покидая Итаку.
Если жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю
Ты приготовь; но не въ спальнѣ, построенной имъ; а въ другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ широкимъ покровомъ.
Такъ говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. Съ досадою онъ, обратясь къ Пенелопѣ, воскликнулъ:
Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? Человѣку своею
Силою сдѣлать того невозможно безъ помощи свыше;
Богу конечно легко передвинуть ее на другое
Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій, хотя бъ и рычагъ онъ
Взялъ, не шатнулъ бы ея; заключалася тайна въ устройствѣ
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками

Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася маслина съ темной
Сѣнію, пышногустая, съ большую колонну въ объемѣ;
Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
Слаженныхъ камней; и, сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
Двери двустворныя сбилъ изъ досокъ и на петли навѣсилъ;
Послѣ у маслины вѣтви обсѣкъ и по близости къ корню
Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду
Острою мѣдью его по снуру обтесавъ, основаньемъ
Сдѣлалъ кровати, его пробуравилъ, и скобелью брусья
Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ;
Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей, обшивъ ихъ пурпурной
Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати. Цѣла ли
Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ, не знаю; быть можетъ,
Сняли ее, подпиливъ въ основаніи масличный корень.
Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колѣна и сердце.

Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ изчислилъ; заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:
О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда былъ
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;
Было богамъ неугодно, чтобъ, сладкую молодость нашу
Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ, я къ тебѣ приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій
Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой иноземный
Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила бъ
Къ лести пришельца и, съ нимъ не бѣжала бъ, любви покоряся,
Въ Трою, когда бы предвидѣть могла, что Ахеяне ратью
Придутъ туда и ее возвратятъ принужденно въ отчизну.



Одиссей. Пенелопа.

Заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею

Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ;
Собственнымъ сердцемъ она не замыслила бъ гнуснаго дѣла,
Страшнаго, всѣхъ насъ въ великое бѣдствіе ввергшаго дѣла.
Ты мнѣ подробно теперь Одиссей описалъ всѣ примѣты
Нашей кровати — о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ,
Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужствѣ;
Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной супруги.
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутносоленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, изъѣденныхъ острою влагой, выходитъ;

Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,
Рукъ бѣлонѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя
Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эосъ,
Если бъ о томъ не подумала дочь свѣтлоокая Зевса:
Ночь на предѣлахъ небесъ удержала Аѳина; денницѣ жъ
Златопрестольной изъ водъ Океана коней легконогихъ,
Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фаэтона
(Ихъ въ колесницу свою заложивъ) выводить запретила.
Такъ благонравной супругѣ сказалъ Одиссей хитроумный:
О Пенелопа, еще не конецъ испытаніямъ нашимъ;
Много еще впереди предлежитъ мнѣ трудовъ несказанныхъ,
Много я подвиговъ тяжкихъ еще совершить предназначенъ.
Такъ мнѣ пророка Тирезія тѣнью предсказано было
Нѣкогда въ области темной Аида, куда нисходилъ я
Свѣдать, настанетъ ли мнѣ и сопутникамъ день возвращенья.

Время однако итти, Пенелопа, на ложе, чтобъ, въ сладкій
Сонъ погрузившись, свои успокоить усталые члены.
Умная такъ отвѣчала на то Одиссею царица:
Ложе, возлюбленный, будетъ готово, когда пожелаетъ
Сердце твое; ты по волѣ боговъ благодѣтельныхъ снова
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ и въ возлюбленномъ краѣ отчизны;
Если же все наконецъ по желанью исполнили боги,
Другъ, разскажи мнѣ о новыхъ тебѣ предстоящихъ напастяхъ;
Слышать и послѣ могла бъ я о нихъ; но мнѣ лучше немедля
Свѣдать о томъ, что грозитъ впереди. Одиссей отвѣчалъ ей:
Ты неотступная! странно твое для меня нетерпѣнье.
Если однако желаешь, я все разскажу; но не будетъ
Радостно то, что услышишь; и мнѣ самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тирезій сказалъ мнѣ: „покинувъ
Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,

Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще на водахъ кораблей быстроходныхъ,
Пурпурно-грудыхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья,
Ихъ по морямъ. Отъ меня же узнай несомнительный признакъ;
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
Что за *лопату* несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
Въ землю весло водрузи — ты окончилъ свое роковое,
Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и большаго прекраснаго вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
Счастьемъ богатый.“ Вотъ то, что въ Аидѣ сказалъ мнѣ Тирезій.
Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему отвѣчала:

Если достигнуть до старости намъ дозволяютъ благіе
Боги, то есть упованье, что наши бѣды прекратятся.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Скоро потомъ Телемакъ, свинопасъ и Филотій, окончить
Пляску велѣвъ, отослали служанокъ и сами по темнымъ
Горницамъ, всѣхъ отпустивъ, разошлись, тамъ легли и заснули.
Нѣжновеселый вели разговоръ Одиссей съ Пенелопой.
Все разсказала она о жестокихъ, испытанныхъ ею
Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи безпощадно,
Сколько быковъ круторогихъ и козъ и овецъ и свиней тамъ
Съѣдено ими, и сколько кувшиновъ вина дорогаго
Выпито. Выслушавъ, все о себѣ въ свой чередъ разсказалъ онъ:
Сколько напастей другимъ приключилъ, и какія печали
Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ она, и до тѣхъ поръ
Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, покуда не кончилась повѣсть.
Онъ разсказалъ: какъ въ началѣ ограбилъ Киконовъ; какъ прибылъ

Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ себя насыщаютъ;
Что потерпѣлъ отъ Циклопа и какъ за товарищей, звѣрски
Сожранныхъ имъ, отомстилъ и отъ гибели спасся плачевной;
Какъ посѣтилъ гостелюбца Эола, который радушно
Принялъ его, одарилъ и отправилъ домой; какъ въ отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; какъ обратно
Въ море его, вопіющаго жалобно, буря умчала;
Какъ принесенъ былъ онъ къ брегу лихихъ Лестригоновъ: они же
Разомъ его корабли и сопутниковъ мѣднообутыхъ
Всѣхъ истребили; а онъ съ остальнымъ кораблемъ чернобокимъ
Спасся. Потомъ разсказалъ онъ о хитрыхъ волшебствахъ Цирцеи;
Также о томъ, какъ въ туманную область Аида, въ которомъ
Душу Терезія велѣно было спросить, быстроходнымъ
Былъ приведенъ кораблемъ, тамъ умершихъ товарищей тѣни
Встрѣтилъ и матери милой отшедшую душу увидѣлъ;
Какъ онъ подслушалъ Сиренъ сладострастноубійственный голосъ;

Какъ межъ Пловучихъ утесовъ, Харибдой и Скиллой, которыхъ
Смертный еще не одинъ не избѣгнулъ, прошелъ невредимо;
Какъ святотатно товарищи съѣли быковъ Геліоса;
Какъ въ наказанье за то былъ корабль ихъ губительнымъ громомъ
Зевса разрушенъ, и всѣхъ злополучныхъ сопутниковъ бездна
Вдругъ поглотила; а онъ, избѣжавъ истребительной Керы,
Къ брегу Огигіи острова былъ принесенъ, гдѣ Калипсо
Нимфа его приняла, и, желая, чтобъ былъ ей супругомъ,
Въ гротѣ глубокомъ его угощала и даже хотѣла
Дать напослѣдокъ ему и безсмертье и вѣчную младость,
Вѣрнаго сердца однако его обольстить не успѣла;
Какъ принесенъ былъ онъ бурей на островъ людей Феакійскихъ,
Съ честью великой его, какъ безсмертнаго бога, принявшихъ;
Какъ наконецъ въ кораблѣ ихъ онъ прибылъ домой, получивши
Множество мѣди и злата и ризъ драгоцѣнныхъ въ подарокъ.
Это послѣднее онъ разсказалъ ужъ въ дремотѣ, и скоро

Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успокоитель сладкій.
Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ свѣтлоокой Паллады:
Вытти изъ водъ Океана велѣла она златотронной
Эосъ, чтобъ свѣтомъ людей озарить; Одиссей пробудился.
Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ онъ разумной супругѣ:
Много съ тобой, Пенелопа, доныне мы бѣдъ претерпѣли
Оба: ты здѣсь обо мнѣ, ожидаемомъ тщетно, крушилась;
Я осужденъ былъ Зевесомъ отцемъ и другими богами
Странствовать, на́долго съ милой отчизной моей разлученный.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми богатствами въ домѣ,
Я же потщусь истребленное буйными здѣсь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами Ахейцы дадутъ, и уплатится весь мой убытокъ.
Надобно прежде однако нашъ садъ плодовитый и поле
Мнѣ посѣтить, чтобъ увидѣть отца, сокрушеннаго горемъ.
Ты жъ безъ меня осмотрительна будь, Пенелопа. Съ восходомъ

Солнца по городу быстро раздастся молва о убійствѣ,
Мной совершенномъ, о гибели всѣхъ жениховъ многобуйныхъ.
Ты удалися съ рабынями вмѣстѣ на верхъ и сиди тамъ
Смирно, ни съ кѣмъ не входи въ разговоръ, никому не являйся.
Кончивъ, на плечи свои онъ накинулъ прекрасную броню,
Сына съ Филотіемъ, съ вѣрнымъ Эвмеемъ позвалъ и велѣлъ имъ
Также Ареево въ руки оружіе взять и облечься
Въ брони; то было исполнено; крѣпкою мѣдью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, изъ воротъ. Восходила
Въ тихомъ сіяніи Эосъ. Аѳина ихъ, мглой окруженныхъ,
Вывела тайно по улицамъ людного города въ поле.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ

Сороковой день.

Души жениховъ, приведенныя Эрміемъ въ Аидъ, встрѣчаютъ тамъ Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедонъ разсказываетъ о погибели жениховъ Агамемнону, который воздаетъ хвалу мужественному Одиссею и благонравной Пенелопѣ. Тѣмъ временемъ Одиссей открывается отцу; за обѣдомъ онъ узнанъ Доліономъ и его сыновьями. Вѣсть о погибели жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежъ. Эвпейтъ ведетъ своихъ сообщниковъ противъ Одиссея. Одиссей остается побѣдителемъ. Между враждующими заключается миръ съ помощью Аѳины.

Эрмій тѣмъ временемъ, богъ Киллинейскій, мужей умерщвленныхъ
Души изъ труповъ безчувственныхъ вызвалъ; имѣя въ рукѣ свой
Жезлъ золотой (по желанью его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у сонныхъ),
Имъ онъ махнулъ, и, столпясь, полетѣли за Эрміемъ тѣни
Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прилѣпленныя — если одна, оторвавшись,
Свалится наземь съ утеса — визжатъ, въ безпорядкѣ порхая:
Такъ, завизжавъ, полетѣли за Эрміемъ тѣни; и велъ ихъ
Эрмій, въ бѣдахъ покровитель, къ предѣламъ тумана и тлѣнья;
Мимо Левкада скалы и стремительныхъ водъ Океана,
Мимо воротъ Геліосовыхъ, мимо предѣловъ, гдѣ боги

Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфодилонскій
Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ.
Первая имъ повстрѣчалася тѣнь Ахиллеса Пелида;
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Телемоновъ,
Бодрый Аяксъ, красотою и мужествомъ браннымъ и силой,
Послѣ Пелеева сына, Ахеянъ другихъ затмѣвавшій.
Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо и грустно
Тѣнь Агамемнона, сына Атреева, тутъ подошла къ нимъ;
Слѣдомъ за ней подошли и всѣ тѣни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамемнона прежде
Всѣхъ обратила: Атридъ, намъ казалось, что Зевсъ громолюбецъ
Болѣ къ тебѣ, чѣмъ къ героямъ другимъ, благосклонствовалъ; имъ ты
Былъ надъ владыками сильными первовластителемъ сдѣланъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли, Ахейцы.
Но и тебѣ повстрѣчать на землѣ предназначено было

Мимо воротъ Геліосовыхъ, мимо предѣловъ, гдѣ боги
Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфодилонскій
Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ.

Страшную Меру, которой никто не избѣгъ изъ рожденныхъ.
О! для чего, окруженный величіемъ, властью и славой,
Ты не погибъ межъ товарищей бранныхъ у стѣнъ Иліона!
Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ насыпанъ Ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы въ наслѣдство оставилъ;
Нынѣ жъ плачевною смертью по волѣ судьбины погибъ ты.
Тѣнь Агамемнона тѣни Пелидовой такъ отвѣчала:
Сынъ Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты завидно былъ счастливъ;
Палъ далеко отъ Аргоса въ Троянской землѣ ты, но пало
Много тобой умерщвленныхъ Троянъ вкругъ тебя и за трупъ твой
Бились Ахейцы славнѣйшіе; ты же, подъ вихрями пыли,
Тихій, огромный и страшный, лежалъ тамъ, забывъ колесничный
Бой; и день цѣлый мы билися всѣ за тебя, и конца бы
Не было битвѣ, когда бы Зевесъ не развелъ насъ грозою.
Вынесши тѣло изъ боя твое, къ кораблямъ возвратились
Съ нимъ мы; его положивши на одръ и водою омывши,

Масломъ натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкругъ бездыханнаго трупа Ахеянъ, свои отъ печали
Волосы рвавшихъ. И съ Нимфами моря изъ бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ея несказанный
По морю крикъ: трепетаніе страха проникло Ахеянъ;
Всѣ всколебались, и всѣ бъ къ кораблямъ убѣжали глубокимъ,
Если бы ихъ не успѣлъ удержать многознающій старецъ
Несторъ, всегда подававшій совѣты разумные; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ товарищамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Стойте, Ахейцы! куда вы бѣжите, Аргивяне? Что васъ
Такъ испугало? То, съ Нимфами моря изъ бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертваго сына увидѣть.
Такъ онъ сказалъ; ободрились Ахейскіе мужи. И трупъ твой
Нимфы прекрасныя, дочери старца морей, окружили
Съ плачемъ, и свѣтлобожественной ризой его облачили;
Музы—всѣ девять—смѣняяся, голосомъ сладостнымъ пѣли

Гимнъ похоронный; никто ихъ Аргивянъ съ сухими глазами
Слушать не могъ сладкопѣнія Музъ, врачевательницъ сердца;
Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей надъ тобой проливали
Горькія слезы безсмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день былъ огню ты торжественно преданъ;
Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ убили
Въ почесть твою; и въ божественной ризѣ, помазанный сладкимъ
Медомъ и мазью душистою, былъ ты сожженъ; и Ахейцы,
Въ мѣдь облачась, у костра, на которомъ сгоралъ ты, кипѣли,
Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя колесницахъ; великій
Говоръ и шумъ былъ; когда же Ифестово пламя пожрало
Трупъ твой, съ восходомъ денницы мы собрали бѣлыя кости,
Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Діонисъ ей, сказала,
Ту подарилъ драгоцѣнную урну, созданье Ифеста.
Нынѣ хранятся въ ней кости твои Ахиллесъ лучезарный,

Вмѣстѣ съ костями Патрокла, погибшаго прежде во брани,
Но далеко отъ костей Антилоха, который тобою,
Послѣ Патрокловой смерти, всѣхъ болѣ Ахеянъ любимъ былъ.
Холмъ погребальный великій надъ нашими урнами былъ тутъ
Ратью святой копьеносныхъ Аргивянъ у свѣтлоширокихъ
Водъ Геллеспонта на брегѣ, впередъ выходящемъ, насыпанъ;
Будетъ далеко онъ на морѣ видимъ пловцамъ мореходнымъ
Нашихъ временъ, и грядущаго времени всѣмъ поколѣньямъ.
Мать же твоя принесла тутъ дары, у боговъ испрося ихъ;
Были цѣною побѣды на играхъ они для Ахеянъ.
Часто бывалъ, Ахиллесъ, ты свидѣтелемъ игръ похоронныхъ,
Въ честь многославныхъ, похищенныхъ смертью, царей и героевъ;
Зрѣлъ ты, какъ юноши, алча вѣнца, снаряжалися къ бою —
Здѣсь же тебя привело бъ изумленіе въ трепетъ при видѣ
Чудныхъ даровъ, среброногой Ѳетидой въ награду побѣды
Намъ отъ боговъ принесенныхъ: ты былъ ихъ избранный любимецъ.

Такъ и по смерти ты именемъ живъ, Ахиллесъ, и навѣки
Слава твоя сохранится во всѣхъ на землѣ поколѣньяхъ.
Мнѣ жъ, послужило ль къ чему окончаніе славное брани?
Страшное Зевсъ приготовилъ мнѣ въ землю отцевъ возвращенье:
Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнуснымъ жены развращенной.
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Тутъ имъ явился, увидѣли, Эрмій Аргусоубійца,
Души въ Аидъ жениховъ, Одиссеемъ убитыхъ, ведущій.
Оба они, изумяся, приблизились къ тѣнямъ; въ густомъ ихъ
Сонмѣ душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славнаго сына, узнала.
Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустнымъ
Словомъ спросила: что сдѣлалось съ вами? Зачѣмъ васъ такъ много
Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную область приходитъ? Никто бы
Лучшихъ не выбралъ, когда бъ надлежало межъ первыми въ градѣ

Выбрать. Въ пучинѣ ли васъ погубилъ Посидонъ съ кораблями,
Бурю пригнавъ и великія волны воздвигнувъ? На сушѣ ль
Врагъ многосильный сразилъ васъ незапно, захваченныхъ въ полѣ,
Гдѣ вы ловили его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Отвѣтствуй; мнѣ гостемъ считался ты въ жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческій домъ посѣтилъ я,
Вызвать спѣша Одиссея, чтобъ съ братомъ моимъ Менелаемъ
Шелъ въ корабляхъ разрушать Иліона могучія стѣны?
Цѣлый мы плавали мѣсяцъ по темноширокому морю
Прежде, чѣмъ былъ убѣжденъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Амфимедонова тѣнь отвѣчала Атридовой тѣни:
Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонъ,
Памятно все мнѣ, о чемъ говоришь ты, питомецъ Зевесовъ.
Если же вѣдать желаешь, тебѣ разскажу я подробно,
Какъ мы погибли, какую намъ смерть приготовили боги.

Спорили всѣ мы другъ съ другомъ о бракѣ съ женой Одиссея;
Въ бракъ не желая вступить, и отъ брака спастись не имѣя
Средства, намъ гибель и смерть замышляла въ душѣ Пенелопа.
Слушай, какую она вѣроломно придумала хитрость.
Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
Тонко-широкую ткань и, собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли Ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,
Факелъ зажегши, сама все, натканное днемъ, распускала.

Три года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла;
Но, когда обращеньемъ временъ приведенный четвертый
Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни пролетѣли —
Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
Такъ и была приневолена нехотя трудъ свой окончить.
Но, лишь, окончивъ свой трудъ принужденный, она напослѣдокъ
Ткань, какъ луна иль какъ солнце блестящую, намъ показала,
Демонъ враждебный незапно привелъ Одиссея въ Итаку;
Въ домъ онъ сначала пришелъ къ свинопасу Эвмею; туда же
Былъ приведенъ и подобный богамъ Телемакъ, совершившій
Свой отъ песчанаго Пилоса путь въ кораблѣ чернобокомъ.
Оба они, тамъ замысливъ ужасную нашу погибель,
Въ городъ вошли многославный; сперва Телемакъ, Одиссеевъ
Сынъ; а за нимъ напослѣдокъ и самъ Одиссей хитроумный;
Онъ приведенъ былъ Эвмеемъ, одѣтый въ убогое платье,

Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плéчи.
Намъ же (и самымъ разумнымъ изъ насъ) не входило ни разу
Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Одиссей, возвратившійся тайно
Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время онъ въ собственномъ домѣ съ великимъ терпѣньемъ,
Молча, сносилъ и швырянье и наши обидныя рѣчи.
Но, ободренный эгидоносителемъ грознымъ Зевесомъ,
Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ всѣ доспѣхи прекрасные собралъ,
Въ дальній покой перенесъ ихъ, и тамъ запертыми оставилъ;
Послѣ, коварнымъ совѣтомъ своимъ, побудилъ Пенелопу,
Страшныя стрѣлы и лукъ Одиссеевъ тугой намъ принесши,
Вызвать насъ бѣдныхъ къ стрѣлянью и къ вѣрной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнѣйшій изъ насъ) не могли непокорный
Лукъ натянуть тетивою: на то недостало въ насъ силы;
Но, когда поднесенъ Одиссею былъ лукъ свинопасомъ,

Всею толпой на него закричали мы, лукъ Одиссеевъ
Въ руки давать запрещая бродягѣ, хотя и просилъ онъ.
Намъ, вопреки, Телемакъ богоравный на то согласился.
Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ испытаніяхъ твердый,
Вмигъ натянулъ тетиву и сквозь кольца стрѣла пролетѣла.
Прянувъ тогда на порогъ, изъ колчана онъ высыпалъ стрѣлы,
Страшно кругомъ озираясь. И былъ Антиной имъ застрѣленъ
Первый; и бѣшено сталъ посылать онъ стрѣлу за стрѣлою;
Не было промаха; падали всѣ умерщвленные; было
Ясно, что кто нибудь помощь ему подавалъ изъ безсмертныхъ.
Бросясь на нашу толпу, онъ по всей разогналъ насъ палатѣ.
Страшное тутъ началося убійство, раздался великій
Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ и дымился затопленный кровью
Полъ. Такъ плачевно погибли мы всѣ, Агамемнонъ. Еще тамъ
Наши лежатъ погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не свѣдалъ еще ни одинъ изъ родныхъ и изъ ближнихъ;

Наши кровавыя раны еще не омыты, еще насъ
Пламень не сжегъ и никто не оплакалъ, и почести нѣтъ намъ.
Амфимедоновой тѣни Атридова тѣнь отвѣчала:
Счастливъ ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбралъ себѣ ты супругу;
Розно съ тобою, себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ
Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ Каменъ сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
Въ руку убійцы супруга предавшей: объ ней сохранится
Страшное въ пѣсняхъ потомковъ; она на всегда посрамила
Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя грустно
Въ темныхъ жилищахъ Аида, въ глубокихъ предѣлахъ подземныхъ.

Тою порой Одиссей и сопутники, вышедъ изъ града,
Поля достигли, которое самъ обработывалъ добрый
Старецъ Лаэртъ съ попеченьемъ великимъ, давно имъ владѣя.
Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду широкимъ навѣсомъ
Домъ окруженъ былъ; и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались
Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ
Спали; была между ими старушка породы Сикельской;
Старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно.
Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ:
Всѣ вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ нашъ ее тамъ зарѣжьте;
Я же къ родителю прямо пойду: испытать я намѣренъ,
Буду ль имъ узнанъ, меня угадаютъ ли старцевы очи,
Или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомцемъ?
Такъ говоря, онъ оружіе отдалъ рабамъ; и поспѣшно
Въ домъ съ Телемакомъ вступили они; Одиссей же направилъ

Путь къ плодоносному саду, тамъ встрѣтить надѣясь Лаэрта.
Въ садъ онъ вступивъ, не нашелъ Доліона, и не было также
Тамъ ни рабовъ, ни дѣтей Доліоновыхъ; посланы были
Всѣ они въ поле терновникъ сбирать для заграды садовой;
Съ ними пошелъ и старикъ Доліонъ указать имъ дорогу.
Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный
Встрѣтилъ; онъ тамъ подчищалъ деревцо; былъ одѣтъ неопрятно;
Платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы
Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ
Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потершейся козьей
Шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя.
Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый.
Онъ притаился подъ грушей, далъ волю слезамъ и, въ молчаньи,
Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ, что сдѣлать:
Вдругъ ли открывшись, ко груди прижать старика и, цѣлуя

Руки его, объявить о своемъ возвращеньи въ Итаку?
Или вопросами вывѣдать все отъ него по немногу?
Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напослѣдокъ, что лучше
Опыту старца притворнообидною рѣчью подвергнуть.
Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту.
Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыкой.
Близко къ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный:
Старецъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ;
Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься
Деревѣ; смоквы, оливы и груши и сочные грозды
Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя — все здѣсь въ приборѣ.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старецъ, что самъ о себѣ ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечистъ, ты одѣтъ неопрятно; ужъ вѣрно
Твой господинъ до тебя такъ недобръ не за лѣность къ работѣ.
Самъ же ты образомъ вовсе не сходенъ съ рабомъ подчиненнымъ;

Царское что-то и въ видѣ и станѣ твоемъ нахожу я;
Болѣ подобенъ ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спитъ на роскошной постелѣ, какъ всякому старцу прилично.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
Кто господинъ твой? За чьимъ плодоноснымъ ты садомъ здѣсь смотришь?
Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Вправду ль на островъ Итаку я прибылъ, какъ это сказалъ мнѣ
Кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ сюда повстрѣчавшій?
Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ; со мной разговора
Весть не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта, когда я о гостѣ,
Нѣкогда принятомъ мною, его распросить попытался:
Живъ ли и здѣсь ли еще, иль ужъ въ область Аида сошелъ онъ?
Вѣдать ты долженъ, и выслушай то, что скажу я: давно ужъ
Мнѣ угощать у себя посѣтившаго домъ мой случилось
Странника; много до тѣхъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ ближнихъ
Странъ приходило ко мнѣ; но такой между ими разумный

Мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки,
Аркезіада Лаэрта, молвою хвалимаго, сыномъ.
Принялъ я въ домѣ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ
Онъ съ дружелюбною роскошью—много запасовъ имѣлъ я
Въ домѣ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи:
Золота далъ я отличной доброты семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную чашу, вѣнчанную чудно цвѣтами,
Съ нею двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать широкихъ вседневныхъ
Мантій и къ верхнимъ двѣнадцати ризамъ двѣнадцать хитоновъ;
Кромѣ того подарилъ четырехъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Были онѣ молодыя, красивыя; самъ онъ ихъ выбралъ.
Крупную старецъ слезу уронивъ, отвѣчалъ Одиссею:
Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ желаешь
Свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли недобрые люди.
Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки;
Если бъ въ Итакѣ живымъ своего ты давнишняго гостя

Встрѣтилъ, тебя отдарилъ бы онъ такъ же богато, принявши
Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ друга дарили.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
Сколько съ тѣхъ поръ миновалося лѣтъ, какъ въ своемъ угощалъ ты
Домѣ несчастнаго странника? Странникъ же этотъ былъ сынъ мой,
Сынъ Одиссей — злополучный! быть можетъ, далеко отъ милой
Родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ морской иль на сушѣ
Птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотояднымъ достался въ добычу;
Матерью не былъ онъ, не былъ отцемъ погребенъ и оплаканъ;
Не былъ и дорогокупленной, вѣрной женой Пенелопой
Съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла
Милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ ты прибылъ въ Итаку?
Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чужимъ, какъ попутчикъ,

Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здѣсь оставя, отплылъ онъ?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Если ты знать любопытствуешь, все разскажу по порядку;
Я родился въ Алибантѣ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ;
Полипимо́нидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой;
Имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязненный Демонъ
Противъ желанья меня, отъ Сиканіи плывшаго, бросилъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ.
Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ поръ ужъ пять совершилось
Лѣтъ, какъ, мое посѣтивши отечество, сынъ твой пустился
Въ море. Ему жъ при отплытіи счастливый путь предсказали
Птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ нимъ разлучился;
Весело поплылъ и онъ; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, другъ другу подарками радуя сердце.
Такъ говорилъ Одиссей; и печаль отуманила образъ
Старца; и, прахомъ наполнивши горсти, свою онъ сѣдую

Голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ глубокимъ, осыпалъ.
Сердце у сына въ груди повернулось и, спершись, дыханье
Кинулось въ ноздри его—онъ сраженъ былъ родителя скорбью.
Бросясь къ нему, онъ, его обхватя и цѣлуя, воскликнулъ:
Здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей боговъ возвратившійся въ землю отцевъ черезъ двадцать
Лѣтъ; воздержись отъ стенаній, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже
Въ домѣ моемъ истребилъ я ужъ всѣхъ жениховъ многобуйныхъ,
Мстя имъ за всѣ беззаконія ихъ и за наши обиды.
Кончилъ. Лаэртъ изумленный отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся въ домъ свой —
Вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомнѣнье.
Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Прежде тебѣ укажу я на этотъ рубецъ; мнѣ поранилъ
Ногу, ты помнишь, клыкомъ кабанъ разъяренный на Парнассѣ;

Былъ же туда я тобою и милой матерью посланъ
Къ Автоликону, отцу благородному матери, много
(Насъ посѣтивъ) посулившему дать мнѣ богатыхъ подарковъ.
Если жъ желаешь, могу я тебѣ перечесть и деревья
Въ садѣ, которыя ты подарилъ мнѣ, когда я однажды,
Бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ по дорожкѣ.
Самъ ты, деревья даря, поимянно мнѣ каждое назвалъ:
Далъ мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣтившихся, десять отборныхъ
Яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ пятьдесятъ виноградныхъ
Лозъ обѣщалъ, приносящихъ весь годъ многосочные грозды;
Крупныя жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой иль пурпурный,
Блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благодатью Зевеса.
Такъ онъ сказалъ. Задрожали колѣна и сердце у старца;
Всѣ сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ,
Милаго сына онъ обнялъ, потомъ обезпамятѣлъ; въ руки
Принялъ его, всѣхъ лишеннаго силъ, Одиссей богоравный;

Но напослѣдокъ, когда возвратились и память и силы,
Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ:
Слава Зевесу отцу! существуютъ еще на Олимпѣ
Мстящіе боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется въ градѣ
Скоро мятежъ, и сюда соберется народъ, и съ ужасной
Вѣстью гонцы разошлются по всѣмъ городамъ Кефаленскимъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ.
Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда;
Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ съ старымъ Эвмеемъ
Прямо послалъ, имъ велѣвъ приготовить обѣдъ намъ обильный.
Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой
Сынъ и отецъ; и, когда напослѣдокъ вступили въ красивый
Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ, состряпавъ
Пищу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки вино разливали.

Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омывши, рабыня
Старцево тѣло его благовоннымъ елеемъ натерла,
Чистою мантіей плечи его облекла; а Аѳина,
Тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ,
Сдѣлался тѣломъ полнѣй и лицу придала моложавость.
Вышелъ изъ бани онъ свѣтелъ. Отца подходящаго видя,
Сынъ веселился его красотою, божественно чистой.
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
О родитель! конечно одинъ изъ боговъ Олимпійскихъ
Такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ выпрямилъ станъ твой!
Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвѣчалъ многославный:
Если бъ — о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина! —
Былъ я таковъ, какъ въ то время, когда съ Кефаленскою ратью
Нериконъ градъ на утесѣ земли матерой ниспровергнулъ,
Если бы въ домѣ вчера я такимъ предъ тобою явился,
Броню надѣлъ на плеча и, тебѣ помогая, ударилъ

Вмѣстѣ съ тобой на толпу жениховъ — сокрушилъ бы колѣна
Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцемъ, веселился.
Такъ говорили они, собесѣдуя сладко другъ съ другомъ.
Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ приготовивъ, и сѣвши
Вмѣстѣ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и стульяхъ,
Весело подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
Скоро съ работы пришелъ и старикъ Доліонъ съ сыновьями;
Звать ихъ за столъ къ нимъ на встрѣчу рабыня Сикельская вышла.
(Всѣхъ сыновей воспитала она, а за старымъ отцемъ ихъ,
Слабымъ отъ лѣтъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ домѣ пеклася).
Въ двери столовой вступивши, при видѣ нежданнаго гостя,
Всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мѣста.
Ласково къ нимъ обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:
Что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; удивленье
Ваше оставивъ, обѣдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы
Здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобы вы возвратились съ работы.

Такъ онъ сказалъ. Доліонъ, подбѣжавъ къ своему господину,
Руки его цѣловать съ несказанною радостью началъ;
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
Здѣсь наконецъ ты, нашъ милый, желанный! Увидѣть намъ дали
Боги тебя — а у насъ ужъ въ душѣ и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будутъ съ тобою!
Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину вѣдать,
Далъ ли уже ты разумной супругѣ своей Пенелопѣ
Знать о своемъ возвращеньи? Иль вѣстника должно послать къ ней?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Сказано все ей, старикъ; не заботься объ этомъ напрасно.
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Доліонъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ. Его сыновья, своему поклонясь господину,
Съ словомъ привѣтливымъ руку пожали ему и обѣдать
Сѣли съ другими за столъ близъ отца своего Доліона.
Такъ пировали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта.

Осса тѣмъ временемъ съ вѣстью ходила по улицамъ града,
Страшную участь и лютую смерть жениховъ разглашая;
Всѣ взволновалися жители града; великой толпою
Съ ропотомъ, съ воплемъ сбѣжался народъ къ Одиссееву дому;
Вынесли мертвыхъ оттуда; однихъ схоронили; другихъ же
Въ домы семейные ихъ по инымъ городамъ разослали,
Трупы развесть поручивъ рыбакамъ на судахъ быстроходныхъ.
На площадь стали потомъ всѣ печально сбираться; когда же
На площадь всѣ собрались и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Первое слово къ народу Эвпейтъ обратилъ благородный;
Въ сердцѣ о сынѣ своемъ, Антиноѣ прекрасномъ, который,
Первый застрѣленный, первою жертвою былъ Одиссея,
Онъ сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
Граждане милые, страшное зло Одиссей намъ Ахейцамъ
Всѣмъ приключилъ. Благороднѣйшихъ нѣкогда въ Трою увлекши
Вслѣдъ за собой, корабли и сопутниковъ всѣхъ погубилъ онъ;

Нынѣ жъ, домой возвратясь, умертвилъ Кефаленянъ знатнѣйшихъ.
Братья, молю васъ — пока изъ Итаки не скрылся онъ въ Пилосъ
Или не спасся въ Элиду, священную землю Эпеянъ —
Выдти со мной на губителя; иначе стыдъ насъ покроетъ;
Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ
Здѣсь не отмстимъ. Для меня же, скажу, ужъ тогда нестерпима
Будетъ и жизнь; и за ними погибшими въ землю сойду я.
Нѣтъ! не допустимъ, граждане, ихъ праведной кары избѣгнуть.
Такъ говорилъ онъ, печальный, и всѣхъ состраданье проникло.
Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ Одиссеевомъ домѣ
Ночь ту проведшіе, вставши отъ сна, предъ народнымъ собраньемъ
Оба явились; при видѣ ихъ каждый пришелъ въ изумленье.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ имъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, граждане Итаки; не противъ
Воли Зевесовой такъ поступилъ Одиссей благородный;

Видѣлъ я самъ, какъ одинъ изъ безсмертныхъ боговъ Олимпійскихъ
Тамъ появился незапно, облекшійся въ Менторовъ образъ;
Онъ, всемогущій, то, стоя предъ нимъ, возбуждалъ въ Одиссеѣ
Бодрость, то, противъ толпы жениховъ обращаясь, гонялъ ихъ
Трепетныхъ изъ угла въ уголъ и всѣ другъ на друга валились.
Такъ онъ сказалъ имъ и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ.
Выступилъ тутъ предъ народъ Галиѳердъ многоопытный старецъ,
Сынъ Масторовъ; грядущее онъ, какъ минувшее, вѣдалъ;
Съ мыслью благой обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась бѣда роковая;
Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣры, когда мы
Во́время васъ убѣждали унять сыновей безразсудныхъ,
Много себѣ непозволенныхъ дѣлъ позволявшихъ, губившихъ
Домъ Одиссеевъ и злыя обиды нанесшихъ супругѣ
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вѣчно.

Вотъ вамъ теперь мой совѣтъ; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здѣсь, чтобъ бѣды на себя не накликать
Злѣйшей. Сказалъ; половина большая собранья съ свирѣпымъ
Воплемъ вскочила; покойно на мѣстѣ остались другіе.
Тѣ жъ, негодуя на рѣчь Галиѳердову, вслѣдъ за Эвпейтомъ
Бросились шумнонеистовымъ сонмомъ готовиться къ бою.
Всѣ, облачившися въ крѣпкія мѣдноблестящія брони,
За̀ городъ вышли и тамъ собралися великой толпою.
Ихъ предводитель Эвпейтъ, обезумленный горемъ великимъ,
Мнилъ, что за сына отмститъ; но ему не назначено было
Въ домъ свой опять возвратиться: его стерегла ужъ судьбина.
Тутъ свѣтлоокая Зевса Кроніона дочь обратила
Слово къ отцу и сказала: Кроніонъ, верховный владыка,
Мнѣ отвѣчай вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирѣпокровавую сѣчу
Здѣсь воспалить? Иль противникамъ миромъ велѣть сочетаться?

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь;
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубитъ
Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сдѣлать теперь, то и сдѣлай. Мои же тебѣ я открою
Мысли: отмстилъ женихамъ Одиссей богоравный — имѣлъ онъ
Право на то; и царемъ онъ останется; клятвой великой
Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ
Въ жертву забвенію мы предадимъ; и любовь совокупитъ
Прежняя всѣхъ; и съ покоемъ обиліе здѣсь водворится.
Кончивъ, велѣлъ онъ итти нетерпѣньемъ горѣвшей Аѳинѣ.
Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа шагнула богиня.
Тѣ же, насытяся вдоволь, обѣдъ свой окончили. Голосъ
Свой Одиссей тутъ возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
Должно, чтобъ кто нибудь вышелъ теперь посмотрѣть: не идутъ ли?
Такъ онъ сказалъ, и одинъ изъ младыхъ сыноновей Доліона

Въ двери пошелъ; но съ порога дверей, подходящихъ увидя,
Громко воскликнулъ и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросилъ: Идутъ! поспѣшите! Оружіе въ руки! ихъ много!
Всѣ побѣжали немедля и въ крѣпкія брони одѣлись;
Былъ Одиссей самъ четвертъ; Доліоновы стали съ нимъ рядомъ
Шесть сыновей. И Лаэртъ съ Доліономъ оружіе также
Взяли—сѣдые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Всѣ совокупно, облекшися въ мѣдноблестящія брони,
Вышли они, Одиссей впереди, изъ дверей. Къ Одиссею
Тутъ подошла свѣтлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина;
Радостью былъ онъ проникнутъ, ее предъ собою увидя.
Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
Другъ Телемакъ, наступила пора и тебѣ отличиться
Тамъ, гдѣ, сражаясь, великою честью себя покрываетъ
Страха незнающій мужъ. Окажися достойнымъ породы

Бодрыхъ отцевъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.
Кротко отцу отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Самъ ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрыхъ отцевъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.
Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Лаэртъ вдохновенно воскликнулъ:
Добрые боги, какой вы мнѣ день даровали! О радость!
Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой другъ съ другомъ о храбрости спорятъ!
Дочь многосильная Зевса, къ нему подошедши, сказала:
Бодрый Аркезіевъ сынъ, изъ товарищей всѣхъ мнѣ милѣйшій,
Въ помощь призвавши Зевеса-отца и Аѳину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотѣнное брось на удачу.
Слово ея пробудило отважность великую въ старцѣ;
Онъ, помоляся владыкѣ Зевесу и грозной Палладѣ,
Вышелъ впередъ и копье длиннотѣнное бросилъ, не цѣлясь.
Въ мѣдноланитный Эвпейтовъ шеломъ онъ попалъ и, защиту
Мѣди пробивши, расколонный черепъ копье просадило;

Грянулся навзничь Эвпейтъ, и на немъ загремѣли доспѣхи.
Тутъ на переднихъ ударя самдругъ, Одиссей съ Телемакомъ
Начали быстро разить ихъ мечемъ и копьемъ; и погибли
Всѣ бы они, и домой ни одинъ не пришелъ бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спѣша отвратить отъ народа:
Стойте! уймитесь отъ бѣдственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!
Такъ возопила Аѳина; всѣ схвачены трепетомъ блѣднымъ
Были они и, оружіе въ страхѣ изъ рукъ уронивши,
Пали на землю, сраженные крикомъ богини громовымъ;
Въ бѣгство потомъ обратясь, устремились, спасаяся, въ городъ.
Громко тогда завопивъ, Одиссей, непреклонный въ напастяхъ,
Кинулся бурно преслѣдовать ихъ, какъ орелъ поднебесный.
Но громовою стрѣлою Кроніона вдругъ раздвоилось
Небо и ярко она предъ Аѳиной ударила въ землю.

Дочь свѣтлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи отъ пролитія крови, иль будетъ
Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ.
Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился.
Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укрѣпила
Жертвой и клятвой великой пріявшая Менторовъ образъ
Свѣтлая дочь громовержца богиня Аѳина Паллада.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА ОДИССЕИ.

Стран.

Пѣснь XIII 1
Пѣснь XIV 33
Пѣснь XV 71
Пѣснь XVI 111
Пѣснь XVII 147
Пѣснь XVIII 191
Пѣснь XIX 223
Пѣснь XX 265
Пѣснь XXI 295
Пѣснь XXII 327
Пѣснь XXIII 363
Пѣснь XXIV 391

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
881 H8O.RZH C001 v.1-2
Osiddela¡ Gomera /
3 0112 093285986